

ПОЭЗИЯ В БОЛЬШЕВИСТСКИХ
ИЗДАНИЯХ 1901-1917

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

ПОЭЗИЯ

**В БОЛЬШЕВИСТСКИХ
ИЗДАНИЯХ**

1901-1917

**БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА**

На память дорогому
Петру Алексеевичу
Щурову

В. Семёновская
1го ноября 1967г.

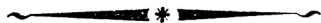

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

*В. Н. Орлов (главный редактор), В. Г. Базанов,
Б. И. Бурсов, Б. Ф. Егоров (зам. главного редактора),
В. М. Жирмунский, В. О. Перцов, А. А. Прокофьев,
А. А. Сурков, А. Т. Твардовский, Н. С. Тихонов,
И. Г. Ямпольский*

*Большая серия
Второе издание*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

ПОЭЗИЯ
В БОЛЬШЕВИСТСКИХ
ИЗДАНИЯХ
1901—1917

*Вступительная статья, составление,
подготовка текста и примечания
И. С. Эвентова*

Книга составлена из стихотворений, которые печатались в листовках, брошюрах и газетах (легальных и нелегальных), а также в литературно-художественных сборниках и журналах, выпускавшихся большевистской партией до Октября 1917 года. Среди авторов стихотворений — видные деятели партии (А. Луначарский, В. Куйбышев, М. Фрунзе, П. Лепешинский, Л. Красин, В. Невский, Г. Кржижановский), известные литераторы (Л. Радин, Д. Бедный, С. Есенин, А. Малышкин, А. Гастев, И. Садофьев, М. Герасимов, Д. Цензор и другие), а также рядовые участники революционного движения.

В сборнике приводятся краткие биографии авторов, а также справки о периодических изданиях.

ПАРТИЯ, ПОЭЗИЯ, ПЕЧАТЬ

1

Берем в руки пожелтевший от времени печатный листок. Края его оборваны, буквы стерлись, из первых шести строк можем прочесть только две:

Низко мы шею сгибали,
Каторжный труд нас давил,
. сняли
.
. ночи
. дни!

Другого экземпляра нигде нет — листки выпускались в подполье, передавались из рук в руки тайным путем; случайно уцелевший, он стал архивной реликвией, и по нему мы пытаемся прочесть одну из первых страниц революционной поэзии в изданиях русских марксистов. Листок этот был выпущен Екатеринославским комитетом РСДРП в год рождения партии (1898). Легко прочитываются в нем лишь последующие строки, которые и дают возможность понять его содержание:

Ждали защиты от неба,
Холодно небо к мольбе.
«Братя, для счастья и хлеба
Сами сплотимся в борьбе!»

Прокламация в стихах — явление не редкое в истории марксистской печати. Еще не было партийных газет и журналов, под маркой партии не выходили еще брошюры и книги, а печать уже суще-

ствовала (на гектографах и плоских машинах размножались листки), и непременным ее спутником была поэзия. Текст, напечатанный на узкой полоске бумаги, начинался нередко четверостишием из революционной песни или из сочинения известного поэта. В других случаях слова пропагандиста перемежались стихами (в большевистских прокламациях цитировались А. Пушкин, К. Рылеев, Т. Шевченко, Н. Некрасов, Г. Гейне, Э. Потье) или весь текст — как отпечатанный в Екатеринославе — состоял из стихов. Такие листовки выпускались в Петербурге, Киеве, Николаеве, Одессе, Нижнем Новгороде, Москве, Ревеле и других городах.

Этому виду агитации партия придавала большое значение, учитывая его действенность и общедоступность. По утверждению одного из старейших поэтов-большевиков А. А. Богданова, «действие прокламаций, листовок, где просто, правдиво и горячо, без всяких маскировок и сокрытий рассказывалось о самом главном и нужном в жизни, об эксплуатации, насилиях, борьбе, — можно сравнить только с действием разрывного патрона, заложенного в горную породу. . .»¹

Разумеется, взгляд партийных деятелей на поэзию не был узкоутилитарным. Поэзия рассматривалась не только как орудие агитации, но и как средство духовного воспитания масс. Народ приобщался к искусству, ибо это отвечало его живейшим потребностям. Важно было отобрать из старого искусства наиболее ценное, передовое, заслуживающее широкой популяризации, и всячески поддерживать искусство новое, выражающее чувства и переживания масс. Такой широкой задачи, конечно, не могли выполнить печатные листки, рассчитанные на короткое, мгновенное действие и преследующие, главным образом, цели непосредственной агитации. Вот почему среди русских марксистов, задолго до возникновения партии, родилась мысль об издании специальных поэтических сборников для рабочих, которые объединили бы лучшие произведения революционной поэзии, созданные в России и за рубежом.

Впервые такой сборник был задуман членами группы «Освобождение труда», возглавленной Г. В. Плехановым. Занимаясь пропагандой марксизма, эта группа выпускала брошюры и книги, в числе которых и должен был выйти в Женеве (на русском языке) сборник стихотворений «Песни труда». Удалось, однако, отпечатать лишь первый лист,² остальное бесследно пропало. Но известное

¹ Из неопубликованной статьи «Революционная кустарщина (Штрихи)», хранящейся у Н. А. Поссе.

² Хранится в Архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

представление об этой книге дает предисловие, написанное в 1885 году Г. В. Плехановым и опубликованное посмертно. В нем цитируются — с указанием на их присутствие в сборнике — стихи Г. Гейне, Н. Некрасова и народовольца Н. Морозова («Тюремные видения»). Главное же, о чем говорит статья, — необходимость создать новую революционную поэзию пролетариата.

В искусстве, напоминает автор, отражается внутренний мир не только отдельного человека, но и целых общественных групп. Рабочий класс должен иметь поэзию, которая отразила бы мир его чувств, стремлений и надежд. «Рядом с недовольством настоящим, — замечал Плеханов, обращаясь к рабочим, — в вас будет расти вера в то великое будущее, которое открывается теперь перед рабочим классом всех цивилизованных стран. И эта вера также отразится в вашей поэзии; она-то и сделает ваши песни громкими, могучими и гордыми, как победный клич всеобщей свободы, истинного равенства и нелицемерного братства».¹

О поэзии пролетарского социализма Плеханов говорил как об искусстве будущего: живых образцов новой поэзии в его руках еще не было, и сборник — как сообщается в предисловии — получился небольшим. Кроме трех названных поэтов в нем фигурировал еще Томас Гуд.

С возникновением в России социал-демократической партии вопрос об издании сборника революционной поэзии был поставлен снова, но уже на более широкой основе. Книга должна была познакомить читателя с поэзией освободительной борьбы, не ограничиваясь литературой прошлого, — захватывая и современный период. Наряду с Н. Некрасовым, Н. Добролюбовым, П. Шелли, Т. Гудом, Г. Гейне, наряду с поэтами народовольческого призыва, здесь решено было представить М. Горького, Л. Радина, А. Богданова, Г. Кржижановского и злободневный революционный фольклор.

Как только партия наладила за границей выпуск общерусской марксистской газеты, у нее появился издательский центр. Литераторам, сгруппировавшимся вокруг ленинской «Искры», и принадлежит честь издания первых сборников поэзии, отразивших новый этап революционного движения в России. Подготовка этих книг началась в 1901 году, выпущены они были в 1902—1905 годах.

Пробным камнем явился небольшой сборничек «Песни революции», изданный типографией «Искры» в Женеве летом 1902 года. Его нелегально перебросили через границу и с помощью искровской агентуры распространили по всей России. Сборник содержал всего

¹ Г. В. Плеханов, Искусство и литература, М., 1948, с. 485.

четыре песни с нотным сопровождением («Варшавянка», «Красное знамя», «Смело, товарищи, в ногу...» и «Отречемся от старого мира...»), причем экземпляры его послужили источником для дальнейшего распространения песен: в начале 1903 года, как явствует из описи документов, изъятых при полицейских обысках в России, наряду с брошюрой «Песни революции» имели хождение гектографированные издания тех же песен с зашифрованными заглавиями.

Следы оживленной переписки, которую вел партийный центр за границей с русскими организациями по поводу этого сборника, сохранились в письмах-шифровках, ставших достоянием архивов. Н. К. Крупская, которая по поручению В. И. Ленина вела эту переписку в Женеве, сообщала своим русским корреспондентам: «...Песни (пока 4) выйдут на днях...». «Новые издания Лиги: ¹ «Искра» № 21-й, «Песни революции» (с нотами)...». «Песни уже напечатаны, вышлем по адресу для конвертов...» ² Среди полученных в том же, 1902 году писем из России — ряд требований на «Искру», книгу В. И. Ленина «Что делать?» и сборник «Песни революции». 1 декабря 1902 года в корреспонденции из России, опубликованной «Искрой», сообщалось: «...Нередко в деревне можно услышать хоровое пение из этого сборника... Лишний раз придется убедиться, какое могучее средство воздействия имеет на массу революционная песня. Она всегда проложит дорогу листку, брошюре, книге...»

Пока ходила по рукам женевская брошюра, партийный центр готовил новое, на сей раз обширное издание революционных песен и стихотворений — «Песни борьбы».

Сборник этот состоит из четырех разделов, в которые вошло 71 произведение. Первый раздел — «Из мотивов труда и борьбы» — сформирован почти целиком из сочинений классиков и поэтов народовольческого поколения (П. Якубовича, Н. Морозова, С. Синегуба и др.), второй раздел — из революционных песен, также частично принадлежащих поэтам 70—80-х годов (Г. Мачтет, Д. Клеменц, П. Лавров), в двух же остальных преобладает поэзия современная: здесь «Песня о Буревестнике» М. Горького, «Опричники не умерли...» А. Богданова, фабричная «Камаринская», сложенная на Морозовской мануфактуре, сатирическая «Сказка о попе и черте», рисующая каторжные условия труда рабочих, и целый ряд откликов

¹ Лига русских социал-демократов в Женеве.

² Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Цит. по кн.: С и м. Д р е й д е н, Музыка — революции, М., 1966, с. 11.

на политические события (прием царем депутации земств, отлучение Л. Толстого от церкви, отдача студентов в солдаты, разгон демонстрации перед Казанским собором и т. п.). Последний раздел, содержащий большинство этих откликов, так и назван: «Из весенних мотивов 1901 года». Это был живой поэтический отзвук на то, что происходило в России (книга была отпечатана женеvской типографией в том же году, что и «Песни революции»). Ряд стихотворений был специально написан для этого сборника, о чем свидетельствует один из его участников, А. Богданов.

«Стихи, — вспоминает он, — должны были удовлетворять следующим требованиям: 1) быть правдиво-художественными, 2) доступными для масс и 3) агитационно-политическими, подчеркивая необходимость борьбы с царизмом».¹

Становясь, таким образом, организатором литературного процесса, партия стремилась к тому, чтобы творчество поэтов было максимально приближено к массам. Условием этой массовости, народности был принцип жизненной правды, достигаемый глубиной и ясностью социального содержания, красочностью формы и доступностью языка. В какой степени произведения, о которых идет речь, отвечали этим требованиям — вопрос иной (мы на нем остановимся дальше), но важен самый принцип формирования новых литературных явлений, который выдвигался и поддерживался партийной печатью.

Тот же принцип был положен в основу подбора новых стихотворений для наиболее крупного сборника революционной поэзии, изданного в начале века, — «Перед рассветом».

Его история такова. Осенью 1901 года при попытке перехода русской границы была задержана В. М. Величкина, социал-демократка, жена видного издательского работника партии В. Д. Бонч-Бруевича. Ее доставили в Петербург и заключили в тюрьму. Находясь в камере, Величкина потребовала карандаш и тетрадь «для письменных занятий». Вынужденный досуг она решила использовать для составления плана обширного поэтического сборника, который намеревалась — по выходе из тюрьмы — издать за границей. В тетрадь были занесены название книги и заглавия примерно пятидесяти стихотворений, большинство которых Вера Михайловна знала наизусть. Тексты ряда произведений также были занесены в тетрадь. Все эти записи ей удалось прихватить с собой, когда по ходатайству влиятельных лиц департамент полиции распорядился вы-

¹ А. Богданов, Стихи и революция. — «Литературная газета», 1934, 5 мая.

слать ее за пределы России. Добравшись на товарно-пассажирском пароходе до Лондона, она возобновила там работу над сборником, завершив ее осенью 1902 года в Женеве. При этом в текст было внесено дополнительно 40 стихотворений, позаимствованных из русских социал-демократических изданий за рубежом или полученных в рукописях у поэтов (В. Богораза, А. Богданова, А. Коца). Составив сборник, Величкина обратилась в редакцию «Искры» с просьбой обсудить его. Члены редакции собирались на квартире у Бонч-Бруевича, где Вера Михайловна читала стихи вслух.

«На фоне чтения этих стихотворений, — вспоминает Бонч-Бруевич, — у нас завязались литературно-критические споры о различных авторах, чьи стихи мы помещали в этом сборнике. Споры разгорались. Эскурсы в область литературы и критики делались все более глубокие и обширные... Про наши дискуссии узнали в колонии, и к нам шли и шли все новые и новые слушатели, так что наша маленькая квартира в пансионе Моргарт не могла вместить всех желающих... Г. В. Плеханова особенно радовало то, что он «неожиданно для себя», как сказал он, открыл такой глубокий интерес у многих его сотоварищей к вопросам литературы и искусства и такие серьезные знания в этих областях».¹

Сборник в составе 88 стихотворений (Н. Огарева, Н. Некрасова, Н. Добролюбова, М. Михайлова, А. Ольхина, В. Фигнер, Н. Морозова и ряда современных поэтов, в числе которых — М. Горький, Скиталец, Л. Радин) был одобрен редакцией «Искры» и отправлен в типографию. Из-за того, что типография была загружена материалами ко Второму съезду партии, а после съезда оказалась в руках меньшевиков, выпуск книги задержался. Она увидела свет лишь в 1905 году. Значительная часть ее десятитысячного тиража была нелегально переправлена в Россию и очень быстро разошлась (кто-то из русских эмигрантов, положившись на «конституционные свободы», объявленные в России, послал один экземпляр на родину почтовой бандеролью; последняя была тотчас же схвачена цензурой, а книга занесена в разряд «запрещенных»).

Женевские сборники революционной поэзии послужили образцом для партийных издательств в России, начавших свою деятельность в 1905 году. По заданию петербургской организации партии музыкант-большевик Д. А. Черномордилов подготовил «Первый сборник революционных песен» (в него вошло десять произведений — тексты и ноты), который был отпечатан нелегально в типографии

¹ Вл. Бонч-Бруевич, Женевские воспоминания. — «Октябрь», 1928, № 12, с. 160.

Петербургского комитета; на его титульном листе обозначено вымышленное издательство «Вещего баяна». Эта мистификация помогла, и книгу удалось распространить не только через полулегальный склад большевистских изданий, но и через популярный нотный магазин Скимунта на Невском проспекте: там распродали тысячу экземпляров.

В Саратове комитет РСДРП переиздал в 1905 году женевский сборник «Песни борьбы» на гектографе (753 экземпляра), а спустя год — типографским путем (500 экземпляров). Произведения революционной поэзии в эти годы печатались также под грифом Центрального, Московского, Латышского, Воронежского, Закавказского, Костромского комитетов РСДРП.

В тот же период была сделана первая попытка выпустить отдельный авторский сборник. Этим занялось большевистское издательство «Вперед», обосновавшееся на Караванной улице в Петербурге. Выбор пал на произведения А. Я. Коца, автора русского текста «Интернационала». В целях конспирации имя поэта в книге не указано (вместо фамилии стоял сокращенный псевдоним «Д—н»), а издательство обозначено другое — «Наш голос», так называлась одна из подставных фирм, под маркой которых большевики выпускали свою литературу.¹ В конце 1906 года типография «Лурье и К^о», помещавшаяся на Гороховой улице, отпечатала эту книгу под названием «Песни пролетариев», но тираж был тотчас же конфискован.

«В небольшой брошюре одиннадцать стихотворений революционного содержания, — доносил чиновник Петербургского комитета по делам печати. — Призыв к изменническим и бунтовщицким деяниям вполне определенно звучит в стихотворениях «Клятва», «Песнь пролетариев», «Интернационал», «Расправа», «Я слышу звук его речей», «Гимн свободе». Брошюра подлежит аресту и судебному преследованию по п. 1 ст. 129».² 21 декабря уголовный департамент Петербургской судебной палаты утвердил арест сборника, и весь тираж его был уничтожен.³

¹ См.: В. Бонч-Бруевич, Большевистские издательские дела в 1905—1907 годах. — «Красная летопись», 1931, № 4, с. 53.

² Центральный государственный исторический архив СССР. Фонд Петербургского комитета по делам печати.

³ Один экземпляр, уцелевший случайно, находится в библиотеке Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Тем временем большевики успели развернуть в России большую сеть периодических изданий. Если раньше они насчитывались единицами и наиболее крупные из них («Искра», «Заря») выходили за рубежом, то в 1905 году в одних только городах России печаталось 40 изданий, а в 1906 году — 65. И хотя все они существовали под цензурным гнетом и нередко «прихлопывались» на первых номерах, они делали свое пропагандистское дело. А в пропаганде революционных идей активнейшее участие принимали поэты. На страницах большевистской периодики со стихами выступали А. Луначарский, Е. Тарасов, А. Богданов, Е. Нечаев, П. Эдиет, многие безвестные авторы, имена которых до сих пор не раскрыты, и целый ряд поэтов, не принимавших участия в социал-демократическом движении, но сочувствовавших освободительной борьбе.

В этот период большевистская партия окончательно выработала свою литературную программу, элементы которой проявлялись ранее в практической работе редакторов и публицистов, литераторов и поэтов.

Программа эта была сформулирована в статье В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература», появившейся 13 ноября 1905 года на столбцах газеты «Новая жизнь». Принцип партийности, изложенный в этой статье, включал в себя прежде всего понятие идейного содержания творчества, в основе которого должны лежать «не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся» и которое должно быть адресовано «не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения «верхним десяти тысячам», а миллионам и десяткам миллионов трудящихся. . .»¹ Речь шла, иными словами, о социальном предназначении литературы, о ее народности, а также об языковом и художественном богатстве, ибо важным условием ее развития Ленин считал «обеспечение большего простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию».²

Принцип партийности не исключал сотрудничества в большевистских изданиях и литераторов, не состоящих в партии, даже более — далеких от практической революционной работы. Если произведение литератора соответствовало духу партийной газеты и помогало делу борьбы с социальным гнетом, с полицейским наси-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, с. 104.

² Там же, с. 101.

лием, — такое произведение печаталось наряду с сочинением партийного публициста или пролетарского писателя. Сектантское отношение к интеллигенции, а в особенности к людям искусства, было глубоко чуждо большевикам, и Ленин предостерегал от него еще в 1900 году, когда составлял программное извещение о выходе «Искры»:

«Мы обращаем свой призыв не только к социалистам и сознательным рабочим. Мы призываем также всех, кого гнетет и давит современный политический строй, мы предлагаем им страницы наших изданий для разоблачения всех гнусностей русского самодержавия». ¹

В свете этих слов становится понятным факт сотрудничества в большевистских изданиях 1905—1906 годов, наряду с поэтами-коммунистами и рабочими, литераторов, принадлежавших к декадентскому лагерю, а также писателей, не примыкавших ни к политическим, ни к художественным группировкам. Поскольку эти писатели в данный период времени (а часть из них и позднее, до самого Октября) сочувствовали революционным идеям и помогали разоблачать «гнусности русского самодержавия», печать большевиков поддерживала их и публиковала их сочинения.

Существует мнение, будто В. И. Ленин, став осенью 1905 года редактором газеты «Новая жизнь» (которую до его приезда в Петербург большевики издавали совместно с Н. Минским), «покончил» с участием декадентов в газете. Это мнение не соотносится с фактами. После приезда Владимира Ильича Н. Минский был действительно отстранен от редактирования «Новой жизни»; но его участие в газете как стихотворца и сотрудничество в ней других, близких ему поэтов не прекратилось. Ленин начал редактировать «Новую жизнь» с 9-го номера, а в 12-м (где была напечатана статья «Партийная организация и партийная литература») появился «Гимн рабочим» Н. Минского, в 14-м и 15-м — три стихотворения К. Бальмонта, в 16-м — стихотворение Я. Година «Она ушла...». Все эти произведения отвечали политическим задачам газеты, почему и увидели свет на ее страницах. Правда, оба стихотворения Н. Тэффи, появившиеся в «Новой жизни», были напечатаны до приезда Ленина, но одно из них («Пчелки») задолго до «Новой жизни» опубликовала — под другим названием — женевская газета «Вперед», которую редактировал Владимир Ильич.

Мы знаем, что Ленину очень нравились стихи Луначарского в газете «Пролетарий» (1905), обличавшие либералов. Предлагая ему,

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 4, с. 359.

спустя два года, снова выступить против буржуазных ренегатов в политике, Ленин писал: «Не потряхнуть ли Вам стариной, посмеяться над ними в стихах?»¹ Участие талантливого партийного литератора в газете Владимир Ильич всегда одобрял и поддерживал. Это не значит, однако, что он отрицал или хотя бы даже избегал участия в ней талантливых беспартийных поэтов. Еще одним доказательством, кроме всех приведенных, может служить то, что в 1901 году Ленин рекомендовал «Искре» два стихотворения, совершенно не интересуясь тем, кто их сочинил (оба они были не подписаны), а руководствуясь тем, что они тайно распространяются в России и отражают настроения русского общества.² Автором одного из этих стихотворений является К. Бальмонт.³

Не удивительно, что и другие большевистские газеты осуществляли ленинский принцип привлечения к сотрудничеству демократически настроенных поэтов. Так было в нелегальном издании воиной организации РСДРП газете «Казарма», где постоянно печатались В. Богораз и Д. Цензор; так было и в газетах «Волна», «Донецкий колокол», «Уральская неделя», «Самарская лука», в журнале «Наша мысль». Принцип этот, как мы увидим, сохранил свое значение и для позднейших большевистских изданий.

Исключительно тяжелые условия для деятельности партии сложились в годы столыпинского режима. Из печатных изданий 1905—1907 годов ни одно не могло существовать или хотя бы возобновиться в этот период. Подпольные газеты, выходящие в России, насчитывались единицами (за три года — всего шесть названий), причем в редких случаях удавалось выпустить более двух номеров. Литературные кадры партии были распылены, многие из поэтов стали жертвами правительственных репрессий. Первыми слушателями или читателями стихотворений, сложенных в этот период, подчас являлись политические узники, ссыльные, каторжане.

Тюремное творчество, тюремный фольклор превратились в основную форму существования революционной поэзии. С. М. Кирову, заключенному в Томскую цитадель, удалось даже выпустить на гектографе два номера журнала «Тюрьма», сотрудниками которого (в том числе и авторами стихов) были заключенные. Под стихотворными рукописями то и дело появлялись пометы: Петербургский дом предварительного заключения, Саратовская пересыльная тюрь-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 47, с. 116.

² См.: «Исторический архив», 1955, № 6, с. 9.

³ Стихотворение это включено в настоящий сборник (см. № 20). Второе, к сожалению, не разыскано.

ма, Орловский централ, «Кресты», Сибирь, Шлиссельбург, село Тутура, Николаевская тюрьма. Большинство произведений поэта А. Гмырева было создано в тюремном госпитале и казематах. На каторжных этапах, в острогах и ссылке писали А. Поморский, А. Богданов, В. Невский, И. Ионов, А. Гастев, А. Белозеров, А. Малышкин, Д. Одинцов.

«Тюремная обстановка, при которой можно быть покойным, что «уже не арестуют», — рассказывает А. Гастев, — особенно располагала к тому, чтобы заниматься такой невинной работой, как художественная деятельность, хотя писать приходилось на чайных обертках и вообще случайных бумажных кусках. В тюремной суматохе и этапах несколько вещей погибло безвозвратно». Говоря далее о тех немногих произведениях, которые удалось вынести из тюрьмы, поэт добавляет: «Настоящую отделку все эти мелкие вещи получили в Нарымской ссылке, где, несмотря на чрезвычайную бедность и дикость, были все-таки некоторые условия для известной отделки произведений. Однако очередное бегство из ссылки, новая нелегальная жизнь автора сделали то, что многие вещи погибли».¹

Лишь волей случая сохранились и дошли до нашего читателя произведения этих лет. Часть из них попала в легальную большевистскую прессу 1911—1914 годов, другие получили доступ в печать лишь после свержения царизма.

Стихотворения В. В. Куйбышева стали нашим достоянием потому, что автор посылал их в письмах матери, а те, которые нельзя было послать, запоминали его друзья по камерам и этапам (два из этих стихотворений были опубликованы газетой «Приволжская правда» в канун Октября). Благодаря памяти современника сохранился текст единственного стихотворения М. В. Фрунзе («Свобода, свобода! . .»). А вот из поэмы «Сон большевика», которую написал в «Крестах» Е. М. Ярославский (он был арестован на Финляндском вокзале в Петербурге по возвращении с Лондонского съезда партии, и его поэма была своеобразным отчетом о партийных делах), сохранились только отрывки. В них — и рассказ о встрече с Лениным, и едкая насмешка над меньшевиками (Мартыновым, Аксельродом), и трагический пафос в финале, который — как и начало поэмы — перекликается с горьковской «Песней о Буревестнике»:

Восхищенный этим видом,
Громче песнь свою победы

¹ Алексей Гастев, Поэзия рабочего удара, изд. 6, М., 1926, с. 5.

Запевает якобинец...

Кипяток... Прогулка... Книга...

Нет ни моря, нет ни песен...

Часового штык да клетка!¹

3

«Звезда» и «Правда» открыли новый этап развития передовой русской поэзии, тесно связанной с партийной печатью. Обе газеты издавались по широкой программе. В свидетельстве за № 3323, выданном 10 апреля 1912 года петербургским градопачальником Н. Г. Полетаеву на право выпуска «Правды», среди основных отделов газеты значились: «Беллетристика и стихотворения», «Фельетоны и библиография», «Театр и музыка», «Художественный отдел», «Сатира и юмор».² В принципе той же программы придерживались и другие большевистские газеты, выходившие на легальных правах: «Невская звезда», «Поволжская быль», «Наш путь». Стихи печатались и в журналах, причем не только в популярных массовых изданиях типа «Работницы» или в профсоюзных журналах («Вестник портных», «Вестник приказчика», «Металлист»), но и в теоретическом органе партии, толстом ежемесячнике «Просвещение»: на его страницах за полтора года было опубликовано 52 стихотворения.

Заметно пополнились в эти годы ряды сотрудников партийных изданий. «Правда» в первом номере уведомляла, что в газете будут постоянно участвовать поэты Д. Бедный, С. Ганьшин, В. Невский, П. Рябовский (Л. Старк), Ф. Шкулев. Фактически же к этому списку надо добавить десятки имен. Лишь из тех, кого еще не приходилось упоминать в настоящей статье, можно назвать: А. Маширова-Самобытника, М. Герасимова, Д. Семеновского, В. Кичуйского, К. Теркина, С. Кошкарова, Ф. Сыромолотова, А. Колючего, В. Торского, А. Пожаркова, М. Борецкую, Я. Бердникова, И. Ерошина, М. Артамонова, В. Александровского, Л. Котомку, И. Логинова, И. Батрака и других.

Особенность нового периода деятельности партийной печати заключалась в том, что большевистские издания не только сгруппировали вокруг себя многих писателей — профессиональных и непро-

¹ См.: Е. Драбкина, Удивительные люди. — «Новый мир», 1963, № 7, с. 17.

² См.: «Русская периодическая печать (1895 — октябрь 1917)», М., 1957, с. 197—198.

фессиональных, старых и молодых, — но и вызвали массовый поток литературного творчества в самых широких слоях трудового населения. Под стихами, печатавшимися в «Правде», встречались подписи: Железнодорожник, Тунгус, Шахтер, Наборщик В. Лин, Кондуктор, Служанка, Яков Попов (ломовой), Кочегар, Сибиряк Тобольский, Слесарь З. Шкляник, Моряк Ветров, Безработный, Артельный Выборгского парка, Рабочий-металлист, Стецко-молотобоец, Крестьянин, Узник. Все это — не псевдонимы, а обозначение профессий, званий, социальной принадлежности авторов. Были и псевдонимы, весьма прозрачные: Свой, Фрезер, Измученная (под стихотворением о жизни работниц). Появились даже коллективные произведения (чаще всего — письма в стихах), за подписями: Группа рабочих медницкой мастерской, Коллектив мастерской завода Круза, Группа рабочих поселка Юзовка и т. п. Всего в большевистских изданиях 1911—1914 годов было напечатано свыше 800 стихотворений и более 100 рассказов.

Нет ни малейшей нужды переоценивать качественную сторону этого литературного материала. В нем зачастую больше искренности, достоверности, жестокой правды, чем достоинств художественного порядка. Но нельзя забывать, что он свидетельствует об огромной тяге рабочих к культуре, об их уважении к поэтическому слову, об их вере в то, что средствами поэзии можно живее и ярче отразить свои думы, чаяния, надежды. Надо заметить также, что вкус и чутье не изменяли рабочему читателю при восприятии поэтических текстов; наиболее удачные из них (принадлежавшие нередко мастерам — Д. Бедному, М. Герасимову, А. Маширову и др.) очень быстро распространялись и пользовались неизменным успехом.

«Посещая трактиры предместий и наблюдая там читателей «Звезды», — вспоминает Н. Батури, — можно было заметить, что ее почти всегда начинали читать со стихотворений. Мало того, на окраинах появились даже особые гастролеры, заучивавшие стихотворения из «Звезды» наизусть и декламировавшие их в трактирах и чайных».¹ По свидетельству И. Жиги, стихи из «Правды» он нередко распевал на свой мотив среди рабочих в ночные смены, стоя за наковальней или у горна.² А когда «Правда» из-за гонений вынуждена была менять свое название («Путь правды», «Пролетарская правда», «Рабочий» и др.), читатели узнавали газету, в част-

¹ Н. Батури, От «Звезды» к «Правде». В кн.: «Из эпохи „Звезды“ и „Правды“», вып. 3, М.—Л., 1923, с. 14.

² См.: Иван Жига, А. М. Горький, Воспоминания, М., 1955, с. 9.

ности, по тому, кто из поэтов печатался в ней. Об этом рассказывает К. Еремеев, отмечая популярность басен Д. Бедного.¹

Значение поэтического материала, с которым выступала большевистская печать, не ограничивалось агитацией или культурно-просветительной работой. Из сотен авторов стихотворений вышли десятки поэтов, заявивших о себе впоследствии самостоятельными сборниками стихов. Некоторые из них заняли видное место в литературе первых лет революции. Кроме того, исключительно важны были те творческие принципы, которые проводили большевистские издания в области художественной литературы.

Мы уже говорили о том, как разрабатывала эти принципы марксистская печать в предыдущие годы. Выступления «Звезды» и «Правды» по вопросам поэзии продолжали общую линию борьбы за реализм, за художественную правду, за искусство, одухотворенное революционной борьбой. Поэты революции, говорила «Правда», «являются неумолимыми критиками всего старого и зовут вперед, к борьбе за светлое будущее». Они «зорко подмечают все характерные явления современности и рисуют размашистыми, но глубоко правдивыми красками». В их творениях многое еще не отшлифовано до конца. «Но определенное светлое настроение отчетливо выражено с глубоким чувством и своеобразной энергией».²

Что же должно послужить материалом и содержанием творчества передового художника? В этом вопросе марксистская критика не придерживалась ограничений и догм. Произведение художника «может и должно, — говорится в той же статье, — захватить всю подлинную, реальную жизнь современного общества. Вся жизнь человека и общества, психология различных групп, индивидуальные и общественные переживания человека, все характерные явления современности — вот тот богатый материал, который может составить содержание пролетарского творчества».

Не ставилось перед поэтами непрременным условием и наличие «проповеднического» тона в их творениях, голой тенденции, заданной морали. Лучшее произведение — то, где даны яркие, убедительные картины жизни, где поняты нужды и устремления масс. Пролетарский поэт — «сам из народа и поет нужды и настроения свои же. Поэтому и проповедничества у пролетарских поэтов мы не видим. Они описывают то реальное, что видят вокруг себя, окружающую соци-

¹ См.: К. Еремеев, Демьян Бедный — поэт революции. — В кн.: Демьян Бедный, Собр. соч. в одном томе, изд. 2, М., 1924, с. 19.

² М. Калинин (псевдоним А. Кариняна), Сборник пролетарских писателей. — «Рабочий», 1914, 23 июня.

альную действительность, характерные моменты пролетарской жизни». ¹

Наряду с этим партия неизменно подчеркивала действенное, воспитательное значение искусства. Именно в те годы, о которых мы пишем, в «Правде» появились две статьи В. И. Ленина: «Евгений Потье (к 25-летию его смерти)» и «Развитие рабочих хоров в Германии», где говорилось о «пропаганде социализма рабочей песней» ² и в качестве примера указывалась замечательная песня французского поэта-коммунара «Интернационал», которая разнесла идеи Коммуны по всему миру. Сила искусства, заметил Ленин, такова, что благодаря этой песне Коммуна, которая была подавлена много лет назад, «жива теперь более, чем когда-нибудь», ³ потому что жива ее вдохновенная, неувядающая идея.

В предвоенные годы Россия уже знала дерзких эстетических бунтарей и новаторов, которые видели будущее искусства в отрицании его прошлого, в ниспровержении его великих памятников и традиций. Уже шумели футуристы, провозглашая «революцию формы», учиняя «ломку» поэтического языка.

Большевистская печать, напротив, подчеркивала, что реализм в искусстве невозможен без преемственной связи с прошлым, без усвоения его художественных богатств. «Правда» в эти годы писала не только о певцах пролетариата, но и о поэтах-демократах XIX века: Н. Огареве, Н. Некрасове, Н. Добролюбове, Лесе Украинке, Тарасе Шевченко. Обращаясь к писателям-современникам — А. Толстому, И. Бунину, И. Шмелеву, И. Сургучеву, С. Сергееву-Ценскому, она бережно отмечала в их творчестве черты реализма. «Несомненно, — признавала газета, — многие из этих писателей чужды рабочему движению и идеологии пролетариата. Однако, несмотря на это, своим творчеством, своими исканиями и сомнениями они выражают новый сдвиг общественных сил, возврат демократических кругов общества к жизни». ⁴ Потому большевистская печать и не отстраняла от себя поэтов из непролетарской среды: их честные искания, их верность реализму и готовность поддержать освободительное движение делали их союзниками пролетарских поэтов. В «Звезде» и «Невской звезде», наряду с партийными публицистами, с поэтами-рабочими, печатались Р. Ивнев, Г. Галина, В. Князев; в «Правде» — С. Есенин, в «Просвещении» — И. Бунин.

¹ М. К а л и н и н, Сборник пролетарских писателей. — «Рабочий», 1914, 23 июня.

² В. И. Л е н и н, Полн. собр. соч., т. 22, с. 276.

³ Там же, с. 274.

⁴ «Возрождение реализма». — «Путь правды», 1914, 26 января.

Между тем пренебрежительное отношение к интеллигенции, тезис о том, что творцом новой, социалистической культуры может быть лишь рабочий класс, отгородивший себя от других слоев общества, уже был высказан публично и в печати, его уже отстаивали некоторые теоретики. Наиболее видный из них А. А. Богданов (Малиновский) утверждал, что «пришлая» интеллигенция не способна усвоить переживания и мысли трудящегося человека, что «для культурного дела, объединяющего *весь* жизненный опыт рабочего класса, сводящего в систему *всю* его практику и *все* мышление», она, интеллигенция, бесполезна.¹ То же доказывали Ф. Калинин и другие, ставшие в скором времени идеологами Пролеткульта.² Такой изоляционизм, конечно, нанес бы вред культурному и политическому развитию пролетариата, и большевики это хорошо понимали. Недаром А. В. Луначарский в своих «Письмах о пролетарской литературе» (1914) горячо и убежденно отстаивал необходимость участия передовой интеллигенции в культурной жизни рабочего класса.³

При всем этом было ясно, что писатели из рабочих по условиям своего существования более, чем кто бы ни было, нуждаются в помощи, в добром совете, литературном наставничестве. И одну из своих задач печать большевиков видела в том, чтобы объединить этих писателей для совместной творческой и культурно-воспитательной работы. «Правда» уже в первом номере своем заявила: «Пусть не говорят рабочие, что писательство для них непривычная работа; рабочие-литераторы не падают готовыми с неба, они вырабатываются лишь исподволь в ходе литературной работы. Нужно только смелее браться за дело...»⁴ Это соображение вполне отвечало пожеланиям самих поэтов-рабочих, и уже 6 июля 1912 года в газете появилась статья, предлагающая создание литературно-художественного журнала, в котором могли бы печататься молодые авторы, и литературного кружка, где они могли бы учиться.⁵

Вопрос об организации нового журнала был не прост: для этого требовались и денежные средства, и разрешение властей. По-

¹ А. Богданов, Культурные задачи нашего времени, М., 1911, с. 69. Философа-ревизиониста А. Богданова (Малиновского) не следует путать с пролетарским поэтом А. Богдановым (Волжским), которого мы упоминали раньше.

² См.: Ф. Калинин, Тип рабочего в литературе. — «Новый журнал для всех», 1912, № 9, с. 106.

³ «Борьба», 1914, 22 февраля.

⁴ «Правда», 1912, 22 апреля.

⁵ См.: Кузьма Теркин, Своя рабочая литература (письмо в редакцию). — «Правда», 1912, 6 июля.

этому в своем ответе редакция «Правды» указала: «Для начала, может быть, окажется возможным войти в соглашение с уже существующим журналом «Просвещение»...»¹ Действительно, с января 1913 года «Просвещение» регулярно печатало поэтические произведения, причем уже в феврале В. И. Ленин горячо одобрил М. Горького за то, что он взял на себя руководство литературно-художественным (или, как тогда говорили, беллетристическим) отделом в этом журнале.² На его страницах печатались Д. Бедный, А. Белозеров, С. Астров, Г. Шапир, Д. Семеновский, В. Волгин, М. Герасимов, Л. Старк, а также начинающие авторы, не рискнувшие подписать стихи своими фамилиями (один из них — Железнодорожник, другой — Телеграфист и т. п.).

Стихотворения, опубликованные в журнале, были не только прочитаны, но частично и отредактированы Горьким. Кроме того, редакционная почта приносила ему — жившему тогда в Италии — немало произведений, на которые он отзывался письмами. «У русской редакции, — вспоминает М. Савельев, — завязываются с ним постоянные деловые отношения, посылаются на отзыв рассказы и стихотворения, поступающие в портфель редакции, главным образом, рабочих, причем им всегда очень внимательно прочитываются произведения начинающих беллетристов, даются деловые указания, одним словом, ведется большая литературная работа».³

Что же касается литературного кружка, о котором говорилось выше, то он был организован осенью 1913 года по инициативе правдистов при вечерних классах в рабочем клубе на Тамбовской улице: клуб этот назывался Лиговским народным домом (или — по имени его учредительницы — Домом графини Паниной). Поэты-правдисты могли бы собираться и в редакции, но этим они навлекли бы на себя внимание властей (за редакцией «Правды» велась бдительная полицейская слежка); классные комнаты легального просветительного учреждения или кулисы любительского рабочего театра, существовавшего в Народном доме, были более удобным местом сборов литературного кружка. Здесь им меньше угрожал посторонний надзор. Для пленарных же совещаний поэтов члены кружка приспособили кабинеты в трактире на Тамбовской улице. Кабинеты эти носили библейское название «Капернаум».

До образования кружка в Народном доме существовала группа

¹ «Ответ тов. Теркину». — Там же.

² См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48, с. 161.

³ М. Савельев, Журналы «Мысль» и «Просвещение». В кн.: «Из эпохи „Звезды“ и „Правды“», вып. 3, с. 48.

литераторов-рабочих, которую возглавлял А. И. Маширов. Она целиком вошла в кружок правдистов. Его составили: А. Поморский, Д. Одинцов, И. Воинов, В. Кириллов, Я. Бердников, И. Логинов, И. Садофьев и другие. Кружок занимался самообразованием, обсуждением авторских рукописей. Ему постоянно помогали работники «Правды» С. Малышев и К. Еремеев.

Поскольку В. И. Ленин был в курсе всех правдистских дел, ему, по-видимому, сообщили и об этом кружке. По крайней мере, Г. И. Петровский свидетельствует, что в конце сентября 1913 года, на совещании партийных работников, происходившем в Поронино (Польша), Владимир Ильич поручил ему съездить к Горькому в Италию и попросить его заняться группой литераторов, объединившихся вокруг «Правды». ¹ Известно также, что об этой группе сообщал Горькому из России А. Н. Тихонов. ² Не удивительно, что вскоре после своего возвращения на родину Горький стал искать встречи с членами группы, и встреча эта состоялась на квартире у писателя, в Петербурге, в начале марта 1914 года.

К тому времени в кружке уже созрело решение подготовить к печати коллективный сборник стихов, его предполагали назвать «Сборник поэтов». Мысль эта была высказана в редакции еще зимой 1913 года и встретила там полную поддержку. 25 декабря «Пролетарская правда» опубликовала следующее извещение: «В непродолжительном времени предполагается выход в свет первого сборника пролетарских поэтов, печатавшихся в газетах «Звезда», «Невская звезда», «Правда», «Рабочая правда», «Северная правда», «Правда труда», «За правду» и «Пролетарская правда». В сборнике будут помещены как лучшие из уже напечатанных стихотворений, так и новые, еще не бывшие в печати. Товарищей рабочих-поэтов просят присылать свои стихотворения для помещения в сборнике с надписью: «для сборника» — в редакцию „Пролетарской правды“». ³

Основной темой беседы у Горького и было составление сборника. Алексей Максимович предложил расширить план книги, включить в нее прозу и назвать «Первый сборник пролетарских писателей». Он вслух разобрал прочитанные им рукописи, говорил о недостатках, замеченных в стихотворениях и, как вспоминает А. Маширов, «тут же двумя-тремя красочными мазками показывал, как надо

¹ См.: Г. Петровский, Под руководством великого вождя. — «Правда», 1955, 20 апреля.

² См.: «Горьковские чтения 1953—1957», М., 1959, с. 42.

³ Извещение о готовящемся сборнике было повторено в «Пролетарской правде» 12, 17 и 21 января 1914 г.

их исправлять». ¹ 6 марта 1914 года «Правда» уже сообщала, что в составлении сборника принимает участие Горький. Он стал фактически редактором книги и написал к ней предисловие. Для этого ему нужно было познакомиться с весьма внушительным количеством рукописей, присланных по адресу большевистского издательства «Прибой», которое приняло на себя издание книги. ²

«В течение трех месяцев, — говорилось в заметке «От издательства», когда книга уже вышла, — . . . поступило свыше 450 рукописей, в том числе около 300 стихотворений и 8 драматических пьес. Все эти произведения принадлежат перу 94 авторов, огромное большинство которых — люди физического труда: рабочие, ремесленники, крестьяне, приказчики и т. д. Из авторов иных профессий можно отметить беллетриста-извозчика, поэта-городового и торговца свечами в епархиальной лавке одного из губернских городов. Интеллигентам принадлежит около 20 рукописей, женщинам — 15. . . Тюрма и ссылка представлены 15 авторами. . . Из всего собранного материала редакцией принято для напечатания около 70 произведений; часть из них помещена в настоящей книжке, прочие оставлены в запасе для следующих сборников». ³

Книга, где наряду с рассказами приведено 37 стихотворений, вышла в свет 10 июня 1914 года. В тот же день на книжном складе «Правды» полиция произвела обыск, и в число изъятых материалов попали заказы на «Сборник пролетарских писателей». Этих заказов было очень много, и «Правда» вынуждена была обратиться к читателям с просьбой повторить свои заявки на сборник. ⁴ Книга распространялась по подписке и среди демократических читателей пользовалась большим успехом. Она была встречена сочувственными рецензиями как в большевистской, так и в непартийной печати. ⁵

Если говорить о роли, которую сыграл «Сборник пролетарских писателей», особенно предисловие М. Горького, в идеологической жизни того времени, надо прежде всего коснуться разгоревшейся на страницах печати дискуссии о судьбах пролетарской культуры.

¹ А. И. М а ш и р о в, Горький и пролетарские писатели. — «Ленинградская правда», 1928, 28 марта.

² Предложения послать рукописи издательству «Прибой» публиковались в газете «Путь правды» 29 и 30 апреля и 18 мая 1914 г.

³ I Сборник пролетарских писателей, П. 1914, с. 3, 4.

⁴ См. объявление в «Трудовой правде», 1914, 11 июня.

⁵ См.: «Рабочий», 1914, 23 июля; «Вестник приказчика», 1914, № 20; «Заря Поволжья», 1914, № 7—8; «Утро Сибири» и др. Был и враждебный отзыв — в буржуазной газете «Петербургский курьер», его автор — И. Василевский (Не буква).

Дискуссия эта отнюдь не исчерпывалась спорами вокруг богдановского тезиса о классово замкнутой, изолированной от духовных сокровищ всего общества культуре, которую должен создать пролетариат. Наряду с этим сектантским, нигилистическим тезисом имела хождение теория, вовсе отрицавшая возможность зарождения и роста новой культуры до тех пор, пока в области политической и социальной не победит пролетариат.

Главным проповедником этой теории выступил А. Н. Потресов, напечатавший в меньшевистском журнале «Наша заря» серию «критических набросков» под общим названием «О литературе без жизни и о жизни без литературы», со зловещим подзаголовком «Трагедия пролетарской культуры». Потресов заявил, что в современном обществе «только на полюсе богатства, на буржуазном конце сосредоточены предпосылки, нужные для развития культуры». ¹ Пролетариат же, этот — по словам автора — «пасынок цивилизации, ею всем обделенный», сотворил «великую культуру практического действия», но «даже и не приступал к созданию культуры художества» и не способен такую создать. ²

Первый сборник пролетарских писателей доказывал совершенно обратное. А. М. Горький в предисловии к нему — как бы отвечая Потресову и другим — писал, что книга эта «красноречиво говорит о росте интеллектуальных сил пролетариата», что о ней «со временем упомянут как об одном из первых шагов русского пролетариата к созданию своей художественной литературы» и пролетарский мир почерпнет в этом примере «великие силы для борьбы за новую, мировую культуру». ³

Вслед за первым сборником должны были выйти другие. Кроме того, как сообщил нам в письме Д. Одинцов, при встрече с Горьким в феврале 1914 года было намечено выпустить отдельными книгами произведения трех поэтов — А. Маширова, А. Поморского и Д. Одинцова. Осуществить эти замыслы не удалось из-за начавшейся летом 1914 года войны. Единственный авторский сборник, который успели

¹ «Наша заря», 1913, № 4—5, с. 66.

² «Наша заря», 1913, № 6, с. 68. Статьи Потресова вызвали оживленные отклики в журнальной прессе. Но большинство выступивших критиковало частности, не опровергая основную концепцию автора (см.: Н. Череванин, Пролетариат и художественное творчество. — «Современник», 1913, № 11; А. Мартынов, Пролетариат и мещанство. — «Наша заря», 1914, № 7-8-9). Более серьезные возражения Потресову высказал Я. Пилецкий в статье «Пролетариат и культура» («Наша заря», 1914, № 1).

³ М. Горький, Собр. соч. в тридцати томах, т. 24, с. 168, 169, 172.

в эти годы выпустить правдисты — книга Демьяна Бедного «Басни». Ее подготовили в большевистском издательстве «Жизнь и знание», отпечатали в частной типографии Б. Вольфа и распространяли через редакцию «Правды». Это было в январе — феврале 1913 года.

4

Перед самым началом войны все легальные органы печати, издававшиеся большевиками, были уничтожены властями. Их сотрудники частью попали в руки тюремщиков, частью были по мобилизации отправлены на фронт. Из поэтов участь первых разделили сперва Д. Одинцов и И. Воинов, затем — И. Батрак, Ф. Сыромолотов, А. Маширов, С. Ганьшин, И. Садофьев. На фронте в первые же недели войны оказались Д. Бедный и А. Соловьев (Нелюдим), за ними — М. Артамонов, В. Кириллов, С. Нахимсон.

Снова основной формой существования передовой, революционной поэзии стал фольклор: окопный, тюремный, городской. В поэзию потянулись рядовые участники войны, но печататься им было нигде. «Творчество окопных солдат, — писала впоследствии одна из газет, — когда-нибудь будет собрано, и им надо дорожить: это — народная поэзия».¹

Лишь мизерная часть этого материала проникала в легальную прессу. Поэты-большевики пользовались в те годы маленьким страховым журналом «Вопросы страхования», выходившим в Петрограде. Д. Бедный вынужден был печататься в либеральных ежемесячниках и в малозаметных беспартийных изданиях. Незадолго до Февральской революции большевикам удалось выпустить в Кинешме несколько номеров журнала «Наше слово»; на его страницах активно выступал И. Логинов. Кроме того, действовало на правах просветительской и коммерческой книготорговой фирмы большевистское издательство «Жизнь и знание» (в Петрограде, в Поварском переулке). С грифом этого издательства вышла книга стихов и прозы А. Богданова «Под ласковым солнцем» и сборничек стихотворных сказок Д. Бедного «Диво дивное».

Тотчас же после свержения царизма большевики начали энергично развертывать свою печать. С марта по октябрь 1917 года в разных городах России выходило 78 большевистских изданий, по преимуществу газет. В них сотрудничали сотни поэтов: старые кадровые литераторы, вышедшие из подполья, вернувшиеся из ссылки,

¹ «Голос солдата», 1918, 4 января.

выпущенные из тюрем, приехавшие с фронтов; солдаты, продолжавшие еще служить в войсках; рабочие, интеллигенты, крестьяне. В числе новых сотрудников можно назвать П. Арского, Е. Андреева, А. Крайского, В. Сорокина, Б. Ганцева, С. Лесного, И. Мукосеева и других. Большевистские газеты охотно печатали также стихи В. Маяковского, В. Князева, П. Орешина, Э. Кроткого, которые не были постоянными сотрудниками этих изданий. Наиболее злободневные и яркие произведения поэзии обошли страницы многих газет. Особенно часты были перепечатки из «Правды», которая стала центральным органом партии.

Участие в большевистской печати 1917 года — года решающих битв революции — было для поэтов отличной политической школой. Партийная газета приучала к точности в выборе прицелов, к быстроте откликов на события дня, к особой выразительности языка. Поэт должен был находиться в гуще масс, чтобы знать, какие вопросы волнуют их и чем они живут. В то же время художнику нужно было ответить на эти вопросы в наглядной, живой поэтической форме: не только правильно их осмыслить, будучи на уровне передовых идей времени, но и убедить читателя в своей правоте. Огромный успех и широчайшее распространение некоторых произведений поэзии («Приказано, да правды не сказано» и «Либердан» Д. Бедного, «Марсельеза „оборонцев“» И. Логинова, «Сказочка» В. Маяковского) были свидетельствами того, насколько близко подошли к решению этих задач поэты, дышавшие воздухом революции.

Не следует считать, однако, что в 1917 году поэзия большевистской печати была ограничена темами общей и текущей политики. Принцип всестороннего охвата писателем жизненных явлений, сформулированный в «Правде» за три года до этого, сохранял свою силу и теперь. Наряду с пламенной агиткой и разящей сатирой большевистская печать культивировала и другие виды поэзии. Достаточно перечитать публиковавшиеся тогда в газетах произведения М. Герасимова, А. Крайского, С. Лесного, В. Кириллова, Е. Бражнева, чтобы убедиться в этом.

Новые темы приносили с собою в поэзию люди, поднявшиеся к революционному действию из самых глубоких народных пластов. Никогда, в частности, не были так активны в области литературного творчества солдаты и матросы. «Появление после Февральской революции 1917 года флотских журналов и газет («Волна» и др.), — вспоминает В. Вишневский, — сразу дало возможность широко печататься десяткам революционных литераторов-самоучек с флота. Журналы и газеты того времени полны воинственных, по большей части романтических стихотворений, рассказов, призывов. Двухве-

ковой гнет, пытки, бесправие, казни — все слетело, как вырванный паром фланец, и наружу с ревом хлестал поток энергии и мести. . . Писали тогда всюду, куда только ни забрасывала борьба». ¹

Как и прежде, партийная печать объединяла вокруг себя литературные кадры и работала с ними. По инициативе К. Еремеева при редакции «Правды» и издательстве «Прибой» было создано «Общество пролетарского искусства» (сперва именовавшееся «кружком»). Этому предшествовала публикация в «Правде» воззвания «К поэтам, беллетристам и художникам». В нем говорилось: «Полного расцвета пролетарское искусство достигнет, конечно, только в социалистическом строе. Но уже теперь, когда сброшена часть оков, лежащих на пролетариате, искры свободного искусства должны разгореться в яркое пламя. Этого властно требует момент. Этого требует революция. Призываем поэтов, беллетристов и художников сплотиться при издательстве «Прибой» в «Кружок пролетарского искусства». Кружком будет издан ряд художественно-литературных сборников. Присылайте свои произведения. . .» ²

На призыв откликнулись многие литераторы. «К чести смелого и талантливое В. В. Маяковского, — вспоминает А. Богданов, следует отметить, что он явился на первое заседание. . . и присоединился к нашему лозунгу интернационализма. Так создалась вокруг «Правды» первая организация, названная «Обществом пролетарских искусств». Общество разделилось на секции». ³

Литературной секцией Общества и был подготовлен коллективный поэтический сборник «Под знамя правды», вышедший осенью 1917 года («Правда» сообщала о нем еще в мае, но книга задержалась выходом из-за событий июльских дней). В нем напечатано 64 стихотворения восемнадцати авторов. Издательство «Прибой» выпускало также сборники произведений отдельных поэтов. В легких бумажных обложках «дождем брошюр» посыпались из типографских машин сборнички И. Логинова («У станка»), И. Ионова («Алое поле»), Д. Бедного («Сказки», «Барыня», «Куй железо, пока горячо», «Всяк Еремей про себя разумей»).

Политическая атмосфера 1917 года — особенно после июльской демонстрации в Петрограде, когда Временное правительство перешло к контрреволюционному террору, — отнюдь не способствовала свободной творческой работе демократических писателей и поэтов.

¹ В. С. Вишневский, О литературной группе Балтфлота. — «Красный Балтийский флот», 1933, 17 августа.

² «Правда», 1917, 7 мая.

³ А. Богданов, Из воспоминаний. — «Литературная газета», 1937, 5 мая.

Большевики тем не менее использовали все возможности для того, чтобы дать выход произведениям, в которых клокотала энергия масс, и повести художников слова в общих рядах борцов, штурмовавших старый мир. Проводившаяся большевиками политика широкого поощрения художественного творчества, нужного народу, предвосхищала те принципы жизни искусства, которые утвердились после Октября.

5

Произведения поэзии, печатавшиеся в большевистских изданиях, отразили процессы, протекавшие в революционной литературе предоктябрьских лет.

Девяностые годы ознаменовались подъемом революционного романтизма в русской поэзии. На литературную арену вышел Горький, за ним последовали ранние пролетарские поэты, ощутившие вместе с ним атмосферу надвигающейся исторической бури. Влияние горьковского романтизма было столь длительно, что реминисценции из «Песни о Соколе» и «Песни о Буревестнике» можно встретить в стихотворениях 1905—1906, даже позднейших годов («Сокол» А. Гмырева, «Песня моря» М. Ная, «Если хочешь ты упиться...» неизвестного автора и др.). В то же время поэты все больше ощущали близость к Горькому в общем направлении творчества: в революционном оптимизме, который пришел на смену жертвенности и скептицизму гражданской лирики восьмидесятых годов; в возвышении темы труда и в прославлении человека-борца, сменившего героя прежней поэзии — благородного мученика и страдальца.

Острота социальных конфликтов, неизбежность столкновения противоборствующих классовых сил стала главной темой поэзии, находя выражение в решительном (также присущем романтизму) противопоставлении двух враждебных станов, двух миров: отжившего мира зла и неправды и подымающейся молодой Руси («Прочь с дороги!» Днепровского, «Два стана» неизвестного автора). Грозные обличения перерастали в страстные романтические призывы, — восклицательные интонации господствовали во многих стихах («Беснуйтесь, тираны. . .», «На улицу!», «О, сытые, как вы благоразумны! . .» и т. п.).

Новаторство революционной поэзии не всегда выражалось в новшествах поэтической формы. На первых порах авторы стихотворений пользовались стилистическими приемами гражданской лирики предшествующего десятилетия; некоторые из них прибегали и к фразеологическим штампам отжившей поэзии: они проклинали «де-

монов жизни», «идолов богатства», славил «девятый вал» борьбы, «Храм свободы» и т. д. Новшества органического порядка не сразу утвердились в творчестве поэтов, уже взглянувших по-новому на мир и уже ощутивших атмосферу новой эпохи. В этом смысле многие поэты отставали от Горького, который был оригинален как художник и прокладывал в литературе новые пути.

Вступление в период открытых классовых боев — в полосу первой русской революции — благотворнейшим образом сказалось на развитии новой поэзии. Романтизм и патетика раннего этапа не могли уже полностью ответить задачам познания действительности и художественного отражения ее. Не снижая своей революционной энергии, поэзия должна была приблизиться к реальным фактам общественной жизни, обрести конкретность и новизну. Поэзия начала XX века становится в значительной своей части художественной летописью событий: демонстрации, маевки, факты расправы царизма с народом, русско-японская война, Кровавое воскресенье, солдатские мятежи, октябрьская стачка, московские баррикады — все это входит в нее обжигающим материалом, который во многом меняет и ее словесное вооружение, образный язык. Аллегорический образ борца-пролетария уступает место реально-историческим типам участников революционной борьбы («На смерть Баумана», «Памяти солдат и матросов...»); на смену возвышенному словарю обличений и проклятий приходит живой, конкретный язык злободневной сатиры, оснащенной фактами и заостренной против реальных носителей зла («Осел и собака», «К убийству генерала Мина», «Два либерала»).

На поэзии все сильнее сказывается влияние большевистской печати с ее целеустремленностью, конкретностью, живым чувством времени и действенным характером языка. Поэзия революции определяет себя как особая эстетическая форма восприятия жизни, отличающаяся не только новым содержанием, но и новым характером лирического героя, новыми средствами анализа и отражения жизненных фактов.

Тяжелые испытания, которые выпали на долю передовой русской поэзии в годы столыпинского террора, не поколебали ее идейно-нравственных и художественных основ. Она сохранила свой оптимизм, свою революционность, демократизм. Поэты говорили о немеркнущем свете освободительных идей («Нет, цел наш стяг и невредим и в верных он руках...»); они выступили с обличениями царского произвола («Всероссийский алкоголик», «Во тьме»), осудили ренегатов из либерального лагеря, оказавшихся по ту сторону баррикад. Революционная поэзия решительно противопоставила

себя буржуазно-рenegатской литературе, заклеив ее праздность, эстетизм, измену интересам народа:

Вам — «чары навии», рукоплесканья,
Пиры безумные, цветы ажурные. . .
Нам — жизнь в безвестности, снега изгнания,
Могилы братские, скитанья бурные. . .
Вам — звоны сладостных цевниц,
Нам — цепи ржавые темниц. . .

(А. Богданов)

«Цепи ржавые темниц», ставшие эмблемой четырехлетнего периода русской жизни (1907—1910), отразились и в лирике пролетарских поэтов, но отразились по-новому: не так, как «победоносцевская» эпоха, политическая реакция восьмидесятых годов — в творчестве народовольцев, в поэзии Надсона, суриковцев и других. Из «тюремной лирики» выветрился дух скорбного отчаяния, безнадежного подвижничества. При всем драматизме переживаний, которые выпали на долю участников революции, вкусивших горечь поражения, испытавших муки одиночества, оторванности от родных и друзей, они сохраняли ясность взгляда на будущее и придавали своим невольничьим песням жизнеутверждающее звучание. За решеткой тюремной камеры они видели мир, полный солнечной теплоты, весенних дождей, людских голосов, — и верили, что свобода восторжествует, мрак будет побежден. Силу своего духа они ставили выше физического страдания и мечтали о том лишь, чтоб не уронить ее перед лицом палачей:

Ни оковы, ни стены, ни годы страданья
Не заставят позорной пощады просить.
Не сломить мою гордую стену молчанья.
Не сломить!

(В. Куйбышев)

Лирический герой «тюремных песен» этих лет — не мученик, а борец, хотя полная мера тягостных переживаний уготована ему на пути. «Неволя мрачная легка мне. . .» — пишет А. Малышкин, потому что «душа полна всё той же верой, всё тем же думам отдана. . .»

С исключительной широтой развернула свои силы новая поэзия в годы мощного революционного подъема, предшествовавшего военному кризису и свержению царизма. В начале десятых годов нашего века она переживала бурный расцвет, и именно в эти годы наиболее ярко продемонстрировала свои определяющие художественные черты,

Одна из характерных особенностей революционной поэзии 1911—1914 годов состоит в возрождении — на новой основе — романтических мотивов ранней пролетарской лирики. Сходные исторические условия — подъем рабочего движения, ожидание новых революционных бурь — определили близость эмоционального ряда поэзии десятых годов к первым песням рабочего класса. Однако теперь она была обогащена опытом двадцатилетнего развития, опытом реалистического анализа явлений действительности и повседневного следования фактам общественной жизни. За поэтической мечтой, за дерзостной фантазией, выраженной в прямой или аллегорической форме, угадывались зрелость мысли, умение вглядываться в жизнь. Исчезла подражательность, характерная для первых пролетарских романтиков, все более точным и емким становился поэтический язык.

Пафос пролетарского коллективизма, вера в неизбежность социальных перемен — все это выражалось в образах символично-романтического плана, рисующих «зарницы» будущей грозы (А. Маширов), свет «лучезарного нового города», очертания прекрасных дворцов (А. Поморский, Л. Старк). Широко вторгались в поэзию картины пробуждения, бури, расцвета, вознагражденных коллективных усилий, торжествующего труда («Ручьи», «Урожай» А. Маширова, «Море» С. Ганьшина, «Скалы и дубы» М. Журавлевой, «Море жизни» В. Куйбышева, «Солнце и сердце» С. Астрова). Реалистические символы, аллегории легли в основу призывных, ликующих песен («Мы — кузнецы» Ф. Шкулева, «Рабочий дворец» А. Поморского).

Одновременно с этим углублялось и конкретизировалось изображение реальных условий жизни и борьбы трудящегося человека. Появилось множество стихотворений, рассказывающих о людях разнообразных профессий («Мостовщик» С. Кошкарова, «Песня портного» Н. Артельного, «Маляры» А. Соловьева-Нелюдима, «Фонарщик» А. Поморского, «Извозчик» В. Зиновьева, «Ночь в телеграфной» неизвестного автора). Поэты не скупились на реалистичность красок, отражающих тяжелые условия труда, но они были далеки от натуралистической узости восприятия мира и от сентиментальной жалости к человеку труда, так сильно проявлявших себя в поэзии восьмидесятников и в произведениях раннего рабочего фольклора. С требованиями реализма подошли они и к обрисовке современной деревни («На пашне» Д. Одинцова, «Разор» М. Артамонова и др.).

Особенно важной чертой поэзии нового этапа является обозначившийся в ней интерес к личности труженика, к его внутреннему миру, духовным запросам. В тесной камерке ютится рабочий, кото-

рый проводит дни в машинном гуле, а полуночные часы — за шеле-
стящими страницами книг; страницы эти зажигают в нем «огнен-
ные думы», которых не погасит ни пыль, ни тьма, ни тяжесть днев-
ных забот:

В пыли, во тьме и горьком дыме
Я сохранию мои огни,
Всю жизнь я спаян буду с ними,
И день и ночь со мной они!

(Д. Одинцов)

В устремленности к знаниям, к свету лежит не идея мелкого просветительства, а сознание творческой, созидающей роли рабо-
чего класса, которому принадлежит будущее всей человеческой
культуры. Недаром последние слова этого стихотворения «Вперед —
к культуре мировой» М. Горький с сочувствием процитировал в пре-
дисловии к первому сборнику пролетарских писателей. Те же моти-
вы звучат в стихотворении А. Маширова «Зарницы» («Во мраке
яркие сверкают письма. То мощных сил рождаются зарницы...»),
Д. Одинцова «Золотосеребряники» («Мы творим для себя новых
дней красоту...») и др. Декларацией интеллектуальных запросов ра-
бочего класса, призванного осветить могучей мыслью пути развития
вселенной, является стихотворение А. Гастева «Мысль».

Развертывание «космических» мотивов приведет впоследствии
некоторых поэтов (А. Гастева, И. Филипченко, В. Кириллова) к
пролеткультовским гиперболам, к отвлеченному индустриализму;
они будут всячески абстрагироваться от живой человеческой лично-
сти. Но для большинства поэтов характерно другое: будучи про-
тивниками натурализма, они в то же время никогда не отрываются
от реальных жизненных обстоятельств, характеризующих труд,
нравственные искания и духовные потребности своих героев.

Наиболее показательный пример того, как в живом сочетании
художественных средств реализма и романтики рождается одухо-
творенный образ человека-творца, дает стихотворный цикл Д. Се-
меновского «Безумцы». Герой первого стихотворения, поэт, живет
среди сырых стен и «чердак шагами мерит», но «пламенно и стра-
стно верит» в свое призвание отворить людям двери в счастливое
завтра. Другой герой — подпольщик с брошюрами и листовками;
ему горестно сознавать, что «родимый край, несчастный край — в
крови, во мраке и позоре», но он не пожалеет жизни, чтоб увидеть

Цветы лазоревого Рая
Среди родимых скорбных мест.

И, наконец, третий — пленный рыцарь, который «отдал всё Прекрасной Даме, чье имя — Правда». За ним придут тюремщики, он умрет, но прославит «Ту, кому молился». Таковы эти «безумцы», т. е. люди, посвятившие себя высокому долгу. Все три образа предельно достоверны и в то же время рыцарски величественны и прекрасны.

Расширение творческого диапазона пролетарской лирики явственно сказалось также на стихах о природе, о городе, о человеческих судьбах.

Из мира природы, как мы уже могли убедиться, черпались образы-символы, выражавшие настроения духовного подъема, предчувствия великих событий. Но это был далеко не единственный путь использования красок природы в революционной поэзии. По мере углубления ее содержания и приближения к миру человеческих чувств все большую роль приобретало непосредственное восприятие природы, осмысление ее места в духовной жизни людей.

Группа рабочих наблюдает падение воды с высокой кручи, — и поэт Д. Одинцов пишет стихотворение «Водопад», в котором чувство восторга перед бушующей водой рождает возглас: «Шире путь!» Это — ощущение единства между природой и человеком, радость, возбуждаемая сознанием того, как богат и красочен окружающий мир. У А. Богданова природа вызывает философские раздумья («Сонет»), у И. Ерошина — мысли о труде («Тучки»), у Л. Старка, М. Герасимова, К. Волгина и других — сложное переплетение чувств, воспоминаний, желаний, надежд. Но все они стремятся увидеть в природе животворящую силу, неуядаемую красоту. Вот почему, говоря об особенностях пролетарской лирики, газета «Правда» писала: «Она отражает всегда настроения здорового, жизнерадостного человека. В то время как многие из поэтов умирающей буржуазии воспевают больную природу, тоскливую осень, — пролетарский поэт грустит, видя медленную смерть природы («Осень» Мих. Герасимова). Это, по существу, жизнеощущение здорового организма».¹

Горькие чувства вызывает природа и тогда, когда она подчеркивает скудость жизни, тяжкие условия существования людей, нищету родной страны. Такова природа в некоторых стихотворениях А. Богданова («По бездорожьям», «Суходол»), М. Артамонова, С. Кошкарова. И здесь в пейзаже выражается «жизнеощущение здорового организма», ибо человек не может мириться с дисгармо-

¹ «Рабочий», 1914, 23 июня.

нией мира, — он должен искать пути освобождения людей от бедности и лишений.

Отзываясь на произведения А. Маширова-Самобытника, пролеткультовские теоретики сочувственно вздыхали по поводу того, «как трудно пролетарскому поэту держать закрытыми уши на зов природы». ¹ Но никто из поэтов (а особенно, такой законченный лирик, как Самобытник) и не собирался отторгнуть себя от природы. Более того: им чуждо было эстетское любование природой, созерцательное и пассивное отношение к ней. В декларативном стихотворении «Наши песни» безмянный автор говорит, что он не станет воспевать «печаль березок белых» и «лазурь пустых небес»; стихи свои он не превратит в отвлеченный «панегирик красоте»; его поэзия связана с жизнью народа, и этим определяется его отношение к окружающему миру. Характерно, что и «таежные мотивы» в творчестве революционных поэтов, мотивы невольных скитаний человека (в ссылке, в изгнании) по самым глухим и недобрым углам необъятной страны, хотя и носят неизбежно грустный оттенок, не лишены действенной, просветляющей силы:

Синеет надо мной мерцающая Вега —
Лампада вечная измученной земли. . .
Еще мне далеко до первого ночлега,
Но слабо огоньки горят уже вдали.

(И. Нонов)

По-разному звучала в лирике революционных поэтов тема современного города. Иногда она появлялась у них вместе с темой пришельца из деревни и развивалась в традиционном русле противопоставления города-спрута с его соблазнами и пороками — чистой жизни среди привольных полей. Эта коллизия, однако, очень быстро увяла, так как была чревата идеализацией деревенской жизни. Тема города постепенно освобождалась от сопоставления с деревней, но долгое время вызывала еще поэгические ассоциации, выражавшие пленение чувств, насаждение порока, губительную силу воздействия города на человеческую жизнь. У А. Богданова душа, «как гусеничный кокон, сжималась в плену глухих домов» и люди двигались по мостовым «как гномы черные, без ласки и привета. . .». У Л. Старка женщина — «пленница города» или «дочь, взятая городом в жены» (аналогично у М. Герасимова: «Бульвар с змеиной

¹ См.: П. Бессалько, Ф. Калинин, Проблемы пролетарской культуры, П., 1919, с. 97.

головою Зовет тебя на страшный грех»). Некоторое время держалась в пролетарской поэзии и тема обезчеловечивающей силы завода, машины, индустриального труда:

Меня веригою железной
Сковал Обуховский завод,
А белой ночи свод беззвездный
В таинственную даль зовет.

...Я бился скованный, бескрылый,
Весь черный, в угольной пыли,
Моих порывов тают силы
В дыму, где горны расцвели.

(М. Герасимов)

Подобно этому у М. Артамонова «стонет фабрика-изменница», и толпа людей до позднего вечера томится у машин («Утро»); в другом его произведении («Выселки») «шумит, гремит и охает... стокий корпус-змей»; у Ф. Лобанова-Бельского люди — «печальные пасынки труда», которых сзывает «колдунья фабрики — сирена».

Все это показывает, насколько далеки были поэты-рабочие от мотивов эстетизации города, столь характерных для урбанизма буржуазных художников. Но не сразу пришли они к осмыслению города как вместилища противоборствующих классовых сил; эта тема постепенно входила в поэзию и вылилась наконец в исполненные оптимизма стихи о зреющей в городских недрах мощи рабочего класса. Уже А. Маширов в стихотворении «За станком» отверг версию, будто он «в плену своей тюрьмы». Шорох ремней и «ветер бешеных колес» звучит для него такой же музыкой, как лесной шум. Тот же автор встречает бодрими словами пришедшего на завод новичка:

Пусть гудит стальной хаос,
Пусть им взято много слез,
Много сгублено огней, —
Не робей!

...Здесь безбрежное слилось,
Невозможное сбылось.
На заре грядущих дней
Не робей!

(«Новому товарищу»)

Бодрящие ритмы поэмы Я. Бердникова «Литейщик» вызваны сознанием того, что труд «в угрюмой темной мастерской» хотя и тяжел, но радостен, ибо укрепляет силы и подымает дух человека, который «стремится к воле трудовой». Характерно, что и в лирике М. Герасимова появились мотивы «примирения» с городом, поэтизации фабричного труда: «Пришел я, вёснами обвитый, на зов торжественных гудков». По поводу этих строк «Правда» в уже цитированной нами статье о сборнике пролетарских писателей заметила: «Ни слова проклятий городу и нитя, столь обычных и неизбежных у мелкобуржуазных поэтов». И далее, касаясь других произведений рабочих-поэтов: «Все мрачные стороны города зорко полмечаются... и ярко оттеняются... Однако эти печальные картины, грустные страницы родной действительности не убивают живой энергии в душе пролетарского поэта. Рисуя мрачные тени голодных па улицах города, темные силуэты рабочих в фабричных кварталах, поэт-рабочий не отчаивается, ибо верит в лучшее будущее».¹

Остается сказать еще несколько слов о том виде лирической поэзии, который связан с миром личных чувств человека, с его интимными переживаниями. Как и все другие виды лирики, в творчестве художников революции он имеет свои отличительные черты. Было бы неточно ограничиться признанием того, что любовь здесь «подчинена» общественному долгу и «окрашена» в революционные тона. Вернее говорить о цельности, единстве всех сторон личности, среди которых занимает свое место и любовное чувство. Очень часто оно драматично, как бывает драматичной и даже трагичной судьба человека, посвятившего себя революционному делу. В то же время оно просветляюще, трепетно, волнуящее, глубоко, ибо свободно от предрассудков мещанской среды, от пустых интриг, имущественных отношений, сословных перегородок и многого другого, что осложняет чувство любви в обществе, где нет социальной свободы.

Жажда жизни, верность убеждениям и предельная чистота любовного чувства при самых тягостных переживаниях разлуки — все это ярко представлено в поэзии А. Гмырева. Заметно выделяется любовная лирика также в стихах Я. Бердникова, В. Александровского, И. Филиппенко.

Мы уже говорили, что основные художественные черты пролетарской поэзии сложились в 1911—1914 годах. Таким образом, к периоду решающих революционных сражений — к дням и месяцам 1917 года — она пришла в полном объеме творческих сил и возможностей. Эти силы она и развернула во всех своих жанрах: в стихо-

¹ «Рабочий», 1914, 23 июня.

творной публицистике, в лирике, песне, сатире, в стихах о деревне, о городе, о солдатчине, о человеческих судьбах, о любви, о политике, о войне. Диапазон тем и жанров был необычайно обширен, способы творческих решений разнообразны, и поэзия этого года по праву может считаться итогом ее художественного развития за весь предреволюционный период.

Синтезировав свои творческие достижения, поэзия обогатилась опытом невиданных ранее бурных революционных событий. Творческое освоение материала текущей борьбы, оснащение политической терминологией, вторжение в стих языка народных масс, выдвижение наиболее оперативных видов поэзии (отклик, лозунг, призыв, басня, фельетон, эпиграмма, частушка), наконец, заострение агитационных задач — все это расширило арсенал поэтического искусства, не утратив ни одного из его предыдущих достижений: ни романтического пафоса, ни интереса к человеческой личности, ни поэзии труда.

Революционная поэзия привлекла в свои ряды немало «новобранцев»; среди них были начинающие авторы (особенно из числа солдат), незрелые стихотворцы, произведения которых говорят больше об их эмоциях, нежели о достигнутых ими творческих рубежах. Но мы рассматриваем важнейшие тенденции развития революционной поэзии, основываясь на ее сложившихся образцах. Они дают нам возможность проследить за тем, как по мере нарастания в России политического кризиса, по мере углубления процессов классовой борьбы росла и наливалась новыми силами, пользуясь всемерной поддержкой большевистской печати, поэзия революции.

6

Поэты «четвертого сословия» никогда не переоценивали своей роли в развитии искусства. Они называли себя первыми путниками на новой тропе, первой каплей грядущего потока, предтечами великого движения, которое еще впереди. А. Маширов писал:

Не говори в живом признаньи
Мне слова гордого «поэт».
Мы — первой радости дыханье,
Мы — первой зелени расцвет.
Разрушив черные оконца,
Мы жаждем миром опьянеть.
Еще не нам, не знавшим солнца,
Вершиной гордою шуметь.

В то же время поэты ясно сознавали, что словесное творчество — не прихоть, не игра, а призвание, носитель которого ответствен перед временем и народом. С презрением писал И. Логинов о «поэте-мещанине», который «преклоняется перед заезженным словом». С гневом отвергал Д. Бедный шумливую, претенциозную, сопровождаемую «чарующе напевным» стоном скрипок поэзию, рассчитанную на «чистую публику».

Я — не слугитель муз:
Мой твердый, четкий стих — мой подвиг ежедневный.
Родной народ, страдалец трудовой,
Мне важен суд лишь твой,
Ты мне один судья прямой, нелицемерный,
Ты, чьих надежд и дум я — выразитель верный...

(«Мой стих»)

Мотив этот характерен для творчества многих поэтов, ибо искусство в их представлении неразрывно связано с жизнью народа. «Пролетарский сеятель» (С. Ефремов), «рядовой пролетарского строя» (В. Кичуйский), слагатель гимнов «жизни современной» (И. Логинов) — так называют себя поэты. Они знают, что их песни рождены в труде, в страданиях, невзгодах. У А. Поморского — «с непокрытой головой шла песня по этапу», В. Кириллов «подслушал» свои песни «в гулком вихре огнеликих, необъятных городов... в шуме фабрик, в криках стали, в злобном шелесте ремней...» И поэты горды тем, что их песни способны «опалить век дыханьем урагана» (А. Поморский), что песни эти — «вызов непреклонный злобой, тягостной судьбе» (В. Кириллов) или «острые стилеты, гневом пламенным напеты», или «звон колоколов» (И. Ионов).

Понимание действенной роли поэтического слова примиряло художников с их тяжкой, а иногда и трагической личной судьбой, ибо слову, рожденному в общей борьбе, суждено долголетие, которого лишен человек, подвергающий опасности свою жизнь. В этом смысле знаменитая исповедь А. Гмырева — «Я погибну, но вместе со мной не умрут пролетарские песни мои...» — могла бы стать творческой декларацией многих поэтов.

Не преувеличивая своей личной роли в развитии искусства, поэты рассматривали творческий труд в двух измерениях: как духовное подспорье тем, кто вышел на борьбу, и как закладку зерен будущего искусства. Призывая «вперед — к культуре мировой», они считали, что вносят свою лепту в дело созидания нового общества, в его духовную культуру.

Но было и третье измерение, которого долго не замечали истолкователи пролетарского искусства. Поэты революции не отделяли себя от демократического движения прошлого и от поэзии предыдущих поколений. Вопреки утверждениям теоретиков богдановского толка, что лишь на обломках здания старой культуры возможно создание новых духовных сокровищ, многие из пролетарских поэтов считали себя учениками и последователями художников прошлых времен. Они с благоговением говорили о Добролюбове и Шевченко, преклонялись перед певцами Парижской коммуны, зачитывались «вольной» русской поэзией XIX века. И. Логинов посвятил стихи Э. Верхарну, В. Богораз переводил У. Уитмена, А. Богданов написал «К портрету Н. А. Некрасова».

Можно утверждать, что без вдумчивого, уважительного отношения к культурным традициям были бы невозможны многие видные явления революционной поэзии.

Трудно было бы, например, понять лучшее из того, что создал до революции Д. Бедный — его колоритные басни, сочный стихотворный язык, если не учитывать традиций Крылова и Некрасова, так любовно изученных и освоенных им.

Нелегко было бы объяснить творчество И. Филиппенко без учета поэзии У. Уитмена, А. Коца — без произведений немецких и французских революционных певцов, М. Артамонова, С. Кошкарова, Ф. Шкулева — без лирики И. Никитина и А. Кольцова.

Обличительный пушкинский пафос сказался в грозных инвективах революционных поэтов («К убийству генерала Мина» и др.). Образы, интонации некрасовской поэзии находим мы в стихотворениях «Два стана» и «Дума» неизвестных авторов, в произведениях С. Ганьшина, А. Соловьева-Нелюдима. Некоторые произведения А. Маширова написаны под влиянием М. Лермонтова («Еще скажи: в минуту бед...»), Н. Языкова («Гребцы»). А мастера революционной сатиры интенсивно осваивали опыт поэтов старой «Искры» (журнала шестидесятых годов) с их пародиями, перепевами. Об этом говорят такие стихотворения, как «Боже, царя храни», «Солдатские песни», «Монолог Керенского» неизвестных авторов, «Два либерала» А. Луначарского, «Романовская колыбельная песня» И. Мукосеева. Привлекала сатириков и поэзия П. Беранже с характерной для нее песенно-куплетной формой стиха (см. «Зачем же?» и «Чем?» неизвестного автора, «Кадет» С. Нахимсона, «Пальто рабочего» А. Скорбина, фельетоны В. Князева).

Надо иметь в виду разные степени приближения поэтов к традициям классики, разную меру творческой самостоятельности, проявленную ими в стихах. На ранних этапах у многих из них наблю-

дались простейшие подражания известным поэтам. Подражали не только Горькому (о чем мы уже говорили), но и Брюсову (см. «Мостовщик» А. Поморского), Лермонтову («Ручей» П. Горбачева), Некрасову, Плещееву, многим другим. Самый факт этот свидетельствует о стремлении постичь искусства поэзии, опираясь на творчество классиков, на созданные ими художественные образцы. Тот же факт говорит и о стадии ученичества, которую проходили поэты на пути к самостоятельному творчеству, — стадии, которую им не всегда удавалось преодолеть.

В целом, однако, развитие демократической поэзии шло под знаком углубления творческих принципов: от методов стилизации поэты переходили к внимательному изучению и творческой разработке литературных традиций. На это, в частности, указал М. Горький в статье «О писателях-самоучках» (1911). Раньше, отмечал он, зависимость авторов от литературных учителей «сказывалась и в манере писать, и в выборе тем, и в настроении»; среди поэтов Алексей Максимович особенно подчеркивал подражания Некрасову, Никитину, Надсону. «В материале, который теперь я имею в руках, — добавлял Горький, — почти совершенно отсутствует подражание».¹

Нельзя умолчать и о том, что некоторые авторы обнаруживали тягу к поэтике символизма; в стихах представителей этой школы их привлекала плавность речи, звуковая инструментовка, оригинальность эпитетов, обнаженность эмоций. Неудивительно, что в стихах пролетарских поэтов являлись и «границы видений» (Д. Семеновский), и «зыбкие дали», и «больная заря» (А. Поморский). Ритмика и образы символистской поэзии, как правило, «привязывались» к стихам нового, революционного содержания. Поморский, например, изображал стачку:

Как сфинксы, замолкнут машины,
Как стоны, замрут шестерни.

(«Стачка»)

Д. Одинцов привлекал типичный для поэзии символистов образ средневекового рыцаря, когда пытался нарисовать человека будущего:

Горделив он, вечно молод,
Очи — кроткая лазурь,
На плаще его приколот
Символ лучших дней и бурь.

(«Швейка»)

¹ М. Горький, Собр. соч. в тридцати томах, т. 24, с. 111.

Особенно часто встречаются музыкальные ритмы и аллитерации бальмонтовского типа («Недвижимы наковальни, словно алтари, Мы залиты светом дальней... меркнувшей зари»), составные эпитеты («темно-призрачные» тени, «бледно-радужная звезда») и т. п. М. Горький в той же статье «О писателях-самоучках» (касаясь, правда, не стихов, а пьес) заметил, что «это влияние — внешнее: берут форму, а не настроение автора, не его отношение к жизни».¹ Однако подражания свидетельствовали о трудностях творческого развития литераторов, о том, что далеко не сразу и не всегда они обрели в поэзии собственный голос.

Богатейшим источником творчества изучаемых нами авторов явилась устная народная поэзия. Можно утверждать, что большинство революционных поэтов так или иначе соприкасалось с традициями фольклора. Вне этих традиций было бы невозможно создание произведений песенного и сказового склада, занявших немалое место в творчестве наших поэтов; невозможны были бы также достижения стихотворной сатиры, использовавшей для своих целей все формы народного юмора: прибаутку, басню, шутку, частушку, раек.

Любопытно заметить, что в этой области поэты быстрее добились творческой самостоятельности, применяя народную поэтику в своих стихах, но не механически воспроизводя ее художественные приемы. Устоявшиеся формы устной поэзии приобретали гибкость и новизну благодаря вкладываемому в них новому содержанию; традиционные образы переосмысливались в плане злободневных явлений общественной жизни. Так возникли политические сказки («Сказка о попе и черте», «О сером зайце и лютном волке», «Сказка о мужике Филате, храбром солдате»), басни («Осел и собака», «Крестьянин и комар»), плясовые песни («Камаринская» в разнообразных сатирических вариантах) и т. д.

Особо следует отметить тягу поэтов к эпической форме стиха, к народным песенным аллегориям. Она сказалась в песнях о кузнецах, кующих счастье народу (Ф. Шкулева, А. Микульчика, А. Соколова, С. Есенина, Е. Андреева, А. Тельзнера), в стихах о тружениках-богатырях («Микула» Д. Семеновского, «Я на заволжские курганы...» М. Герасимова).

Развивая традиции демократической поэзии XIX века, опираясь на фольклор, русская революционная поэзия несла знамя социалистических идей и в наиболее совершенных своих образцах обозначала черты нового метода, которому принадлежало будущее искус-

¹ М. Горький, Собр. соч. в тридцати томах, т. 24, стр. 114.

ства, — метода социалистического реализма. Она поддерживала тот фронт литературы, во главе которого стояли Горький и Серафимович. Она оказала известное влияние и на развитие советской поэзии, заложив основы социалистической лирики, злободневной поэтической публицистики, массовой песни. Таково историко-литературное значение революционной поэзии.

Но она принадлежит не только прошлому. Многие ее произведения живут и сейчас. Их поют, читают. Они стали достоянием театра, живописи, музыки, кино. Вспомним хотя бы вокальный цикл Д. Шостаковича на слова революционных поэтов, его симфонию «1905 год», панно Г. Коржева «Интернационал», пьесы и кинофильмы на историко-революционные темы. Недаром В. Вишневский, обращаясь к одному из постановщиков «Оптимистической трагедии», писал: «Изучите ранних пролетарских поэтов. Именно из их образного ряда взяты, как сплав, образы и музыкальное построение ремарок и отчасти тексты старшин». Называя далее имена Э. Потье, Ф. Фрейлиграта, М. Герасимова, А. Маширова, В. Кириллова, А. Гастева, драматург подчеркнул, что для его пьесы о гражданской войне, о людях новой эпохи «понимание этой фактуры, понимание духа ранней революционной поэзии необходимо».¹

Произведения, с которыми знакомила своих читателей большевистская пресса, составляют неотъемлемую часть культурного наследия великой русской революции.

И. Эвентов

¹ Письмо режиссеру С. Майорову, 1934. См.: В. Вишневский, Собр. соч., т. 6, с. 439.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Неизвестный автор

1. В ПОГОНЕ ЗА МИЛЛИОНАМИ

Порядок водворен — мятежники смирились,
И кровью куплено спокойствие царя,
И снова в тьме кромешной скрылась
На миг блеснувшая заря.
И он, счастливый царь несчастного народа,
Дождавшись, чтобы стих последней битвы звук,
Во Францию, — туда, где царствует свобода, —
Он едет наполнять свой денежный сундук.

Каторга, тюрьмы, казармы,
Пушки, казаки, жандармы,
Рать полицейских, шпионов,
Нужны нам сотни миллионов.

И Франция, своих казнившая тиранов,
Тирану русскому холопски бьет челом,
И стая Делькассе, Вальдеков, Мильеранов
На задних лапках пляшет пред царем.
И Николай Второй с улыбкою надменной
Вождем республики по ордену дает,
А Витте с ловкостью и быстротой отменной
С французской публики золотую шерсть стрижет.

Каторга, тюрьмы, казармы,
Пушки, казаки, жандармы,

Рать полицейских, шпионов...
Много нам нужно миллионов.

И он вернется к нам с набитою мошною,
Богопомазанный порфиноносный шут.
И снова засвистит над бедною страною
В руке державной подлый кнут.
И будет хищникам — бичам земли голодной —
Он с царской щедростью добычу раздавать,
Чтоб нам из золота республики свободной
Покрепче кандалы сковать.

Чтоб заглушить всенародные стоны,
Нужны миллионы, миллионы...

(10 сентября 1901)

Л. Радин

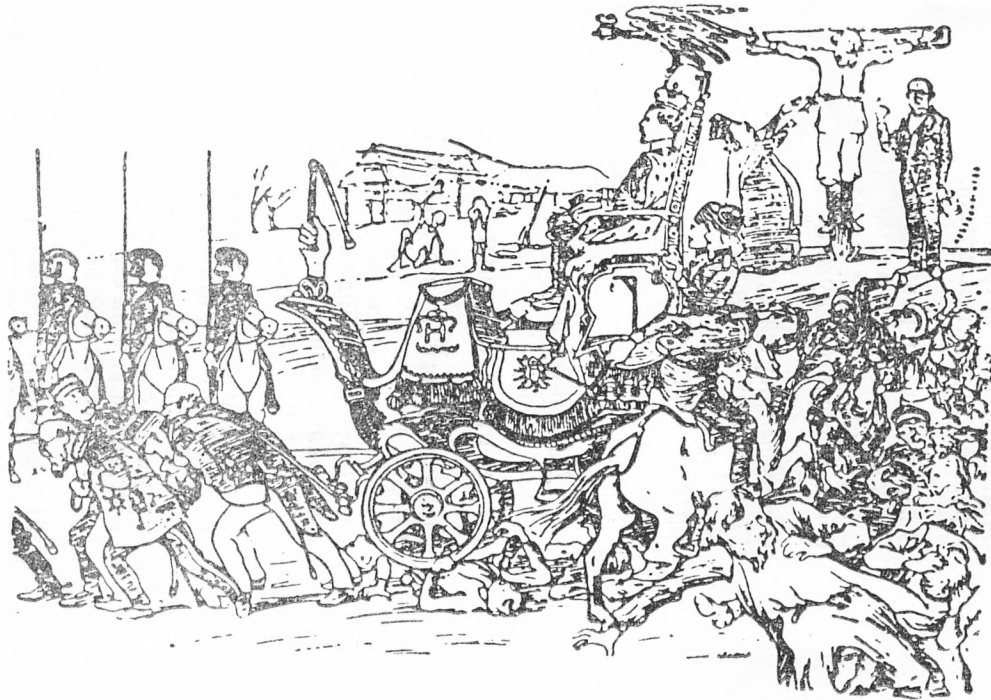
2. СМЕЛО, ТОВАРИЩИ, В НОГУ...

Смело, товарищи, в ногу!
Духом окрепнем в борьбе,
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе.

Вышли мы все из народа,
Дети семьи трудовой.
«Братский союз и свобода» —
Вот наш девиз боевой!

Долго в цепях нас держали,
Долго нас голод томил;
Черные дни миновали,
Час искупленья пробил.

Время за дело приняться,
В бой поспешим мы скорей,
Нашей ли рати бояться
Призрачной силы царей?

Всё то, чем держатся троны, —
Дело рабочей руки. . .
Сами набьем мы патроны,
К ружьям привинтим штыки.

С верой святой в наше дело,
Дружно сомкнувши ряды,
В битву мы выступим смело
С игом проклятой нужды.

Свергнем могучей рукою
Гнет роковой навсегда
И водрузим над землею
Красное знамя труда!

1897

Днепровский

в. ПРОЧЬ С ДОРОГИ

Прочь с дороги, мир отживший,
Сверху донизу прогнивший, —
Молодая Русь идет
И, сплоченными рядами
Выступая в бой с врагами,
Песни новые поет.

Прочь с дороги всё, что давит,
Что свободе сети ставит. . .
Зла, насилия жрецы,
Вам пора сойти со сцены,
Выступаем вам на смену
Мы, отважные борцы, —

Мы, рожденные рабами,
Мы, вспоенные слезами,
Мы, вскормлённые нуждой,
Из тюрьмы, из злой неволи
Рвемся все мы к лучшей доле,
Рвемся мы с неправдой в бой.

Дети родины опальной,
Шьем мы саван погребальный
Палачам родной страны.
В тюрьмах, в ссылке отдаленной
Гимн слагаем похоронный
Царству зла, насилья, тьмы.

Крепче стали наши руки,
Не страшны нам смерть и муки,
Не боимся мы цепей.
Мы не дрогнем, не отступим,
Мы ценой кровавой купим
Счастье родины своей.

К нам под знамя боевое,
К нам, всё честное, живое,
К нам, бойцов отважных рать!
Грянем бурей-ураганом,
Будем мы, на страх тиранам,
За свободу воевать!

Прочь с дороги, злые силы,
Вас давно уж ждут могилы. . .
Молодая Русь идет
И, могучими рядами
Выступая в бой с врагами,
Песни новые поет!

(Сентябрь 1902)

Г. Кржижановский

4. ВАРШАВЯНКА

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут,
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут.
Но мы подыдем гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело,
Знамя великой борьбы всех народов
За лучший мир, за святую свободу.

На бой кровавый,
Святой и правый,
Марш, марш вперед,
Рабочий народ!

Мрет в наши дни с голодухи рабочий.
Станем ли, братья, мы дольше молчать?
Наших сподвижников юные очи
Может ли вид эшафота пугать?
В битве великой не сгинут бесследно
Павшие с честью во имя идей,
Их имена с нашей песней победной
Станут священны миллионам людей.

На бой кровавый,
Святой и правый,

Марш, марш вперед,
Рабочий народ!

Нам ненавистны тиранов короны,
Цепи народа-страдальца мы чтим,
Кровью народной залитые троны
Кровью мы наших врагов обагрим.
Мсть беспощадная всем супостатам,
Всем паразитам трудящихся масс,
Мщенье и смерть всем царям-плутократам,
Близок победы торжественный час.

На бой кровавый,
Святой и правый,
Марш, марш вперед,
Рабочий народ!

1897

В. Акимов

5. КРАСНОЕ ЗНАМЯ

(Польская рабочая песня «Czerwony szlandar»)

Слезами залит мир безбрежный,
Вся наша жизнь — тяжелый труд,
Но день настанет неизбежный,
Неумолимо грозный суд!

Лейся вдаль, наш напев! Мчись кругом!
Над миром знамя наше реет
И несет клич борьбы, мести гром,
Семя грядущего сеет.
Оно горит и ярко рдеет,
То наша кровь горит огнем,
То кровь работников на нем.

Пусть слуги тьмы хотят насильно
Связать разорванную сеть,
Слепое зло падет бессильно,
Добро не может умереть!

Лейся вдаль, наш напев!..

и т. д.

Бездушный гнет, тупой, холодный,
Готов погибнуть наконец.
Нам будет счастьем труд свободный,
И братство даст ему венец.

Лейся вдаль, наш напев!..

и т. д.

Скорей, друзья! Идем все вместе,
Рука с рукой и мысль одна!
Кто скажет буре: стой на месте?
Чья власть на свете так сильна?

Лейся вдаль, наш напев!..

и т. д.

Долой тиранов! Прочь оковы,
Не нужно старых, рабских пут!
Мы путь земле укажем новый,
Владыкой мира будет труд!

Лейся вдаль, наш напев!..

и т. д.

(Февраль 1900)

Неизвестный автор

6. ДВА СТАНА

В мире два стана, нещадно враждующих:
В первом — с победно поднятой главой
Сонмы веселых, беспечных, ликующих,
Сытых, довольных собой;

Сонмы терзающих силы народные,
Нагло сосущих народную кровь,
Топчущих в грязь всё святое, свободное —
Честь, идеал и любовь.

С сердцем заплывшим, душой пресыщённою,
Всюду внося с собой ложь и разврат,
Всё попирают стопой загрязненной,
Куплей-продажей клеймят.

Совесь и честь для них звуки забытые,
Изгнаны правда, любовь, идеал;
Соки народные, в золото слитые, —
Вот где их бог, их Ваал!

Вечная праздность, разгул нескончаемый,
Пьянство, обжорство, бесстыдный разврат,
Наглая ложь, произвол нескрываемый
Здесь безраздельно царят!..

В стане другом — миллионы униженных,
Стонущих тяжело под гнетом оков,
Счастья не знающих, роком обиженных,
Цепи влачащих рабов;

Вечно надломленных, вечно страдающих,
Молотом, ломом, сохой, топором
Жизнь и здоровье свое надрывающих
Над непосильным трудом;

Хищные стаи жестоких мучителей,
Алчных вельмож и жестоких царей,
Царских холопов, чиновных грабителей
Кровью питают своей...

Только не вечно им рабство позорное,
Гнет ненавистный смиренно нести;
Кончится скоро молчанье покорное,
И задрожат палачи...

Близок уж час, уж борьба разгорается,
Мрак беспросветный не так уж гнетет;
Это свободы заря занимается,
Это народ восстает...

(1898)

А. Богданов

7

Кто золото добыл для царской короны?
Кто сталь для солдатских штыков отточил?
Ткал бархат и шелк на богатые троны,
В ненастье и холод за плугом ходил?
Кто дал богачам и вино и пшеницу
И горько томится в нужде безысходной?
Не ты ль, пролетарий, рабочий голодный?

Кто с раннего утра до поздней полночи
Стонал, надрывался под грохот машин,
Бессменным трудом ослеплял себе очи,

Чтоб в роскоши жил фабрикант-господин?
Кто мощно вертит колесо мировое
И гибнет бесправным, как червь непригодный?
Не ты ль, пролетарий, рабочий голодный?

Кто гнету насилья, как раб, подчинялся,
Царям ненавистным века прослужил
За них, как холоп безрассудный, сражался
И кровь неповинную жертвенно лил?
О бедная родина! Жалкое племя!
Обман ненавистный смежил тебе очи.
Проснись, пролетарий, проснись, рабочий!

Проснись! Собирайте дружину с любовью!
Под знаменем красным клянитесь, кто смел, —
Клянитесь, клянитесь, что купите кровью
Свободу и равенство, лучший удел! . .
Клянитесь, что царство тиранов погибнет,
Что близится век справедливый, свободный!
К борьбе, пролетарий! К оружию, голодный!

В руках ваших сила бессмертного знания,
Всемирною дружбой ваш крепок союз.
Дружнее, как братья, направьте старанья
Разбить произвол деспотических уз!
Пусть царь вас осыплет солдатской картечью, —
Победа за вами, за силой народной! . .
Победа близка, пролетарий голодный!

1900

П. Якович

8. ВОСЕМЬ ЧАСОВ

Братья, нет сил для терпенья! Мы слишком устали
Вечно бороться за жизнь, эту жизнь нищеты
и печали!
Хочется воздуха, красного солнца, простора,
душистых цветов, —
Прямо и смело заявим: мы требуем — «Восемь
часов!»

Над Уралом и Кавказом
Над Невой и над Днепром
Пусть наш отклик грянет разом,
Как весенний первый гром!

Наша жизнь идет в неволе,
Наша родина — тюрьма,
Нет позорней нашей доли,
Нет ужаснее ярма.

Встаньте, встаньте ратью смелой.
Силу дал нам бодрый труд.
Словно лен перегорелый,
Наши цепи упадут.

Разве даром так упорно
Напрягается рука
У пылающего горна,
У жужжащего станка?

Пусть из горна это пламя
Хлынет вон живым ключом
И осветит, словно знамя,
Целый мир своим лучом.

Наш хозяин тороватый
На увертливую ложь,
Соблазняя нас приплатой,
Посулил нам лишний грош...

На посул его лукавый
Мы дадим один ответ:
Славься, праздник величавый!
В этот день работы нет.

За хозяином жандармы
Торопливо бьют в набат
И выводят из казармы
Против нас ряды солдат.

Нас угроза не принудит,
Наш ответ готов давно:
В этот день труда не будет,
Мы решили заодно.

Встаньте, братья, бодрой ратью!
Все в ряды. . . Плечо с плечом. . .
Только дружно встать нам нужно, —
Каждый враг нам нипочем.

Над Уралом и Кавказом,
Над Невой и над Днепром
Пусть наш голос грянет разом,
Как весенний первый гром. . .

(Апрель 1899)

В. Богораз-Тан

10

(Из Уолта Уитмена)

Не скорбным, бессильным, остывшим бойцам,
Усталым от долгих потерь,
Хочу я отважным и юным сердцам
Пропеть свою песню теперь!

Пусть мертвые мертвым приносят любовь
И плачут у старых могил!
Мы живы: кипит наша алая кровь
Огнем неистраченных сил.

Священную память погибших в бою
Без слез мы сумеем хранить;
Мы жаждем всю силу, всю душу свою
На тот же алтарь возложить!

Кто выронил молот и острый резец?
Мы рвемся работать взамен
И строить великий народный дворец
Из камня разобранных стен.

Чьи мутные взоры поникли к земле?
Пытливо глядим мы вперед,
Упрямо стремимся увидеть во мгле
Зари отдаленный восход.

Несись, моя песня, как радости клик,
На дальний безвестный предел!
Да здравствует юность, кипучий родник
Великих стремлений и дел!

Несись, моя песня! Взлети до небес,
Как сокол, свободный от пут!
Да здравствует гений всемирных чудес,
Могучий и творческий труд!

Несись, моя песня, опять и опять!
Греми над землей, как труба!
Да здравствует жизни всесильная мать,
Владычица мира, борьба!

От края до края родимой страны
Друг другу несем мы привет...
Мы ласточки свежей, зеленой весны,
Идущей за нами вослед.

Пусть скована стужей немая земля
И каждый шумливый поток,
И умерли листья, и снег на поля
Серебряным саваном лег.

Уже прокатился громовый удар
С неведомых горних высот,
И дрогнула сила безжизненных чар,
Тяжелый колеблется гнет.

И ветер пред утром повеял теплей;
Во мраке на каждом шагу
Незримые струйки оживших ключей
Уж роются тайно в снегу.

Да скроется сумрак, да здравствует свет!
Мы вестники новых времен!
Весна молодая идет нам вослед
Под сенью несчетных знамен.

(Март 1899)

Неизвестный автор

11. НА СМЕРТЬ С. С. КОСТРОМИНА

Ночью товарищ погиб:
Жить ему стало невмочь.
Труп его свежий зарыт
В ту же зловещую ночь.

Умер живой человек —
Нечего плакать о нем;
Мало ли близких людей
Гибнет и ночью, и днем!

С другом надежным сойдись,
Острый клинок отточи:
Надо не плакать, а мстить,
Мстить за погибших в ночи.

1898

П. Якубович

12. КУЗНЕЦЫ

Мех гудит и дышит шумно,
Близ горна́ кромешный ад,
В пляске бешеной, безумной
Миллионы искр летят.
Скачут огненные стрелы,
Спеет вар, — и блеск и шум...

Плавны, быстры и умелы
Взмахи молота: дзин! бум!

Вот кузнец. Он весь — забота,
Черен, страшен, будто гном:
Щеки, мокрые от пота,
Красным светятся огнем.
Ломит спинушку больную,
Очи жжет, мутится ум,
Но кормилицу мирскую —
Сóху он кует: дзин! бум!

Крепче, ноженьки, держите,
Не катись, слеза, из глаз!
Грозы жизни, приходите,
Но блесни и светлый час!
Чу! Как будто ада звуки...
Грохот, пламя, лязг и шум...
А натруженные руки
Ходят весело: дзин! бум!

Так и вы, друзья народа,
Кузнецы земли родной,
Стойте бодро в дни невзгоды
У горна борьбы святой!
Пусть грохочет непогода:
Молот ваших мышц и дум
Счастье выкует народа,
Волю-долю... Дзин-дзин! бум!

1893

13. ПЕСНЯ БУРИЛЬЩИКОВ

Там, где, холодом облиты,
Сопки высятся кругом, —
Обезличенны, обриты,
В кандалах и под штыком,
В полумраке шахты душной,
Не жалея сил и рук,
Мы долбим гранит бездушный
Мононным «тук!» да «тук!»

Где высокие порывы,
Сны о правде и добре?
Ранний гроб себе нашли вы
В темной каторжной норе!
Счастья кончены обманы,
Знамя вырвано из рук...
Заглушая сердца раны,
Мы стучим лишь «тук!» да «тук!»

С нелюдимого востока,
С плачем снежных непогод
Этот стук пройдет далёко,
В грудь отчизны западет
И на гибнущее дело
Вышлет сотни свежих рук...
Бейте ж, братья, бейте смело,
Неустанно: «тук! тук! тук!»

1891

Акатуйский рудник

Неизвестные авторы

14. КАМАРИНСКАЯ

Эх и прост же ты, рабочий человек!
На богатых гнешь ты спину весь свой век.
У Морозова у Саввушки завод,
Обирают там без жалости народ;

Все рабочие в убогости,
А на них большие строгости,
Чтоб не вышло препирательства
За иные надувательства,
Канцелярия составила
Для рабочих пункты-правила:
Положила кары грозные,
Наказания серьезные,
Обирает по-законному,
Прижимает по-ученому.

Эх, у Саввушки палатушка ума,
Оттого-то, знать, толста его сума.
Загорелся раз у Саввушки завод,
Разбежаться стал испуганный народ;
Управляющий огонь тушить велит,
А рабочий люд на улицу валит.
Дали Савве знать об этом в телефон;
Как ошпаренный, примчался мигом он.
«Что ж, имущество должно мое сгореть?
Эй, немедленно ворота запереть!»
Не пускать велит с завода ни души,
Там уж хочешь иль не хочешь, а туши!
Эх, уж Саввушка умен, умен, умен,
И начальством он за это отличен:
Почитается как знатный дворянин,
Принимается как важный господин.

Савва, жирная скотинушка,
В три обхвата животинушка!
Он живет себе с отрадою,
Умывается помадою,
Злой кручинушки не ведает,
По три раза в день обедает.
Призапасся гувернантками,
Черномазыми тальянками,
Разговору непонятного,
Обхождения приятного;
На гроши наши трудо́вые
Сшил наряды им шелко́вые.
Они ходят точно павушки,
Удовольствие для Саввушки. . .

Собирали как-то деньги на собор,
На заводе велел Савва сделать сбор:
«Подавайте с каждой хари четвертак,
Всё равно снесете деньги вы в кабак!»
Подчинилися приказу дураки,
Понесли они свои четвертаки.
От покорности убогих дураков
Понастроены все сорок-сороков.

Духовенство умилилося,
Савве низко поклонилося,
А для нашего спасения
Поучает в воскресение,
Чтоб безропотно трудилися
Да молитвою кормилися,
Чтоб не ели в пост скоромного,
Поведенья были скромного,
Чтоб начальству подчинялися
Да иконам поклонялися.
За усердие чудесное
Въедем в царствие небесное!
Эх, наставники духовные,
Проповедники церковные!
С виду — божие угодники,
Втихомолку — греховодники;
У вас брюхи слишком пухлые,
Ваши речи очень тухлые.

Эх, ребяташки, живей, живей, живей,
Соберем колокола со всех церквей,
Из них пушку мы большую отольем,
Духовенством эту пушку мы набьем,
Знатно выпалим попами в небеса,
Уж посыплются к нам с неба чудеса!

Служим потом, служим кровью
Мы купецкому сословью;
А и царское правительство
Покрывает всё грабительство,
Издает законы многие,
Для рабочих очень строгие,
Да без всякого стеснения
Учиняет притеснения.

На купцах стоит теперича земля,
Нету силы против батюшки-рубля!
Ох уж эти-то купцы, купцы, купцы,
Обиратели они да подлецы!

Вы, ребяташки фабричные,
К обирательству привычные,

М. Горький и Скиталец, 1901

Г. Кржижановский, 1899

А. Луначарский, 1905

П. Якубович, 1898

А. Коц, конец 1890-х годов

Уж найдите вы управушку
На Морозова на Саввушку,
Покажите молодечество,
Выходите на купечество!

На купцов, да на попов, да на царей
Подымайтесь скорей, скорей, скорей!

1897(?)

15. СКАЗКА О ПОПЕ И ЧЕРТЕ

В церкви, золотом залитой,
Пред оборванной толпой
Проповедовал с амвона
Поп в одежде парчевой.

Изнуренные, худые
Были лица прихожан.
В мозолях их были руки...
Поп был гладок и румян.

«Братье! — он взывал к народу, —
Вы противитесь властям,
Вечно ропщете на бога, —
Что, живется плохо вам?!

Это дьявол соблазняет
Вас на грешные дела,
В свои сети завлекает,
Чтоб душа его была.

Вот зато, когда помрете,
Вам воздастся по делам:
В пламень адский попадете
Прямо в общество к чертям!»

Мимо церкви в это время
Черт случайно проходил,
Слышит — черта поминают,
Уши он насторожил,

Подобрался под окошко
И прислушиваться стал.
Всё, чем поп народ морочит,
Черт всё это услышал.

Повалил народ из церкви;
Наконец выходит поп.
Черт к нему... Сверкнул глазами
И попа за рясу — цоп!

«Ну-ка, отче толстопузый,
Что про нас ты в церкви врал? —
Отвечай, какие муки
Беднякам ты обещал?..»

Чертом вздумал ты пугать их,
Страшным адовым огнем!
Что им ад?.. Они и в жизни
Трепят тот же ад... Пойдем!..»

Поп — бежать... Но черт за ворот,
Как щенка, его поймал
И, подняв с собой на воздух,
В даль туманную помчал.

Он принес попа к заводу.
В дымных, мрачных мастерских
Печи яркие горели,
Адский жар стоял от них.

Молот тысячепудовый
По болванке ударял
И фонтаном искр горящих
Всех рабочих осыпал.

А машины грохотали,
Точно в небе июльский гром;
Стены толстые дрожали,
Всё ходило ходуном.

И куда наш поп ни взглянет,
Всюду жар, огонь и смрад:
Сталь шипит, валяются искры,
Духота... Уж чем не ад?!

У попа дыханье сперло,
Жметесь, мнетесь, — сам не свой.
Слезно к черту он взмолился:
«Отпусти меня домой!»

— «Что ж?! Так скоро надоело?!
Хочешь скоро так назад?!
Посмотрел ты очень мало:
Это ведь еще не ад!»

Вновь схватив попа за ворот,
Черт взвился под облака
И в другую мастерскую
Опустил он толстяка.

Здесь, средь мрака и шипенья,
Из огромного котла
В приготовленную форму
Лава яркая текла.

Вдруг большими языками
Лаву стало вверх кидать...
Люди в ужасе смертельном
Попытались убежать.

Но напрасно... С страшной силой
Клокотал чугун в котле;
Обгорелые стонали,
Корчась в муках на земле.

Поп, от страха замирая,
Полы рясы подобрал
И быстрее косоного зайца
Из завода тягу дал.

(Июнь 1899)

16. ДУДА

Собирайтесь-ка, ребята, поскорей,
Грянем песню мы крестьянскую дружней!
Полно нам под дудку барскую плясать,
Не пора ли на своей дуде сыграть?!
Сколько времени на нашу на беду
Господа да кулаки дудят в дуду,
А начальство знай подхлестывать кнутом,
Чтоб резвей мужик выкидывал козлом!
Семенит он, до истомы семенит,
Из кармана грош последний знай летит, —
Чиновье да кулаки берут гроши:
Очень-де крестьянски деньги хороши!
Тут и поп, гляди, акафисты поет,
А руками те же денежки гребет!
Ах ты, подлый, долгогривый сатана,
Ведь и так, поди, давно мошна полна!
До каких же пор нам, братцы, всё плясать?!
Нет, давайте на своей дуде играть;
Пусть теперь попляшет это воронье,
Растрясет маленько черево свое!

(1902)

Неизвестный автор

17. ДЕПУТАТАМ

Депутатам от сословий,
Волостей и городов
Царь без дальних предисловий
Объявляет пару слов:

«Вас за ваши поздравленья
От души благодарю:
Чувств покорных изъявленья
Любы русскому царю.

Но я вам сказать обязан —
Знайте это, господа! —
Конституциею связан
Я не буду никогда!

Представительных собраний
Я с пеленок не люблю,
И бессмысленных мечтаний
Я отнюдь не потерплю!

И с чего вообразили,
Что такой я либерал?!
Или вы уже забыли,
Как папаша управлял!

Знайте ж это вы, дворяне,
И крестьяне, и купцы,
И вы, — эй, там, — тверитяне,
Либеральные земцы!

Мне не нужны депутаты;
Нужны русскому царю
Лишь жандармы и солдаты —
Откровенно говорю!»

1895

Г. Галина

18. ЛЕС РУБЯТ...

Лес рубят — молодой еще, зеленый лес...
А сосны старые, задумавшись угрюмо
И полные неразрешимой думы,
Печально так глядят в немую даль небес...

Лес рубят... Оттого, что рано зашумел,
Что песней радостной своей будил природу?
Что молодой листвой он слишком смело пел
Про солнце, счастье и свободу?

Лес рубят... Но земля укроет семена:
Пройдут года, и мощной жизни силой
Поднимется борцов зеленая стена —
И зашумит она над братскою могилой!

Февраль 1901

Неизвестный автор

19. ОСЛЫ И ЛЕВ

(На отлучение от церкви Л. Толстого)

В одной стране, где правили ослы,
Лев завелся и стал налево и направо
О том о сем судить; и вот во все углы
Про речи львиные пошла далёко слава...
Известно всем, какой львам голос громкий дан,
Какая скрыта в нем и сила и отвага.
А этот — первый был среди и львиных стран
И громко говорить для всех считал за благо...
И так как львы-то не похожи на ослов
И всё в привычках их и в их речах иное,
То всё правление ослиных тех голов
От львиной дерзости лишилося покоя:
«Как? Рядом долгих лет, природные ослы,
Обычай наш и нрав привили мы народу,
А дерзкий Лев рычит на нас свои хулы
И под носом у нас плодит нам львиную породу?!
К несчастью пущему, народ наш не глухой,
И дан язык ему, как ни прискорбно это!
Один послушает, послушает другой —
Глядишь, и разнесут ту ересь на полсвета!
Судить немедля Льва!» И семеро ослов
Собралось заседать, как быть с врагом косматым.
И сановитейших ослиных семь голов
Так разрешилися посланием чреватим:
Лев назван гибельным смутителем страны,
Порвавшим дерзостно с премудростью ослиной.
За то и ждут его рогатки сатаны,
Лизанье сковород и свист и шип змеинный.
Готовы б съесть его ослы, да ведь боятся Льва,

И только издали его лягали.
И даже ясно так звучали их слова:
«Вам, Лев неистовый, покаяться нельзя ли?
Забудьте львиные замашки и хулы!
Хоть очень смелы вы, но мы ведь тоже в силе.
Покайтесь! Будет вам! Подите-ка в ослы;
Кто знает, — может быть, чины бы получили».
Когда же Льву прочли зловещую рацею,
То он сказал, метнув презрительно

ХВОСТОМ:

«Здесь всё написано ослиным языком,
А я лишь понимать по-львиному умею».

Между 22 февраля и 20 марта 1901

К. Бальмонт

20

То было в Турции, где совесть — вещь пустая,
Там царствуют кулак, нагайка, ятаган,
Два-три нуля, четыре негодяя
И глупый маленький султан.

Во имя вольности, и веры, и науки
Там как-то собрались ревнители идей,
Но сильных грубостью размашистых плетей
На них нахлынули толпы башибузуков.

Они рассеялись... И вот их больше нет;
Но тайно собрались изгнанники с поэтом.
«Как выйти, — говорят, — из этих темных бед, —
Ответствуй нам, певец, не поскупись советом!»

И он собравшимся, подумав, так сказал:
«Кто может говорить, пусть дух в нем словом
дышит,
И если кто не глух, пускай то слово слышит,
А если нет — кинжал».

Между 4 и 14 марта 1901

Неизвестный автор

21. ГРЕХ ТЯЖКИЙ

(Солдатская песня)

На 4-е марта 1901 г.

Как четвертого числа
Нас нелегкая несла
 Смуту усмирять,
 Смуту усмирять!

Рано утром нас будили.
Не кормили, а поили
 Водкою одной,
 Водкою одной!

Много силы у солдата,
Но давить родного брата
 Можно лишь спьяна,
 Можно лишь спьяна!

Подготовив понемногу,
Повели нас в путь-дорогу;
 К Невскому пошли,
 К Невскому пошли!

Здесь в дворы нас засадили
И настрого запретили,
 Чтобы не орать,
 Чтобы не орать!

Не по нас была засада,
Земляков брала досада
 На такой приказ,
 На такой приказ!

Много, мало мы сидели,
Втихомолку, не галдели, —
 Слышь, команда нам,
 Слышь, команда нам!

Выходите на тревогу,
Фараонам на подмогу:
Клейгельс ослабел!
Клейгельс ослабел!

Вышли мигом на свободу,
Видим тысячи народу;
Весь народ шумел.
Весь народ шумел!

Тут и вольный, и военный,
И бродяга, и поштенный,
Все шумели тут,
Все шумели тут.

Сперва зачали студенты,
Подхватили тилигенты,
Подсобил народ,
Подсобил народ!

Храбрый Клейгельс-генерал
Всё подале удирал
И кричал с коня,
И кричал с коня!

А Вяземский-генерал
Тот на Клейгельса кричал:
«Слушайся меня,
Слушайся меня!»

— «Ваше-ство, не смейте драться,
Ваше-ство, не сметь мешаться
Не в свои дела,
Не в свои дела!»

«Смирно! Стой!» — кричит удельный.
«Бей, топчи!» — вопит бездельный
Клейгельс-генерал,
Клейгельс-генерал!

Молоток пошел тут в дело,
Офицеру влетело —

Кровью залился,
Кровью залился! . .

Кутерьма затем стряслася,
Драка, свалка началась!
Бросили и мы,
Бросили и мы!

Безоружных колотили,
По башкам их молотили,
Словно на току,
Словно на току!

Полилася кровь ручьями,
Заливались слезами
Многие тогда,
Многие тогда. . .

Эх, солдатская ты доля!
Как бы наша была воля,
Разве бы пошли,
Разве бы пошли?!

Не зазорно ль для солдата
Колотить не супостата,
А честной народ,
А честной народ?

И калечить всех стараться,
И над бабой надругаться —
Это ль в похвалу,
Это ль в похвалу?

Как пришли домой мы в роту,
Принесли одну заботу
О своем грехе,
О своем грехе!

Пост великий осквернили:
Что народу подавили —
Ну-тко отговорь,
Ну-тко отговорь!

Попоститься, помолиться,
С грехом тяжким разлучиться,
Хоть не наш тот грех,
Хоть не наш тот грех!

Эх, отцы вы командиры,
Опоганили мундиры,
Чистые досель,
Чистые досель!

1901

А. Богданов

22

Опричники не умерли!.. Опричники живут,
На площади с нагайками чинят кровавый суд.
Враждой нечеловеческой горит бесстыдный взор, —
Псы царские, псы алчные врываюся в собор...
Опричники не умерли! Сам царь трубит поход.
Расправы дикой, варварской позорно ждет народ.
Увы! Погиб цвет юности, оборван злой рукой!
Святою кровью юности царь мнит купить покой...
Опричники не умерли... Умрут они, умрут!..
Воспрянет юность смелая, воздаст злодеям суд.
Обильной жатвы мщения созреют семена.
За каждый стон страдальческий воздаст врагам страна.

Между 4 марта и 30 апреля 1901

М. Горький

23. ПЕСНЯ О БУРЕВЕСТИКЕ

Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Ме-
жду тучами и морем гордо реет Буревестник, черной
молнии подобный.

То крылом волны касаясь, то стрелой взмывая к тучам, он кричит и — тучи слышат радость в смелом крике птицы.

В этом крике — жажда бури! Силу гнева, пламя страсти и уверенность в победе слышат тучи в этом крике.

Чайки стонут перед бурей, — стонут, мечутся над морем и на дно его готовы спрятать ужас свой пред бурей.

И гагары тоже стонут, — им, гагарам, недоступно наслаждение битвой жизни: гром ударов их пугает.

Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах... Только гордый Буревестник реет смело и свободно над седым от пены морем!

Все мрачней и ниже тучи опускаются над морем, и поют, и рвутся волны к высоте навстречу грому.

Гром грохочет. В пене гнева стонут волны, с ветром споря. Вот охватывает ветер стаи волн объятые крепким и бросает их с размаху в дикой злобе на утесы, разбивая в пыль и брызги изумрудные громады.

Буревестник с криком реет, черной молнии подобный, как стрела пронзает тучи, пену волн крылом срывает.

Вот он носится, как демон, — гордый, черный демон бури, — и смеется, и рыдает... Он над тучами смеется, он от радости рыдает!

В гневном грома, — чуткий демон, — он давно усталость слышит, он уверен, что не скроют тучи солнца, — нет, не скроют!

Ветер воет... Гром грохочет...

Синим пламенем пылают стаи туч над бездной моря. Море ловит стрелы молний и в своей пучине гасит. Точно огненные змеи, выются в море, исчезая, отраженья этих молний.

— Буря! Скоро грянет буря!

Это смелый Буревестник гордо реет между молний над ревущим гневным морем, то кричит пророк победы:

— Пусть сильнее грянет буря!..

Г. Кржижановский

24. БЕСНУЙТЕСЬ, ТИРАНЫ...

Беснуйтесь, тираны, глумитесь над нами,
Грозитесь свирепо тюрьмой, кандалами!
Мы вольны душою, хоть телом попраны,
Позор, позор, позор вам, тираны!

Пусть слабые духом трепещут пред вами,
Торгуют бесстыдно святыми правами;
Телесной неволи не страшны нам раны,
Позор, позор, позор вам, тираны!

За тяжким трудом, в доле вечного рабства,
Народ угнетенный вам копит богатства,
Но рабство и муки не сломят титана!
На страх, на страх, на страх вам, тираны!

В рудниках под землей, за станком и на поле,
Везде раздаются уж песни о воле,
И звуки той песни доходят до тронов,
На страх, на страх, на страх всем тиранам!

Сверкайте штыками, грозите войсками,
Спаси вас не могут казармы с тюрьмами,
Ваш собственный страх не сковать вам цепями,
И стыд, и страх, и месть вам, тираны!

От пролитой крови заря заалела,
Могучая всюду борьба закипела,
Пожаром восстанья объаты все страны,
И смерть, и смерть, и смерть вам, тираны!

1897

Неизвестные авторы

25. НА УЛИЦУ! . .

На улицу, на улицу! На наш могучий зов
Пусть рать тотчас откликнется товарищей-борцов:
Пусть братьев, спящих в юдоли, как громовой
раскат,
Пробудит к битве праведной призывный наш набат!

На улицу, товарищи! Мы площадь, как волной,
Зальем и негодующей и бурною толпой.
В порыве протестующем сольем свои сердца
И станем мы за ненависть и мщенье без конца!

На улицу, на улицу! Всю месть свою за кровь
Замученных злодеями товарищей-борцов,
Всю ненависть к тирании, к народным палачам
Мы выльем в крике мстительном на страх своим
врагам.

На улицу, товарищи! В ком честь еще жива,
Пусть встанет за священные народные права!
Свободы знамя красное высоко над толпой
Подыдем мускулистую рабочею рукой!

На улицу, на улицу! Пускай на нас враги
Нашлют все силы темные, нагайки и штыки —
Протеста всенародного царю не заглушить,
Пожара кровью праведной тирану не залить!

⟨Февраль 1902⟩

О сытые! Как вы благоразумны,
 Вы обнесли себя стеной закона
 От натиска голодных бедняков,
 Смущавших ваш покой докучным криком;
 И горе тем, кто стену перелезет!
 Готово всё: судья, палач и петля.
 Да вот беда: есть удальцы, которых
 Вам застрашать всем этим не удастся!

Не страшен нам и этот враг,
 И с ним мы совладаем.
 Смотрите! Уж редеет мрак,
 Уж свет повсюду проникает.
 И, содрогаясь, чует зло,
 Что торжество его прошло.

(1903)

27. МАШИНУШКА

За годами года проходили чредой.
 Изменилась родная картина.
 И дубина с сохой отошли на покой,
 Их сменила царица-машина.

П Р И П Е В

Эй, машинушка, легче,
 Эй, железная, сама пойдет,
 Наладим, да смажем, да пустим.

Старый строй разрушал капитал-властелин,
 С корнем рвал он дворянские роды.
 Мужиков и ребят из родных палестин
 Гнал на фабрики, верфи, заводы.

Припев

Где дворянская жизнь, что лилася рекой?
Уж не гнутся на барщине спины,
Правит Русью купец золотою мошной,
Мужиков превратил он в машины.

Припев

Знать, английский урок не пропал — пошел
впрок:
Поумнел наш российский купчина,
Лишь рабочий порой вопрошает с тоской:
«Что тяжеле — соха аль машина?»

Припев

Без дворян и бояр оказался наш царь,
Кто поддержит тебя, сиротина?
Кто опорой тебе будет в новой судьбе?
Кто заменит тебе дворянина?

Припев

Но наш царь не сплошал, он купца обласкал,
И купец ему ныне опора,
А наш русский мужик уж к машине привык,
Его гложет купецкая свора.

Припев

Но страшись, грозный царь! Мы не будем,
как встарь,
Безответно сносить свое горе.
За волною волна поднялася от сна,
Люд рабочий бушует, как море.

Припев

Он разрушит вконец твой роскошный дворец
И лишь пепел оставит от трона,
И порфиру твою он отнимет в бою
И порежет ее на знамена.

Припев

Фабрикантов, купцов, твоих верных сынов,
Словно пыль, он развеет по полю.
И на месте вражды да суровой нужды
Восстановит он братство и волю.

Привет

1903(?)

В. Звездин

28. ГРОМ ПОБЕДЫ, РАЗДАВАЙСЯ!

(Сказка-прибауточка)

Пишут с Дальнего Востока,
Что колотят «нас» жестоко,
Что на суше и морях
Терпит «наше» дело крах,
Что и Тóго и Курóки
Преподали нам уроки,
Что «мы» терпим много бед
«В ожидании побед»...

Для чего ж, скажи, царь белый,
Ты нас впутал в это дело?
Влез в Манчжурью за Амур,
Взял в аренду Порт-Артур
И к нему провел дорогу?
(Там разжились, слава богу,
Инженеры и купцы, —
В воду спрятали концы,
Залучивши миллионы...
Видно, что народ ученый!!!)
Да, уж видно порт таков,
Что мы будем без портков!

И зачем ты, царь державный,
Сам, без Руси православной,
Вел «восточные дела»,
А когда война зашла,

Да когда твоих нахалов,
Самохвальных генералов,
Разносить японец стал,
Да когда ты увидал,
Что приносят только беды
«Телеграфные победы»,
Да когда принялись красть
Интенданты наши всласть,
Да когда твои Ивковы
И тебя продать готовы, —
Так зачем теперь ты, царь,
Православный государь,
Чтоб добыть себе успехи,
Понадумал все прорехи,
Все прогнившие места
На хламиде самовластья
Для «народного», зная, «счастья»
(Остроумная мечта!)
Починить, поправить разом,
Их заткнув народным мясом?..

Ты войска мобилизуешь,
Нас зовешь и обязуешь,
Нас, сынов родной земли
(Не родного капитала —
Нужно помнить то сначала!),
Чтобы мы покорно шли
Охранять твою аферу;
Нас зовешь ты, говоря,
Что должны мы за царя,
За отечество, за веру
Смело жертвовать собой,
Отправляться на убой,
Как скотина: снаряжены
Даже скотские вагоны!..

За тебя, лукавый царь,
Проливали кровь мы встарь?!
Спас царя Иван Сусанин,
Но его поступок странен,
Даже глуп: Романов род
С той поры гнетет народ;

Времена теперь другие,
И рабочая Россия,
Разумеется, не зря
По-иному чтит царя
За его любовь и милость,
За реформ крестьянских хилость,
За невежество и тьму,
За нагайку и тюрьму,
За отечество! — Не мы ли
Наши жизни приносили,
Заселяли вглубь и вширь
Необъятную Сибирь,
В тюрьмах годы просидели
И гонимы все доселе
За горячую любовь
К нашей родине? Ужели
Мы теперь не лили кровь
На востоке так же дружно,
Если б только было нужно?

Нет опасности нигде,
Не *отечество в беде* —
Царь наш батюшка в беде;
И из страха иль ошибкой
Он с медовою улыбкой
Чушь изволит нам болтать —
Русь собою заменять. . .
Ну, а вера. . . Но ведь вере
Не грозит, по крайней мере,
«Враг коварный», — верит в труд
И в себя японский люд,
Зову разума послушный,
К суеверью равнодушный! . .

Ради цели же какой
Кровь должны мы лить рекой?
Помышляя о доходе,
Забывал ты о народе,
Вольный дух в нас забивал,
Нас кнутом полосовал.
Не для нашей благостыни,
А для прибыли купчине

Ты забрался за Амур,
Прикарманил Порт-Артур.
А когда пришлось скверно,
Стал ты ласков чрезмерно
И нас начал «призывать»:
«Не угодно ль умирать
За отечество, за веру,
За царя». — Твою манеру
Понимаем, русский царь, —
Не обманешь, государь! . .

Нам не враг народ рабочий,
Будь японский он, — нет мочи
Жить по-людски от оков
Доморощенных врагов.
Бьют японцы нас, однако
Самовластная макака
Нам опасней во сто крат,
Чем побед японских ряд! . .
И при треске пулеметов,
И при криках патриотов
Мы кричим: «Нам не нужна
Меркантильная война!»
«Прочь насилье!», «Прочь бесправье!»
И «Долой самодержавье!» . . .

1904

С к и т а л е ц

29. ГУСЛЯР

Гусли звонкие рокочат и звенят,
Про веселье чистой трелью говорят.
Мысли-песни напеваю я струнам,
Вольный ветер их разносит по полям.

Гусли-мысли да веселых песен дар
Дал в наследство мне мой батюшка-гусяр.
Гусяром быть доля выпала и мне —
Веять песни по родимой стороне.
Я иду, накинув бедный мой наряд;
Гусли звонкие рокочат и звенят!

Прохожу по полям, по горам,
Напеваю я песни ветрам;
А как выйду на Волгу-реку —
Отдохнуть прихожу к кабаку.

Там по праздникам пьет и поет,
Веселится рабочий народ.
Как ударю я в струны мои —
Замолчат над рекой соловьи;
Разливается песня кругом —

Серебром!

Солнце выйдет, смеясь, из-за туч...
А народ-то, как солнце, могуч!

Целовальник мне цедит вина,
Да душа и без чарки полна!
Только медные струны звенят —
Говорят!

Коли пить — пей ковшом,
Бить — так бей кистенем:
Ведь всегда тому честь,
Кто во всем будет весь!

Эх! Как громко струны медные звенят...
Слышит их владелец каменных палат!
На душе его осенняя пора —
И зовет он молодого гуслира:

«Ты сыграй-ка, песню грустную запой,
Чтоб омыл я душу грешную слезой,
Успокой ты совесть нежную мою —
Я тебя и накормлю, и напою!
Пусть о том, что я народу — добрый брат,
Гусли звонкие рокочут и звенят!»

Я вхожу во дворец к богачу
И ковры дорогие топчу,
Полны скуки, тоски и мольбы,
Там живут сытой жизни рабы.
Я пою им, шутя и смеясь:
«На душе у вас копоть и грязь!
Не спою я вам песни такой,
Чтобы вас очищала собой!
Пусть лежит у вас на сердце тень!
Песнь моя не понравится вам,
Зазвенит она, словно кистень,
По пустым головам!

Земля у нас истощена...
Чего просить у ней?
Бурьян сухой родит она
И ядовитых змей.

Vor dem Sonnenaufgang (Lieder und Gedichte.)

Россійская Соціалъдемократическая Рабочая Партія.

ПРОЛЕТАРИИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПЕРЕДЪ РАЗСВѢТОМЪ.

СБОРНИКЪ
революціонныхъ пѣсенъ и стихо-
твореній.

Составила В. ПЕРОВА.

Изданіе „Искры“

Цѣна 60 сант.

ЖЕНЕВА.

Типографія Партіи, Rue de la Confédération, 27, Genève.

1905

Вот я змеей вползаю к вам
И песней жалю вас,
И только яд и раны дам,
А муки — бог вам даст!

Я к вам явился возвестить:
Жизнь казни вашей ждет!
Жизнь хочет вам нещадно мстить,
Она за мной идет!..»

Ах! не кончил эту песенку гусяр,
Не приходит он на людный на базар,
Не видать его в царевом кабаке,
И не слышно звонких песен на реке.

Только видно: у тюремных у ворот
Каждый вечер собирается народ,
А из башни песни льются — говорят,
Гусли звонкие рокочат и звенят!

1901

А. Коц

30. Я СЛЫШУ ЗВУК ЕГО РЕЧЕЙ

(Посвящается Л. Н. Толстому)

Я слышу звук его речей...
Среди всеобщего смятенья
Великий старец наших дней
Зовет на путь непротивленья:

«Зачем насилье над врагом,
Победа, купленная кровью?
Не лучше ль нам в борьбе со злом
На зло — откликнуться добром,
На ненависть — любовью?
Пусть силен враг, пусть долог путь,
Но верю я, настанет время —

И расцветет когда-нибудь
Любовью брошенное семя. . . »

Простые, ясные слова. . .
И кто проникся их лучами,
Как бы коснулся божества
И говорит его устами.
Пред этой истиной простой
И я склонял свои колени.
Но предо мной встают толпой
Другие образы и тени:
Там, где пред грозным палачом
Народ смиренно спины клонит
И под ярмом и под бичом
Бессильно падает и стонет,
Там, где страданиям нет числа,
Где попираются от века
Пятой ликующего зла
Права и чувства человека,
Где мысль униженно молчит,
Сложив беспомощные крылья,
И дух восстания убит
Отравой рабского бессилья, —
Там — нет, не мир и не любовь, —
Там нужен мощный клич восстанья,
Там нужно немощную кровь
Зажечь огнем негодованья. . .
Там нужно ненависть борца
Вдохнуть в заснувшие сердца,
Давно привыкшие к смиренью,
И в час возмездья роковой
Забить в набат и звать на бой —
К освобождению!
(Август 1902)

31. ПЕСНЬ ПРОЛЕТАРИЕВ

(На мотив «Марсельезы»)

Мы Марсельезы гимн старинный
На новый лад теперь споем —
И пусть трепещут властелины
Перед проснувшимся врагом!

Пусть песни, мощной и свободной,
Их поразит, как грозный бич,
Могучий зов, победный клич,
Великий клич международный:

Пролетарии всех стран,
Соединяйтесь в дружный стан!
На бой, на бой,
На смертный бой
Вставай, народ-титан!

Веками длится бой упорный...
Не раз мятежною рукой
Народ платил за гнет позорный
И разрушал за строем строй...
Но никогда призыв свободный
Такою мощью не дышал,
Такой угрозой не звучал,
Как этот клич международный:

Пролетарии...

и т. д.

Силён наш враг — буржуазия.
Но вслед за ней на страшный суд,
Как неизбежная стихия,
Ее могильщики идут.
Она сама рукой беспечной
Кует тот меч, которым мы,
Низвергнув власть позорной тьмы,
Проложим путь к свободе вечной...

Пролетарии...

и т. д.

Не устрасит нас бой суровый...
Нарушив ваш кровавый пир,
Мы потеряем лишь оковы,
Но завоюем целый мир!
Дрожите ж, жалкие тираны!
Уже подхвачен этот зов:

№ 280
1908.

архива №

ДѢЛО

II Отдѣленія

Канцеляріи Главнаго Управленія
по дѣламъ печати.

*О казюженіи ареста
на мотушко тетрадь
„Интернациональ“.*

НАЧАЛОСЬ 16 июля 1908 ГОДА.

РѢШЕНО 13 ноября 1909 ГОДА.

6л.

Под красным знаменем борцов
Уж поднимаются все страны!..

Пролетарии...

и т. д.

В стране, подавленной бесправьем, —
Вам слышно ль? — близок ураган:
То в смертный бой с самодержавьем
Вступает русский великан.
Перед зарею пробужденья
Уже бледнеет ваша тень...
Вперед, на бой! Пред нами день —
Великий день освобожденья...

Пролетарии всех стран,
Соединяйтесь в дружный стан!
На бой, на бой,
На смертный бой
Вставай, народ-титан!

(Август 1902)

32. ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Вставай, проклятем заклеянный,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов.
Весь мир насилья мы разроем
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим...
Кто был ничем, тот станет всем.

Это будет последний
И решительный бой:
С Интернационалом
Воспрянет род людской!

Никто не даст нам избавленья —
Ни бог, ни царь и не герой.
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.

Чтоб свергнуть гнет рукой умелой,
Отвоевать свое добро,
Вздувайте горн и куйте смело,
Пока железо горячо!

Это будет последний. . .

и т. д.

Лишь мы, работники всемирной
Великой армии труда,
Владеть землей имеем право,
Но паразиты — никогда!
И если гром великий грянет
Над сворой псов и палачей,
Для нас всё так же солнце станет
Сиять огнем своих лучей.

Это будет последний. . .

и т. д.

1902

Неизвестный автор

33. БОЖЕ, ЦАРЯ ХРАНИ. . .

Боже, царя храни!
Деспоту долгие дни
Ты ниспошли.
Сильный жандармами,
Гордый казармами,
Царствуй на страх сынам
Руси бесправной,
Царь православный,
Царствуй на страх глупцам!
Враг просвещения,
В царстве хищения
Мирно живи!
Всех, кто свободу
Ищет народу,
Бей и дави!

Твой голодающий,
Вечно страдающий
Бедный народ
В храмах моления,
Благословения
Всё тебе шлет.
Время настанет,
Солнце проглянет —
Разбудит борцов...
Пользуйся временем!
Царствуй над племенем
Жалких рабов!
(24 октября 1891)

В. Богораз-Тан

34. ПАМЯТИ Н. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Пусть мы бедней, чем нищие, и с детства
Наш путь тернист, и жребий наш уныл,
Но есть у нас великое наследство —
Неисчислимый ряд могил.

По всей стране, от Финского залива
До вековых Востока рубежей,
Стоят кресты и дремлют молчаливо,
Как вереница сторожей.

И каждый год в зияющие недра
Сырой земли могильщица-судьба
Приносит дань настойчиво и щедро,
Спускает новые гроба.

Над русской великою рекою
Могилы есть. Она еще свежа,
Но брошена забвенью и покою,
И обросла травой ее межа.

К могиле той никто не ходит в гости,
Лишь изредка холодных слез дождем
Над ней гроза расплачется от злости.
Туда вложил измученные кости
Изгнанник, бывший нам вождем.

Он нас учил... Мы знаем всё, что значил
Его пример для пламенных сердец.
Он был вождем и плен свой первым начал...
Теперь свободен наконец...

Припоминать удел его опальный
Не стану я. Он длился двадцать лет.
Но я хочу над бездной погребальной
Вам повторить его завет:

«Пусть голос мой из-за черты загробной,
О юноши, достигнет к вам теперь:
Не бойтесь жертв, не бойтесь мести злобной,
Ни поражений, ни потерь.

Я вам путей указывать не стану,
Ваш взор открыт. Известны вам враги.
Пускай судьба дарует вам охрану
И жизнь сама направит вам шаги.

Вы знаете усилий наших цену
И наших уз неумолимый гнет,
О юноши, идите к нам на смену,
И повый век широкую арену
Пускай пред вами развернет.

Но пусть огонь отваги нашей прежней,
Сжигавший нас великой страсти пыл
В душе у вас горит еще мятежней
И бьет ключом неистошимых сил!

Я верю вам, а вы в победу верьте
И старый спор держайте обновить.
О юноши, из-за порога смерти
Я вас хочу благословить».

35. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, младенец мой прекрасный,
Тихо, сладко спи!
Ты пока еще не «красный»,
Обыватель неопасный,
И гостей не жди.

Подрастешь, тогда узнаешь,
Как в ночи не спать...
Хоть гостей не ожидаешь,
Принимать их не желаешь,
Надо их впускать.

На Руси сон безмятежный
Лишь того удел,
Кто слывет благонадежным
И к теориям мятежным
Тяготеть не смел.

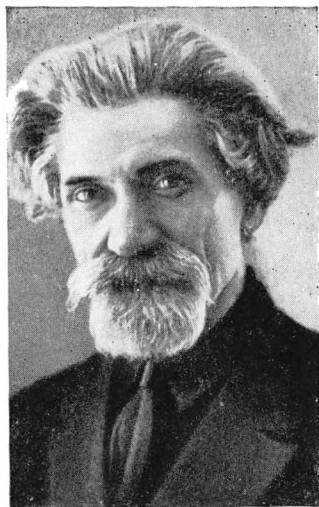
Кто всю жизнь тропинкой торной
Смирно, чинно шел,
Кто всегда властям покорный,
В сделках с совестью позорных
Жизнь свою провел.

Кто не знал одушевленья
Юношеских дней
И глядел без возмущенья
На страданья, угнетенья
Остальных людей...

Спи пока, — твой час настанет,
Будет не до сна,
Мысль твоя работать станет
И с горячностью восстанет
Против лжи и зла.

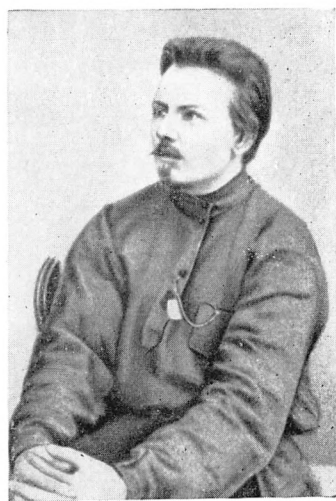
Д. Бедный, 1913

А. Богданов, 1920-е годы

А. Гмырев, 1904—1906

С. Ганьшин, 1912—1916

Я. Бердников, И. Садофьев, И. Логинов, А. Маширов-Самобитник, 1912

В эти дни, дни золотые
Юности святой,
Все задачи вековые,
Все вопросы роковые
Встанут пред тобой.

И мечты о личном счастье
Бросишь ты тогда,
С жаром юной, честной страсти,
Весь ее отдавшись власти,
Ты пойдешь туда,

Где собралась воедино
Мощная семья
Пролетарья-исполина, —
Всё растущая дружина
Рыцарей труда...

С той поры, сынок родимый,
Распростишься со сном,
Всюду, точно зверь травимый,
Сын отчизны нелюбимый,
Позабудь о нем!

Спи, младенец мой прекрасный.
Тихо, сладко спи!
Ты пока еще не «красный»,
Обыватель неопасный,
И гостей не жди.

(1902)

Неизвестный автор

36

Реакции дикой свирепый поборник,
Дивя проходящий народ,
В овчинном тулупе на улице дворник
Сидит у закрытых ворот.

И снится ему, что при сей обороне,
Нелепый, но грозный на вид,
Такой же, как он, на наследственном троне
Безграмотный дворник сидит.

1890-е годы

А. Богданов

37. ВЕТЕР

Что ты стонешь, ветер, ты о чем тоскуешь,
Плачем похоронным душу мне волнуешь?
Без пути, приюта, страждущий, бездомный,
Мечешься, как голубь, над равниной темной?

Отвечает ветер, глухо завывая:
«Много слез я видел, над землей летая...
В городах угрюмых — плач детей голодных,
Лязг станков фабричных, свист ремней приводных,
Безработных, нищих горестные лица,
И из смрадных улиц мчался я, как птица...»

Мчался, долго мчался... Вижу я селенья,
Голые равнины, нищие строенья,
Высохшие нивы с жатвою убогой,
Вихри жгучей пыли над глухой дорогой,
Изб раскрытых крыши, вздох рабов бездольных,
Странный лязг железа на межах попольных...

Я помчался дальше... Но в стране пустынной
Вижу желтый замок, каменный, старинный...
За оградой крепкой, на стези опальной
Внятный звон несется, звон цепей кандалный...
Часовые ходят — сторожат могилы...
Дальше не летел я. Не хватило силы...»

1890-е годы

Неизвестный автор

38. ПО ВЫХОДЕ ИЗ ТЮРЬМЫ

Тяжко мне... Но не хочу я
С злой судьбой моей мириться.
Я один... Но не могу я
С силой темною не биться.
Я погибну... Ну так что же?
Коль мое погибнет тело,
Будет дух мой так же биться
Всё за то ж святое дело!
Я желал бы сон нарушить,
Сытых счастье разрушить,
Мрак развеять, разогнать!
Всем униженным, скорбящим,
Всем о счастье молящим
Я желал бы счастье дать!
Я желал бы это счастье
С бою взять народной властью,
Слабых духом поддержать,
Унижающих унижить,
Обижающих обидеть,
В мертвых снова жизнь вдохнуть!
Весь ваш мир возненавидеть!
Весь ваш строй перевернуть!

(Декабрь 1902)

Л. Радик

39

Снова я слышу родную «Лучину».
Сколько в ней горя, страданий и слез, —
Видно, свою вековую кручину
Пахарь в нее перенес.
Сидя за прялкой, в осеннюю вьюгу,
Пела, быть может, крестьянка в тиши
И поверяла той песне, как другу,
Жгучую скорбь наболевшей души.
Полно! Довольно про горе ты пела...

Прочь этот грустный, унылый напев,
Надо, чтоб песня отвагой гремела,
В сердце будила спасительный гнев!
Зреет в народе могучая сила,
Край наш стоит на широком пути,
То, что страдалица-мать выносила,
Сын-богатырь не захочет снести.
Мысли живой не задушит в нем голод,
Сил молодых не надломит борьба.
Смело возьмет он тяжелый свой молот
И разобьет им оковы раба.

1898

40

Смелей, друзья, идем вперед,
Будя в сердцах живое пламя,
И наше дело не умрет,
Не сломят бури наше знамя!

Победы уж недолго ждать,
Проснулась мысль среди рабочих,
И зреет молодая рать
В немой тиши зловещей ночи.

Она созреет... И тогда,
Стряхнув, как сон, свои оковы,
Под красным знаменем труда
Проснется Русь для жизни новой!

1900

Неизвестный автор

41. ПЕРВОЕ МАЯ

(Прочтено в тюрьме, в общей камере)

Братья-товарищи! Праздник весны,
Светлый наш праздник свободы,
Празднуем здесь, и веселья полны
Эти тюремные своды!

Братья-товарищи! В этих стенах
Мы поневоле собрались, —
Только бессилен над нами наш враг...
Братья на воле остались!
И, что ни год, всё растет наша рать,
Крепнут и множатся силы...
Сладко за правое дело стоять,
Знамя нести до могилы!
Братья, вот знамя святое труда,
Красное знамя свободы!
Близок уж час долгожданный, когда
Встанут под ним все народы!
С гнетом-бесправием наша борьба
Кровью не раз отмечалась.
Наших героев-страдальцев судьба
Всем нам примером осталась.
Братья-товарищи! Каждый из нас
Пусть в этот час вспоминает
Всех, в ком огонь боевой не погас,
Всех, кто за правду страдает,
Всех, кто в бесстрашной и славной борьбе,
С пламенем мщенья в груди,
Не поддаваясь жестокой судьбе,
Волю прозрел впереди!
Душно, нам душно в тюремных стенах,
Хочется радостной доли!
Пусть эти стены разрушатся в прах:
Воли нам! Воли нам! Воли!

(1902)

Н. Тэффи

42. ПЧЕЛКИ

Мы бедные пчелки, работницы-пчелки...
И ночью и днем всё мелькают иголки
 В измученных наших руках!
Мы солнца не видим, мы счастья не знаем,
Закончим работу и вновь начинаем
 С покорной тоскою в сердцах.

Был праздник недавно — чужой, нас не звали,
Но мы потихоньку туда прибежали
 Взглянуть на веселье других.
Гремели оркестры на пышных эстрадах,
Кружились трутни в богатых нарядах,
 В шитье и камнях дорогих.

Мелькало роскошное платье за платьем,
И каждый стежок в них был нашим проклятьем
 И мукою каждая нить.
Мы долго смотрели без вздоха, без слова...
Такой красоты и веселья такого
 Мы были не в силах простить.

Чем громче лились ликования звуки,
Тем ныли больнее усталые руки,
 И жить становилось невмочь.

Мы видели радость, мы поняли счастье,
Беспечности смех, торжество самовластья...
Мы долго не спали в ту ночь!

В ту ночь до рассвета мелькала иголка;
Сшивали мы полосы красного шелка
Полотнищем длинным, прямым...
Мы сшили кровавое знамя свободы,
Его мы таить будем долгие годы,
Но мы не расстанемся с ним.

Всё слушаем мы: не забьет ли тревога,
Не стукнет ли жданный сигнал у порога?
Нам чужды и жалость и страх.
Мы — бедные пчелки, работницы-пчелки,
Мы ждем, и проворно мелькают иголки
В измученных наших руках.

(2 марта 1905)

Неизвестный автор

43. 9-е ЯНВАРЯ

Мы мирно стояли пред Зимним дворцом,
Царя с нетерпением ждали;
Как дети, любимые нежным отцом,
Несли ему наши печали.

Привел нас священник с иконой святой, —
Он послан был нам в утешенье.
Как часто сердечною речью простой
Смирал он страстей в нас боренье.

Когда, обезумев от лютой нужды,
От тяжелой работы чрез меру,
В себе раздували мы пламя вражды,
В нее сохраняя лишь веру, —

Он вновь обратился к нам с словом любви,
Смягчивши отчаянья муки,
И так говорил: «Не омоем в крови
Трудом освященные руки.

Тяжка наша доля, тяжка; как в аду,
Всю жизнь нас терзали безбожно...
Но вспомним — избыть чтоб лихую беду,
Всё ль сделали мы, что возможно?

Забут нами тот, кто зовется отцом,
Защитой, надеждой народа.
Идем же, предстанем пред царским лицом...
И — сгинет лихая невзгода».

Добра он желал нам, любовью горя,
И мы покорились, как прежде,
И двинулись дружно к палатам царя —
Единственной нашей надежде.

Мы мирно стояли пред Зимним дворцом,
Царя с нетерпением ждали,
Как вдруг между нами и царским крыльцом
На ружьях штыки заблистали.

И рота за ротой все супротив нас
Вмиг фронтом развернуты были,
Направили дула в лицо нам как раз
И в грозном молчаньи застыли.

Так тихо и жутко... Вдруг слышится: «Пли!»
Опомниться мы не успели,
Свалились уж многие на снег, в крови,
За залпами залпы гремели.

И ужас объял нас. Безумно крича,
От страшного места бежали
Мы, раненых, мертвых с собой волоча,
А в тыл нам стрелять продолжали.

Гапон был печален: молчанье храня,
Он нес бездыханное тело —
Прах той, что погибла, его заслоня
От меткости зверской прицела.

Но вдруг, обернувшись навстречу стрельбе,
Он крикнул, рукой потрясая:
«Палач и убийца, проклятье тебе,
Проклятье родимого края.

Пред пышным дворцом мы появимся вновь,
Час близок кровавой расплаты
За кровь трудовую, невинную кровь,
Что брызнула в эти палаты!..»

И грозно толпа заревела кругом,
Рабочие поднялись руки,
Клялись биться насмерть с венчанным врагом,
Отмстить за страданья и муки.

Тот рев по стране прокатился волной,
Набатов отдался в народе,
В станицах, в глуши, в деревеньке родной
Раба пробудил он к свободе.

И красное знамя взвилось, как маяк,
Звучат «Марсельезы» напевы,
Студент бросил книгу, рабочий — верстак,
А пахарь забросил посевы.

И ширится грозное войско, растет,
Зловеще грохочет, как море,
Могучим прибором на приступ идет;
О, горе вам, извергам, горе...

Рыдай, трепещи, венценосный палач,
Проклятьем страны заклеименный,
Заране конец свой ужасный оплачь, —
Уж мститель идет разъяренный.

Оставьте ученье, работу, семью,
Под красное знамя идите
И смертью отважной в жестоком бою
Народу свободу купите.

Проклятье и смерть венценосным «отцам»,
Свобода родному народу
И вечная слава героям-борцам,
Погибшим в борьбе за свободу.

Между 9 января и 28 февраля 1905

А. Луначарский

44. К ЮБИЛЕЮ 9 ЯНВАРЯ

Отец был набожный старик:
«Нам бог одно спасенье! —
Бывало, скажет. — Без него
Снести ли все мученья?..

Эх, паря, царь забыл про нас!
Царю живется сладко...
А перед богом — вот горит
В углу моя лампадка...

Без хлеба я готов сидеть, —
В лампадке было б масло,
Пойду и в рваных сапогах,
Лампадка б не погасла.

Затем, что, паря, за народ,
За все его страданья
Горит пред господом в углу
Лампада упованья.

И верю я: придет тот день,
Господь царя пробудит
И скажет: «Глянь-ка на народ!
Его-то кто ж рассудит?!»

И царь придет на помощь нам,
По правде всё устроит:
Заводчиков посократит,
Рабочих успокоит».

И смотрит в угол мой старик,
Где образа сияют...
«Да, будет день... Да вот когда?
Про то на небе знают...»

По воскресеньям он ходил
В рабочее собрание;
Хвалил попа, который там
Им делал увещанья.

«Хороший поп — отец Гапон,
И нам добра он хочет...
За нас теперь перед царем
О чем-то там хлопочет».

Однажды он пришел домой
Серьезный, величавый:
«Ну, парень, — говорит, — теперь
Восстал на кривду правый!..»

Выходит так: неумоготу!
Народ-то измотался...
И вот идти к царю с попом
И с просьбой догадался.

Царю хотим мы бить челом,
Чтоб больше дал свободы,
Чтоб дал рабочему вздохнуть:
Загрызли нас невзгоды.

Сверх сил работаешь, как вол,
Пока силен да молод,
А вот измыкался, ослаб —
И в дверь стучится голод.

Кругом обсчет, кругом обман, —
Еще тебя ж ругают.
А стачкой станут — казаки
Рабочих избивают. . .»

Задумался седой старик.
«Тебе-то тоже надо,
Хоть ты парнишка молодой,
Идти со всей громадой.

Иные, правда, говорят,
Что в виде обороны
Прикажут в нас палить войскам,
Да как палить в иконы?

Отец Георгий впереди
Пойдет с крестом, при этом
Хоругви тоже понесем
С царевым со портретом.

Уж если б стали в нас стрелять,
Сам бог бы грянул с неба!
За что? Что батюшку-царя
Мы просим дать нам хлеба? . . .»

И вот настал тот страшный день.
Коль был бы бог на деле,
То тучи, кровью налиты,
Всё небо бы одели.

Но день был ясен, в куполах
Сияло солнце, чистый
Сребристо-белый снег лежал
Постелею пушистой.

И стройно пел рабочий хор,
Хоругви колебались;
Был важен вид у всех мужчин,
А бабы улыбались.

На сердце гордо и легко:
К царю пошли честь честью,
И с правдой-маткою пошли,
А не с придворной лестью.

Старик отец идет с сынком:
«Народа глас — глас божий!
Царю напомним о себе,
И бог напомним тоже: . . .»

Эх, парень! Сила ведь народ! . . .
На сердце даже сладко. . .
Терпел-терпел, да и пошел
К царю он с правдой-маткой!

Теперь мы лучше заживем,
Как скажем государю,
Что приходилось нам терпеть. . .
Уж легче будет, паря! . . .»

Вдруг крики: «Стой, честной народ!
Ведь впереди застава:
Стоит готовая на всё
Казацкая орава».

Вперед выходит из толпы:
«К царю хотим с поклоном. . .»
— «Пускать не велено к царю:
Смириться пред законом!

Приказано вам разойтись
Немедленно и смирно. . .
С царем, как барам, говорить
Вам будет слишком жирно!»

И засмеялся генерал,
Нагайкою махая.
И ропот слышится в толпе
И ненависть глухая.

«Постой, парнишка, погоди,
Неладно, вижу, что-то...
Прислали кучу казаков...
Вот с ружьями пехота...»

Нет, надо им растолковать:
Не зря идем, не спьяну». —
И вот вперед идет старик
К расшитому кафтану.

«Послушай, милый человек,
К отцу идем, как дети,
Затем, что больше невтерпеж
И жить нельзя на свете...»

— «Поговори, поговори! —
Кричит тот, негодуя. —
Вот прикажу в тюрьму сволочь
За бороду седую!»

Назад скорей, не смей чинить
Своим властям помехи,
А то узнаете — вкусны ль
Свинцовые орехи!»

Старик в слезах пред наглецом
Склонил свои колени:
«Пусти народ к царю-отцу,
Услышь мои моленья!..»

Я стар и скоро уж помру,
Мне бунтовать не к летам,
Но жить нельзя — к царю пусти
За хлебом и советом!»

Рожок в ответ ему сыграл
Зловещие сигналы:
За ружья взялись казаки,
Смеются генералы.

«Вперед-ка, братцы, не робей! —
Кричит старик. — Всё шутка!
А ну-ка, выстрели в портрет,
В икону бацни, ну-тко?! .

Чтоб православная рука
Поднялась на святыню?!
Тогда сам бог испепелит
Безбожную гордыню!»

И светел, весел он идет,
И с ним сынишка рядом,
За ним толпа... Вдруг грянул залп!
Сыпнулись пули градом...

И белый снег, пушистый снег
Залился кровью красной,
И крики боли, злобы вопль
Раздался жгучий, страстный...

Упал старик, сраженный в грудь, —
Убит *царем* кровавым,
И бог не мстит с своих небес
Своим рабам лукавым! . .

Повсюду кровь, смятенье, смерть,
Звучат угрозы, стоны,
А на краснеющем снегу
Разбитые иконы.

А небо ясно и глядит
С веселостью бездушной...
И понял в этот миг отец,
Что ложь твердил послушно.

А сын склонился над отцом,
Весь трепетом объятый:
«Послушай, сын, не други нам
Ни бог, ни царь проклятый!

До правды ты таки дойдешь!
Не удержать народа...
Иди вперед — там ждет тебя
Рабочая свобода!..»

Прошло полгода — и смотри,
Как вырос мальчик скоро,
Серьезно, смело он глядит
И ждет конца позора.

«Не ныне — завтра, всё равно
Придет пора восстанья.
Час мести, мой веселый час, —
Исполнятся желанья!

Мы не иконы понесем,
Пойдем мы не с портретом,
А бомбы, ружья, динамит
Вам загремят ответом!

И не хоругвь над головой
Завеет златотканый —
Мы знамя красное взовьем,
Великий стяг наш бранный...

И не псалмы мы будем петь,
А «Марсельезу» грянем:
Социализм — наш идеал,
И мы его достанем!..

Оставим небо воробьям,
Но землю завоюем
И на развалинах темниц
Толпами заликуем.

И падших братьев помянем,
Отцов, в бою сраженных,
И им колонну отольем
Из пушек побежденных!»

Июль 1905

45. ДВА ЛИБЕРАЛА

(Баллада)

По Невскому с видом уныло-больным
Шли медленно два либерала,
Убитые мыслью, что в бороду им
Правительство вновь наплевало.

«Мой друг, Петрункевич! — сказал Трубецкой. —
Нас царь околпачил прескверно,
И земцы и думцы смущенной толпой
Нас встретят укором, наверно.

Предчувствую я: социал-демократ
Начнет зубоскалить над нами,
И Струве, наш верный и мудрый собрат,
В Париже зальется слезами.

Довольно приличен был царь на словах,
За завтрак я сел с аппетитом
И с радостью в княжеском сердце... но, ах!
Надежды жестоко разбиты!

В бумажке печатной царь всё переврал,
Лишил свои речи значенья...
О, плачь, Петрункевич, о, плачь, либерал!
Исчез этот миг упоенья».

В ответ Петрункевич, качнув головой,
Сказал: «Не в слезах наша сила!
Ты видишь — рабочий поднялся на бой
И буря в деревне завывала.

Пусть веет дыханье народной грозы
На парус ладьи либеральной, —
Тогда-то, юля на манер егозы,
Проникнем мы в порт феодальный.

Хоть страшен и земцам анархии взрыв,
Но трону страшнее он вдвое,
И, только союз меж собой заключив,
Мы властвовать можем в покое.

Верховная власть это скоро поймет
И сделает шаг нам навстречу;
И я, либерал, но в душе патриот,
На скидочку скидкой отвечу.

Тогда мы стихию смирим, Трубецкой,
Наступят иные порядки!
Недаром лакей из дворцовой людской
Поднес мне вот эти перчатки;

Ежовых прошли времена рукавиц,
И в этой перчатке лакейской
Уйдем мы теперь необузданных лиц
Манерой уже европейской.

Да, царь призовет нас, я верю, к себе:
Нас ждут министерские кресла!
Тогда препояшут и мне и тебе
Мечом либеральные чресла!

Порядок строжайший мы будем хранить
Совместно с второю палатой:
Прогресс должен медленным, медленным
быть, —
Так мыслит помещик богатый.

Мать прочности — медленность! — вот что гласит
Смысл всех вековых конституций,
И то же в твореньях своих говорит
Китайский философ Конфуций.

Не бойся же, княже! Не пал либерал
От царственной лжи безобразной, —
Я даже и в «Искре» на днях прочитал:
„Власть будет всегда буржуазной!“»

Между 7 июня и 31 августа 1905

К. Бальмонт

46. РУССКОМУ РАБОЧЕМУ

Рабочий, только на тебя
Надежды всей России.
Тяжелый молот пал, дробя
Оплоты крепостные.
Тот молот — твой. Пою тебя
Во имя всей России!

Ты знал нужду, ты знаешь труд,
Ты слишком знаешь голод.
Но ты восстал. С тобой идут
Все те, кто сердцем молод.
Будь тверд, яви еще свой суд,
Острог не весь расколот.

Тебя желают обмануть,
Опять, опять и снова.
Но ты нам всем наметил путь,
Дал всем свободу слова.
Так в бой со тьмой, и грудь на грудь,
То — зов Сторожевого.

Сторожевой средь темноты,
Сторожевой средь ночи —
Лишь ты бесстрашно смелый, ты,

Твои нам светят очи.
Осуществятся все мечты,
Ты победишь, Рабочий!

Между 18 и 26 октября 1905

Н. Тэффи

47. ПАТРОНЫ И ПАТРОН

Спрятав лик в пальто бобровое
От крамольников-врагов,
Получивши место новое,
Едет Трепов в Петергоф.

Покидая пост диктатора,
Льет он слезы в три реки.
Два шпиона-provокатора
Сушат мокрые платки.

«Ах! Подобного нелепого
Я не ждал себе конца:
Генерал-майора Трепова,
Благодетеля-отца,

Кто порядки образцовые
Ввел словами: «Целься! Пли!» —
В коменданты во дворцовые
Не спросяся упекли!

Ведь для них я был Мессиею,
Охранял и строй, и трон,
Был один над всей Россиею
Покровитель и патрон!»

Трепов! Не по доброй воле ли
С места вам пришлось слететь?
Сами вы учить изволили,
Чтоб *патронов* не жалеть!

(1 ноября 1905)

М. М и н с к и й

48. ГИМН РАБОЧИХ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Наша сила, наша воля, наша власть.
В бой последний, как на праздник, снаряжайтесь!
Кто не с нами — тот наш враг, тот должен пасть.

Станем цепью вокруг всего земного шара
И по знаку, в час урочный все — вперед!
Враг наш дрогнет, враг не выдержит удара,
Враг падет, и возвеличится народ.

Мир возникнет из развалин, из пожарищ,
Нашей кровью искупленный новый мир.
Кто работник — к нам за стол! Сюда, товарищ!
Кто хозяин — с места прочь! Оставь наш пир!

Братья-друзи, счастьем жизни опьяняйтесь.
Наше всё, чем до сих пор владеет враг.
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Солнце в небе, солнце красное — наш стяг.

(13 ноября 1905)

К. Б а л ь м о н т

49. МЕЩАНЕ

Мне больно. Это ли есть мир?
И эти люди — вправду люди?
Не к мелким дьяволам на пир
Попал я — в шарлатанском чуде?

Рабы друг друга предают,
Чтоб побрататься в яме тесной.
Нет, этим вправду нужен кнут,
Не их телесный — мой словесный.

Я думал видеть лес дубов,
Иудин вижу я осинник.
Не стан бойцов — кагал бесов,
На коем сыщик именинник!

(17 ноября 1905)

Я. Годи н

50. ОНА УШЛА...

Она ушла и не придет,
Смертельно бледны наши лица.
Неся глухую боль, ползет
Зловещих мыслей вереница.

Мы залпы слышали вчера.
Весь день в бессильном страхе ждали...
И темной ночью — до утра
Ее по городу искали.

В сырых мертвецких, на столах,
Средь мук и стонов без предела,
В обезображенных телах
Мы не нашли родного тела.

Терзаньям не было конца...
Проклятья с бледных губ срывались...
Ожесточенные сердца
Еще сильнее ожесточались.

Она ушла и не придет...
Молчит холодная столица,
Глухое горе нас гнетет,
Смертельно бледны наши лица.

12 ноября 1905

II. Э д и е т

51. НА ДЕСЯТОЙ ВЕРСТЕ ОТ СТОЛИЦЫ...

(Памяти жертв 9 января)

На десятой версте от столицы
Невысокий насыпан курган...
Его любят зловещие птицы
И целует болотный туман...
В январе эти птицы видали,
Как солдаты на поле пришли,
Как всю ночь торопливо копали
Полумерзлые комья земли;
Как носилки одну за другою
С мертвецами носили сюда;
Как от брошенных тел под землю
Расступалась со свистом вода;
Как холодное тело толкали
Торопливо в рогожный мешок;
Как в мешке мертвеца уминали,
Как сгибали колена у ног...
И видали зловещие птицы
(Не могли этой ночью заснуть),
Как бледнели солдатские лица,
Как вздыхала солдатская грудь...

На десятой версте от столицы
Невысокий насыпан курган...
Его любят зловещие птицы
И болотный целует туман...
Под глубоким, пушистым налетом
Ослепительно белых снегов
Мертвецы приютились — счетом
Девяносто рогожных мешков...
Нераздельною, братской семьею
Почиют они в недрах земли:
Кто с пробитой насквозь головою,
Кто с свинцовою пулей в груди...
И зловещие видели птицы,
Как в глубокий вечерний туман
Запыленные, грязные лица

Приходили на этот курган;
Как печально и долго стояли
И пред тем, как с холма уходить,
Всё угрозы кому-то шептали
И давали обет отомстить!..

На десятой версте от столицы
Невысокий насыпан курган...
Его любят зловещие птицы
И болотный целует туман...
В мае птицы зловещие эти
У кургана видали народ,
И мельканье противное плети,
И пронзительный пули полёт;
Как, измучившись тяжкой борьбою
И неравной, — толпа подалась,
Как кровавое знамя родное
Казакон было втоптанно в грязь...
Но зловещие птицы узреют, —
И близка уже эта пора! —
Как кровавое знамя завееет
Над вершиной родного холма!..

(25 ноября 1905)

Неизвестный автор

52. НА СМЕРТЬ БАУМАНА

Знамена... венки... всё венки без конца...
Звучат властно гимны свободы,
Рабочий народ провожает бойца,
Погибшего в лучшие годы.

Он смело за право рабочих стоял,
Душой не слабел пред грозой,
И в битве как верный товарищ он пал,
Сраженный убийцы рукою.

Венки и знамена погибших бойцов
Обрызганы алою кровью:
Как символ страдания красный покров
Одел гроб героя с любовью.

Пред гробом рабочие знамя несли,
То знамя труда дорогое,
С ним дружно рабочие люди встают
За право народа святое.

За гробом идет пролетариев строй,
Знамена шумят боевые,
Народ начертал на них грозной рукой
Свободы слова золотые.

А дальше... одной бесконечной волной,
Лишь связаны братства цепями,
Проходит народа толпа за толпой,
Сомкнувшись, как в битву, рядами.

Торжественно песни свободы звучат
И льются из уст, не смолкая,
И красные флаги из окон глядят,
Привет свой борцу посылая.

То праздник великий, то смотр всех вождей
Пред битвою силе народной,
Познавшей весь ужас и тяжесть цепей,
Идущей дорогой свободной.

Знамена... венки... всё венки без конца...
Звучат властно гимны свободы,
Рабочий народ провожает бойца,
Погибшего в лучшие годы.

Была уже ночь, когда гроб принесли
К могиле, — и тени ночные,
Как верные стражи, на землю легли,
Знамена сокрыв боевые.

Друзья окружили могилу кольцом,
Гроб в землю с тоской опустили,
Всё было безмолвно во мраке ночном,
Лишь факелы бледно светили.

Навеки уснувших тревожа покой,
О крышку земля застучала.
«Прощай же, товарищ, прощай, дорогой!» —
В ночной тишине прозвучало.

Могильный курган всё растёт и растёт,
Окончен обряд погребенья...
Но дело великих людей не умрет:
Героям не будет забвенья.

Народ не забудет отважных бойцов,
Ему беззаветно служивших,
И сбросит он тяжесть последних оков,
Отмстит за невинно погибших!

Конец октября 1905

В. Богораз-Тан

53. МЫ — БРАТЬЯ

Мы — братья! Мы — братья! Мы выросли оба
В нужде, в беспросветной нужде...
Судьба нам сулила томиться до гроба
Всю жизнь в непосильном труде...

Я сабли выковывал, делал картечи,
Ты землю чужую пахал...
И вот мы опять... При негаданной встрече
Меня ты, мой брат, не узнал...

Я — в блузе рабочей, ты — в серой шинели.
Сошлись мы как враг со врагом...
Ты бросил в лицо мне мои же шрапнели,
Ударил — моим же штыком!

Я вышел на бой, но на бой не с тобою,
Тебя же враги повели —
Наполнили сердце нелепой враждою
И властно командуют: «Пли!»

Родная земля обагрется кровью,
За залпами залпы гремят, —
Встречаешь меня ты не братской любовью,
А злобой, обманутый брат...

Я — в блузе рабочей, ты — в серой шинели,
Один на другого идем...
Брат! Помни — я делал штыки и шрапнели,
Ты будешь их делать потом!!

Мы — братья! Мы — братья! Я верю глубоко,
Настанет иная пора...
Она уже близко... Она недалеко,
Недолго нам ждать до утра!

При свете свободы увидишь ты брата
И к брату навстречу пойдешь,
И то, чему слепо ты верил когда-то,
Со мною на суд призовешь...

Я — в блузе рабочей, ты — в серой шинели,
Сойдемся мы с *нашим* врагом —
И бросим в лицо ему *наши* шрапнели,
И *нашим* ударим штыком!

(17 июня 1906)

Неизвестный автор

54. ПАМЯТИ СОЛДАТ И МАТРОСОВ, ПАВШИХ В СВЕАБОРГЕ И КРОНШТАДЕ

Победа за вами осталась, враги,
Борцов вы свободы разбили...
Вы в общую яму их трупы свезли
И тайно среди ночи зарыли.

Но знайте — их дух вы зарыть не могли:
Он в нас, он остался меж нами.
Вам темные люди опять помогли
Свободу опутать цепями.

Но смерть не страшит нас. Мы честь воздадим
Товарищам нашим убитым,
И с новою битвой врагам отомстим,
Солдатскою кровью залитым!

Луч света уж в душу солдата проник,
Он жаждет с рабочим свободы;
И ваша опора колеблется — штык,
Служивший вам долгие годы.

Подмыло потоками крови столбы,
Державшие трон ваш державный;
Мы видим успехи великой борьбы,
Мы видим исход ее славный.

Между 21 июля и 10 августа 1906

В. Богораз-Тан

55. ПРЕДСМЕРТНАЯ ПЕСНЯ ¹

Они сами стали копать
себе могилу. Генерал подошел
к ним, усмехнулся и сказал:
«Копайте, копайте, копайте!
Вы хотели, ребята, земли? Так
вот вам земля, а волю найдете
на небесах!..»

Мы сами копали могилу свою.
Готова глубокая яма;
Пред нею мы встали на самом краю,
Стреляйте же верно и прямо!

Пусть в сердце вонзится жестокий свинец,
Горячею кровью напьется,
И сердце не дрогнет, но примет конец, —
Оно лишь для родины бьется.

В ответ усмехнулся палач-генерал:
«Спасибо на вашей работе.
Земли вы хотели — я землю вам дал,
А волю на небе найдете!»

Не смейся, коварный, жестокий старик!
Нам выпала страшная доля;
Но выстрелам вашим ответит наш крик:
«Земля и народная воля!»

¹ Достоверно известно, что семерых казненных минеров командант крепости Адлерберг заставил самих копать себе могилы перед смертью.

Мы начали рано, мы шли умирать,
Но скоро по нашему следу
Проложит дорогу товарищей рать, —
Они у вас вырвут победу!

Как мы, они будут в мундире рабов,
Но сердцем возлюбят свободу,
И мы им закажем из наших гробов:
«Служите родному народу!»

Старик кровожадный! Ты носишь в груди
Не сердце, а камень холодный;
Вы долго вели нас, слепые вожди,
Толпою немой и голодной.

Теперь вы безумный затеяли бой
В защиту уродливой власти;
Как хищные волки, свирепой гурьбой
Вы родину рвете на части.

А вы, что пред нами сомкнули штыки,
К убийству готовые братья!
Пускай мы погибнем от вашей руки,
Но вам мы не бросим проклятья!

Стреляйте вернее, готовься, не трусь, —
Кончается наша неволя;
Прощайте, ребята! Да здравствует Русь,
Земля и народная воля!

Август или сентябрь 1906

Неизвестный автор

56. ПЕСНЯ

Братцы! Дружно песню грянем
Удалую — в добрый час!
Мы рабочих бить не станем —
Не враги они для нас!
Только злые командиры
Их приказывают бить,
Чтоб солдатские мундиры
Этой бойней осрамить!
Брат пойдет ли против брата?
А крестьяне — братья нам!
И для честного солдата
Убивать их — грех и срам.
Сердце нам сжимали больно
Уж не раз их стон и плач;
Этой бойни нам довольно,
Русский воин — не палач!
Пусть себе за ослушанье
Нас начальство душит всех;
Лучше вынести истязанье,
Чем принять на душу грех!
Так затынем же дружнее
Нашу песню в добрый час:
В мужиков стрелять не станем —
Не враги они для нас!

(23 декабря 1905)

А. Измайлов

57. ДОЖДЬ

Год униженья, тоски и страдания!
Нива бесплодно пуста.
Жутко мне. . . Песни звучат, как рыдания,
В гневе немеют уста.

Зá годом год с недородами хлебными,
Засухи черною тучей прошли;
К небу немолчно стонал ты молебнами,
Раб неродящей земли!

Видно, теперь лишь с мольбами печальными
Стон твой дошел до творца:
Льет без конца над равнинами дальними
Дождь чугуна и свинца.

(1 января 1906)

Неизвестные авторы

58

Солдаты! Полно изнывать
Под царским гнетом самовластья!
Народ восстал! Пора восстать
И нам, рабам, лишенным счастья.
Народ восстал, чтоб сбросить гнет,
Чтоб положить конец страданью,
И вас на помощь он зовет.
Ужель не внемлете призыванью?!
В глухих казармах, взаперти,
Как арестанты, вы томитесь,
И вас готовы мы спасти,
Но вы помочь не откажитесь!
Как мы, подняться вы должны
И заявить врагам народа,
Что в жизни всем равно нужны
И честь, и счастье, и свобода.

1906

59. ОСЕЛ И СОБАКА

(Басня)

- Однажды гончий пес осла увидел
И говорит ему: «Осел!
Зачем тебя господь обидел
И счастьем обошел?
Живешь ты ровно скот последний —
Таскаешь всюду кладь...
Не то, что я... Намедни
Был в кухне я — и хватъ
Бараний бок, а ты небось солому
И сено жрешь?
Такого, брат, житья врагу лихому
Не захочу — добра не наживешь!
То ль дело я? То в лес метнешься
Зайчишек попугать;
Там — глядь —
Мясцом на кухне барской разживешься;
Там тяпнешь кость, там хлеба каравай,
Так не житье мне — рай!
И день-деньской я без работы
И без заботы!..
А ты?!» — «Что делать, пес?
Терпенье надобно, терпенье,
Но славен тот, кто перенес
Мои ослиные мученья!»
— «Нет, у тебя неладное житье!
Поди, кажинный день битье?!»
— «Бывает всякое!!» — «То ль дело у меня —
Поверишь ли, нет дня,
Чтоб сам я зайца иль курчонка,
А иногда и поросенка
Не разодрал.
Ты не слышал,
Как давеча я петушонка
На тот отправил свет?»
— «Нет!»
— «Занятный случай был. Близ дома я лежу,
И вдруг — гляжу —
Идет петух... И красный хохолочек,
И рыжее перо на нем.

Без дальних проволочек
 Я — в дом!
 На кухне поваром в те поры Трёпов был. . .
 «Так, мол, и так, — я доложил, —
 Мне ведомо, что бродит
 Крамольник по двору —
 Узнал его по красному перу.
 «Кукареку!» он громко так выводит,
 Что быть греху!
 Позвольте петуху
 Сорвать башку, не то восстанье
 Случиться может у цыплят, —
 И так они шумят,
 Что плохо пропитанье!
 Что делать, как тут быть?!»
 — «Распотрошить! . . .»
 И я распотрошил отменно! . .
 А что, осел, — бессменно
 Ты трудишься, — ни разу не знавал
 Ты в жизни сожаленья?»
 — «Терпенье, брат, терпенье!» —
 Осел на это отвечал.
 Случилось, разговор их услышал
 (Как видно, ненароком)
 Старшой господский псарь
 (По прозвищу «самодержавный царь»)
 И что ж? Во времени, должно быть недалеко,
 Когда война пошла,
 Разумный псарь осла
 За долговечное терпение прославил
 И над солдатами начальником поставил,
 А вора-пса отправил
 Крамолу усмирять.
 С войны вернулась рать
 Оборвана, ободрана как липка. . .
 Явился и осел. Он шибко,
 Воюя, научился красть!
 Что сена он, овса, соломы
 Привез в свои хоромы —
 Так это страсть!
 И хоть его тот псарь побил,

Осел наш барином зажил, —
С помятою спиною,
Да с толстою сумою.
Пришел домой и пес паршивый,
Довольный и счастливый...
Зайчишек с тысячу в лесу он подавил,
И царь его за это наградил,
Назначивши его, при всем умишке малом,
Дивизионным генералом.
Так в жизни сей. Коль богачом
Ты хочешь стать иль награжден быть чином, —
Изрядным будь ослом
Или собачьим сыном!

(27 июля 1906)

60. К УБИЙСТВУ ГЕНЕРАЛА МИНА

Герой кровавых дней восстанья
И царский доблестный слуга!
Ты поражен рукой врага —
И за народные страданья,
За «покорение» Москвы
Не снес позорной головы!

Ты роль тирана-властелина
Хотел, как видно, разыграть.
Перед тобой дрожала рать
Твоих рабов — и имя Мина
С Москвы у всех над головой
Висело тучей грозовой!

Ты обещал в потоках крови
Всю Русь, как в море, утопить!
Ты знал одно лишь слово: «Бить!»
И в этом диком, грозном слове
Всё для тебя, злодей, слилось!..
Ты ждал побед, но... сорвалось!
Ты призывал душить «крамолу»,
Ты верноподданных солдат
Забуть заставил слово «брат»
Из-за любви «святой» к престолу!

Ты жертв хотел, ты к бойне звал,
Кровавый, подлый генерал!

Но не достиг ты этой цели!
Как богатырь растет солдат:
Свеаборг, Ревель и Кронштадт
Ведь так недавно прогремели!
Так крик свободы прозвучал,
И за народ солдат восстал!

Недолго ждать, придет мгновенье,
Когда встряхнется весь народ,
И красный стяг он развернет
В святой борьбе освобожденья,
И полетят в огонь борьбы
Еще недавние рабы!

Рука с рукой пойдут солдаты,
Пойдут с рабочим, с мужиком,
И прогремит их вещий гром,
Как всенародный гром расплаты!
И будет грозен и жесток
Народа вставшего поток!

Ты не дождался, враг народный,
Царем обласканный злодей,
Что троны грозных палачей
В пыль разобьет народ свободный!
Но не тоскуй, кровавый Мин, —
Ты скоро будешь не один!

Пусть знают царские клеветы:
К борьбе готовится страна.
Встает народная волна
И даст кровавые ответы
На казни, пытку и тюрьму
Врагу слепому своему!

Пусть знает царь: поток народа
Не остановит царский трон!
Гроза близка — пусть знает он, —
Нет тронов там, где есть свобода!

Дрожит, о царь, твой трон и дом, —
Молись, пока не грянул гром!

О, больше нет той грозной силы,
Чтоб всю Россию заковать! . .
Идет на вас, тиранов, рать.
Для вас уж роются могилы —
И к ним измученный народ
Венки проклятий принесет.

Между 13 и 24 августа 1906

Неизвестные авторы

61. ВПЕРЕД!

Нам свобода нужна,
К ней дорога одна:
Непреклонно и твердо
Вперед!

Как отрадно идти
По прямому пути
Величаво и гордо
Вперед!

Жизнь отсталых не ждет,
А отважных зовет
Неотступно, сурово:
Вперед!

Прочь раздумье и страх,
Пусть у всех на устах
Лишь одно будет слово:
Вперед!

(2 декабря 1905)

62. СОЛДАТ

Стреляй, солдат, в кого велят,
Забудь отца, родного брата,
Забудь жену, забудь и мать,
Лишь помни «Памятку солдата».

Попы тебя благословят,
Убьешь отца — греха не будет,
Они не врут, коль говорят:
«Бог вашей службы не забудет!»

В далекий край служить пошлют
(На родине вас не оставят),
Ружье, мундир вам там дадут
И быть машиною заставят.

Рабочих бить вас поведут,
Голодных убивать принудят,
По рюмке водочки дадут
И ею вашу совесть купят!

Стреляй, солдат, в рабочий люд,
Стреляй, покуда ты в мундире!
Но, убивая, не забудь:
В рабочей завтра будешь шкуре.

Крестьяне мрут по деревням —
Земли, работы, хлеба просят,
А им, как «дерзким бунтарям»,
Штыки да пули лишь подносят.

Стреляй, солдат, коли штыком,
Без сожаленья бей прикладом!
Но помни в этот миг о том,
Что бьешься ты с голодным братом.

(6 декабря 1905)

Е. Тарасов

63. ДЕРЗОСТИ СЛАВА!

Жить в потемках мы устали.
Мы проснулись, мы восстали —
Слишком долго боя ждали,
 Жаждем жизни молодой.
Прочь беспомощные страхи,
Глубже взгляды, шире взмахи,
 Больше дерзости святой!

Много надо рук упорных,
Чтоб из глыб слепых и черных
В наших домнах, в наших горнах
 Полосой сверкнул металл.
Больше страсти, больше жару,
Подставляйте грудь пожару,
 Чтоб металлу дать закал!

Выше факел подымайте,
В душах пламя зажигайте,
Ошибайтесь — но дерзайте:
 Пролетит веков гряда,
Только то, что силой взято,
Будет живо, будет свято,
 Будет взято навсегда!

5 или 6 декабря 1905

Неизвестный автор

64. КЛЯТВА

«Пролетарии, вперед!
Снаряжайтесь к походу.
Бьет тот час, когда народ
Умирает за свободу.

Пусть же вызов боевой
Только тот подымет смело,

Кто клянется головой
Постоять за наше дело».

И в ответ перед вождем
Прогудело по народу:
«Все клянемся, все пойдем,
Грудью ляжем за свободу!»

Из толпы старик один
Молвил, мрачный и суровый:
«С малых лет и до седин
Я влачил свои оковы.

Я поля своих господ
Орошал слезой и потом,
Я весь век, как мой народ,
Изнывал под царским гнетом.

С гнезд родимой стороны
Нас опричники согнали,
Для тюрьмы и для войны
Сыновей моих забрали.

Я молчал. Но в глубине,
Сердце радуя невольню,
Зрела, выросла во мне
Дума крепкая... Довольно!

Наши слезы, кровь и пот
Пролились зловещей тучей,
Принесли свой поздний плод —
Пламя ненависти жгучей.

И клянусь я сединой:
В час кровавой непогоды
С первой ринусь я волной
В бой под знаменем свободы».

И как бури дальний гром,
Прогудело по народу:
«Все клянемся, все пойдем,
Грудью ляжем за свободу!»

«Я кузнец, — сказал другой, —
И душой, и телом молод,
Любо мне, когда дугой
У меня играет молот:

В этот миг, сдается мне,
Я спешу на подвиг ратный.
Сам как сталь и весь в огне,
Я кую свой меч булатный. . .

Пролетарии меж нас
Все родились кузнецами. . .
Бьет наш молот раз-за-раз
Вместе с нашими сердцами.

Но в тот час, когда рабы
Им куют свои оковы,
Мы, борцы, лишь для борьбы
Подымать его готовы.

Как чудовищный паук,
Гнет опутал нас сетями,
Давит тысячами рук,
Рвет железными когтями.

Но из самых недр земли
Мы железо вырывали,
И свой молот из него
В жарком пламени сковали.

И когда ударит час
Сбросить гнет неволи царской,
Задрожат сердца у нас
Гневом клятвы пролетарской.

И лишь только боевой
Кликнут клич всему народу,
Мы подыдем молот свой
И скуем себе свободу. . .»

(7 декабря 1905)

Стихотворения

65

Долго я шел без дороги...
Умерли отблески дня.
Были в крови мои ноги,
Ноша давила меня.

Скоро и ночь наступила...
Скрылся надежд моих рой.
Даже и ты изменила,
Муза, расставшись со мной!

На сердце стоны звучали,
Огненной мукой горя.
Падаю!.. Многие пали!
Скоро ль заря?

Бодрые слышатся песни,
Дышит свободнее грудь!
О моя муза, воскресни!
Утренней звездочкой будь!

Пусть всё окутано тьмою,
Ты же свети, говоря:
Утро приходит за мною,
Близко заря!

Сумрак бледнеет и тает.
В сердце надежда горит.
Истина всё побеждает,
Истина всё победит.

(4 января 1906)

Т. Щепкина-Куперник

66. НА РОДИНЕ

От павших твердынь Порт-Артура,
С кровавых манчжурских полей
Калека-солдат истомленный
К семье возвращался своей.

Спешил он жену молодую
И милого сына обнять,
Увидеть любимого брата,
Утешить родимую мать.

Пришел он... В убогом жилище
Ему не узнать ничего:
Другая семья там ютится,
Чужие встречают его...

И стиснула сердце тревога:
Вернулся я, видно, не в срок.
«Скажите, не знаете ль, братья,
Где мать? .. где жена? .. где сынок? ..»

— «Жена твоя... Сядь... Отдохни-ка...
Небось твои раны болят? ..»

— «Скажите скорее мне правду...
Всю правду!» — «Мужайся, солдат...»

Толпа изнуренных рабочих
Решила пойти ко дворцу
Защиты искать... с челобитной
К царю, как к родному отцу...

Надевши воскресное платье,
С толпою пошла и она
И... насмерть зарублена шашкой
Твоя молодая жена...»

— «Но где же остался мой мальчик?
Сынок мой? ..» — «Мужайся, солдат...»

Твой сын в Александровском парке
Был пулею с дерева снят...»

— «Где мать?..» — «Помолиться к Казанской
Давно уж старушка пошла...
Избита казацкой нагайкой,
До ночи едва дожила...»

— «Не всё еще взято судьбою!
Остался единственный брат,
Моряк, молодец и красавец...
Где брат мой?..» — «Мужайся, солдат...»

— «Неужто и брата не стало?
Погиб, знать, в Цусимском бою?»
— «О нет... Не сложил у Цусимы
Он жизнь молодую свою...»

Убит он у Черного моря,
Где их броненосец стоит...
За то, что вступился за правду,
Своим офицером убит...»

Ни слова солдат не промолвил,
Лишь к небу он поднял глаза...
Была в них великая клятва
И будущей мести гроза.

1905

Неизвестные авторы

67. СОЛДАТСКИЕ ПЕСНИ

Было дело у Артура —
Дело скверное, друзья...
Того, Ноги, Камимура
Не давали нам житья.

Мы с соседкой желтолицей
Ей-же-ей сцепились зря...

«Полечу я вольной птицей
Да за синие моря»...

Уж давно готовы лодки,
Мы поедem в край иной...
«Ну, садись, моя красотка,
Только рядышком со мной».

Приказали нам от берега
Удалиться в два часа...
«Пропадай моя телега,
Все четыре колеса»...

Там стоял «Варяг» железный
И «Кореец» с ним как раз...
«Выходи, о друг мой нежный,
Бил свиданья час»...

Порт-артурцы проглядели,
Как на нас нашла гроза...
«Оглянуться не успели,
Как зима катит в глаза».

Грустно, вяло и несмело
Рать солдат пустилась в путь —
«Ноги босы, грязно тело
И едва прикрыта грудь»...

Куропаткин горделивый
Прямо в Токио спешил...
«Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустил?»

Вот уж он на бранном поле,
Слава северных дружин...
«Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин».

А наместник уезжает
Безвозвратно, навсегда...
«Птичка божия не знает
Ни заботы, ни труда».

Куропаткину обидно,
Что не страшен он врагам...
«В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам»...

А Ойяма наступает
Ночью и при свете дня,
«Посмотри: вон-вон играет,
Дует, плюет на меня».

С Порт-Артуром попрощайся,
Получил большущий нос...
«Гром победы раздавайся,
Веселися, храбрый росс».

Ходят пленники, как тени,
Без отчизны, без семьи...
«Ах вы, сени мои, сени,
Сени новые мои».

Генералов вереница,
Офицеров без числа...
«Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила».

Поработал на солдата
Интендантский хоть куда...
«Хороши наши ребята,
Только — славушка худа».

(15 апреля 1906)

68. СОЛДАТ

Промелькнули бессмысленных ужасов дни.
Воротился в деревню солдат,
Не узнал он деревни. Пред взором одни
Обгорелые трубы стоят.

И печально солдат головою поник,
Мысль его неизвестностью жгло,
Зарождался в груди обозления крик,
И пошел он к соседям в село.

Рассказали соседи ему, что весной
Полупьяных казаков орда
Налетела незванно, неожиданно волной,
Всё нашла, что щадила нужда.

Что отца его старого в город свезли,
Посадили, как вора, в острог,
Чтобы требовать больше не мог он земли,
Чтобы воли просить он не мог.

Рассказали солдату соседи еще,
Что старуха, родимая мать,
Взявши палку, взвалила мешок на плечо
И пошла подаянье собирать;

Что жены его, милой, любимой жены,
Он могилу отыщет в леске...
Ей достались минуты, позора полны,
Не снесла — утопилась в реке...

И печально солдат головою поник,
Грудь огнем отомщения жгло,
Нарождался в груди обозления крик,
Он пошел, куда мщенье влекло.

(31 декабря 1906)

А. Лукьянов

69. КРАСНЫЙ СМЕХ

Ужас смерти — красный смех...
Но не пали духом люди, —
Страха нет, где гром орудий,
Страха нет для тех,
Кто стоит над трупом брата,
Чья душа огнем объята,
Закаляет месть.

Что штыки! — сильнее люди,
В них огонь священный есть...

Под жестокий гром орудий
Разнеслась живая весть:
Где друзья и где злодеи,
Где штыки и где идеи —
Счастья свет для всех. . .

Близок день: ответным эхом
Пронесется красный смех.
Отзовется красным смехом
Злая жизнь на тех,
Кто борцов освобожденья
Расстрелял без сожаленья,
Вызвал красный смех! . .

(30 апреля 1906)

Д. Цензор

70. ПРОЛЕТАРИЙ

Мышцы железные. Долгой борьбой,
Словно огнем, закаленная грудь.
Полный желаний, за смелой мечтой
Вот он свершает свой медленный путь, —
Вот он, могучий страдалец-герой.

Счастье смеялось. . . А он проходил,
Мир, как Атлант, вынося на плечах.
Мир одряхлевший, пресыщен и хил,
С тьмой вырожденья в безумных очах,
Ты угасаешь без воли и сил!
Ты потушил неземные огни,
Зреет в тебе молчаливая ночь.
Ты как паук, одряхлевший в тени. . .
И, проклиная, уходим мы прочь
В даль, где смеются весенние дни.

Новый и сильный на смену идет,
Руки его загрубели в борьбе.

Новую песню он людям споет,
Волю и счастье возьмет он себе,
Ветхие зданья со смехом сотрет.

(7 мая 1906)

Неизвестный автор

71. ВОРОН

(На мотив из Эдгара По)

Как-то ночью, в час угрюмый,
 полный тягостною думой,
От тревог дневных уставший,
 я склонился в полусне.
Грезам сонным я отдался...
Вдруг внезапный стук раздался, —
Кто-то дерзко постучался,
 постучался в дверь ко мне
 в полуночной тишине.
Злым предчувствием объятый,
 я вскочил с постели смятой,
Сновидений рой крылатый
 вмиг прогнавши от себя.
Чуял я, кто гость полночный,
 что стучит в час неурочный,
И бессильный крик проклятья
 с уст сорвался у меня.
Дверь в тревоге отомкнул я
 и в просвет ее взглянул я, —
Я взглянул во тьму ночную,
 в жуткий мрак полночных снов, —
Там стоял зловещий Ворон,
 гнусен, мрачен, страшен, черен,
Там стоял жандарм угрюмый —
 ворон Родины моей.
Взгляд свой хищный устремивши,
 страх иудин затаивши,
 лик свирепо искрививши,
 начал так зловещий гость,
Начал так он: «По приказу...»

Тут прервал его я сразу,
Тут прервал я слов враждебных,
 мрачных слов могильный ряд.
Вещих слов поток прервал я,
 но ни слова не сказал я,
 лишь рукою указал я
 вглубь чертога моего,
 не промолвив ничего.
Ворон хищно усмехнулся,
 покачнулся и нагнулся,
Еле боком протолкнулся
 в дверь, разверстую пред ним.
На лице с немой заботой
 начал он свою работу,
Этот гость ночей угрюмых, —
 ворон Родины моей.
И души святых святая
 он прозреть хотел, читая
Всё, что скорбь родного края, —
 скорбь народная святая, —
На лице запечатлела,
 всё, чем сердце пламенело,
Что бездушный лик согрело
 гневом духа моего...
Было тихо. Ночь уныло
 крылья мрака шевелила,
И дрожала, и грозила,
 обещая что-то мне...
Он читал и улыбался,
 торжествуя, усмехался,
Над столом моим склонялся
 вплоть до позднего утра.

.....
Я очнулся в мрачной келье,
 где ни солнце, ни веселье
Светлым гостем лучезарным
 не бывают никогда,
Где растут лишь гнев и горе,
 гнев святой и горя море,
Где растут они всегда, —
 вплоть до грозного суда!

(11 июня 1906)

72. КОНТОРЩИК

Подсчитывай чужие барыши!
Учитывай чужие капиталы
За скудные, ничтожные гроши,
Измученный заботой и усталый!

Скрипит перо тоскливо по бумаге,
Как хриплый плач над горькою судьбой;
Ряд мертвых цифр из капель черной влаги
Густых чернил родится пред тобой.

Сиди весь день, согнувшись за конторкой,
Над кучами нелепо-странных числ,
Впиваясь внимательно и зорко
В их — для тебя совсем ненужный — смысл.

В груди тоска сосет живую силу,
А в голове, где утомленный ум
Оцепенел, зарытый, как в могилу,
Прносятся ряды унылых дум.

Там, за окном, веселыми волнами
Струится день весенней красоты,
Увенчанный горячими лучами,
Бегущими от солнца с высоты.

Но ты сиди! За скудные гроши
Неси свой труд, тяжелый, как вериги:
Подсчитывай чужие барыши,
Записывай их со вниманьем в книги!

(1 июля 1906)

Неизвестный автор

73. НАКАНУНЕ

Опять над родиной несчастной
Заря кровавая встает...
Ужель надеждою напрасной
Доселе жил родной народ?

Ужели слез и крови мало,
Жертв неповинных силы злой?
Ужель темницу разбивала
Страна затем, чтоб быть в другой?

Ценой неслыханных мучений
Народ свободу добывал,
И с солнца правды злые тени
Неправды черной он срывал!..

Ужель борьба его бесплодна?
Что дни грядущие несут? —
Они несут нам гнев народный
И палачам суровый суд!

(3 сентября 1906)

74. ПЕСНЯ МОРЯ

Там, в ущелье, волны пели песню жизни, и им вто-
рили утесы, наклонившись в бездну моря.

А вдали сверкал огнями шумный замок мощной вла-
сти, где царила злая сила произвола.

Шли века, а волны пели ту же песню, ударяясь о ска-
лы; только эхо доносилось в шумный замок.

Вместе с песней волны моря незаметно подточили те
утесы, что мешали им катиться на просторе...

И затем всё чаще, чаще песнь свободных волн могу-
чих заглушала крики злобы в пышном замке...

«Заковать в оковы море!!!» — грозно крикнул власт-
ный голос, заглушая шум прибоя волн свободных...

И рабы, покорны зову, дружно бросились к утесам, что
держали век в оковах волны моря...

Но на месте, где стояли грозно старые твердыни, кра-
совались кучи камня, то обломки мрачной башни...

Громко пели песню жизни волны моря, ударяясь о
ступени, разрушая мрамор замка...

И не в силах старый замок заглушить победной песни,
что несется из пучины дна морского...

Скоро, скоро слижут волны все твердыни мощной вла-
сти и умчат под звуки песни старый мрамор в бездну
мрака...

(1 октября 1906)

Неизвестные авторы

75. НА РАССВЕТЕ

Преступник повешен на рассвете...

Из газет

Встает рассвет! Сквозят в тумане

Холмов задумчивых гряды...

Взор топет в светлом океане

И видит... виселиц ряды...

Встает рассвет! О, сколько света
Несет нам солнце и тепла...
Галлюцинации ли это —
На перекладинах тела?
Больного плод воображенья?
Кошмара неостывший след?
Иль это страшные виденья?
Ужель не бред больного? — Нет!
От городов до деревень
Несутся стоны и проклятья:
«Да будет проклят этот день
За вас, замученные братья!»

(13 октября 1906)

76. ЗАЧЕМ ЖЕ...

Кокбвцев не раз за границей
Умильно глядел на Париж:
Просил «блаародно» сторицей, —
Но... скушал, да, скушал он — шиш!
Ах, в Вене, Берлине, Париже,
Увы, не везет, не везет.
И рента всё ниже и ниже
Безумно ползет да ползет...

Граф Витте (теперь он в отставке),
В Европе творя моцион,
Дни, ночи потел на прилавке
У фирмы одной: Мендельсон.
Ах, не везет ведь, — поди же!
Возможно и близко, а вот...
И рента всё ниже и ниже
Коварно ползет да ползет...

Решая вопрос объективно,
Всё в тех же краях Дурново,
Не раз выступая активно,
Покой обещал... Каково!
Сей муж (о, мы знаем!) через «иже»
Не раз нас, конечно, спасет...

Но рента всё ниже и ниже —
Черт знает! — ползет и ползет.

Мечтая о твердых устоях
И сильной законной руке,
Столыпин в премьерских покаях
Свободу зажал в кулаке.
О, так к «конституции» ближе, —
Бесспорно, она к нам идет...
Но рента вот ниже и ниже —
Представьте! — ползет и ползет.

Гарцуют по весям и градам
Казак, пулемет и драгун,
И шествует чинным нарядом
«Истинно-русский» табун.
Картинно... Никто не обижен.
Сладость покоя нас ждет.
Зачем же вот рента-то ниже —
Зачем же? — ползет да ползет...

(7 ноября 1906)

77. ЧЕМ?

Друг мой недавно в собраньи
Речь о торговцах держал —
Завтра же «по предписанью»
В Западный край угадал...
Можно вести рассужденья,
Брать можно множество тем,
Но не вопи с сожаленьем:
Чем это кончится, чем?..

Жил на железной дороге
В прошлом году в октябре,
Вдруг — оказался в остроге
В нынешнем январе...
В мае я вышел на волю,
Но — без работы меж тем.

Лаю, кляню свою долю...
Чем это кончится, чем?

Стонут мещане в Самаре,
Темные думы пошли
В этом житейском угаре:
Надо им, надо — земли!
Дешево им предлагают,
Чуть ли не даром совсем...
Чем вот платить-то — не знают...
Чем заплатить-то вот, чем?

Я — квартирант-наниматель,
Значит, могу выбирать, —
Но господин надзиратель
Стали вот так рассуждать:
«Я вас, милейший, не знаю,
Я вас не знаю совсем
И заверять не желаю...»
Чем это кончится, чем?

Всюду и ахи и стоны,
В ночь — не кажись на дворе.
Сыплются сверху законы,
Словно листы в октябре...
Можно под сень их укрыться.
Можно укрыться совсем
И — далеко очутиться!..
Чем это кончится, чем?..

(12 ноября 1906)

А. Богданов

78. ОТЕЦ ЛУКА

Ах, согрешил отец Лука!
Молебствуя с иконой,
Украл четыре пятака...
Поступок незаконный:

Доход был общий... На беду,
Луку дьячок заметил,
Сказал: «Эй, быть тебе в аду!»
— «Плевал!» — Лука ответил.

Ах, согрешил отец Лука!
Махая камилавкой,
Плясал на свадьбе трепака,
Упал, уснул под лавкой...
Плясал — пустяк. Беда не в том:
Все грешны, все плясали...
Лука под лавку лег с крестом,
Проснулся — крест украли...

Ах, согрешил отец Лука!
Случилась как-то треба,
Пришли к нему два мужика,
Дают ковригу хлеба.
«Тащите рубль! — Лука в ответ. —
Для церкви... постарайтесь!»
— «Помилуй, отче! Денег нет...»
— «Ну, к черту убирайтесь!»

Ах, согрешил отец Лука!
Попутал бес-смутитель:
Донес Лука исподтишка,
Что демократ — учитель...
Учитель мигом удален,
С ним дочь Луки бежала...
Ай, дочка! Пастырь поражен:
Вот случай, каких мало!

Пьет, пьет и пьет честной отец
(По дочери, зная, тужит),
Стрижет пасомых, как овец,
И служит, служит, служит...
Однажды случай был такой:
Шел с чашей он, качался,
Да за амвон задел ногой,
Упал и... не поднялся.

Грех замолил отец Лука...
В селе мятеж, волнение,
Тотчас нагрянули войска —
Суд... розги... усмирение...
Кругом — проклятья, вопли, страх...
Один Лука сияет,
С крестом, с еванглием в руках
Пасомых поучает:

«Могий вместити да вместит
И брань и бичеванье.
Снесите горечь сих обид,
Нам данных в назиданье...
Снесите хлад, снесите глад...
Власть предержашу чтите,
И все, кто беден иль богат,
Дань кесарю платите...
Аз, пастырь верный на посту,
Скорблю за вас душою...
Ну, подходите ж ко кресту,
Ложитесь под лозою!
Без злобы, с кротостью в сердцах
Штаны снимайте, братцы!..»

Грех замолил Лука. Луку
Ей-ей запишут в святцы!

1902—1903

79. РЕQUIEM

Вечевой набатной медью над зардевшееся твердью,
Над равниною убогой, над дорогой льется звон —
Дон-н-н-н!..
Кто разбудит ночи сон?..

Всем бездольным, всем уставшим, в грозах душу
опалывшим,
На голгофах крест приявшим, возвещает гулко он:
Дон-н-н-н!..
Кто на жертву обречен?..

Золотятся солнцем плиты... Льдом закованы граниты...
Те не встанут, кто зарыты, кому имя — легион...

Дон-н-н-н!..

Кто погиб и кто спасен?..

Шум гудит в дали безбрежной, неразгаданной
и снежной...

Скорбный, ищущий, мятежный вопрошает смертных
звон...

Дон-н-н-н!..

Кто в страданиях крещен?..

Кто вступил на путь суровый, жил обетом жизни новой,
Кто влачил во тьме оковы, чтоб провидеть даль времен?

Дон-н-н-н!..

Кто дерзал, но побежден?..

И встают по долам тени... Тихо всходят на ступени...

Руки в язвах, как в рубинах, след бичей и кровь —
на спинах...

Дон-н-н-н!..

Слышим, слышим вещей звон!..

(26 ноября 1906)

Д. Цензор

80. СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

Попрощался с деревней убогой,
Как пришел мой рекрутский черед.
Уходил чуждальной дорогой
Послужить за царя и народ.

А в деревне средь бедного поля
Убивались родные мои.
Ой ты, доля, солдатская доля,
Вдалеке от родимой семьи!

Побывать бы мне снова на месте,
Где любил, где не ведал оков.
Истомилась душа по невесте,
Захотелось обнять стариков.

И сбылось мне увидеться с ними...
Загудел, затрещал барабан.
Выходили путями глухими,
Усмиряли голодных крестьян.

Глядь, в родную деревню пригнали.
Там крестьяне на сходе мирском
Зашумели, Христом заклинали,
И народным, и божьим судом.

Как раздалась команда лихая —
Опустился невольно курок...
Повалился отец, утихая,
У моих подкосившихся ног...

И опять на далекой чужбине
Я в постылой казарме томлюсь...
Только понял я, понял отныне,
Как служу за царя и за Русь.

Закались, моя воля, как камень,
Жди команду, винтовку готовь.
Отомщу я своими руками
За народную кровь!

1906

В. Богораз-Тан

81. ЦУСИМА

У дальней восточной границы,
В морях азиатской земли,
Там дремлют стальные гробницы,
Там русские есть корабли.

В пучине немой и холодной,
В угрюмой, седой глубине
Эскадрю стали подводной,
Без якоря встали на дне.

Упали высокие трубы,
Угасли навеки огни,
И ядра, как острые зубы,
Изгрызли защиту брони.

У каждого мертвого судна
В рассыпанном, вольном строю
Там спят моряки беспробудно,
Окончили вахту свою.

Их тысячи сильных и юных,
Отборная русская рать...
На грудах обломков чугунных
Они улеглись отдыхать.

Седые лежат адмиралы,
И дремлют матросы вокруг,
У них прорастают кораллы
Сквозь пальцы раскинутых рук.

Их гложут голодные крабы
И ловит уродливый спрут,
И черные рыбы, как жабы,
По голому телу ползут.

Но в бурю ночного прилива,
На первом ущербе луны,
Встают мертвецы молчаливо
Сквозь белые брызги волны.

Их лица неясны, как тени,
Им плечи одела роса,
И листья подводных растений
Плющом заплели волоса.

Летят мертвецов вереницы
На запад, на сушу, домой.
Несутся быстрее, чем птицы, —
Но путь им заказан прямой.

Хребтов вековые отроги,
Изгибы морских берегов
И рельсы железной дороги
Уж стали добычей врагов.

И только остался окружный —
Далекий, нерадостный путь.
На тропик летят они южный,
Спешат материк обогнуть.

Мелькают мысы за мысами;
Вдогонку несется луна.
Они не опомнятся сами,
Пред ними родная страна.

Но что же их стиснуты руки
И гневом блеснули глаза?
На родине смертные муки,
Бушует слепая гроза.

Унылое, серое поле,
Неровная, низкая рожь. . .
Народ изнывает в неволе,
Позорная царствует ложь.

Торговые, людные села,
Больших городов суета. . .
Повсюду ярмо произвола,
Не знает границ нищета.

И плачут голодные дети,
И катится ярости крик,
И свищут казацкие плети,
Сверкает отточенный штык. . .

Снаряды взрываются с гулом,
И льется кровавый поток.
Объяты багровым разгулом
И Запад и Дальний Восток.

И падает так же рядами
Подкошенной юности цвет
В широкие общие ямы,
В могилы, где имени нет.

1905

Неизвестный автор

82. СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

(«Унутренняя»)

Шаг назад, шаг вперед,
Полоборот направо!
Кто всех вольных перебьет,
Тому честь и слава!
Ура, ура, ура!
Бей во славу русского
двуглавого орла!

Лев! Прав! Раз! Два!
Приготовь патроны.
Будет помнить вся Москва
Красные погоны.
Ура, ура, ура!
Бей во славу русского
двуглавого орла!

Рота стой, рота пли —
Спереди и с тыла!
Мы заслужим, ай-люли,
По кусочку мыла.
Ура, ура, ура!
Бей во славу русского
двуглавого орла!

Женщин, старцев и детей
Настреляли кучи,
То-то полк богатырей,
То-то полк могучий!
Ура, ура, ура!
Бей во славу русского
двуглавого орла!

Декабрь 1905

В. Богораз-Тан

83. ЦАРСКИЕ ГОСТИ

Трупы блуждают в морской ширине,
Плещут волнами зелеными.
Связаны руки локтями к спине,
Лица покрыты мешками солеными.

Черною кровью запачкан мундир, —
Это матросы кронштадтские.
Сердце им пули пробили солдатские,
В воду их бросить велел командир.

В сером тумане кайма берегов
Низкой грядой рисуется.
Там над водою спокойно красуется
Царский дворец — Петергоф.

«Где же ты, царь? Покажись, выходи
К нам из-под крепкой охраны!
Видишь, какие кровавые раны
В каждой зияют груди.

Полно, не бойся. Ведь ты наш отец,
Мы — твои верные дети.
Хлеба просили — ты дал нам свинец,
Были нам лаской родительской... плети.

Пусть мы расстреляны, в воду мы брошены, —
Будем присягу хранить до конца.
Снова на службу пришли мы непрошены,
Стражу пришли мы сменить у дворца.

Поступью мерной взойдем на крыльцо,
В пышную спальню войдем мы дозором,
Будем глядеть тебе молча в лицо
Мертвым, невидящим взором.

Будем к постели твоей простирать
Мокрые, длинные, синие руки.
Будем рассказывать смертные муки...
Слушай прилежно, учись умирать!

Целую ночь не уйдем мы с поста.
Близко мы станем, лицо к изголовью...
Нашей застывшею черною кровью
Знак мы наложим тебе на уста.

Будем к тебе приходить каждый день,
Те же вести неотвязные речи.
Мы тебе саван накинem на плечи, —
Ты на порфиру наш саван одень».

Трупы плывут через Финский залив,
Серым туманом повитый.
Царь Николай, выходи на призыв
С мертвой беседовать свитой!

Между 21 сентября и 15 октября 1906

Н. Воронцов

84. РУДНИКИ

Сыро. К стенке жмутся люди.
Надорвались, ноют груди;
Беспокойный, нервный звук
Дребезжит: тук-тук, тук-тук!

Известняк, куски гранита...
Шурупок скребет сердито!
Изогнулся, словно крюк...
А вокруг: тук-тук, тук-тук...

На ногах бряцают звенья...
Гей, товарищ, слышишь пенье?
Триста мощных, нервных рук
Извлекают этот звук...

И в безмолвьи тонут своды...
Здесь проснулась мысль свободы,
И ярмо тюремных мук
Обрело свободный звук!

(21 января 1906)

Л. Василевский

85

И снова, и снова колеблет прибой
Упрямые, тяжкие скалы.
Над новой, быть может, последней борьбой
Горит уже луч бледно-алый.

К дрожащим подножьям несутся валы,
Кольцом их сжимают железным,
И гулко в затишье предутренней мглы
Разносится грохот по безднам:

«Нам тесно, нам душно! Давите гранит,
Взрывайте, ломайте преграды.
Кто хочет свободы — в борьбе победит,
Врагу не давайте пощады!»

...И глухо под кровом предутренней мглы
Колеблются тяжкие скалы,
И с ревом взлетают всё выше валы,
И день разгорается алый.

(7 февраля 1906)

М. Савин

86. СОВРЕМЕННАЯ ПЕСНЯ БУЛОЧНИКОВ

Ну и времечко настало,
Бог нам, грешным, будь судья!
Тут задело, там застряло,
Ни покоя, ни житья;
И шумят, и куролесят, —
Беспорядки там и тут.
У Ванюхи-то не месят,
У Алехи не пекут...

Уж на что вам хлебопеки
(Чего сроду не слышать):

Ходят гордо, руки в боки,
В праздник стали отдыхать.
И поклона не отвесят,
Пред хозяином пройдут.
У Ванюхи-то не месят,
У Алехи не пекут...

Смотрят дерзко, без смущенья,
Что ни слово — всё в картуз.
Стачку сделав, без стесненья
Основали свой союз.
Ну, кого же тем не взбесят?
И святого в грех введут.
У Ванюхи-то не месят,
У Алехи не пекут...

Дали всем с остатком воли;
Кто как хочет может жить.
А хозяевам легко ли
Это всё переносить?
Их порядки эти бесят
И покоя не дают.
У Ванюхи-то не месят,
У Алехи не пекут...

Ведь они привыкли видеть
Подчинение во всем,
И не счесть за грех обидеть
И купецким кулаком
Оплеух пяток отвесить,
А теперь и их под суд.
У Ванюхи-то не месят,
У Алехи не пекут...

Нет хозяевам поблажки,
Уваженья нет ни в чем!
Только чуть они, бедняжки,
Поиграют кулаком
Да, как встарь, закуролесят,
А уж слышно там и тут:
У Ванюхи-то не месят,
У Алехи не пекут...

Эх, хозяйева! Придется
Норов старый вам бросать,
Слишком долго он ведется,
Не пора ли перестать?
Ведь не пять нас и не десять,
А уж тысячи встают.
У Ванюхи-то не месяц,
У Алехи не пекут. . .

(19 февраля 1906)

87. ХОЗЯЕВА И РАБОЧИЕ

Замышляют свой союз
Пекаря-купчины.
Только ждет их здесь конфуз,
Горький рок судьбины.
Все рабочие твердят:
«Не пойдсм к буржуям,
В западню нас не поймать,
Чуем, чуем, чуем!»

Если волк сенца дает
Ласково барану,
Всё равно его сожрет,
Поздно или рано.
Волчьи штучки здесь под стать
И купцам-буржуям,
Но нас этим не поймать,
Чуем, чуем, чуем!

Миновали времена, —
Вспомнить их позорно, —
Когда гнулася спина
У рабов покорно,
Когда лились реки слез
Пред крутым буржуем.
Зреет новый здесь вопрос,
Чуем, чуем, чуем!

Занимается заря
Светлая в отчизне,
Пробудились пекаря
К новой, лучшей жизни.
К старине не воротить
Их тупым буржуям.
В них протест огнем горит,
Чуем, чуем, чуем!

(26 февраля 1906)

Неизвестный автор

88

Очнись, воспрянь! Смотри кругом.
Смотри, борьба идет!
Борьба на смерть... Борьба с врагом.
Народ, *народ* встает.
Скорей вперед, скорей, мой брат,
Мой друг, скорей вперед!
Взгляни, во тьме лучи горят,
Там светлый день встает!

(1906)

Е. Тарасов

89. ОЧЕРЕДНОМУ

Быть может, я встречал тебя не раз
В глухих подпольях мыслящей столицы
И там, внизу, известий вереницы
Шептал тебе в тревожно-быстрый час.

И в тишине, как спуганные птицы,
Вились, шипя, обрывки спешных фраз,
Обрывки слов, понятных лишь для нас,
И падали, как тень, на наши лица.

Быть может, да. А может быть, и нет:
Не знал тебя — и после не узнаю...
Но всё равно — я плен свой покидаю,
И пусть «Прощай!» не кинешь ты в ответ.
Я шлю тебе, как брату, свой привет.
И угол свой, как брату, уступаю.

(1 марта 1907)

Неизвестные авторы

90

Не для цепей, а для мечей
Мы в пекле доменных печей
Железо добываем.
Зачем же терпим кандалы?
Зачем, как вольные орлы,
На воле не летаем?

Ужели так силен наш враг,
Что эти цепи на ногах
Безропотно мы носим?
Ужель свободу предадим?
Ужель в борьбе не победим
И меч на поле бросим?

Нет, нет, силен рабочий класс!
Живое сердце бьется в нас.
Мы встанем за свободу.

.
.
.

Тогда сбежит позорно враг.
На поле битвы красный флаг
Победно разовьется.
Не будет горя и нужды,
Не будет злобы и вражды,
Кровь больше не прольется.

Не будет жадных богачей.
Не для цепей, не для мечей,
 А для машин и плуга
Железо будем добывать.
Все люди будут создавать
 Богатство друг для друга.

Так будем всё вперед идти!
На этом доблестном пути
 Бесцельно не погибнем.
Нас впереди победа ждет,
Мы сбросим с жизни старый гнет
 И новый мир воздвигнем.

(23 мая 1907)
«Кресты»

91. ИЗ ПЕСЕН БОРЬБЫ

Стоял и я, стоял и он.
Мы два врага, мы два врага.
Рабочий я, хозяин он —
Одним уж тем мы два врага.

Разбит трудом, склонив свой взор,
Пред ним стоял голодный я.
Я, гордый сын высоких гор,
Стоял один, судьбу кляня.

На нем алмаз, большой алмаз
Блестел в оправе золотой.
Лучом пронзал, пронзал мой глаз,
Глядел смеясь, сверкал звездой.

Подняв чело и побледнев,
Я уронил из впалых глаз —
О, мстью, мстью закипев —
Ясней, светлей, крупней алмаз.

Алмаз его, алмаз большой,
Как солнца луч, что всё горел,
Перед моей одной слезой
Алмаз его уж не блестел...

Стоял и я, стоял и он.
Мы два врага, мы два врага.
Рабочий я, хозяин он —
Одним уж тем мы два врага.

Кто прелесть битв хоть раз узнал,
Щитом звенел, мечом пронзал;

Оплакал стыд былых веков,
Отбросил власть седых богов, —

Тому смешны и страх и смерть,
Свист вражьих пуль, обманов сеть.

На первый клич сберет тот сечь.
Сверкнет мечом, поднимет меч.

(Ноябрь 1907)

Неизвестный автор

92

Если хочешь ты упиться
Песней сладкою и нежной
Отдыхающего моря;
Если хочешь позабыться
И в отраде безмятежной
Отдохнуть от мук и горя, —
То ступай, где море, дремля,
В синих пятнах отражает
Неба тучи, словно горы;
Где волна, природе внемля,
Гармонично набегаёт,
Кротко нежа слух и взоры. . .

Если ж ты смятенье бурн,
Гром борьбы зовешь отрадой,
Если ищешь не покоя,
То иди, где нет лазури,
Где грохочут кавалькадой
И шумят валы прибоя. . .
Ты иди, где в бой суровый
Море с скалами вступает,
Грозно ропщет, разбиваясь
Об утес, но с силой новой
Грудью смело ударяет;
Скалы стонут, погружаясь. . .

И тогда забудешь горе
И с горящими очами,
Без сомнений и молитвы,
Как грохочущее море,
Как морские волны сами, —
Смело прянешь в сердце битвы!

⟨11 января 1907⟩

Г. Виллиам

93

На равнине при дороге
Столб некрашенный стоял;
На равнине при дороге
Поп отходную читал.
На равнине при дороге
Взвод солдатиков стоял.
На равнине при дороге
Адъютант приказ читал.

На равнине при дороге
У столба солдат стоял.
На равнине при дороге
Залп ружейный прозвучал.
На равнине при дороге
Кто-то тихо простонал,
На равнине при дороге
Человек один пропал...

⟨13 января 1907⟩

Неизвестные авторы

94

Он думает, что победил
Лукавый зверь, наш враг.
Он думает, что, погрузив
Страну в холодный мрак,

Он наше сердце охладил
И растоптал наш стяг.

Нет, цел наш стяг и невредим
И в верных он руках,
И гнев святой еще сильнеей
В пылающих сердцах,
Нетерпеливей и страстней
Воители в рядах.

Но не сейчас мы кликнем клич
Призывно-боевой, —
Мы ждем теперь со всей земли,
Со всей страны родной
Еще бойцов... Полки бойцов
Под алый стяг святой!

(14 января 1907)

95. ВО ТЬМЕ

Тьма стоит кромешная
Над землею стонущей;
Точно сила грешная
Борется с другой,
Горем истомленную,
В море гнета тонущей,
Грубо оскорбленную
Властною рукой.

Но во тьме рождается
Ненависть могучая —
Грозно приближается
Жгучей мести час,
И растет, сокрытая
За тяжелой тучею,
Пламенем обвитая,
Мощь сплоченных масс...

(1 апреля 1907)

Кириллов

96. КТО ОН?

Посвящается П. Б. С(тру)ве

Отчизна спала сном кошмарным,
Тянулись мрачные года...
Он был жрецом высокопарным
У революции тогда.

Какие красочные гаммы
Теорий смелых набросал,
Какие ярые программы
«Ортодоксально» написал!

Отчизна стала просыпаться,
Свободный ветер потянул,
Он побледнел, стал завираться
И за границу улизнул.

Он счел движенье за игрушку,
Он земцев стал боготворить
И для младенцев погремушку
В Штутгарте начал мастерить.

Отчизна билась беззаветно,
Отвоевала дни свобод.
И он взошел звездой приветной
На петербургский небосвод.

Порвавши с старым, сбросив путы,
Он вновь в идейный фрак одет,
И — с поощренья «абсолюта» —
Благонамеренный кадет.

Он пишет много, мыслит здраво,
И чем сильнее народный взлет —
Тем «абсолютнее» направо
Он совершает поворот.

И мнится мне: взойдет свобода
На наш туманный небосклон —
В «Союзе русского народа»
Вождем идейным будет он.

(6 апреля 1907)

Неизвестный автор

97. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, мой малютка, уж скоро рассвет...
Холодно в комнате: дров у нас нет,
Вьюга осенняя воет в трубе...
Дай, я укутаю ножки тебе;
Спрячь на груди мне головку свою,
Спи, а я песню тебе пропою.
Скоро фабричный гудок загудёт —
Мать твоя снова работать уйдет...
Спи же, дитя, под гуденье свистков
Крепни, расти, на борьбу будь готов.

Да, для рабочего жизнь нелегка:
Десять часов от гудка до гудка,
Спину сгибая, сидишь за станком
Да не мигая снуешь челноком.
Слезы смахнуть не успеешь рукой,
Шум нестерпимый, жара в мастерской,
Вертятся шкивы, колеса стучат,
Злобно ремни приводные шипят...
Спи же, малютка, под грохот станков,
Крепни, расти, на борьбу будь готов.

Больше терпеть не хватило уж сил,
Голод донял. Час борьбы наступил!
Много их пало в неравной борьбе,
Да не добыли свободы себе.
Видишь, как факелы ярко горят,
Слышишь, железные цепи звенят:
Это этап в дальний путь снаряжают,
В каторгу братьев твоих отправляют.

Спи же, малютка, под звон кандалов,
Крепни, расти, на борьбу будь готов.

Там, за высокой тюремной стеной,
Гулко в тиши раздается ночной
Стук топора. . . Там работа идет:
Строят отцу твоему эшафот.
Завтра, едва петухи пропоют,
Тело его на кладбище свезут,
В яму опустят, сравняют с землей,
Где он зарыт — не найти нам с тобой.
Спи же, малютка, под стук топоров,
Крепни, расти, на борьбу будь готов.

Много их пало, но дух их живет.
Снова народ истомленный встает,
Мысль напряженно, упорно кипит,
Снова свободная песня звучит.
Слышишь ты смешанный гул голосов?
Слышишь, доносится стук молотков?
Это рабочие песню поют.
Это клинки они с песней куют!
Спи же, малютка, под стук молотков.
Крепни, расти, на борьбу будь готов!

(1 мая 1907)

А. Черемнов

98. ПЕСНЯ О БЕДНОМ МАКАРЕ

Ни витязей славных, ни знатных бояр
Для песни простой нам не надо!
Споем про тебя мы, убогий Макар. . .
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

Как жил да гулял ты, убогий Макар,
В исконном российском порядке,
От Белого моря до крымских татар,
От Польши до самой Камчатки.

Француза, и шведа, и турка побил,
И жарил в китайца из пушки,
Почета и славы премного добыл,
Но жил себе в бедной избушке.

Насквозь продувала избушку метель,
Морозец заглядывал в щели;
А возле стояла высокая ель,
На ели сидели Емели.

Как станет Макара мороз донимать
Аль голод закручивать кишки, —
Емели Макара давай утешать:
Бросают еловые шишки.

И так-то ли ладно Макар проживал! . .
Да беса взяла, вишь, досада,
И бес искушенье Макару послал. . .
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

Оставил веселья Макар и пиры
От глупой своей от кручины;
Не хочет он больше дубовой коры,
Не хочет и вкусной мякины.

Далась же задача его простоте!
Всё пуше его забирает!
Не хочет Макар проживать в темноте,
Наукам учиться желает!

Емели с Макаром и эдак и так;
Сулят ему множество шишек.
Бормочет в ответ им упрямый чудак,
Что шишек давно, мол, излишек.

Бормочет-лопочет, ан глядь да поглядь —
И вовсе почал упираться:
Не хочет языщей Макар покорять,
За Лидзы и Пудзы сражаться!

И столь помутилась его голова,
Что брешет Макар без пардону:
Нужны-де ему и суды, и права,
И жить, мол, пора по закону.

Надула ль те мысли Макару метель,
Сверчки ли в избушке напели? —
Загадка большая для умных Емель.
Слезают сердешные с ели:

«Макарушка-светик! На кой тебе черт
Сдалися крамольные речи?
Известно, ты был в послушании тверд,
За то и прославлен далече.

Народы и чуждых и ближних земель
Честят тебя многою честью!
Послушай, кормилец, разумных Емель:
Опутан ты дьявольской лестью!

Смутили тебя — укуси их комар! —
Лихие враги-супостаты!
Ты — русский Макар, православный Макар,
Они же от бога прокляты.

Гони ты их в шею скорей от себя,
Куда не гонял свое стадо,
Не то — вот те крест! — одурачат тебя!
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

Без нас ты, убогий, вконец пропадешь,
Тебе во спасенье мы мелем!
Неужто ты веры теперь не даешь
Исконным российским Емелям?

Ведь мы-то, Емели, недаром всегда
Живем при тебе, при Макаре!
Нужны мы, нужны, как во ржи лебеда,
Нужны мы, как мыши в амбаре!

Твоей ради пользы на шею твою,
Как мельничный жернов, повисли! . .
Ступай же, кормилец, в избушку свою,
Гони ты к нечистому мысли!

Начальству от бога здоровья проси,
Живи потихоньку, как надо;
Своих самобытных теляток паси! . .
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо! . .»

На сладкие речи премудрых Емель,
На их на приятные песни
Ответа Макара не знаем досель,
Поведать не можем, — хоть тресни!

Вишь, тучи в ту пору по небу зашли
И ветер от севера дунул. . .
Мы слова Макара слышать не могли,
А только видали, что плюнул.

На землю аль в рожу кому из Емель —
Не знаем, — такая досада! . .
Ой, люшеньки-люли! Ой, лель-диди-лель!
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо! . .

(1907)

Д. Цензор

59. УЖ КРАСНОЕ ЗНАМЯ ЗАРДЕЛО

Уж красное знамя зардело
В лазури дневной высоты, —
На бой! За свободу! И смело
Сожжем за собою мосты!
Клянемся! Как бурная лава,
Мы хлынем на темную рать.
Отважным — бессмертная слава,
Отставшим — презренья печать.
За нами — руины и тленье,
Пред нами — ликующий свет,

О, будем хоть час, хоть мгновенье
Героями звонких побед!
Нас Родина встретит цветами,
Любовь увенчает наш прах,
Вернемся назад со щитами —
Иль все на щитах.

(10 ноября 1907)

Неизвестные авторы

100

Всероссийский алкоголик,
Царь жандармов и штыков,
Царь-убийца, провокатор
И создатель кандалов.
Побежденный на Востоке,
Победитель на Руси,
Будь ты проклят, царь жестокий,
Царь, запятнанный в крови!
Всенародный кровопийца,
Покровитель для дворян,
Для рабочих царь-убийца,
Царь-убийца для крестьян.
Люд восстанет за свободу,
Сокрушит твой подлый трон.
Долю лучшую народу
Завоюет в битве он.

(Август 1908)

101

Где вы, могучие, пылкие, страстные,
Где же вы, в битвах великих прекрасные,
Где же вы, милые братья?
В наших рядах ваши кличи не слышатся,
Наши товарищи спят, не колышатся,
Тихо, угрюмо среди нас.

182

Иль вы погибли в бою, пораженные,
Сладкой мечтой о любви упоенные,
 Мир вам, святые борцы!
Иль, золотой мишурой обольщенные,
Сытым довольством врагов соблазненные,
 В вражеский стан вы ушли?
Где же вы, битвами, кровью спаянные?
Снова явитесь к нам, братья желанные,
 Вместе за счастье умрем.
Тихо и томно, лишь слышны стенания.
В вражеском стане огни ликования,
 Царствует черная смерть.

(1908)

В. Князев

102

Вчера не мог заснуть я до рассвета:
Случайно найденная старая газета
Навеяла воспоминаний рой
 О днях бывшего. . . Предо мной
Вставали площади, покрытые толпою,
И гордый, смелый гимн торжественно звучал,
И речи стройные лились рекою;
 Прибой крепчал! . . .
Я вспомнил дни московского восстанья
И смерть борцов на гребнях баррикад,
И палачей, не знавших состраданья,
 И виселиц безмолвных ряд. . .

Я вспомнил всё, и до рассвета
Лежала предо мной газета.

(30 декабря 1910)

103. В ЧЕРНЫЕ ГОДЫ

(С итальянского)

«Опомнись, безумец! Куда ты идешь?
Вокруг только пни да гнилые болота!
Иль, думаешь, тайно отточенный нож —
Игрушка в руках подкупного илота?
Иль ты не заметил, как буря и мрак
Сдавили отчизны привольные степи;
Как гас наш последний, наш верный маяк

И нас обвивали железные цепи?!
Один за другим погибали в бою
Вассалы великой богини — Идеи.
Их нет уже больше. . . Отчизну твою
Опять полонили кроты и пигмен. . .
Прошли и забыты великие дни.
Разбиты скрижали былого завета.
Леса опустели, потухли огни,
И всюду, и всюду, куда ни взгляни,
Гнетущая ночь без просвета. . .»

«Неправда! Я вижу: сверкает вдали
 Рожденная бурей зарница.
Пусть черные тучи всю твердь облегли, —
 Я верю, — весна возвратится!
И снова бездонный небесный шатер
Сверкающей далью насытит наш взор,
 Цветами покроются степи,
 И сгинут железные цепи! . .
Я верю, я верю — светла и ясна,
 Как чистые грезы ребенка,
Опять воцарится богиня Весна,
Прогонит кошмары трехлетнего сна,
Весенние рощи листвою зашумят
 И — радостно, вольно и звонко —
Весенние песни в лесах зазвонят.
 И снова по бранному полю
 Прокатится властное: «Волю!»

(22 января 1911)

А. Лукьянов

104. ВОЛНЫ

Зашумят ли волны снова,
Или в сумраке глухом
Море мрачное сурово
Будет спать холодным сном?

Не кляни в бессильи долю,
А готовь забытый челн,

Чтобы вырваться на волю
При набеге первых волн.

Перед нами — гладь покрова,
Но сокрыта глубина. . .
Может с берега крутого
Смыть нежданная волна!

(29 января 1911)

Д. Одицов

105

Там, где все проблески жизни объяла
Цепью железною власть капитала,
Где над разбитую жизнью, больной,
Кружатся призраки смерти толпой, —
В этих подвалах, и темных и душных,
В душах рабов безответных, послушных,
Точно как ласка любви, иногда
Светит исканий святая звезда.
Там не исчерпаны свежие силы,
Где с колыбели до самой могилы
В жизни так мало отрадных картин;
Где с отдаленных веками глубин
Тяжкое иго несут поколенья,
Там не угасли любовь и стремленья
И под налетами скорби порой
Светит, мерцая, огонь золотой.

(26 февраля 1911)

С. Ганьшин

106. ДЕВЯТЫЙ ВАЛ

Идет, ревет девятый вал,
Вал роковой,
Придет, волной сметет позор,
Гнет вековой.

Идет, шумит, бурлит, — смотри!
 Как страшен он...
И не щадит кошмарных дней
 Былых времен.
Идет, гудит последний вал,
 Девятый вал.
Придет сразить неправду, тьму,
 Чтоб свет сиял.

(30 апреля 1911)

Н. Ратмиров

107

Свинцовой мглой седая хмара
Одела небо, как дым пожара,
Порывы ветра в смятении диком
И рвут и мечут с мятежным криком;
И хлопья снега в безумной пляске
Кружатся в вихре морозной пыли,
Как духи ночи в волшебной сказке,
Беснуясь, небо собой закрыли.
Я помню: тяжело, в безумьи гнева
Метель гасила тоску покоя,
В смятенных звуках ее напева
Терялись стоны и клики боя.
И выюга злилась и, пламенея,
Кидала небу свои проклятья,
Но нам привольней дышалось с нею,
Мы с нею были родные братья.

(26 ноября 1911)

М. А. Модзалевский

108. БЫЛИ ДНИ, ДА ПРОЛЕТЕЛИ...

То не жемчуг рос холодных
Покрывал луга седые
И в дымящихся туманах
Улыбал в леса родные.

То родник народной воли,
Ветром буйности вспоенный,
Брызгал гневом на равнины,
Подмывая берег сонный,
И метался в жарком споре,
Как больной в своей постели. . .
Были тучи, были ветры,
Были дни, да пролетели. . .

Светлый жемчуг рос холодных
Кроет трав ковры густые,
И в дымящихся туманах
Он плывет — в леса родные,
А родник народной боли
В берегах, что бесталанный,
Глухо стонет под дубами,
Сонно-тихий и туманный,
И смолкает понемногу
Умирающим в постели. . .
Были тучи, были ветры,
Были дни, да пролетели.

(22 декабря 1911)

Д. Бедный

109. ПРАЗДНИК

Вся деревня всполошилась:
Жалко дедушку Макара.
Вот, поди ж, как гром свалилась
На беднягу божья кара.
Сколько дней у ветхой хатки
Дед торчал, хоть пыли кости, —
Ждал, всё ждал к себе на святки
Из столицы сына в гости.
Втайне батя для Емели
Хлопотал уж о невесте.
Вдруг о сыне прилетели
В час недобрый злые вести:
Что не первую неделю
Парень мается в неволе, —

Упекли под суд Емелю
За участие в «крамоле»;
А у судей в черном деле
Совесьть — ой! — наматорела. . .
Не уйти никак Емеле
От расстрела.

Вся деревня всполошилась:
«Жалко парня!» — «Жаль Макара!»
— «Знаем, чай, за что свалилась
На Емелю злая кара!»
— «Кто иной о нашем брате
Так скорбел, стоял повсюду? . .
Чай, мы плачем не о тате! . .
Чай, жалеем не Иуду! . .»
— «Братцы, что ж? Душе-то милой
Как-нибудь мы порадеем! . .»
Шлют крестьяне за Вавилой,
Деревенским грамотеем.
Есть бумага, есть чернила,
Раздобыты где-то марки.
Настрочил за час Вавила
Просьбу в Питер от Макарки;
В тот же день без проволоочки
Сам на почту сvez прошенье.

. . . Дни бегут, за днями — ночки,
Нет из Питера решенья.
Сочиняя небылицы,
Долго ждали все ответа.
Ровно в праздник из столицы
Получилась эстафета.
Заглянул в нее Вавила —
Да как бы с ума рехнулся:
«С нами, — крикнул, — божья сила!»
Побледнел и пошатнулся.
Дед Макар стоит — крепится,
Держит слезы через силу.
Православный люд толпится,
Наседает на Вавилу:
«Что ты вычитал, верзила?
Говори скорей, не мешкай!»

И очнувшийся Вавила
Отвечал с кривой усмешкой:
«Милость, стало быть, господня!
Значит, с праздничком, Макарка! . .
Вон какого ты сегодня
Удостоился подарка.
Без вина, брат, станешь хмелен,
Вестью доброю утешен:
Емельян-от. . . не расстрелян. . .
а. . . повешен! . . .»

1910

А. Богданов

110. РУЧЬИ

Ручьи, как гусельки, звенят.
Прозрачно-светел небосклон. . .
С ручьями в тон, с весною в лад —
Кандалный звон, этапный звон. . .

Сомкнулись в строй. . . За рядом ряд. . .
В бушлатах. . . Шапки из сукна. . .
Ручьи, как гусельки, звенят, —
И манит волею весна. . .

Вдыхают жадно, словно пьют
Глотками пряный аромат.
Родные около бредут. . .
Ручьи, как гусельки, звенят. . .

Эх, убежать теперь бы в лес,
Прорвать живую цепь солдат,
Бродить, смотреть в лазурь небес. . .
Ручьи, как гусельки, звенят. . .

Как яхонты — кресты церквей,
Нашивки унтера блестят. . .
Команда: «Марш! . . . Впе-ред! . . . Скор-рей! . . .»
Ручьи, как гусельки, звенят. . .

1911

К нам из Англии туманной
Прикатили сэры —
Наши гости, мы гуманны —
В Персии примеры!
О «сближении народов»
Власти, ох, пекутся,
А народы ждут невзгоды,
Охают да жмутся.
«Без меня меня женили, —
Шепчут те народы, —
Мы бы персов не делили —
Не враги свободы».
Что за толки о сближеньи?
Мы не враждовали.
Ведь *народы*, без сомненья,
Войн не затевали?
Буржуа хотят «сближенья», —
Что-то тут нечисто,
Разыграли «душ влечение»
С ловкостью артистов.
Но за «искренним влеченьем»
Примечай с вниманьем:
«Интересец, без сомненья,
Видел и — деянья».
Делят лакомый кусочек
Старый Джон с Варягом;
Англичанка уж, дружок:
Грабь под общим флагом...
Вот тебе и меджилисы,
Персов тут свобода, —
Ведь сближеньем занялся
Целых два «народа».

Между 8 и 25 января 1912

Рюрик Иванев

112

Веселитесь! Звените бокалом вина!
Пропивайте и жгите мильоны.
Хорошо веселиться... И жизнь не видна,
И не слышны проклятья и стоны!

Веселитесь! Забудьте про всё! Наплевать!
Лишь бы было хмельней и задорней.
Пусть рыдает над сыном голодная мать.
«Человек, demi-sec, ¹ попроворней!»

Веселитесь! Зачем вам томиться и знать,
Что вдали за столицей холодной?
Пальцы собственных рук он готов искушать,
Этот люд, люд бездольный, голодный.

Веселитесь! И пейте, и лейте вино,
И звените звучнее бокалом,
Пусть за яркой столицей — бездолье одно,
Голод страшный с отравленным жалом;

Пусть над трупом другой возвышается труп,
Вырастают их сотни, мильоны!
Не понять вам шептаний измученных губ,
Непонятны вам тихие стоны!

1912
Петербург

Борис Богачев

113. ВСТРЕЧИ СЛУЧАЙНЫЕ

Осенью позолотило клены,
В станционном скверике грустит олива;
Блещут яркой краскою вагоны,
Паровоз шипит нетерпеливо.

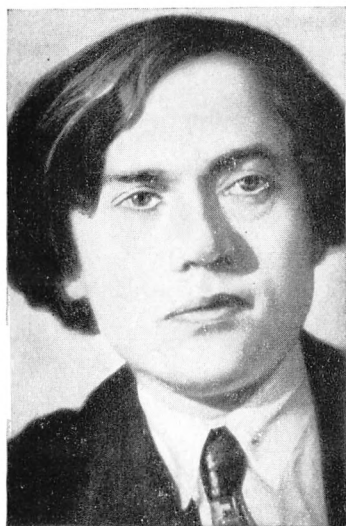
¹ Сухое вино (франц.).

Д. Одинцов, 1917

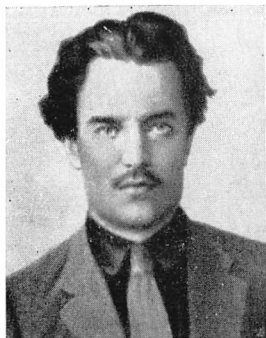
И. Филипченко, 1920-е годы

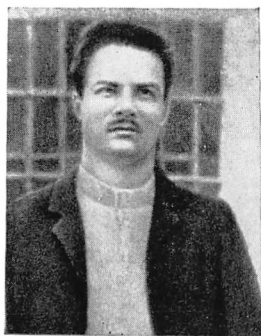
В. Кириллов, 1920-е годы

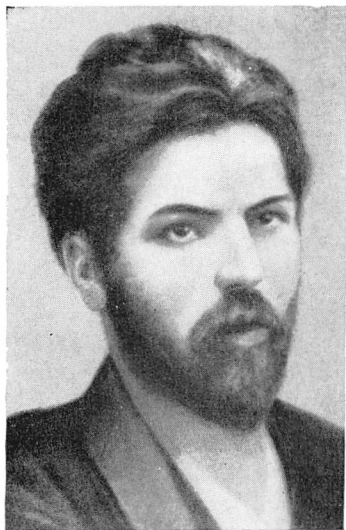
В. Кичуйский, 1907—1908

В. Куйбышев, 1912

М. Фрунзе, 1907

П. Лепешинский, 1910—1912

М. Герасимов, 1920-е годы

«Няня, мамочка! .. Какие вы смешные! ..
Плачут! .. Я ведь еду жить, учиться...
Ну, прощайте! Полно же, родные! ..»
И у девушки слезинка серебрится.

.
Часто видел я, как спозаранку
Две старухи ждали почтальона,
Вот открытки: «Мост через Фонтанку»,
«Вид Невы» и «Улицы Мильонной»...

Воскресенье... Площадь роковая...
На снегу — как будто рдеют маки,
Высится колонна... Перед нею
В ряд построились пехота и казаки.
Вот лежит какая-то. Улыбки
Перед смертью спрятать не успела...
Кто она? Не может быть ошибки.
Это та, что страстно жить хотела...
С грустью я гляжу на профиль нежный,
Что-то светлое растет меж нами...
К нам подходит кто-то и небрежно
Бередит мне душу острыми словами,
Философствует: «Какой народ упрямый,
Ишь, свободу! .. Молоды да прытки! ..

.
Значит — перестали няня с мамой
Получать красивые открытки.

(2 февраля 1912)

Л. Старк

114

Слетались орлы на вершины синеющих гор
И долгий вели меж собой разговор...

«А где же товарищи наши? Их нет среди нас,
Их нет, хоть и видит далеко орлиный наш взгляд».
И с клетотом им отвечали другие орлы:
«Есть берег угрюмый под мрачным отвесом скалы,

И трупы товарищей треплет седая вода,
И скоро исчезнут они под бурливой волной навсегда...
Другие же умерли: в клетках массивных они
Безрадостно тянут тоскливые, темные дни...
А есть и иные: страшась печальной судьбы,
Лежали, забыли про дело святое борьбы...»

И было ответом в боях поседевших орлов:
«Товарищи! Кликнемте снова призывный наш зов!
Ударит в сердца он всех тех, что тревоги полны,
Дождаться не могут сиянья желанной весны.
И с силами новыми, дики, свободны, горды,
Сомкнем мы плотнее железные наши ряды!..»

Тяжелыми взмахами крыльев взнеслись орлы в высоту,
Свой быстрый полет направляя далеко в родную
страну...

(5 февраля 1912)

Ф. Шкулев

115. НЕ ПОЙМУ

Не пойму я: люди плачут,
А о чем?
Шубы нет — гуляй свободно
Нагишом...
Солнца нет, тебе бесплатно
Бог дает...
А начальство опекает,
Бережет.
Если хочешь быть горбатым —
Работай,
Быть отечеству полезен —
Выпивай.
А что хлеба нет, землицы —
Не беда,
В земском складе есть в запасе
Лебеда.
Так о чем же в мире плачет
Весь народ?

Иль он благостей господних
 Не поймет?
Если б я был властелином —
 Повелел,
Чтоб никто на небо даром
 Не глядел.
Чтоб никто бесплатно воздух
 Не вдыхал
И весною пенье пташек
 Не слышал,
А землю б всю распродал
 На вершки. . .
Вот тогда бы поплясали
 Бедняки!

(1909)

Рюрик Иванев

116

Надо мной светит солнце горящее,
Светит солнце, горящее мне,
В бесконечную даль уходящее
Поле в ярком и жарком огне.

А вдали, где волнистые линии,
Уплывая, впилась в небосклон,
Расцветают кровавые лилии
И доносится жалобный стон.

Кто-то там, надрываясь от тяжести,
Истомленный, угасший идет,
Изнывая по маленькой радости,
Что так страстно, но тщетно он ждет.

Море ржи так красиво колыхается,
Так красиво колыхается рожь.
Тихий голос мучительно слышится:
«Нет! Напрасно ты радости ждешь!»

1912
Петербург

С. Ганьшин

117

Я прямою дорогой иду, —
Этот путь мне указан судьбою...
Может быть, я паду на пути,
Но паду лишь сраженный борьбою!

Я прямою дорогой иду, —
Этот путь мне тяжелый известен...
Пусть о камни изранена грудь,
Пусть в борьбе я паду, но — я честен!

(12 февраля 1912)

Неизвестный автор

118

В холодном мраке рудников
Проклятья слышатся и стоны.
Позорных, ржавчатых оков
Несутся стуки, лязги, звоны...

Душа смятенная темна;
Душа томится, ждет ответа...
Когда ж осветится она
Лучом желанного рассвета?

(1 марта 1912)

Л. Старк

119

Будут дни роскошной, радостной весны...
Под лучами солнца возродятся сны,
Что во мраке ночи, горя и тоски
Нам казались так безбрежно далеки...
Будем петь мы песни яркие борьбы!

Под ярмом тяжелым сумрачной судьбы
Мы сложить сумели бурный их напев...
И звучит в них грозный и могучий гнев.
Труден путь и долог... Много юных сил
Омут темной жизни в жертву уносил.
Но несем мы бодро светоч наш вперед.
Как маяк на скалах, смелость он дает.
Пойте песню бури! Выше гордый стяг!
Смело выпрямь спину, сгорбленный бедняк!
В ширь и даль немую Родины святой
Грозно понесется наш призыв на бой.
Мы идем путями неумных битв,
Мы отвергли шепот неземных молитв.
Будущее наше... Наш призывный клич
Режет воздух ночи, как свистящий бич!

(4 марта 1912)

Михаил Григорьев

120

Люди с усталыми лицами,
Люди с глухими укорами,
Станьте вы вольными птицами!
Смело упейтесь просторами!

Мир пробуждается трелями,
Мир омывается волнами;
Слейтесь волшебно с метелями,
Тихим созвучием полными!

Дерзко боритесь с преградами!
Сейте свободу обильную!
Люди с угрюмыми взглядами,
Люди с душою бессильною.

(4 марта 1912)

Д. Бедный

121

Всю-то ночь молилась богу,
Скорбно голову склоня! —
Со слезами в путь-дорогу
Проводила мать меня:

«Женя, резвость, шалопутство —
Всё пойму я, хоть стара,
Но, сыночек, знай: распутство
Не доводит до добра».

Что ж, добравшись до столицы,
Узнаю я — вот дела?!
О распутстве небылицы
Мать родная мне плела.

Без распутства путь мой смутен,
А с распутством — хоть куда!
Ах, зачем я не распутен,
Не Распутин, господа?!

(8 марта 1912)

С. Нахилсон

122. КАДЕТ

Банкеты, анкеты и съезды,
Петиции — сфера моя.
Репрессий, угроз и насилий
Избегнуть стараюсь лишь я.
«Мы требуем» — слова не знаю,
«Мы просим» — признаться, люблю,
И, скорчив гражданскую мину,
Удобный момент я ловлю.
Об общем я благе радею,
И даже я клясться готов,
Что — «левый». И, право, противник

Я старых, негодных основ.
Но... только потише. На деле
Мне мил этот старый наш строй,
И только починки он просит.
Починку! За это горой.
Наладим, подмажем, починим,
Исправим, пришьем, подогнем,
Кой-где мы отнимем, отрежем,
Кой-где мы и краской мазнем.
Починку! И, став депутатом,
О всем постараюсь забыть;
На кресло в Таврическом зале
Что хочешь готов обменять!

(11 марта 1912)

Л. Старк

123

Мы воздвигнем дворцы не из крови и слез,
Не из тяжких, звенящих цепей, —
Мы скуем новый мир из сияющих грез
И из шелеста вольных степей.
Пусть напев наш свободно гудит, точно лес,
Точно лес перед буйной грозой.
И гроза так пройдет. А бездонность небес
Заласкает весь мир бирюзой.
И в лучах златотканых желанной весны,
Средь восторгов свободной земли
Мы исполним свои долгожданные сны,
Что манили давно издали.
Мы шли долго, усталость забыв и тоску,
Мы шли долго пустыней немой,
В зное душном, по барханам злого песку,
Как по снежным сугробам зимой...
И когда мы пройдем в наше царство лучей,
В мир, добытый упорной борьбой,
Мы вспомянем всех тех, кто во мраке ночей
Заплатил за наш праздник собой.

(20 марта 1912)

И. Ионов

124. ТЕНИ

Люди убогие, горем повитые,
Дети голодные, лица немытые
 Жмутся в полуночной мгле.
Тени голодные, ветошью крытые,
 Ходят по бедной земле.
Песни кровавые в воздухе кружатся,
 Жалобы сердца несут. . .
Звоны печальные, звоны кандалные
 Новые песни поют.
Тени-кошмары плывут и колышатся,
 Звоны-удары растут. . .
Песни мятежные ближе уж слышатся,
 Ропщут. . . как море, ревут.
Песни мятежные, песни безбрежные
 Бурей бушуют во мгле!
Тени голодные, тени безродные
 Бродят по бедной земле.

(25 марта 1912)
Нарым

Д. Бедный

125. ГОЛОДНАЯ ПАСХА

(Пасхальная идиллия)

Почувствовал себя безгрешным бюрократ,
В пасхальный день приняв причастье,
За разговорьем он лобзал семью стократ,
Хвалил простой народ и говорил, что рад
В веселье праздничном его принять участие.
С подростком-сыном он, восстав из-за стола,
Выходит из дому.

Гудят колокола.

Пестреет флагами столица,
По шумным улицам, нарядна и светла,

Идет-плышет толпа. У каждого угла
Мелькают радостные лица.
И, нежность ощутив великую в груди,
Объят восторгом благородным,
Воскликнул бюрократ: «Мой милый сын! . . .
Гляди! . . .»

Довольством насладись народным!
Увидишь сарафан, — он шепчет, — иль армяк,
Прислушайся, любя, к народной речи, звуку. . .»
Вдруг видит он: пред ним обóрванец-бедняк
В слезах, с мольбой к нему протягивает руку:
«Детишки. . . без куска. . . Будь им замест отца! . . .
Подай, родной, на разговенье! . . .»
Сановник потемнел; с багрового лица
Сошла приветливость в мгновенье.
«Не знаешь праздника! Бесстыдник! . . . Плут! . . .
Злодей!

Давно не пробовал нагаек! . . .
Городовой! . . . Что смотришь, ротозей? . . .
Не гонишь в шею попрошаек? . . .»

Послушный чин повлек куда-то бедняка,
А бюрократ уже успел забыть об этом;
Он дальше с сыном шел, зардевшийся слегка,
Лилась речь его, как гладкая река,
И взор опять сиял приветом.

(25 марта 1912)

С. Ганьшин

126. ТОВАГИЩАМ

Нет, не нам отдыхать.
Мы работать должны что есть силы,
Знамя правды, борьбы
Понесем мы до самой могилы.
Кто в борьбе изнемог,
Чья душа от страданий изныла, —
Пусть они отдохнут,
А у нас с вами есть еще сила.

Мы бороться должны,
Перенести и позор и невзгоды...
Мы падём, но придёт
Светлый праздник желанной свободы.
(25 марта 1912)

Б. Верхустинский

127. ВОЙНА

Крикнула черная пасть:
«Смертью захвачена власть!
Вам уготовано пасть!»
Пушка, хранящая гром,
Бьет беспощадным ядром
В гневе безумно-слепом.
Кровь разлилась по полям...
Ужас летит по рядам...
«Люди! Пощады не дам».
Ранив последнюю грудь,
Кончили ядра свой путь.
«Мертвым и тихим пребудь!»

Рваное знамя вдали...
С воем голодным ушли
Дети усталой земли.
Вороны мертвых клюют,
Волки истерзанных рвут.
Меркнет недавняя быль,
Стелется снова ковыль.

(1 апреля 1912)

Неизвестный автор

128. ДУМА

Дня в слезах не видя, бабушка Ненила
До самих министров с просьбой доходила.
Вот и вышла милость: одного повесить,
В каторгу другого, что-то лет на десять.

И трясет с тоскою головой старушка:
«Ах, скорей бы Дума, жив бы был Ванюшка!»

Кто-то по соседству, лихоимец жадный,
У крестьян землицы косячок изрядный
Оттягал, отрезал плутовским манером.
«Дай сойдется Дума, будет землемерам, —
Думают крестьяне, — скажет Дума слово,
И землю нашу отдадут нам снова».

Захотел профессор издавать газету.
Он недаром рыскал столько лет по свету:
Понатерся в людях, попригладил шкуру,
Грезил: «Буду дома разводить культуру».
Но попал в застенок и твердит угрюмо:
«Ладно, нам не к спеху, скоро будет Дума»

Мирно на заводе стачка протекала.
Вдруг орда вандалов с гиком прискакала.
Смертно бьют налево, смертно бьют направо,
Бьют и высылают — коротка расправа!
Люди разбежались в дебри без оглядки.
«Хоть бы Думу, что ли. Ну уж и порядки!»

Наконец собралось наше упованье!
Архиерей приехал, сделал заклинанье.
Но, должно быть, слова он не знал такого,
И пришлось нам Думу дожидаться снова.
Заперли министры светлые палаты,
Место депутатов заняли солдаты.

И Вторую Думу разогнали тоже,
Потому рабочих слушать непригоже.
«Дело было б проще, — так паны сказали, —
Если б мы семейно дело разбирали,
Чтоб не выносить той за порог нам грязи»,
И собрали Думу — все паны да князи.

Сирота Ненила; на чужой землеце,
У соседа-плута урожай сторицей;
Прежние парнишки стали «стариками»;
Стачки прекращают попросту штыками;

Да и сам профессор Думой уж не бредит.
Дума ж всё толчется, с места всё не едет.

Знает Дума — надо, но никак не в силах
С чем-нибудь расстаться из порядков милых.
Нежно бы и долго думцы ворковали,
Если б, на беду их, в Думу не попали
Мужичок с котомкой да еще рабочий, —
Портят кровь пузатым, не глядели б очи.

.

(5 апреля 1912)

Павел Куприянов

129

В мрачную, серую, грозную тьму
С факелом правды я гордо иду,
Сбросив печаль и тревогу —
Дайте дорогу!

Хмурится темная, жуткая даль. . .
Что обещает мне? Радость, печаль,
Смерть или счастья тогу —
Шире дорогу!

Люди устали, погрязли во зле,
Давят друг друга в суровой борьбе,
Молятся золоту-богу —
Дайте дорогу!

Падают ржавые цепи, звеня. . .
Верую в близость победного дня.
Воли и света порогу —
Шире дорогу!

В мрачную, серую, грозную тьму
С факелом счастья я смело иду. . .
Кто мне придет на подмогу?
Вместе в дорогу!

(10 апреля 1912)

И. Воинов

130. БУРЯ НАРОДНАЯ

Буря народная,
Буря великая,
Скоро ль придет твой черед?
Полночь безвольная,
Ненависть дикая,
Злоба жестокая душу гнетет.
Встань ты, загадочный,
Вечно безрадостный,
Встань, распрямись, русской были герой.
Рабство унылое,
Бремя постылое.
Смело стяхни и по-новому спой!

Между 5 и 10 апреля 1912

С. Ганьшин

131

Всколыхнулось, заплескалось
В полночь море
И со злобой зашумело,
С кем-то споря.

Взбушевало, забурлило
Пеной белой,
В берегах, вишь, тесно стало —
Закипело.

Плещет, рвется — захотелось
Лучшей доли.
Злится, бьется об утесы —
Просит воли!

(1911)

Д. Бедный

132. ПРАВДА, КРИВДА И КОПЕЙКА

Издательство «Копейка», собрав газетчиков, предложило им не продавать «Правды».

Из письма наборщика X-с

Нельзя сказать, в каком году
Так повелось, но так ведется,
Что Кривде с Правдой не живется,
Что Кривда с Правдой не в ладу,
И не одна она, злодейка:
Союзник верный ей Копейка.
Людьми подмечено давно:
Копейка с Кривдой заодно!
Имея общую лазейку,
Они вдвоем всегда, везде.
С тех пор как создал черт Копейку,
Копейка с Правдой во вражде!

(3 мая 1912)

Леонид Черный

133

Милый! Завтра поутру
Я приду в твою темницу. . .
Для тебя цветов кошницу
На полях я соберу.

Принесу и передам
Я тебе душистый ворох...
Ширь полей и леса шорох
В тяжких стенах я создам.

Пусть нахмурятся тогда
Злой тюрьмы немые стены...
Вырвать милого из плена —
Вот зачем я шла сюда!

И в глазах твоих прочту
Я тогда любовь и ласку,
И красивейшую сказку,
И крылатую мечту.

Точно в ярком, дивном сне,
Позабыв свои оковы,
Будем снова мы готовы
Верить грезам о весне...

(22 мая 1912)

Ф. Шкунев

134. КУЗНЕЦЫ

Мы кузнецы, и дух наш молод,
Куем мы к счастью ключи!
Вздымайся выше, тяжкий молот,
В стальную грудь сильнее стучи!

Мы светлый путь куем народу,
Мы новый, лучший мир куем...
В горне желанную свободу
Горячим закалим огнем.

Ведь после каждого удара
Редет тьма, слабеет гнет,
И по полям родным и ярам
Народ измученный встает.

Недолог час — огнем объятый,
Великий, славный грянет бой.
И всех врагов с земли проклятых
Сметем мы бурною волной.

Вздымайся вихрем, грозный молот,
В стальную грудь сильнее стучи.
Мы кузнецы, и дух наш молод,
Куем мы к счастью ключи!

1906, 1912

135

Яснеет даль. Ярче блики.
Рассвет желанный недалек;
Я вижу радостные лики,
Я вижу огненный поток. . .
Редет мрак!

Бегут весенние потоки,
Зарницы пышут и горят,
Они о счастье недалеком,
О лучшей жизни говорят. . .
Идет весна.

Чу, слышен звон. . . То звук набата,
Он нас зовет на пир весны,
Все дали заревом объаты,
И люди радости полны,
И в сердце звон.

Конец засилью темной ночи,
Оно уйдет за грань веков.
Яснеют страждущие очи
Родимых братьев и отцов. . .
Светлеет мир.

{31 мая 1912}

В. Хлебников (?)

136. ПРОМЕТЕЙ

В те дни, когда в лесах, как дикий зверь скитаясь,
Забывтый жалкий раб жил милостью богов
И, с трепетом в душе пред ними преклоняясь,
Без ропота сносил ярмо своих оков, —
В те дни в его душе зажглось возмущенье,
И он один восстал, противясь всем богам,
И пал. Но тот призыв к борьбе, призыв к отмщенью,
Им брошенный огонь зажег сердца и нам.

И мы разбили их — кумиры золотые
Повержены во прах. Лежат они в пыли,
И с ними пали их жрецы, властители земные:
Ни гром небес, ни огонь спасти их не могли.

Прошли года, века. И рухнувшие боги —
Властители небес — забытые лежат.
Их заметает пыль, их попирают ноги.
Они для всех мертвы, и громы их молчат.

А он не умер, нет, чей образ дерзновенный
Не может умереть. Не можем мы забыть
Его и тот огонь бессмертный и священный.
Он вечно среди нас. Он вечно будет жить.

(10 июня 1912)

А. Полорский

137. ЖИВАЯ РЕКЛАМА

Как-то безвольно, безжизненно-прямо,
Мерно шагает «живая реклама».

Блеском сияющим, шумом нарядным
Полон бесчувственный город громадный...

Толпы проходят веселые шумно,
Мчатся моторы с гудками безумно. . .

Он же шагает уныло, несмело,
Всё разломило усталое тело. . .

Грудь изболелась от ноши тяжелой,
Ноги плетутся надломленно-пьяно.
Мысли мнутся, как сны урагана:

Вот расхворался в недобрую пору! . .
Холодно, сыро. . . не слечь бы не в пору.

Дождь моросит бесконечно тоскливый,
Снегом кидает и прямо и криво,

Тело морозит, застывшее жадно,
Бьет ликорадка тревогой прохладной,

Плечи опухли, всю спину сломило.
Взор потускнел, в голове заломило.

Всё разметало усталое тело! . .
Толпы проходят. . . Какое им дело! . .

Как-то безвольно, безжизненно-прямо,
Мерно шагает живая реклама.

Радостным блеском и шумом нарядным
Полон сияющий город громадный. . .

Мерно шагает реклама, несмело. . .
Толпы смеются. . . Какое им дело! . .

{29 июля 1912}

138. МОСТОВЩИК

Раскалилось солнце-золото
В знойном небе голубом;
Шум и гул идет от города,
И народ снует кругом.
Площадь-улица торговая
Не смолкает ни на час. . .
А я камушки кремневые
Забиваю, щуря глаз!
Всё ползком ползу, стараюсь, —
Молоточком бью да бью. . .
Целый день-деньской так маюся,
Проклиная жизнь свою!
Грудь болит и ноет спинушка.
Воздух с пылью и с песком. . .
А я, пахарь-сиротинушка,
Бью о камни молотком!
Площадь-улицу торговую
Мелким камушком мощу.
Проклиная жизнь суровую,
О родном селе грущу:
Там полоски-сиротиночки
Пустырями полегли,
Травы — сорные былиночки —
Вместо хлебушка взошли.
Там поля-то хлебородные —
Чернозем у нас земля, —
Да пришли года голодные,
Нету сил поднять поля!
От земли родной оторванный,
Распродав весь скарб в селе,
Запыленный и оборванный,
Стал я ползать по земле!
Камни-камушки горбатые
Подгоняю здесь я в ряд. . .
Здесь колясочки богатые
Засверкают, загремят!
Беззаботные, веселые

Здесь поедут господа. . .
Ой ты, жизнь моя тяжелая!
Доля, горькая беда!

Раскалилось солнце-золото.
Я пять сажень замостил.
Всё лицо сожгло до ворота,
И работать нету сил!
Разболелись руки цепкие,
Порастрескались, горят.
Полегли на камни крепкие
Все рабочие и спят.
Ведь они от ранней зореньки
Спину гнут на мостовой
И работают не в горенке,
А на воле, — в страшный зной!
Хоть постель-то не пуховая,
Но народ полег и спит. . .
А вокруг-то жизнь торговая
Так и блещет и шумит!
Жизнь живая, беспокойная. . .
Всё спешит, спешит народ. . .
Солнце яркое и знойное
Нестерпимо землю жжет!

(29 июля 1912)

Д. Семеновский

139. МИКУЛА

Поле. . . Елей вереницы. . .
Комья вспаханной земли.
Солнце красное жар-птицей
Село, — дремлет на ели.

Меркнет солнце. День уходит.
Дико крикнул сыч вверху. . .
В чистом поле пахарь ходит,
Водит острую соху.

Хмур и грозен бор зубчатый...
Тяжек, темен, долог путь...
Неустанно ходит ратай,
Бороздя земную грудь.

Черны срезанные пласты...
Тихи шорохи сохи...
Солнце село в ельник частый
На седые мхи.

Поразвесило над бором
Золоченый, яркий хвост...
Всё-то полем, всё простором
Ходит ратай вдоль борозд.

На руках его мозоли.
И кобылка немудра,
Да проходит в чистом поле
До заката от утра.

Да при каждом повороте
Сошка, легкая узда
Засияют в позолоте,
Зачернеет борозда...

Полю чистому конца нет.
Грудь земли суха, дика...
Но сохою не устанет
Править мощная рука.

Меркнет в небе позолота...
Темен ельник... Дик пустырь...
Меж оврагов, вдоль болота
Ходит пахарь-богатырь.

Он ведет с природой давний,
Вековой, упорный спор:
Пни корчует, крушит камни
Силам злым наперекор.

В непривычной, вечной ссоре
С почвой скудной и сухой,
Он живет в нужде и горе
За помощницей-сохой.

Чуток, зорек бор, как враг,
Поднял острые верха. . .
Въедет ратай на пригорок —
Скрипнет, встанет жар-соха:

«Гой ты, кованая сошка,
Гей, кобылка, — конь степной!
Послужи еще немножко
Стороне родной!»

И опять шагает ратай,
Ходит полем богатырь. . .
Гаснет золото заката. . .
Хмуры ели. . . Дик пустырь.

(5 августа 1912)

А. П о м о р с к и й

140. МОГИЛЬЩИК

Гулко лопата седого могильщика
Роет могилу в земле.
Комья замерзшие в бездну холодную
Падают, быются во мгле.

Эй, ты, могильщик с лопатой железною,
Роешь ты яму кому?
Сыну родному, вельможе богатому
Или себе самому?!

— Рою я бедному, рою богатому —
Смерть никого не щадит!
Разве не всё равно трупу холодному
Холмик земли иль гранит?

Только гранит убирают гирляндами,
Желтым посыплют песком,
Холм бедняка-горемыки рабочего
Слезы омоют ручьем.

(5 августа 1912)

Д. Бедный

141. ПРЕДВЫБОРНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Г-н К. нашел, что человек — животное четвероногое. Самое естественное его положение — «коленно-локтевое».

«Запросы жизни», № 33.

Кусковой рек Коробка:
«Да! Выборы — сраженье.
Какое ж в нем, миледи,
Занять нам положенье?»

— «Милорд, — так без смущенья
Воскликнула Кускова, —
Нет лучше положенья
Коленно-локтевого!»

То слыша, «Речь» приходит
В восторг и умиление:
«Идите ж к нам! Наш лозунг —
Коленопреклоненье!»

(26 августа 1912)

С. Ганьшин

142

Не бушуй, волна морская,
Не страши, что путь далек,
Вижу я: горит, мерцающая,
Долгожданный огонек.

Я привык с волной бороться,
С ветром в море воевать. . .
Жить и мыслить. Силы-воли
У других не занимать!

Не бушуй, волна морская,
О грозе не говори —
Я вдали за перекатом
Вижу отблески зари!

(5 октября 1912)

А. Соколов

143

Сильная грудь и могучие руки,
Черные кудри — в дыму и в чаду, —
Сколько ты вынес тревоги и муки
В этом безумном аду!
Жадно томил тебя холод и голод,
Зной твои думы сжигал, —
Но не забросил ты тяжкий свой молот,
Бодро ковал и ковал.

Нет, ты веками томился не даром.
Люди оценят, поймут.
Тише! Ты слышишь, удар за ударом
Молотобойцы несут!
Это всё те же бойцы молодые
Сталь раскаленную льют,
Это всё те же нам братья родные
Счастье куют.

(24 апреля 1912)

А. Маширов

144. РУЧЬИ

Нас вскормили, нас согрели
В мягкой снежной колыбели
Солнца первые лучи.
Нам нахмуренные ели
Много горьких дум пропели.
Мы — родных полей ручьи. . .

Смело мы вперед несемся. . .
С чутким сердцем обоймемся
И о каменную грудь
Дружно в брызги разобьемся. . .
Не погибнем! Вновь сольемся —
И опять в свободный путь!

(26 апреля 1912)

А. Гмырев

145. СОКОЛ

Как-то в жгучий полдень на курган седой
Отдохнуть спустился сокол молодой.
И, заслышав гостя, в гуще спелой ржи
Притаились робко мирные стрижи.
Утопая в блеске солнечных лучей,
Поднялись с пашен полчища грачей
И, крича тревожно про беду и смерть,
Тучей обложили голубую твердь.
А свободный сокол неподвижный взор
Устремил бесстрашно в золотой простор.
Думал, что на теле много, много ран. . .
И внимал тем думам дремлющий курган.
Вдруг очнулся сокол, крыльями взмахнул,
С клетотом призывным в небе утонул,
Полетел искать он новых битв и ран,
А грачи спустились на седой курган.

1909

А. Маширов

146

На рассвете весенней зари
Пробуждается жизнь молодая:
Пусть сильнее поют соловьи
Про весну для родимого края!

Пусть измученный рабством народ
Эти вольные песни услышит,
И в веселый весенний приход
Он свободнее грудью задышит.

(28 апреля 1912)

Я. Бердников

147

Снег пропал. Замолкла вьюга.
Солнце встало и глядит,
Как шалунья, гостья юга,
Вольно, весело шумит.

Серебристыми ручьями
Будит реки, тихий пруд,
Лес с привольными степями
Наряжает в изумруд.

И ликует вся природа,
Пробужденная весной. . .
Где же ты, моя свобода —
Светоч жизни трудовой?

(4 мая 1912)

А. Богданов

148. ПЕРВАЯ ЛАСТОЧКА

(Из северных мотивов)

Пусть обвеяна стужей весна!
Наша ласточка к нам прилетела, —
Знать, чужая земля надоела?
Иль родная милей сторона?
Торопилася вещая к нам,
Чтоб погибнуть в дороге нежданно,
Еще холод стоит по ночам,
День чуть брезжит за дымкой туманной.
Завтра грянет последний мороз, —
Ты опустишь бессильные крылья,
И под сенью поникших берез
Занесет тебя снежною пылью.
Птичка вещая! Я — как и ты —
В обаянии светлой мечты
С юной песней свободы лечу:
Жить, бороться и верить хочу!
О, ужели сразит и меня
Непогода холодного дня?
Пусть сразит, я не стану роптать!
Много ласточек — вместе со мной —
Будем хмурую вёсну встречать.
Вместе гибнуть — с отрадой в груди.
Посмотрите, весна впереди!
Тает, тает снегов пелена,
Гибнут ласточки — веет весна.

(8 мая 1912)

Неизвестный автор

149. НАШИ ПЕСНИ

Не печаль березок белых,
Не лазурь пустых небес
Воспоем мы в песнях смелых,
Может быть, и неумелых,

Неокрепших, незрелых,
Как дубков весенний лес.

Не хвалебный гимн природе,
Панегирик красоте, —
Нет, мы песни о народе,
Гимны радостной свободе
Будем петь, хотя и в моде
Нынче песенки не те.

(11 мая 1912)

А. Малышкин

150

Ни свет зари, ни луч заката
В моем окне не заблестят,
Глухие стены каземата
Молчанье страшное хранят.
Лишь часового оклик четкий
Приносит ночь издалека,
И кто-то прячет за решеткой
Шаги и тусклый блеск штыка.
Кругом тоска и сумрак серый,
Но доля злая не страшна:
Душа полна всё той же верой,
Всё тем же думам отдана. . .
И лишь над ложем сон склонится,
Неслышно сердцем овладев,
Мне снова сон недавний снится
И песен радостный напев.
Неволя мрачная легка мне,
Хоть сердце смолкнет, может быть,
Но всё ж не вам, глухие камни,
Упорство гордое сломить!

(11 мая 1912)

А. Скорбин

151. ПАЛЬТО РАБОЧЕГО

Пальто — испытанный мой друг —
 Давно покоя просит.
Оно не годно для услуг
 И чистки не выносит:
Под щеткой рвется старый драп,
 Тронь пуговицу — рана.
Его б забросил я, когда б
 Не чтил в нем «ветерана».
Случилось с ним нам разносить
 Протесты и воззвания, —
Друзей любили мы просить
 На сходки и собрания;
Хранил он тайну не одну,
 Не изменив ни разу,
Его карманов глубину
 Постигнуть трудно сразу.
Когда мне кто приют давал,
 Бездомному бродяге,
Мой спутник ложе представлял
 Хозяину-бедняге.
В холодной камере же мне
 Служил он одеялом
И там — в неверной тишине —
 Был чести идеалом.
Твоих бесчисленных услуг
 И беспорочной службы
Я не забуду, добрый друг,
 Как не расторгну дружбы.
(31 мая 1912).

Неизвестный автор

152. БОЛОТО

Глухое болото, гнилая трясина,
Унылые кочки, зловонная тина,
 Угрюмый и жесткий камыш...

Ни звука кругом. . . Только ветер порою
Камыш всколыхнет торопливой волною,
И снова могильная тишь. . .
Не видно здесь неба, лазури прозрачной,
И в клубах тумана, как в пропасти мрачной,
Теряются солнца лучи.
Здесь царствует смерть. . . Но и в топях болота,
Я знаю, свершается дружно работа,
Работают дружно ключи!
Настанет пора — и на смену трясине
Заблещет лазурью в цветущей долине
Зеркального озера гладь.
Дружней же, ключи, совершайте работу!
Зловонной трясине, гнилому болоту
Недолго уж гибели ждать.
(17 июня 1912)

А. Богданов

153. БЕЗДОМНЫЕ

(Отрывок из поэмы)

Осенним холодом туманов напоен,
День хмуро поднимал слезливые ресницы. . .
Мы в город шли. . . И к нам со всех сторон,
Катился гул проснувшейся столицы. . .

Куда, зачем и долго ль шли — не знаю. . .
Бежали улицы в загадочную даль, —
Неуловимую, без меры и без края,
Где всё заковано в гранит, асфальт и сталь. . .

Мы шли. . . всё шли. . . Как гусеничный кокон,
Сжималася душа в плену глухих домов.
Со злобою глядя в хрусталь зеркальных окон,
Дразнящих красками нарядов и цветов. . .

Мелькали шляпы, зонтики, жакеты,
Сходясь и расходясь, как в вихревом кольце...
Там шитым серебром сверкали эполеты,
Там тени скорбные дрожали на лице...

Толпа, толпа... Ответь, какая сила
Нас, разных, бросила в один круговорот,
Где честного душой борьбою надломил,
Ничтожеству дала величье и почет?..

И в многозвучьях дня нам не было ответа...
Далеко-странные и чуждые другим,
Как гномы черные, без ласки и привета
Ступали мы по гулким мостовым...

1907

Д. О д и н ц о в

154

Верь, тот славный день настанет!
Средь лазури голубой,
Над ликующей землей
Молодое солнце встанет.

Под весенними лучами
На воскреснувший простор
Из темниц, из душных нор,
Мы пойдем тогда рядами.

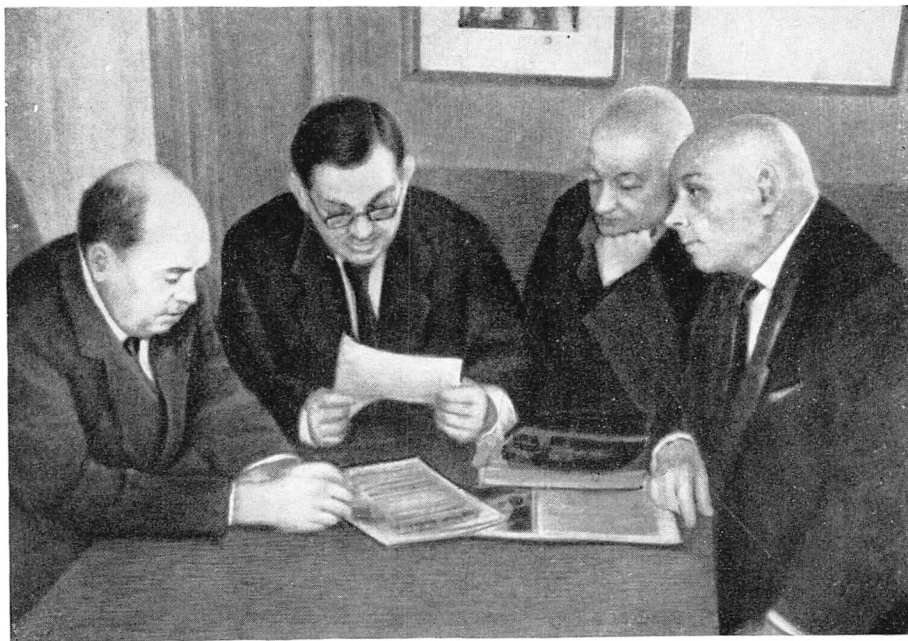
Наш напев могучий снова
Из груди многоголовой
Зарокочет в вышине.

Верь, недолог час суровый!
Всё, что спит в глубоком сне,
Молча грезит о весне.

(20 июля 1912)

«Правда», 1917

И. Ерошин, А. Поморский, Л. Котомка, П. Арский, 1962

Д. Бедный

155. ГИПНОТИЗЕР

Басня

Помещик некий, быв изрядным фантазером,
Задумал стать гипнотизером,
Добыл из города два воза нужных книг,
Засел за них, читал не две, не три недели,
Едва ль не целый год, и наконец достиг
Желанной цели:
Любого мужика мог усыпить он вмиг!
Да слуги барина к тому ж гневить не смели,
Так стоило ему явиться средь двора,
Как бабы, мужики и даже детвора
Валились наземь и храпели.
«Вот ум! Вот голова! —
Прошла про нашего затейника молва
Среди помещиков-соседей. —
Подумать лишь, хитрец каков!
Не надо больше тумачков:
Почище найдена управа на медведей!»
(То бишь на мужиков).
И в первый праздничек соседи мчат к соседу.
Но пир гостям — не в пир, беседа — не в беседу
И преферанс — не в преферанс!
Им гипнотический подай скорей сеанс!
Без лишней канители
Желанью общему хозяин уступил:
Емелю-конюха в два слова усыпил.
Все гости онемели!
Хозяин между тем из сонного Емели
Что хочет, то творит:
«Емеля, — говорит, —
Глянь, становой в деревню мчится!»
Мужик томится:
«Ой... братцы... ой...
Разбой!»...
— «Постой,
Никак — ошибка!
Не разглядел я, виноват,

К нам едет думский депутат!
У мужика — улыбка:
«Вот будет рада. . . попадья. . .
Стал депутатом. . . поп Илья!»
Поповским голоском запел хозяин: «Чадо,
Скажи, чего первой просить для паствы надо,
Когда в столице буду я?»
И стоном вырвалось у бедного Емельки:
«Проси. . . земельки!»
«А про помещиков ты, вражий сын, забыл?!» —
Тут гости сгоряча вскричали в общий голос.
Емеля взвыл.
Стал у Емели дыбом волос,
И, засучив по локоть рукава,
Такие наш мужик понес слова,
Что гости с перепуга
Полезли друг на друга!

Скажу я господам иным
(Здесь места нет пока угрозам):
Мужик чувствителен всегда к своим занозам.
Не прикасайтесь к его местам больным,
Хоть он и под тройным
Гипнозом!

(5 августа 1912)

С. Кошкароев

156. В ДОРОГЕ

Ну, пошел же, конь мой пегий!
Знаю сам, что нелегко:
На несмазанной телеге
Не уедешь далеко.

Положил в телегу проса,
Два мешочка, трех ягнят. . .
И распелися колеса,
Словно черти голоса!

Едет барин. . . Смотрит косо. . .
Закричал: «Лентяй мужик!
Не намазал и колеса!
Погоняй быстрее, ямщик!»

Понеслася тройка лихо,
Словно птица понеслась. . .
А телега, как купчиха,
Еще громче залилась! . .

Так и стонет, так и плачет,
Так и воет и поет.
То-то. . . Кто на тройках скачет,
Мужика тот не поймет!

В деревнях-то, барин, голод, —
Недород у нас. . . Беда! . .
Вот, спроваживая в город,
И поет моя нужда.

(10 августа 1912)

А. Маширов

157. ГРЕБЦЫ

Не страшась борьбы упорной,
Неустанно день за днем
Мы по бездне моря черной
В даль заветную плывем.

В первом радостном обмане
Цель казалась нам близка. . .
Но кругом в седом тумане
Пстонули берега. . .

Уж одни гребцы устали
Волны веслами взрывать,
И в сырой, туманной дали
Золотого солнца ждать. . .

Мы гребцов усталых сменим!
И бесстрашно в свой черед,
Роковые волны вспенив,
Смело двинемся вперед.

(26 августа 1914)

А. Глырев

158

Я погибну, но вместе со мной не умрут
Пролетарские песни мои.
Знаю я, что к могиле моей не придут
Ни друзья, ни слепые враги.

Далеко за тюрьмой, где клубится туман,
Без обряда схоронят меня,
И покроет могилу колючий бурьян
С первым зноем горячего дня.

А зимой, когда выюга заплачет над ней
И ковром снеговым опухнет,
Зазвенят мои песни по шире степей,
И, быть может, хоть звук до любимых людей
Буйный ветер тогда донесет.

Я умру, но со мною в тюрьме не умрет
Муза-узница, крошка моя.
И в последний мой час лишь она обовьет
Грустной песней и лаской меня.

1911

Неизвестный автор

159. ФОРМОВЩИК

Дым и пыль кружатся тучей,
Ветер ходит в мастерской,
Воздух душен, жар колючий
Поднимается волной.

Я с лопатой бессменной
Да с толкушкой — сам-третей,
Всё тружусь как оглашенный
Над могилою своей!
Так проходит жизнь постыло. . .
А придет конец тебе —
Скажут: вот твоя могила,
Сам копал ее себе.

(25 сентября 1912)

В. Светобор

160. ДУМА

Эх ты, Дума, Дума-матушка,
Многоумая палатушка!
Исполать тебе, «Народница»,
Небу звездному угодница.
Не проснется гидра-гадина —
В глотку гидре Дума дадена;
Отравилась гидра жадная,
И настала тишь лампадная.
Благодать какая, господи!
Сунь в потемки эти нсс, поди, —
Вышибут тебя, как курицу,
Не ходи на нашу улицу.
И живем мы тихо, маемся,
С умилением дожидаемся:
Скоро ль ласковые пастыри
Нам на рты налепят пластыри?
Эх ты, Дума, Дума-матушка,
На гнилой дыре заплатушка,
Знать, одна на свете силушка
Для горбатого — могилушка.

(27 сентября 1912)

Д. Одипцов

161. ВПЕРЕД

Давно синее и сверкает
Бездонной ночи глубина.
Мою каморку осеняет
Мой друг полночный — тишина.

Шуршит последняя страница.
В груди горит огонь живой. . .
Пусть ночь сомкнет мои ресницы, —
Я не поникну головой.

Наутро, с первыми лучами,
Страхнув с души крылатый сон,
Я встречу день с его трудами,
Машинный гул, металла звон.

Вдоль улиц сонных и угрюмых
К труду привычно поспешу
И ночи огненные думы
В заботах дня не угашу.

В пыли, во тьме и горьком дыме
Я сохраню мои огни,
Всю жизнь я спаян буду с ними,
И день и ночь со мной они!

Итак, навстречу светлой дали,
Неся в душе огонь живой,
Под рев гудка и грохот стали
Вперед — к культуре мировой!

(31 октября 1912)

И светел, и ясен рождается день,
Узорами сосен сплетается тень.
Играет, сверкает приветно роса
И в пурпуре зорном горят небеса.

Забыты сомненья, и ясен мой путь,
С отвагою дерзкой вздымается грудь.
Вступаю я в битву с неправдой и злом,
Хочу рассчитаться с заклятым врагом.

И солнце победно с востока встает,
И веру рождает, и силы дает!

(4 ноября 1912)

Ф. Сыромолотов

163. НА АЭРОПЛАНЕ

(С немецкого)

Старый черт
Любезный Крупп, смотри-ка на долину.
При лунном блеске созерцать картину
Великой бойни меж людей —
Занятно, ей-же-ей! . .
Ты слышишь, как бушует канонада? . .
Кроваво-красные огни мелькают тут и там.
А вот — прекрасно видно нам:
Какая свежих трупов страшная громада
И с той и с этой стороны! . .
И кровь горячими ручьями
Между телами
Струится в свете трепетной луны.

К р у п п

Эх, старый черт, ты с каждым днем глупеешь:
Меня совсем считаешь за профана. . .

Ужель с высот аэроплана
Эстетикой я буду заниматься?
Коль так ты разумеешь, —
Изволишь ошибаться.

С т а р ы й ч е р т

На старости живется, брат, несладко,
Неволью меланхолия возьмет.

К р у п п

Ну, ну, — заткни ты рот.
Давай произведем учет,
Обычный для порядка. . .
И там и тут на глаз,
Коль тени не обманывают нас,
Убитых — невозможно сосчитать. . .
Поиздержались. . . Придется пушек много сдать
И снова дать
Наряды
На снаряды. . .
Люблю, когда кипит работа! . .
Люблю и патриота:
Пускай он турок, серб, болгарин,
Японец, русский иль татарин, —
Под всяким соусом он мой клиент
И заработать даст изрядный дивиденд,
И нету власти, брат, над нами:
Вооруженный грозными полками,
Командует всем миром капитал. . .
Между различными врагами
Я — царь над этими делами! . .

С т а р ы й ч е р т

А все-таки, признаться без уловки,
Ведь в случае чего —
Смертельно вы боитесь одного:
Боитесь — забастовки! .

(17 ноября 1912)

П. Горбачев

164. РУЧЕЙ

К далекому морю из горных ключей
Несет свои воды холодный ручей.
То тихо, спокойно в долине журчит,
То вдруг забушует и грозно шумит,
Покроет водою поля и луга,
То снова ласкает свои берега.
Там горы прижмут его грудью своей,
Здесь лес его спрячет средь крепких корней,
Пороги, заторы оцепят кругом,
Но эти преграды ему нипочем.
И мчится всё дальше шумливый ручей,
Пока не достигнет он цели своей!
Товарищи-братья, к вам песня моя:
Учитесь упорству в борьбе — у ручья!

(15 февраля 1913)

Д. Бедный

165. АЗБУКА

Не знаю, как и почему —
Гадала ль тетенька ему,
Аль за особые заслуги? —
Назначен был медведь весной
Правителем одной лесной
Округи.
Рай — не житье! Медведю впрок
Пошло довольство даровое:
Глядь да поглядь, в короткий срок.
Стал наш правитель толще вдвое.
Но, будучи гневлив, упрям
И неразборчив на расправу,
Топтыгин всем лесным зверям
Пришелся сразу не по нраву.

«Долой насильника!» —
«Долой!» —
Пронесся всюду общий вой.
«Товарищи, костями поляжем
За наше право!» —
«Все обяжем
Себя порукой круговой!» —
«В союзы!» —

«В единеньи сила!»

«Да что, их муха укусила,
Перебесились, что ли, все?» —
Ревет медведь куме-лисе.
Ко лбу прижав с почтеньем лапу,
Дает лиса ответ сатрапу:
«Ваш-сясь! Осмелюсь доложить:
Зверям трудненько стало жить.
Они о вольностях мечтают.
Все вольнодумцы искони,
Не зря завывали так они:
Они — воззвания. . . читают. . .»
— «Читают? Что за ерунда! —
Взревел Мишук, ушам не веря. —
Да отродясь я никогда
Не видел грамотного зверя.
А нынче. . . Ну, пришла ж пора! . .
Впрямь так ли грамота хитра,
Коль знают все ее теперя?
Кума-голубка, будь добра, —
Медведь лису умильно просит, —
Я, чай, ты грамотна сама.
Покажь суть дела!»

И кума

Медведю азбуку подносит:
«Тут, значит, буквы, Ваша Честь.
Вот это — гласные все звуки.
Без них словечка не прочесть.
«Аз», «Иже», «Он», «У», «Я» да «Есть»,
Здесь — ряд согласных: «Веди», «Буки»,
«Добро», «Мыслете», «Рцы», «Глаголь». . .
Их — шепотком. . .»

— «Кума, уволь!»

Мне не осилить всей науки.
Но главное — смекнул как раз...
Подъ объяви зверям приказ,
Что мне от злобного их вою
Ни днем, ни ночью нет покою;
Да, окромя того, что «Аз»
И «Буки» разные да «Веди»
Сплошь могут знать одни медведи, —
Все звуки, дескать, не про вас,
Что тошно мне от их доуки,
Что я-де грамоте не враг:
Пусть собираются в овраг
И воют, ежли что, от скуки.
А так как с сутью я знаком,
Чтоб следствий не было опасных,
Не разрешаю звуков. . . гласных!
Пускай повоюют. . . шепотком».

(6 июня 1913)

А. Маширов

166. КРАСНЫЙ ЦВЕТОК

Были сомненья ей дики —
Полной огня и тревог. . .
Помню — любила гвоздики
Красный цветок.

Каждый увидеть в собраньи
С этим цветком ее мог,
В шутку ей дали название
«Красный цветок». . .

Раз непогодной порою
Злобный постиг ее рок:
Был у нас вырван тюрьмою
Красный цветок. . .

Ссылки угрюмой и строгой
Путь и суров и далек. . .
Тихо стал вянуть в дороге
Красный цветок. . .

Вьюгой овеянный снежной —
Север далекий жесток, —
Снегом засыпан был нежный
Красный цветок. . .

(17 июля 1913)

А. Сергеев

167. ЗАДНИЙ ДВОР

На крыльце у черенушки
Растянулся серый кот,
Грезит — спит, расставя ушки,
И мечтательно поет.
Две девчонки в рубашонках
Лепят хлебцы из земли,
Воробьи щебечут звонко,
Куры роются в пыли.
Пахнет кухней. Солнце греет,
И петуший гребешок
В отдалении алеет,
Точно красненький флажок.

(31 июля 1913)

А. Гастев

168. МЫСЛЬ

Верхним летом жизни бурной
Сердце нежное зажги,
Замани игрой лазурной,
Ранним зовом пробегги!

Зашагай по злым трясинам,
Вплавь пустишь на океан
И к изменницам-судьбинам
Правь до самых крайних стран.

В далях выплывут стремнины,
Бег в них бешеный прерви,
На жемчужных ты вершинах
Взгляд стальной останови.

Дальше, выше, взором жгучим
Пронизай, быстрей гляни
И к тяжелым, мрачным тучам
Дерзко крыльями метни.

Бей, разбей, греми сильнее,
Тучи буйные развей,
В легком небе мчись вольнее,
Вестью радостной зардей.

Бей крылом своим над миром,
Гордым знаменем несись
И с тревожным верхним гулом
В выси жуткие вонзись.

Там, за гранями видений,
В гимнах музыки — мечты,
Бьется радость, бьется гений,
Жжет порывом красоты.

Бей крылом и в звездной дали
Храм-алтарь ты отвори,
Выжги новые скрижали,
Вдохновись, заговори!

Зазовут, зазвонят зори,
Песней вздымутся моря,
Свой мятеж взовьет в просторы
Вдохновленная земля.

(20 августа 1913)

А. Маширов

169. ГРЕЗЫ

Я зарезил над станком
 Летним днем.
Был то сон или не сон?
Заалел брусникой склон,
Засверкал ручей, звеня,
Шепчут листья близ меня. . .

И вхожу я в шумный храм
 По тропам.
Глубже, шире бор лесной,
Пахнет мятой и сосной,
И в коврах зеленых мхов
Замирает шум шагов.

Вот в вершинах вольный вал
 Пробежал.
Это ветер прилетел.
Лес качнулся, зашумел.
Шум встревожил песнь мою,
Я на шум лесов пою.

И забылся в царстве грез
 Я до слез. . .
Чей же вдруг железный гул
Грезы вольные спугнул?
Сон исчез мой золотой,
Встали стены предо мной. . .

Встали, шепчут мне в ответ:
 «Это бред!»
Ты в плену своей тюрьмы,
Над тобою — это мы
Сталью гулкою дрожим,
Дышим грохотом машин.

Бред усталый отгони
 И взгляни:
Слышишь, листья шелестят?

То ремни, шипя, скользят,
Ветер бешеных колес
Шум лесной тебе принес!»

(19 сентября 1913)

С. Кошкар

170. СТАРИКИ

Ну, старуха, мы с тобою
Пожили немало;
Нам пора и на покой, —
Силушки не стало!

Нет скотинки, нет полей,
Голода излишек.
Крепко бог обидел нас,
Не сберег детишек.

А теперь бы славный был
Наш сыночек Сашка.
И ласкал бы и любил
Стариков милашка!

С голодухи помер он —
Кончилась отрада.
Значит, в старости суму
Одевать нам надо.

(22 сентября 1913)

А. Маширов

171. ТУЧИ

Как враги, подкрались тучи
К бездне неба голубой,
Темных глыб немые кручи
Злобно встали над землей.

Злобно встали, придавили
Грудью черной, как свинцом,
Солнце ясное закрыли
Серым пепельным лицом.

Шапкой черною одеты,
Пригорюнились поля,
Травы шепчут: «Солнце, где ты?»,
Грустно стебли шевеля. . .

Только лес в бою упорном
Дерзко с тучами шумит
И один на фоне черном
Зеленеет и блестит.

Буйной зелени ватаги
Он врагу немолчно шлет
И, исполненный отваги,
Брата старшего зовет:

«Гей-ты, брат мой, ветер смелый,
Грудью мощною вздохни!
Черный полог онемелый,
Словно море, всколыхни.

Злобу дикую, глухую
Унеси за край земной
И другую, голубую
Ширь раскинь ты надо мной.

Будет утро — я с мечтами
В блеске солнечном проснусь.
Ярко-красными стволами,
Как огнями, загорюсь.

Ты тогда, о брат могучий,
Будешь сказки мне шептать
И в листве моей пахучей
Дрожью вольной пробегать».

(29 сентября 1913)

Иван Батрак

172. КРЕСТЬЯНИН И КОМАР

(Басня)

Крестьянин страдною порой
Ходил поспешно за сохой,
А над главой его открытой
Комар кружился и визжал.
Язвил крестьянина насмешкой ядовитой:
«Я сам, хоть неказист и мал,
Не ведаю трудов по воле провиденья:
Бек целый провожу лишь только в наслажденьи.
К чему ж трудишься ты,
Когда в избе холодной,
Как раб, как данник нищеты,
Ты будешь зимовать с семьей своей голодной?»
Напрасно мой мужик отстать его просил —
По совести — с насмешкою своею,
Комар же, как назло, вдруг сел ему на шею
И больно укусил.
Крестьянин комару тут с гневом возразил,
Не вытерпев с досады:
«Когда б ты кровь мою не пил,
Свой дух давно бы испустил», —
И комара он без пощады
Рукою раздавил.

Кто хочет басни смысл открыть,
Попробуй-ка за плугом походить.

(4 октября 1913)

В. Зиновьев

173. ИЗВОЗЧИК

С горки на горку, лошадушка милая!
Сбоку рядком я с тобою пойду;
Вишь, нагрузил я тебя не по силушкам,
Как бы не вышло себе на беду.

Оба бредем мы проселком, попурые,
Каждый надорван поклажей своей:
Ты своим возом, я — горем-заботою. . .
Богу известно — кому тяжелей?

(11 октября 1913)

Д. Одинов

174. ФОНАРЩИК

Как богу некому лампы,
Огни тобою зажжены,
И ночи гордые громады
Одним тобой побеждены.

Дрожит, волнуясь, сумрак властный,
Обняв в бессилии эфир.
Огни, как вещий зов прекрасный,
Струят лучи на сонный мир.

Зажги в душе огонь кристальный,
Как зажигаешь фонари,
И слей, как перстень обручальный,
С победным проблеском зари!

(12 октября 1913)

И. Филиппенко

175. РАБОЧИЙ

Посторонитесь, рабочий идет.
Глубже раздайтесь, почтительно станьте,
Дайте дорогу ему, современному Данте,
Пробывшему день
В кругах для труда, в клототании ада.

Пусть гордо пройдут все, кто гнетом тяжелым
не сломлен,

Чьи облики буры,
Чьи пыльны нагрудники, волосы, шапки,
Чья в извести обувь, —
Вот эти все слесаря, маляры, штукатуры,
Вот эта железная, полная мощи толпа.
Пусть выйдут свободно, кто каменный череп,
Заводскую кровлю и зевы пылающих домен,
Гул фабрики, их шум неумолчный —
Всё бодро оставил, все дымы, всю копоть и сажу.
Взгляните — меж нами ни хмурых, ни желчных,
Послушайте смех своевольный, уверенный гомон,
Набат безудержный в бесчисленном топоте ног.
Вот улицей скачет извозчик, веселый бобыль.
Лихач высекает подковами искры из плит мостовой,
Мчится мотор в синем облаке пыли и дыма, —
Стой!

Пусть гордо пройдет эта рать трудовая,
Статные воины, рослый и сильный народ,
Глыбы скалистые. Дай им дорогу.
По мостовой, обходя тротуары,
Двигутся толпы. То вышли шахтеры,
Гномы, долбившие горы,
С черным богатством горючего угля, —
Брошены кирки, покинуты черные шахты.
Двигутся толпы навстречу закатному солнцу,
Нежные барышни, томные дамы, лощеные франты,
Свадеб кортежи, — всё, живущее жизнью пустой,
Стой!

Посторонитесь — рабочий идет.
Глубже раздайтесь, почтительно станьте,
Дайте дорогу ему, современному Данте,
Пробывшему день
В кругах для труда, в клочкотании ада.

(6 ноября 1913)

На звонкой стальной наковальне
Грядущее выкуют счастье.
Да здравствует нашего завтра великий союз!
Да здравствуют толпы замасленных блуз!
Да здравствуют сестры мои и любезные братья!
Все вместе вы — миру живое объятие.

(20 ноября 1913)

Д. Одицов

178. ЮВЕЛИРЫ

Мир не знает того,
Что в мату позолот
И волшебной игре
Самоцветных камней
Сердца нашего кровь,
Наши слезы и пот
Ослепляют толпу
Переливом огней.

Мир не знает того,
Что за блеском витрин
И в чеканной резьбе
Золотых лепестков
Скрыты горькие дни
Несогретых седин,
Тяготеющий гнет
И позор бедняков.

Мир не знает того,
Что мы любим простор
И лелеем в душе
Золотую мечту,
Создавая толпе
Из алмазов убор,
Мы творим для себя
Новых дней красоту.

(29 декабря 1913)

179. НА ПАШНЕ

Вдали, окутан синевою,
Уснул под зноем темный бор.
Не веет ветер. Над межою
Недвижим робких трав узор.

Кругом всё смолкло. Над оврагом
Ширяет коршун молодой.
Мой конь усталый шаг за шагом
Идет понуро бороздой.

Тащи, дружок, тащи ровнее,
Из борозды не выступай!
Пласты вздымаются чернея
И с шумом падают на край.

Под сбруей пена забелела.
Я утомлен, струится пот.
Рука усталая умело
Сошник над пашнею ведет.

Тащи, дружок! Весной лучистой
Полей крылатый хоровод,
Резвясь над нивой золотистой,
Хвалу за труд нам пропоет.

(1 января 1914)

А. Богданов

180—181. ШКОЛЬНЫЕ СИЛУЭТЫ

Из цикла «Русь»

1

НОЧЬЮ

Дремотно сполз в ложину перелесок,
Потушены огни. Одна горит свеча,
И желтый диск дрожит на вязи занавесок.
Мерцает высь небес, как шитая парча,

А над землей, над гумнами пустыми,
Плывет и липнет ночь кошмарами большими...
Застыл в окне недвижно силуэт...
Тоскует ли о чем? Иль грезит одиноко?
В молчании снегов ответа сердцу нет...
В безлюдии и тьме свеча видна далёко,
Стожары ввысь уйдут, но не погаснет свет.
.....
Во тьме родных полей свеча горит, как око...

2

К ПОРТРЕТУ Н. А. НЕКРАСОВА

Убого, пусто, сиротливо...
Сосною свежей пахнет дверь.
И за порогом ночь ревниво
Насторожилася, как зверь...

И одиноко, и не спится...
Желанья тихие летят
Туда, где ночь в безлюдьи злится,
Поземкой мечет в стены хат.

Там чья-то жизнь без срока вянет.
Порою кажется — вот-вот
Ворвется ночь, у ложа встанет,
Задушит... снегом погребет...

Кричи, — не придут до рассвета,
Лишь волк завоюет на гумне...
Смотрю на скорбный лик поэта, —
Я не один. И легче мне...

1911

Д. Одинов

182. У «МОГИЛЫ»

Эй, могильщик, яму рой!
Торопись, греми лопатой.
Выплыл месяц сероватый
Полуночную порой.

Жертвы скованной толпою,
Обнаженною стопою
Все идут к могиле той.

Слышишь песни мерный звон,
Гул и говор отдаленный,
В недрах пламенных рожденный,
Как набатный перезвон?
Торопись, в безумстве диком,
Неуемным мощным криком
Водрузить над миром сон.

Умолкающий простор
Перекликом ликованья
Под ночное завыванье
Огласит нестройный хор.
«Ведьмы» с «лешими» сойдутся,
В буйном плясе понесутся,
Застилая кругозор.

Мысли пламенной полет
В тайниках расправим снова.
Не страшны твои оковы —
Жизнь без умолку поет.
Эти песни, песни-звоны
Повторяют миллионы,
Эхо голос отдает.

Эй, могильщик, яму рой!
Торопись, греми лопатой,
«Леший» старый и косматый
Зорко смотрит за тобой.
В глубь загадочно немую —
Мысль свободно-огневую
Глыбой черною прикрой.
Не зароешь, как ни рой!

(9 января 1914)

А. Маширов

183. НОВОМУ ТОВАРИЦУ

Вихрь крутящихся колес;
Пляска бешеных ремней,
Эй, товарищ, не робей!
Пусть гудит стальной хаос,
Пусть им взято море слез,
Много сгублено огней, —
 Не робей!

Ты пришел от мирных рос,
Светлых речек и полей.
Эй, товарищ, не робей!
Здесь безбрежное слилось,
Невозможное сбылось.
На заре грядущих дней
 Не робей!

Наше счастье поднялось
По верхам седых гребней,
Эй, товарищ, не робей!
В царстве скорби и теней
Солнце мощное зажглось.
И горит оно сильней.
 Не робей!

Словно каменный колосс,
Стань у бешеных ремней,
Эй, товарищ, не робей!
Пусть сильнее шум колес —
В цепь еще звено вплелось,
Рать сомкнулася плотней, —
 Не робей!

(17 января 1914)

К. Кравцов

184. О СЕРОМ ЗАЙКЕ И ЛЮТОМ ВОЛКЕ

(Сказочка)

Скачет по полю зайчишка,
Наедается плутишка,
Вдруг... навстречу волк.
Посмотрел... и засмеялся.
«Эва, ты куда забрался!»
Сам зубами... щелк!
Помертвел косою бедняга:
Перед ним прямой бродяга —
Страшный, лютый, злой...
Что ему, седому волку, —
Разом слопает без толку,
И... пропал косою!
А уж волк к нему подходит,
Глаз своих с него не сводит,
Говорит ему:
«Что ты делаешь на воле?
Почему ты, зайка, в поле?
Ну-ка, почему?»
Повалился зайка в ноги,
На такой на окрик строгий
Враз заголосил:
«Ах, не тронь меня! Послушай,
Пожалей меня, не кушай...
Знал бы — не ходил!»
Покатился волк от смеха.
«Ну, с тобой одна потеха!
Ты не виноват...
Оправдал себя умело —
«Не ходил бы» — это дело.
Глуп... а плутоват!
Отпущу тебя, пожалуй,
Плоховат зайчишка малый.
Полно... не тужи...
Поступай ко мне на службу,
Поведем с тобою дружбу...
Только уж... служи!

Что ни день — являйся в поле,
Без опаски будь на воле,
Зла себе не жди. . .
Но зато с собой другого
Поживей веди косога. . .
Каждый день води! . .
Коли выполнишь всё это,
Прогуляешь красно лето,
Будешь, зайка, сыт. . .
Коли нет. . . Забудь и поле,
Не встречай меня на воле —
Я ведь — во! Сердит! . .
А пока ступай отсюда,
Буду ждать себе я блюда. . .
Ладно или нет? . .»
— «Как прикажешь, так и будет.
Кто же нас, зайчишек, судит?» —
Тот ему в ответ.
«Ну, смотри, да без обману,
Всё равно тебя достану,
Изловлю. . . и ну!
У меня тогда поскачешь,
У меня, косою, поплачешь.
В три дуги согну! . .»

.

Началась у зайки служба,
Повелась меж ними дружба, —
Бог уж их простит. . .
Зайка хрюпает, а волку
Не сидеть же так, без толку?
У того хрустит. . .
Побежали дни за днями,
Ночи мчались за ночами. . .
А плутяга жил. . .
К волку старому, седому,
Что ни вечер — по косому
В поле приводил. . .
Волк закусывал прилично,
Зайка ужинал отлично, —
Всё бы ничего. . .
Да зайчишек вдруг не стало,

Будто всех их разогнало,
В поле — никого. . .
Тут взяла его забота,
На своих пошла охота —
Носится косою. . .
По полям зайчишек ищет,
По лесам дремучим рыщет —
Сбился с ног долой. . .
Нет косых зверушек боле. . .
Еот бежит он к волку в поле,
Дескать — так и так. . .
«Рад служить душою другу,
Но обегал всю округу —
Не найти никак! . . .
Правда, есть еще единый —
Кум и сват он мне старинный. . .
Да ни то ни се. . .»
Волк на это: «Ну да ладно —
Разберусь и сам изрядно:
Приводи — и всё. . .»
Побежал косою стрелою,
Вот и видит — под сосною
Отдыхает сват.
«Что лежишь? Иди скорее,
Там, за горкою, милее —
Там капуста, брат! . . .»
Прибежали к волку разом,
Не моргнул косою и глазом,
Ахнуть не успел —
Как вцепился волк зубами,
Разорвал его когтями,
Миг — и кума съел.
Облизнулся. . . видит друга. . .
«Велика твоя услуга, —
Зайке говорит, —
Да ведь вот беда какая
(Видно, доля уж такая) —
Ешь. . . а всё не сыт. . .
Суховат твой кум единый,
Плоховат твой сват старин!
Ты же — ничего. . .
Что мудрить? Решу задачу —

Проглочу тебя в придачу,
Только и всего! . . .»
Запищал косою бедняга,
Подскочил к нему бродяга,
Придавил. . . насел. . .
И за службу за такую
(Всем понятно, за какую) —
Миг — и тоже съел!

(6 апреля 1914)

Ф. Лобанов-Бельский

185. УТРО НА ФАБРИКЕ

Фабричных труб и корпусов
Ео мгле маячат силуэты.
Неясным гулом голосов
Наполнен ранний час рассвета.

Из распахнувшихся ворот
Спешит к домам ночная смена;
На смену ей других зовет
Колдунья фабрики — сирена. . .

И только в вышине одна
Звезда бессменная рассвета
Печальных пасынков труда
Встречает ласковым приветом.

(16 апреля 1914)

М. Артамонов

186. УТРО

Там, где темные окраины
За амбарами и срубамн,
Корпуса, что сталью спаяны,
Задымилнсь рано трубами.

Где Нева гранитом скована,
В кандалы одета, пленница,
Ранней зорькой зацелована,
Стонет фабрика-изменница.

И свистками даль разбужена,
Дрогнул воздух, зазмеилась
Та толпа, что здесь до ужина
У машин стальных томилася.

За горами, за угорами
Тают зори златотканые,
И бегут шагами скорыми
В корпус девушки румяные.

(23 апреля 1914)

Л. Котомка

187. ВОЛНЫ

Чуть алеет восток,
Пробуждаясь от сна,
Чуть порхнул ветерок,
И проснулась волна,
Тучи дружно плывут,
Заслоняя рассвет,
Силы ветра растут, —
За свободу и свет.
Волны бурей грозят,
Пробуждаясь, шумя,
Волны счастья хотят
И грядущего дня.

(27 апреля 1914)

Д. Бедный

188. ТЕМНЫЙ ФОНАРЬ

(Басня)

Столкнувшись с кем-то в темноте,
«Ой! — взвыл слепой от боли. —
Ну, люди! Прямо скот, ей-богу, на скоте!
Фонарь-то я ношу для развлечения, что ли?»
— «Фонарь? — слепому был ответ. —
Но где ж фонарь? Его и нет.
Ан есть! Но кто ж его приметит:
Ведь ты не видишь сам, что твой фонарь — не светит!»

Так ликвидаторы хотят уверить нас,
Что их фонарь горит марксистским чистым светом,
А много ль правды в этом?!
В их темном фонаре давно уж свет погас.

(4 мая 1914)

С. Есенин

189. КУЗНЕЦ

Душно в кузнице угрюмой,
И тяжел несносный жар,
И от визга и от шума
В голове стоит угар.
К наковальне наклоняясь,
Машут руки кузнеца,
Сетью красной рассыпаясь,
Вьются искры у лица.
Взор отважный и суровый
Блещет радугой огней,
Словно взмах орла, готовый
Унести за даль морей. . .
Куй, кузнец, рази ударом,
Пусть с лица струится пот.
Зажигай сердца пожаром,
Прочь от горя и невзгод!

Закали свои порывы,
Преврати порывы в сталь,
И лети мечтой игривой
Ты в заоблачную даль.
Там вдали, за черной тучей,
За порогом хмурых дней,
Реет солнца блеск могучий
Над равнинами полей.
Тонут пастбища и нивы
В голубом сияньи дня,
И над пашнею счастливо
Созревают зеленыя. . .
Взвейся к солнцу с новой силой,
Загорись в его лучах.
Прочь от робости постылой,
Сбрось скорей постыдный страх.

(15 мая 1914)

А. Соловьев - Нелюдим

190. МАЛЯРЫ

Подтянули вверх к карнизу
Люльку с прелыми снастями,
И кричит хозяин снизу:
«Пошевеливай кистями!»
В люльке двое мажут краской,
Это наши маляры;
На канат глядят с опаской:
Десять сажен от земли.
«Что, как вдруг да оборвемся? —
Шутит парень помоложе. —
На хозяина нарвемся,
Надает он нам по роже,
Скажет: — Черти, обманули!»
Но не кончил шутку парень. . .
Треск — и в воздухе мелькнули
Люди, ведра. . . вниз. . . на камень. . .

(17 мая 1914)

Д. Бедный

191. СУД

(Перевод из Эзопа)

Устроивши гнездо под кровлею суда,
В нем деток вывела касатка.
Но подлая сова, добравшись до гнезда,
Всё разорила без остатка.
Когда бедняжка-мать вернулась домой,
Открылся страшный вид перед ее глазами:
Ни деток, ни гнезда!

«О, горький жребий мой!» —

Касатка залилась слезами.

Но стали утешать ее друзья: «Не ной!»

Зачем напрасно сокрушаться?

Разбойным образом ведь не тебе одной

Своих птенцов приходится лишаться?»

— «Ах, — ласточка друзьям в ответ, — в конце
концов

Не так мне жаль моих птенцов,

Как жаль, что скверная расправа

Учинена — подумать: где?

В суде!

В самой обители законности и права!!»

Мораль? Но басня так стара!

К тому ж, припомнив, как вчера

В суде товарищей-обуховцев карали,

Мы всё пойдем и без морали!

ПРИМЕЧАНИЕ НАБОРЩИКА

Демьян, а не пора ли

И самому тебе понять,

Что ведь у нас еще покамест не Европа,

И не хватили б нас опять

За твоего «Эзопа»!

19 или 20 мая 1914

Д. Одинов

192. ВОДОПАД

(Из впечатлений экскурсанта)

Над скалистым перегоном
Перламутровый каскад —
Бьет и мечет с пенъем, звоном
Об утесы водопад.

Стонут скалы. Вторит четко
На холмах сосновый бор.
Просинь неба вечно кротка.
Прянен дремлющий простор.

Но в глуби, на темных глыбах,
Там, где бьется водопад,
Валуны ревут в изгибах
Напластованных громад.

Скал расселины и сваи
Не замкнут шумящих вод,
Их серебряные стай
Мчат без удержу вперед.

Налетая с пенъем, звоном,
Треплют каменную грудь,
И гранит с глубоким стоном
Никнет в бездну. . .
Шире путь! . .

(4 июня 1914)

М. Артамонов

193. ВЫСЕЛКИ

(Посвящаю Максиму Горькому)

На бледной неба просини,
В тиши родных полей
От третьегодней осени
Дрожит стоокий змей;

Дрожит и пышет полемья,
Бросая дым, патью
Между полями голыми,
Предав всё забытью.
То фабрика-изменница
На выселки дымит,
То тучею оденется,
То змеем засвистит.
Гудят стальные матрицы,
Подпоры этажей,
И эхом гулким катится
Шум в проголы полей.
Не паханы, не ораны
Поля и косяки,
Кружатся низко вороны
На гумнах у реки.
Как время-то изменится!
Где рожь — репейник там;
Всех фабрика-изменница
Взяла по корпусам.
Бывало, над угорами
Гармонь зовет, звеня.
Глаза горят задорами:
Поймай-ка, мол, меня!
Бегут по склону девушки, —
Парням ли не догнать? . .
В горелки, в погорелушки
Теперь им не играть.
Семик ли правят девицы,
Березки — ал наряд.
Где склоны зеленеются,
Гармоники звенят,
И смех зовущий, внутренний
Влечет, зовет игрой,
До самой до заутрени
Не тихнет над рекой. . .
Колдуют ночи чарами,
Угарами — в Семик,
В поёме над стожарами
Вороний слышен крик.
Захлопали, закаркали,
Над выгоном кружась. . .

«Сударушка, подарка ли,
Венца ли — всё для нас!
Не я ли зори красные
Тоскую и не сплю?
Ой, милая, ой, ясная,
Тебя ль я не люблю? . .
Вся жизнь моя не почата,
Всю жизнь тебе отдам!
А зори-то, а ночи-то,
Взгляни: гадают нам. . .
Ой, ночи, ночи ранние,
Кого вам не смутить?
Жизнь радостней, туманнее,
Теперь ли нам не жить?»
Венки плетут и венчики,
Бросают в бочаги,
Рвут алые бубенчики
В поёме у реки. . .
Звонит смех девий около:
Кем буду занята?
Гадают про мил-сокола,
Глядятся в омота.
Кто суженый, кто ряженный,
Скажи, царь водяной, —
Кто будет разнаряженный
Венец держать со мной?
Во гумнах в ночь темную
Кто будет милой звать
И с лаской неумною
Мне косу расплетать? . .
Гадают о мил-соколе,
Глубоко ли падет,
Глубоко ли, далеко ли
Венок их проплывет?
Придет ли праздник Троица,
День Духов, — средь села
Игра-певун настроится,
Шумна и весела.
Ломают парни пряники
И потчуют девье:
«Ой, милая, хорошая,
Ой, солнышко мое!

Возьми, отведай пряника. . .»
— «Любила бы — взяла!»
Ой, солнышко, ой, красное,
Напрасные слова! . .
Все взрослые с подростками
В Купала девью ночь
Стоят над перекрестками —
Сорвать цветок не прочь;
Стоят, колдуя старыми
Поверьями времен,
И слышен за стожарами
Их поцелуйный звон.
Колдуют ночи пьяные,
Дышит росой трава.
И льстивые, смутьянные
И пьяные слова. . .
«Ой, вейся, вейся, алая
Ты, ленточка-косник.
Тебя ль не сберегала я?
Да развил чаровник. . .
Вошел ко мне мой суженый,
Мой ряженный вошел.
Вся жизнь моя разбужена,
Он косыньку расплел. . .»

Прошло то время вольное,
Былой разгульный взмах.
На фабрике — раздольное —
Попрятано впотьмах.
Стоят на прежнем гульбище,
На Высельском холму,
Три корпуса фабричные,
Стоят, гудят в дыму.
И с этих пор предания,
Былой изустный сказ
Стал призрачней, туманнее,
Всё гас и гас. . . погас.
Всех девушек-зорянушек,
Чей облик светел, мил,
Всех корпус город-фабрики
К себе заполонил.
Парней, что шли с гармониями

В Семик, весенний день,
Загнал тот змей — угонями
С окружных деревень.
И старые и малые
Стоят по корпусам.
«Ой, снежки-снеги талые,
Не бегать в поле нам! . .
Придешь в ночи измученный,
Раздавленный, больной.
Все вместе, но разлучены,
За каменной стеной.
Шумит, гремит и охает
И стонет меж полей
На горе нам построенный
Стоокий корпус-змей.
Гудят стальные матицы,
Весь люд затих, угрюм.
Рокочет, стонет, катится
Фабричный гулкий шум. . .

Ой, очи, очи синие!
Понять ли в вас тоску?
На фабрику богинею
Вошла ты ткать к станку.
Коса, что лен расчесанный,
Пленила, обожгла,
Ты, взглядами забросана,
Ткала, ткала, ткала. . .
Бежал уток с основою,
Шумели корпуса,
Не свыклась с жизнью новою
Ты, русая коса!
Потухли очи синие,
Туман их заволок,
Все, будто в блески инея,
Наряжены в хлопок.
Коса, что лен расчесанный,
К тебе всех привела.
Ты, взглядами забросана,
Терпела, но ткала.
Шли целыми оравами:
Контора, мастера, —

Пронизана лукавыми
Ты взглядами с утра.
Всё ждали, ждали случая
Втоптать бы в грязь тебя.
О кроткая, могучая
И светлая моя!
Верь, сгинет тьма нещадная! . . .
Забудь ты скорбь свою.
Крепись же; ненаглядная,
Ты в жизненном бою!»
(15 июня 1914)

Я. Бердников

191. ЛИТЕЙЩИК

(Из поэмы)

Шумит вагранка. . . Бедный люд
Свершает свой тяжелый труд:
То льет он, в руки взяв тройник,
Чугун расплавленный в летник.
И от опок уж по рядам
Дымится испарь тут и там.

Шуми, вагранка. . . Дуй сильней,
Чтоб кончить мне литье скорей,
Окончив тяжкий труд дневной,
Вернуться бодрым на покой.
А завтра с раннею зарей
В угрюмой, темной мастерской
Я буду целый день опять
Землей опоки набивать.

Взойдет заря. . . исчезнет тень. . .
Настанет наш желанный день.
И буду я под шум дневной
На ниве жизни трудовой
С свободной песней вольно жить,
Мечты в иные формы лить,

И верю я, что будет нам
Привольней жить и тут... и там...

Шуми ж, вагранка... Дуй сильней,
Чтоб кончить мне литье скорей,
Окончив тяжкий труд дневной,
Вернуться бодрым на покой,
Чтоб завтра с раннею зарей
В угрюмой, темной мастерской
Я мог с свободною мечтой
Стремиться к воле трудовой.

(23 июня 1914)

М. Артамонов

195. РАЗОР

Многие крестьяне по весне не приступали к полевым работам: скотина и инвентарь описаны и проданы за неплатеж податей.

(Из газет)

Борона
Продана
Сбрую всю забрали,
А скотину
К господину
Земскому угнали.
Эх ты, был! —
Не бобыль —
Хуже бобыля я!
Ходишь тенью
По селенью,
Голову роняя.
Вспомяну
Ту весну —
Слезы проступают!
Я-то в поле
Хуже, что ли,
Тех, что работают? .

Весь надел
Оглядел,
Горевал над пашней,
Над кормилицей моей,
Впроголодь — всегдашней. . .
Эх, дела!
Два тягла
И земли-то. . . Тесно!
А налогу —
Только богу
Одному известно. . .
Уж не я ль
Мерял даль,
Плугом разрезая?
В молотье ли
Средь артели,
Устали не зная?
Весь оброк,
Кабы мог,
Внес бы. . . не впервые.
Век веревки из нас вили
Господа крутые.
Да поди,
Посуди
Да поспорь с судьбою!
Становому лучше знать,
Что творить с тобою.
Нет, шабаш! Не хочу!
Эй, дорогу шире!
В батраки
Так в батраки.
Здесь лютей Сибири!

(26 июня 1914)

Неизвестный автор

196

В час лихой пришли гаданья... Обманула доля злая...
 Под березками погибла жизнь прекрасно-молодая,
 Мысль и воля огневая, — жизнь, народу дорогая...

Рос в тумане конский топот... Плыл к оврагам
страшный шепот...
 В перелесках вещей филин поднимал безумный хохот...
 Ночь скрывала и гасила чьи-то крики, чей-то ропот...

На рассвете он повешен, — безымянный, неизвестный...
 Тени скорбные метнулись... Сорван жизни цвет
чудесный...
 Только звезды кротко лили на него свой свет небесный...

Труп холодный, обнаженный, труп с раскрытыми
глазами,
 Тихо-тихо закачался меж поникшими ветвями...
 Вновь помчался топот к долам... Реял смехом над
полями...

Смехом, свистом... Взгляд предсмертный не запал
укором в совесть...
 Только бедные березки задрожали, шепчут повесть.

(15 апреля 1911)

Кологривский

197. СТАРЫЕ БАШНИ

Древние башни. Мертвые башни.
Чу, на селенья, долы и пашни
Медные звоны летят и зовут.
Людом наполнены к башне дороги.
Скорбны, убоги — идут.

Мрачные своды. Скорбные люди.
Скорбью и страхом сдавлены груди.
Скорбь вековечная в тусклых глазах. . .
Можно ли выплакать, темные дети,
Скорби столетий в слезах?

Стертые плиты много впитали
Слез и молений. Свод потрясали
Крики безумья и ропот тоски.
Башни недвижны средь бурной и дикой
Горя великой реки.

Крепки и тесны своды и стены.
Рвась и вскипая мутною пеной,
Бьется здесь замкнутый жизни поток. . .
Но эти тесные башни не вечны, —
Мир бесконечно широк.

Жизнь разойдется вширь и на горы.
К свету и солнцу. Мощные хоры
Стройно польются к земле и цветам.
Слезы восторга без слез покаянья. . .
Вырастет зданье: мир — храм!

(12 апреля 1912)

Петр Сергеев

198. МЕТАЛЛ РАЗБИТ

Представители закона спустились в машинное отделение и, отобравши номера газеты, для верности дела приказали разбить стереотип.

(Из газет)

Металл разбит, но мысль и волю
Рукой наемной не разбить,
Как кораблю стихии море
Себе, увы, не подчинить!
И пусть о борт его железный
Волна разбилася одна,
Но снова слышен шум победный,
Клубится новая волна!
Она грознее пронесется,
Бушуй силою своей, —
Победы песня разольется
С ее серебряных гребней!

(30 августа 1913)

С. Есенин (?)

199. В ЭТУ НОЧЬ

В эту ночь тревожно голубую
Распустились ольхи и березы
И прозрачный воздух на поляны
Уронил серебряные слезы.

На рассвете зорька золотая
Разгорелась ярким перламутром
И шепнула сонной деревушке:
«С добрым утром!»

(30 августа 1913)

200. ПРОГРЕССИВНАЯ МОШНА

«Мой друг! Вы как насчет винца? —
Сановник потчевал купца. —
Пройдемся, что ли, по единой? . .
Так. . . Закусите осетриной
Иль балычком. . . Иль вот икра. . .
А вы большой чудак, ей-богу!
Как это вы при всех вчера?!
Учились где такому слогу:
Мы — граждане! Ха-ха-ха-ха!
Мы — ждем обещанных. . . Потеха!
Свобод. . . Ой-ой, помру со смеха! . .
Администрация плоха! . .
Дворянство в земстве нам помеха! . .
Вот тут уж я и не пойму:
Про земство, собственно, к чему?»
(Шутя грозит начальство пальцем.)
«К чему? — осклабился купец. —
Смекаешь сам, родной отец:
Нам развернуться б. . . капитальцем!»

«Купец затребовал свобод!
Салазки, браво, браво, браво!» —
Печать шумела. Экий, право,
Чудак народ!
Понять нетрудно бы сначала:
Мошна купецкая кричала!

(6 сентября 1913)

С. Шаумян (?)

201. ВПЕРЕД

Песня

В глубоких шахтах цепи звон —
Из камня золото течет,
Мятежный молот в скалы бьет:
«Мы долго шли вперед, вперед».

Угрюмо лес стеной кругом
Стоит, задумался и ждет. . .
Порою вихрем донесет:
«Смелей, борцы, вперед, вперед!»

Иссякнет золото, и стон
Железа в руднике замрет,
Лишь эхо под землей поет:
«Они ушли вперед, вперед».

Белеют по холмам кресты. . .
Тайга их тайны стережет. . .
И длинный ряд могил ведет
Через тайгу — вперед, вперед. . .

И те, кто, смерти не боясь,
На эшафот взойдут смеясь,
Пусть помнят: кровь их цепь порвет
И путь пробьет — вперед, вперед!

(22 апреля 1911)

Н. Артељный

202. ПЕСНЯ ПОРТНОГО

Нитка вьется, вьется, вьется,
А в глазах — темпо.
Скучно наша жизнь плетется,
Э, да всё равно.
День и ночь стучит машина:
Тук-тук-тук-тук-тук.
«Догорай, моя лучина», —
Ноет грудь от мук. . .
Сколь ни гнись и ни старайся,
Толку — не видать. . .
Эх ты, горб мой, выпрямляйся:
Так — несдобровать.
Нитка вьется, вьется, вьется,
Я-то вьюсь — зачем?
Где-то жизнь поет, смеется. . .
Да поет — не всем. . .
Стой, машина! Рвись ты, нитка!
Дай и мне вздохнуть:
Для хозяйского прибитка
Иссушил я грудь.

{3 ноября 1912}

М. Журавлева

203. СКАЛЫ И ДУБЫ

Взбурлила, вскипела морская волна,
На берег скалистый, стремясь, покатилась,
И злобы, и бешеной силы полна,
Да вся о прибрежные скалы разбилась.

И гордые скалы, толпясь над водой,
Победно на брызги разбитой глядели,
И только обмытые влагой морской
Их грани, как перлы, на солнце блестили.

Взревел, ошетинился смерч-ураган,
Хотел разметать по равнине безлесной
Дубки, что венком окаймляют курган,
Да с воем застрянул он в гуще древесной.

А дубы, сцепляясь в живое кольцо,
Верхушками царственно так закачали,
Как будто, смеясь урагану в лицо,
Приветно кивали сверкающей дали.

Товарищи-братья! С открытой душой
Равняйтесь, как дубы подгорной долины,
Толпитесь, как скалы над бездной морской.
Как скалы, как дубы, тверды и едины.

От края до края над миром царит
Звезда золотая, звезда единенья.
Ни туча. . . — ничто той звезды не затмит,
Ни волны напасти, ни смерч разрушенья.

(19 апреля 1913)

Неизвестный автор

204. Я НЕСУ

Я несу в края полночи
Жизни вольную мечту,
Как огонь пылают очи,
Озирая нищету.

Я несу лучи восхода,
Радость жизни молодой,
Гнев могучего народа,
Красоту земли родной.

Очарован чудной страстью,
Верой в славную борьбу,
Я несу с собою счастье
Пробужденному рабу.

(14 декабря 1913)

Л. Старк

205. СТАРИК

Всю ночь в кабаках, пьяные,
Галдели матросы. . .
«Ты такая румяная,
А ноги босы
И платье драное-драное. . .
Ну что за охота стоять до утра
На холоде?
Спать пора! . . .»

«Смотри на того старика:
Он сед
И сгорблен тяжестью лет;
В глазах тоска. . .
Он ищет пропавшую дочь. . .
Жизнь нелегка! . . .»

«Забыл он приметы ее
Вчера — у нее голубые глаза,
А волосы — лен.
Сегодня — глаза точно ночь
И гибкий стан.
А завтра — черные кудри до плеч
И торопливая, страстная речь. . .»

«Он бродит до света. Ведь город велик,
И любит он тех, что печалью сражены. . .
Пойди и скажи ему: слушай, старик,
Я — дочь твоя, городом взятая в жены!»

(Февраль 1913)

Г. Шапир

206. ФИАЛКИ

Весенние сумерки. Грохот, гудки. . .
«Купите фиалки, лесные цветки».
У девочки бедной робеющий взгляд,
В протянутой ручке фиалки дрожат. . .

Купил я фиалки, к губам их поднес —
И сердце забилося от радостных грез.
Фиалочки, ранние гости весны!
Вы прелестью юных дерзаний полны.

В лесу еще холодно. Сырость, тоска. . .
А вы заглянули — и радость близка. . .
Вас видя, я верю в мятежные сны,
В могучую силу грядущей весны. . .

(Март 1913)

Л. Старк

207. К ВЕСНЕ

Уж скоро, зелены и новы,
Восстанут спящие поля,
Спадут печальные покровы,
Вздохнет усталая земля.

Как в песне, старой и далекой,
Примчится красная весна,
Насыплет хмеля в пруд глубокий
И напоит всех допьяна.

И снова к нам, в слепые зданья,
Заглянет неба синева,
И будут радости свиданья,
И станут ласковы слова.

(Март 1913)

С. Астров

208. УТРО

День раскинул алый полог,
Крылья алые раскрыл.
Сумрак горестный был долог,
Был томительно уныл.

Распахнулись в небе двери,
Брызнул пламень, мрак дробя,
Были грустные потери
Этой ночью у тебя!

Но взгляни: заря богата,
День в сокровищах цветет;
Все потери, все утраты
Он с избытками вернет!

Перед солнечною дверью
Храма света и любви
К жизни сладкое доверье
Укрепи и обнови!

(Март 1913)

Л. Старк

209. НА УЛИЦЕ

Из огней плетутся сказки
Вдоль полуночных домов.
В них невиданные краски,
Неразгаданные ласки,
Неразвязанность узлов. . .

Кричат вывески магазинные,
И нагло смеются ожерелья огней.
Вереницы людские, чинные
Становятся всё длинней и длинней
Под ласками фонарей.

Влекут освещенные окна. . .
А на мокрых панелях
Света волокна
Разбегаются, как хвои на елях
Или соснах.
Почему-то душа болит
За таинственный город. . .
Тоска скрипит,
Как несмазанный ворот,
А радость спит. . .

Ты пленница города. В черных глазах
Прочел я мечты о лазури,
О солнышке ярком, о дивных лесах,
О вздохах полуденной бури. . .
Я знаю, ты любишь все травки в лугах,
Цветы для тебя — все родные,
Как лань, на проворных и крепких ногах
Бежала б ты в земли иные. . .
Томительны цепи, томителен плен
И хочется вырваться снова
Туда, где так много теперь перемен,
Туда, где всё ярко и ново. . .

Жужжит поток, и торопятся мысли. . .
Повисли
Капли дождя на сетях телефона. . .
Улица, полная гама и звона,
Пугает других и себя
И катится мимо, вперед, никого не любя. . .

(Апрель 1914)

И. Бунин

210. МАТРОС

Ночью в море крепко спать хотелось:
Измотало зыбью бригантину,
На носу угодника Николу,
На корме — малиновый фонарик.

А пришли к Патрасу — рассветает,
Море заштило, зеленеет,
На Востоке — светлом, апельсинном —
Розовеют снеговые горы.

У кого есть деньги, тот в кофейне,
Пьет мастику или чай с лимоном —
Э, успею выспаться! Скорее
Дай мне сыру и вина покрепче!

Сладко ослабею, сытый, пьяный,
Забурлю кальяном, а хозяин
Будет усмехаться и от смеха
Нос его короткий станет клювом.

8 марта 1913
Анакапри

Д. Семеновский

211. НА ЯРМАРКЕ

Солнце ярко. Небо сине.
Балаганы, камни, зной. . .
Бахрома на парусине
Карусели расписной. . .
Пыльны камни, ясны кровли. . .
В лавках — пряники, ситца. . .
Хрип шарманки, гул торговли,
Завыванье паяца. . .
День весенний зноен, долог. . .
Солнце чертит синий полог.
Жарко блещут карусели позолотой, мишурой,
А кругом — кольцо прохожих и мальчишек шумный
рой. . .

На коней точеных сели,
Завертелись карусели.
Вопли, выкрики гармоник. . . золотится бахрома. . .
Закружились, заходили люди, улицы, дома.
Там, у крытого прилавка,
Где нестройный говор, давка,

Где быстрее людской поток, —
Заалелся твой платок.
Будет радость нежной встречи,
Смех, доверчивые речи,
Васильки твоих очей
Зацветут еще ярчей. . .
Солнце жгуче. Небо сине.
Балаганы, камни, зной. . .
Ряд заплат на парусине
Карусели расписной. . .

(Июнь 1913)

212. ПОЭТУ

Ткач узорных песен, из узорных нитей
Вей еще искусней трепетную вязь. . .
Солнцем и цветами радостных наитий,
Пышными словами ткань свою укрась.

Но и кровью павших свой узор наполни,
Сказку грез грядущих ты в него вплети,
Ввей в него зигзаги разъяренных молний,
Заревом багровым ало расцвети.

Сей по черной ниве брызги жгучих зерен,
Жаль огнистым словом, проклинай и плачь, —
Вей, не уставая. . . твой ковер узорен,
Тки еще цветнее, вдохновенный ткач!

(Июнь 1913)

Л. Старк

213. СЕВЕР

Люблю мой север синеокий —
И грусть полей, и темный бор,
И струй речных с густой осокой
О чем-то тихий разговор.

Люблю молчанье ночи белой,
Когда так четок каждый путь,
Когда в природе помертвелой
Витает призрачная жуть.

А синий бор, загадок полный,
Стоит задумчив и высок,
И с заунывной песней волны
Сквозь сон взбегают на песок;

Гусей весенних вереницы
Летят в озерные края. . .
То север, север бледнолицый,
Немая родина моя. . .

(Июнь 1913)

Д. Б е д н ы й

214. «БЛАГОДЕТЕЛЬ»

Басня

Друзья-товарищи, не знаю, что со мной?
Должно, всему виной
Мои превратные марксистские идеи.
Ведь про хозяев я писал, выходит, ложь,
Поверить мне — и впрямь хозяева все сплошь
Какие-то злодеи.

Винюся и даю вам образец иной.
Пусть торжествует добродетель.
Вот вам «хозяин-благодетель»,
«Отец родной».

«Спасибо, — кланялся хозяин верным слугам, —
Не мастер, братцы, я красиво говорить.
Не знаю, как вас по заслугам
Благодарить.

Я с вами начинал и с вами создал дело.
Я вам обязан всем добром:
С заводских черных стен до этих вот хором —
Во всем ваш дух и тело.

В работе общей мы слились в одну семью.
Я нуждам вашим всю, всю душу отдаю
И позабочусь впредь о вашей светлой доле:
За то, что для меня вы не щадили сил,
За то, что были вы всегда в хозяйской воле,
Чтоб чувствовали вы, как я ваш труд ценил,
Дарю вам купчую на пятьдесят могил».

⟨Август 1913⟩

Д. Семеновский

215. ВСЁ — ТЕБЕ

Русь, тёплю жизнь свою во имя
Твоей печальной красоты. . .
Заря — над далями твоими,
Но тяжким сном объята ты. . .

Твои несу на сердце боли
И об одном тебе молюсь:
За тихий рай твоих раздолий
О дай и мне погибнуть, Русь!

И в светлый полк меня причисли
Распятых за поля твои! . .
Тебе и жизнь моя, и мысли,
И песни робкие мои. . .

⟨Октябрь 1913⟩

Л. Старк

216. ПРЕДЧУВСТВИЕ

Мне снились лесные озера
В дремучей, далекой тиши. . .
Уйду я из города скоро,
Укроюсь в зеленой глуши.

Но в странах безлюдных и диких
Я вспомню с тревогой не раз
О людях ночных, бледноликих,
О блеске их ищущих глаз.

И станут в молчаньи глубоком
Мне чудиться вещие сны
О городе, страшно далеком,
Домах, что казались тесны. . .

Мне странны вечерние шумы
И гулкость обтесанных плит. . .
Я знаю: у города думы,
У города сердце болит. . .

(Ноябрь 1913)

Д. Семеновский

217—219. БЕЗУМЦЫ

1

ПОЭТ

Сырые стены. Жалкий стул.
В окно грозят немые трубы,
И город, будто вызов грубый,
Кидает с улиц мерный гул. . .

Он изможден, сутул и худ,
И пусть не признан пошлым светом, —
Каким зловещим пышным цветом
В мозгу безумца сны цветут!

Глаза зажег горячий бред. . .
И он чердак шагами мерит, —
Он пламенно и страстно верит:
Он — бог, он — гений, он — поэт!

И вот усталым, темным, тем,
Кто яростно его позорит, —
Всем скорбным двери он отворит
В лучистый, солнечный эдем! . .

2

ОБРЕЧЕННЫЙ

Упрямый рот. Глаза как сталь. . .
Кругом — брошюр подпольных кучи
И прокламаций снег летучий. . .
Поник в печали. Смотрит вдаль. . .

Родимый край, несчастный край —
В крови, во мраке и позоре!
Но огнеутренние зори
Про золотой вещают рай. . .

Он знает, верит. . . И скорбит:
Бойцы, святые и пророки
Шли с солнцем мысли в мир широкий, —
Поэт угас, пророк убит! . .

Но поклялся взойти на крест,
Чтобы увидеть, умирая,
Цветы лазоревого рая
Среди родимых скорбных мест! . .

3

РЫЦАРЬ

Он — пленный рыцарь. Смотрит в твердь —
В окно с решеткой и звездами.
Он отдал всё Прекрасной Даме,
Чье имя — Правда. Завтра — смерть.

Глубоко в сердце скрыл тоску.
Разломан меч. Расколот панцирь. . .

Лежит. И грезы в диком танце
Кружатся в гаснущем мозгу. . .

Жандармы. Обыск и арест. . .
И вот придут, звеня ключами, —
И он, глумясь над палачами,
Бестрепетно взойдет на крест.

И Ты, кому молился он,
Взойдя на эшафот, прославит!
А там — веревка шею сдавит,
И смерть задушит хриплый стон. . .

(Ноябрь 1913)

М. Герасимов

220. РАБОЧЕМУ

Как много бодрости и тайны
В твоих разбуженных мечтах.
И как чудесны и бескрайны
Поля в рубиновых цветах!

Пусть расцветут повсюду маки
Твоих затоптанных знамен
И пусть рубиновые знаки
Расторгнут гнет былых времен!

И над угрюмыми полями
Зардеет красная роса.
Встряхнем последними цепями,
Когда совсем уйдет гроза!

(Декабрь 1913)

Кирилл Волгин

221. УТРО В ГОРАХ

Утро знамя заревое
Развернуло на горах,
Льется бело-снеговое
Пламя в синих ледниках!
Вышло солнце, точно воин
В кумачовой епанче, —
Властный взгляд упрям и зноен,
Меч пылает на плече!
Тают шапки из туманов
На кремнистой голове
Изумленных великанов;
Звезды росные в траве
Запылали, точно свечи,
Пенье в скатах горных вод
И лесов звенящих вече
Славит царственный восторг.

(Декабрь 1913)

М. Герасимов

222. У ВИТРИНЫ

С какой испуганной улыбкой
На эти окна смотришь ты!
Крикливый свет волною зыбкой
Тревожит робкие черты.

Тебя прельщает блеск фальшивый
Ненужной, пестрой мишуры?
Вернись к себе — под сенью ивы
Найдешь ты лучшие дары.

С настороженной душою
Цветком ты будешь среди цветов,

С благоуханною волною
Умчишься в мир весенних снов.

Беги скорей! Пока не поздно,
Покинь тревожных улиц шум, —
Перед тобой не встанет грозно
Стена неразрешимых дум.

Уйди же! За твоей спиною
Растет довольный, пошлый смех,
Бульвар с змеиной головою
Зовет тебя на страшный грех!

(Январь 1914)

Л. С т а р к

223. ПЕРЕД БУРЕЙ

Снова ветер пенит волны
И бросает на утесы,
Снова с криками над морем
Плавно реют альбатросы,
Грома слышатся раскаты —
Грозной бури зов могучий —
И идут великой ратью
Фиолетовые тучи. . .

Я смотрю, как ходят волны
По синеющему полю.
В сердце бьется белый сокол,
Хочет вырваться на волю,
Хочет взвиться в черной туче,
Крикнуть, вытянувши шею,
Стать могучим вместе с бурей
И погибнуть вместе с нею. . .

(Февраль 1914)

Д. Бедный

224. ПОРТРЕТ

Сатира

Пред Щегловитовым — дай бог ему здоровья
(Читатель, не теряй, голубчик, хладнокровья), —
Пред Щегловитовым, но — точность сохраним —

Не перед ним

Одним:

Пред публикой отменной

И статской и военной

Оратор вдохновенный,

Произнося заздравный тост

За процветание и рост

Всего, что создано реформой судебной,

«Хвала, — закончил речь, войдя в экстаз

хвалебный, —

Хвала!

Настали времена, похожие на сказку:

Фемида строгая сняла

С прекрасных глаз повязку.

Хвала! Уж отжили последние часы

Традиционные весы:

Фемида зрячая на скальпель их сменила!»

(Сказать по-нашему — на нож.)

«Ур-ра!»

«Брависсимо!»

«Ай да патрет».

«Похож!»

Всех явно речь пленила.

А ведь оратор-то, подумал я, остряк:

Всех обморочил в лучшем виде.

Да этакой «Фемиде»

Сестра родная — Чеберяк.

(Февраль 1914)

С. Астров

225. СОЛНЦЕ И СЕРДЦЕ

И солнце, и сердце проснулись
В прибое дневного огня.
И сердце, и солнце вернулись
К торжественной музыке дня.
О творческий пламень восхода!
И солнце, и сердце поет:
Пылай, зарева свобода,
Пусть блеск твой всю землю зальет,
Да вновь, как вчера, загорится
Земной суеты бытие,
Да вечно и ныне святится
Блаженное имя твое!
О зарево жизни всегласной,
Земля пред тобою светла.
И солнце, и сердце прекрасны,
И сердцу, и солнцу хвала!

(Март 1914)

Л. Старк

226. РОДИНЕ

Прими меня, страна родная,
В свои великие снега.
Твои мне снились берега
В долинах солнечного края.
Иду к тебе. В твои леса,
Где серебрится чистый иней,
И пахнет матерью-пустыней,
И слышны волчьи голоса. . .
Пойду в луга, пойду в поля,
Пойду в простор могучей степи,
Повсюду, где в стальные цепи
Людьми закована земля.

Пройду по тихим деревням
Вдоль хат, зарывшихся в сугробы,
Где ждут рассвета хлеборобы
В тоске по новым, лучшим дням. . .
И в города потом пойду,
Вдоль улиц узеньких, к заводу:
Там труд растит уже свободу,
Но тяжело дышится труду. . .
Хочу изведать все пути
И тропы все родного края. . .
Прими меня, страна родная,
И сына грешного прости. . .

(Апрель 1914)

А. Белозеров

227. ЗА СТЕНОЙ

Белые снежинки, легкие, пушистые,
Вьются беззаботно, нежные, лучистые,
Реют, плавно катятся и к решетке ластятся,
Словно мотыльки — в ночь на огоньки.

Хочется забыться, хочется быть птицею,
И летать-кружиться над большой темницею,
И путем, хоть сказочным, за окном загадочным
Вести разузнать — свету рассказать.

Чу, кругом темницы, робкие, неверные,
Раздаются тихо чьи-то стуки мерные. . .
С ними — ненасытные взгляды, странно-скрытные.
Всё кого-то ждут, зорко стерегут. . .

Этой ночью темной, над стеной упорною,
Что пугливо встала глыбой мертво-черною,
Призраки закружатся и огни потушатся. . .
Будет грезить тьма, не уснет тюрьма.

1905
Тюрьма

Неизвестный автор

228. НОЧЬ В ТЕЛЕГРАФНОЙ

Мысли спутались с дремотой:
«Тик да так» — трещит контакт,
И с ленивой неохотой
Лента метит звуков такт.

Много, много длинных строчек
Утомленная рука
Из штрихов и черных точек
Понашлет издадека.

«Тик да так». Разбег минутный
В беспокойном полусне
Отмеряет темпом нудным
Ожидание во мне.

За минутами минуты,
Замыкая длинный ряд,
Обвивают, точно пугы,
Отравляют, словно яд.

«Тик да так». . . Минуют годы
Полусонной чередой,
И суровые невзгоды
Срежут стебель молодой.

«Жизнь отраднa и красивa», —
Шепчет кто-то изнутри. . .
Сердце тукает лениво:
«Долго, долго до зари».

«Тик да так» — ведут минуты
Свой налаженный дозор. . .
Сон истомный, сладкий, лютый
Отуманивает взор.

(Июнь 1914)

А. Глырев

229. НЕ ЖДИ МЕНЯ

Стихотворение умершего на каторге поэта-рабочего

Не жди меня... Без чувства сожаленья
Я от тебя свободно ухожу.
Я за любовь твою — святые убежденья
К ногам твоим, как раб, не положу.

Я не могу отдаться без изъятья
Безумной прихоти своих страстей,
Когда вокруг меня звучат проклятья,
Свистят бичи, царит позор цепей.

Меня зовут. Простимся, дорогая,
В последний раз, друг друга не кляня.
Люблю тебя! Но для родного края
Я должен жизнь отдать. Не жди меня...

1906 (?)

Поморский

230. РАБОЧИЙ ДВОРЕЦ

На темных могилах,
Из щебня бывшего,
Из смеха и слез
Изнуренных сердец

Мы, гордые, строим,
Мы, юные, строим,
Мы строим
Рабочий дворец.

Нас бодрость волнует,
Крепки наши руки,
Мы знаем, как строить,
Хоть ночь и темна.
И камень за камнем,
И камень за камнем
Встает
за стеною стена.

Над нами нахмурилось
Грозное небо,
Усталый, упал
Не один наш боец.
Мы, гордые, строим,
Мы, юные, строим,
Мы строим
Рабочий дворец.

Он встанет в туманах
Ночей молчаливых,
Рассеет, как солнце,
Миражи судьбы,
В железных отрядах
Придем мы, придем мы,
Без слез, без цепей —
не рабы!

Не бойся, товарищ,
Ни битв, ни тиранов,
И кто бы ты ни был,
За нами иди.
И если ты веришь
В высокое солнце,
То камень
В основу клади!

На темных могилах,
Из праха былого,

Из крови и слез
Изнуренных сердец
Мы, гордые, строим,
Мы, юные, строим,
Мы строим
Рабочий дворец.

1909
Петербург

231. ОСЕНЬЮ

Улыбнулась багряная осень.
В белых тканях седого тумана
Колыхается нежная просинь,
Зори меркнут тоскливые рано.

Бродят по небу тучи без цели,
Гасят звезды огни золотые. . .
Ольхи гимны свои отшумели,
Грустно листья роняют больные. .

Встало утро, закуталось в иней. . .
Бледны зори пред скорбным рассветом. . .
Выйди, девушка, осенью синей
И простишься с умирающим летом! . .

(3 декабря 1913)

М. Артамонов

232

Не затем я пришел, чтобы лавры стяжать, —
Мне ли их получить? Мне ли их ожидать?
Я пришел лишь сказать, только слово сказать:
«Оглянитесь, растет пролетарская рать!»
Мне ль узоры победно-певучие ткать?
Мне ли искрой огня мрак ночей рассекать?
Я пришел только с думой поведать, сказать:
«Оглянитесь, растет пролетарская рать!»

Мне ль победную песню народу создать, —
Чтоб заставила мозг клокотать и стонать?
Я пришел не затем, я пришел вам сказать:
«Оглянитесь, растет пролетарская рать!»
Много будет певцов наши песни слагать,
Много будет поэтов сердца зажигать,
Я же только затем и пришел, чтоб сказать:
«Оглянитесь, растет пролетарская рать!»

(18 мая 1914)

233. ОГОНЬКИ

Огоньки ночные светятся, дрожат,
Будто нам гадают, будто ворожат.
Звездами глядится темный небосвод
По зеркальным гладям отдаленных вод,
Да колебля сумрак, в тальнике реки
Синие, как звезды, тают огоньки.

По холмам заросшим в ивняке оград
Огоньки ночные светятся, дрожат.
Этот свет холодный робко осветил
Ряд крестов истлевших, ряд сырых могил.
По усопшим душам царь природы сам
Будто панихиду правит по ночам. . .
Но не бойся, путник, не страшись огней:
Это кости тлеют вымерших людей!

По проселкам дальним в зарослях лесов
Множество болотных тлеет огоньков;
Множество зыбучих, перелетных глаз
В зарослях мерцает в полунощный час. . .
Люди — те же искры. Теплятся они,
Как в болоте ночью робкие огни.
Много по проселкам в глубине веков
Тянется в народе чутких огоньков.

Если бы не эти светлые огни, —
Как бы дотянуть нам сумрачные дни?

Кто бы поддержал нас, душу осветил
На распутье жизни, при упадке сил?
В утренниках белых близится рассвет!
Теплятся, мерцают, теплятся и нет. . .
Люди, люди-свечи, света алтари —
Огоньки ночные, вестники зари. . .

(29 июня 1914)

А. Маширов

231

Пришла пора... шумят колосья,
Сомкнулась зыбкая стена,
На скудной почве чресполосья
Взошли благие семена...

Зачем же в злобном разговоре
Удары тучи градовой?
Не выбить ей в бессильном споре
Созревшей нивы трудовой...

Уже давно в полях мелькают
Неутомимые жнецы
И с тайной радостью собирают
Колосьев зрелые венцы.

(1913)

Неизвестный автор

235. НАД КОЛЫБЕЛЮ

Спи, мой милый паренечек,
Баюшки-баю!
Спи, крестьянский мой сыночек,
Слушай мать свою.

Спи в лукошке, как цыпленок,
Баюшки-баю!
Без перинки, из пеленок
Я гнездо совью.
Мне невмочь прогнать зевоту,
На заре вставать:
Завтра надо на работу, —
Хлеба добывать.
Сам же плачем нас разбудишь
Раньше петуха.
Спи, пока трудиться будешь,
Спи, моя душа.

(4 мая 1915)

А. Маширов

236. ВЕСЕННИЙ ПРИВЕТ

Опять зашумели в зеленом наряде
Родимого леса побеги живые,
И весело мчатся к последней преграде
В весеннем разбеге лучи молодые.

Опять пробуждаясь, весна задымилась,
И шире раскинулись синие дали,
И сердце, как прежде, надеждой забилося,
Что сбудется то, что так долго мы ждали.

Шумите, вершины, с родными ручьями,
Шумите свободой и жаждою света,
Чтоб в мире труда засверкало над вами
И вечное солнце, и вечное лето!

(26 июня 1914)

А. Маширов

237

Не говори в живом признаньи
Мне слова гордого «поэт».
Мы — первой радости дыханье,
Мы — первой зелени расцвет.

Разрушив черные оконца,
Мы жаждем миром опьянеть.
Еще не нам, не знавшим солнца,
Вершиной гордою шуметь.

Еще неведомой тревогой
Полна восторженная грудь,
И очарованной дорогой
Мы только начали свой путь.

Придет пора, порыв созреет,
Заблещет солнцем наша цель —
Поэта мощного взлелеет
Рабочих песен колыбель.

И он придет как вождь народный,
Как бури радостный раскат.
И в песне пламенной, свободной
И наши песни прозвучат.

(1914)

М. Герасимов

238. ВЕСЕННЕЕ

Разбухли пашни, словно тучи,
Дымят горбатые поля,
И жирно смазала онучи
Как деготь черная земля.

Кричу худой, уставшей кляче, —
Уперлась в грязь, хоть не кричи.
В овражках снег последний плачет
И бродят черные грачи.

Грачи по снегу, что монахи,
Гуляют чинно и галдят.
Парнишка в продранной рубахе
Гоняет по холмам телят.

Свистит на кочке рыжий суслик,
За ним упала узко тень.
Ручьи — серебряные гусли —
Звенят немолчно ночь и день.

И светлыми весна глазами
Глядит на пашни, лес, село,
И над горбатыми полями
Опять сиянье расцвело.

1913

239. СТЕПЬ

Я на заволжские курганы
Люблю взбегать в закатный час,
Пока белесые туманы
Еще не спеленали глаз.

Курятся синие лиманы,
Дрожат, как марево, леса,

СБОРНИКЪ
ПРОЛЕТАРСКИХЪ
ПИСАТЕЛЕЙ

съ предисловіемъ
МАКСИМА ГОРЬКАГО

Изд. „ПРИБОЙ“ СПБ. 1914

А в пожелтевшие бурьяны
Выходит красная лиса.

Парит над небом хищный беркут,
Вдруг камнем канет в ковыли.
Уходят вдаль дороги, меркнут,
Лишь кости светятся в пыли. . .

И в этот миг, как витязь древний,
Глазами зоркими взгляну
Я на убогие деревни
И на родную ширину.

Я оболую степной отвагой
Мою расслабленную грудь
И, вспенив кровь хмельною брагой,
Пойду опять в далекий путь.

Как богатырь в кольчуге бранной,
Степным разгулом обуян,
На бой с врагами долгожданный
Шагну с кургана на курган.

1913

240. В ГОРОДЕ

В сады железа и гранита,
В аллеи каменных домов
Пришел я, веснами обвитый,
На зов торжественных гудков.

Я раздружился с ветром воли,
Забыл безудержный размах
И тишину родных раздолий,
И землю мягкую в цветах.

Я променял на камень жесткий
Шелка баюкающих трав,
Я полюбил цветные блески
И шумы уличных забав.

Захвачен в быстрые потоки,
Я стал душе своей чужей,
И стали мне как сон далекий
Былые дни среди полей.

1913

А. Соколов

241

Шумно промчался поток,
Небо умылось грозюю, —
Сорван последний цветок
Мутной волною.

Снова небес бирюза
Заткана ярко лучами;
Будет иная гроза,
Только с другими цветами.

(1914)

М. Герасимов

242. ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Вечерней гармонии нежность.
Дремотно синеющий лед.
Спокойствие, ясность, безбрежность
И радость и грусти налет.

Клубятся туманные нити,
Прощальное солнце поет:
«Пред ночью сильнее любите
Души своей творческий лёт.

Порвите позорные сети —
Томлений и болей звено.
Да встретимся мы на рассвете,
Друг другу сияя равно.

Пусть встречу я вас на восходе,
В зиждительный час бытия,
В достойной и гордой свободе
Цветущими ярко, как я!»

(1914)

Н. Рыбацкий

243. ИДИ!

Нет, нет! Не говори, что силы ослабели,
И путь кремнист, и ночь тюрьмы мрачней, —
Иди вперед, иди к заветной цели,
На зов вдали мерцающих огней!

Не малодушествуй! К былому нет возврата,
А счастье там — далеко впереди.
Споткнешься — встань, паденьем жизнь богата,
Воспрянь душой — и вновь иди, иди!

(1914)

Д. Семеновский

244. КУЗНЕЦ

Пусть в кузнице дымной черно, —
Товарищ, скорее за дело!
Раздуй золотое горно,
Чтоб пламя, как буря, гудело,

И крепче, сильнее и грубей
В железо горячее бей!

Стой твердо, подобно скале,
Бей молотом с силой великой
И век золотой на земле
Из века железного выкуй!

Вся в зареве красном горна,
Рука и метка и верна!

(20 марта 1915)

И. Ерошин

245. ТУЧКИ

Тучки с влагой благодатной,
Вы куда несетесь?
Расскажите, где ночлег ваш
И где вы прольетесь?

Утром рано ли с зарею
К морю улетите?
Иль прольетесь над пустыней? ..
Что же вы молчите! ..

Тучки вольные, бегите,
Лейтесь над полями,
Где скородил пахарь иву, —
Над его трудами.

(10 июня 1915)

А. М а ш и р о в

246. ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Было жутко в сумраке тоскливом:
Узкий двор внезапно потемнел.
Но лишь миг — и бешеным порывом
Крупный дождь по стеклам загремел. . .

Из щелей проржавленной трубишки
Так и брызжет светлая волна!
С громким криком мчатся ребяташки,
Зеленеет гордо бузина. . .

Только здесь, в моей каморке душной,
Расцветает плесень мокрых стен.
Кто-то злобный, к солнцу равнодушный
Стережет мой ненавистный плен.

Кто-то, полный тайного презренья,
Веет скорбным сумраком могил
И не слышит буйного кипенья
В мощном сердце обновленных сил.

Эх, сорву я ветхие затворы
И окно широко распахну!
Полюблю безбрежные просторы,
Встречу сердцем вольную весну!

(16 марта 1916)

Ты Расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалея...

М. Лермонтов

...Еще скажи: в годину бед
Я так же верен был
И что священный наш обет
Преступно не забыл.

Что ни одной я в нем строки
Глумясь не зачеркнул
И до конца своей руки
Врагу не протянул.

Что тот же стяг и тот же путь
Стоит передо мной,
Хоть был я ранен дважды в грудь
За жизнь страны родной.

Один удар в жестокий час
Упал на грудь мою,
Другой, изменники, от вас,
Забывших честь свою! ..

1915

248. СОНЕТ

В моем саду стал вянуть куст сирени...
За мертвым лепестком слетает лепесток,
И в дымке траурной ложатся тихо тени
На яркий бархат клумб, на гравий и песок...

Кругом так много солнца, аромата...
Звенит в лазорях хмель весенний, молодой...
Но больно мне... Как будто злой рукой
Всё лучшее в душе осквернено и смято...

И в бледных просветах поникнувших ветвей,
Мне чудится, дыханье смерти веет...
Так опустел мой сад... Так сердце сиротеет...

Стою раздумчиво в тени пустых аллей...
Курыт цветы истомный скорбный ладан...
И в тайнах бытия смысл жизни не разгадан...

(1916)

249. ВОСТОЧНОЕ ВИДЕНИЕ

1

На вершинах Гималая
С книгой вечности в руке
Брама-бог сидел сверкая,
В бубенцах и в колпаке...

Замыкались в небе кручи
Пламенеющих вершин,
И над храмами долин
Фимиама плыли тучи. . .

Царь и раб — отшельник строгий
И лукавый фарисей —
Шли неравною дорогой
С жертвой горнею своей. . .

Мнил один — купить навечно
Серебром небесный рай,
Праздник царственно-беспечный
Перенести на Гималай.

Нес другой кошницу хлеба,
Напоенного слезой. . .
Жаждал чуда, верил в небо,
В правду, милость и покой. . .

Но. . . загадочно ресницы
Бог безмолвный поднимал
И далекие зарницы
Над долиной зажигал.

2

Из толпы рабов шумливой
Вверх поднялся я один
И пришел к нему — пытливый,
Непокорный, дерзкий сын.

И сказал ему: «Владыка!
Гласу смертного внимли! . .
Не скрывай святого лика
От страдающей земли.

Я прошел все испытанья:
Был в темницах, в рудниках,
И принес всю скорбь исканья,
Накипевшую в веках. . .

О, ответь мне: где причина
Лжи, насилия и зла?
Посмотри — внизу долина
Братской кровью затекла...

Мир измучен... Нет просвета...
Эшафотом стал твой храм...
Отчего же блага света
Ты даешь лишь богачам?

Утолил ли ты страданья
Честных, гибнущих от ран?»
Но... безмолвным изваяньем
Бог стоял, как истукан...

Только набок накренился
Шитый жемчугом колпак
Да звенящий ветер бился
В бубенцах: тик-так, тик-так...

Долго-долго звон нелепый
Не смолкал в ушах моих...
А внизу курились жертвы...
Кто-то пел священный стих...

1912

250. ПРОЩАНИЕ

В живых лучах огней прощальных
На крутосклон полей печальных
Ложится рдеющий закат.
И над косматым буреломом
Теней причудливых изломом
Цветные облачка скользят.

Степь нежит тихой, томной лаской,
Пахнула даль старинной сказкой,
Над долом свищут кулики.
А скоро грустный месяц встанет
И бледным ликом кротко взглянет
В затоны дремлющей реки.

Всѣхъ. Число. 7000

73¹/₂

Изд. № 11577

Издательство „ЖИЗНЬ и ЗНАНИЕ“.
г-дъ, Поварскій пер., д. 2, кв. 9 и 10. Телефонъ 227-42.

А. Л. БОГДАНОВЪ.

**Подъ
ласковымъ
солнцемъ.**

Цѣна 1 р. 50 к.

—•••—
ПЕТРОГРАДЪ.
1917.

Последним вздохом летней грезы
Стихает вечер. Никнут лозы...
В последний раз стою и я,
Отдавшись весь тоскливым думам.
Вокруг лишь степь неясным шумом
Звенит, баюкает меня.

Полям родимым шлю прощанье —
Мой дальний путь лежит в изгнание...
Вернусь ли к лучшим дням назад?
Иль жизнь в тоске порвется где-то?
В ответ мне вторит вздохом лето
И гаснет розовый закат...

1909

251. В ПУТИ

Кандалный мерный звон. Поземкой вьется пыль,
Наш заметая след.
Бегут, гудят столбы. Шуршит степной ковыль:
«Возврата нет, возврата нет!»

На взгорьях курослеп, завядший и сухой,
Роняет желтый цвет.
Стрельнул испуганно тушканчик над межой...
«Возврата нет, возврата нет!»

Далеко в зелени наш тонет хуторок,
А ты... ты смотришь вслед,
Прощальный вздох нам шлешь... Не плачь! Наш
путь далек.
«Возврата нет, возврата нет!»

1909

252. ПО БЕЗДОРОЖЬЯМ

По бездорожьям нетопырь проклятый
Кружится оборотнем в жуткой тишине,
Ушастая сова ворожит перед хатой,
И волчьих глаз огни маячат на гумне,

По бездорожьям черною печалью
Проходят немочь, голод и страда.
Как привидения, встают за мертвой далью,
Вонзаясь в грудь небес, стальные города.

По бездорожьям вихри и туманы,
Бугры снегов, обвалы и кресты.
Сплелися в загородь колючие бурьяны. . .
Куда свой путь направишь, странник, ты?

1909

253. НАД СУХОДОЛОМ

По суходолу — травные звоны,
Горячий полдень над степью пышет.
Кочует ветер, разносит стоны,
В полях багровых мглу колышет.

Тропа змеится над суходолом,
Мужик идет в азяме буром,
Весь медный, черный, с лицом понурим,
Со вздохом долгим, глухим, тяжелым.

Глаза вонзились жадно в дали,
Чего-то ищут и молят небо. . .
А воздух — ржавый. Колосья хлеба,
Как щсть седая,
на нивах встали. . .

Кочует ветер, ломает колос,
Клубится мгла, ползет по скатам. . .
Кричать бы в небо, да высох голос,
Не стало криков в краю проклятом! . .

1911

И. Догин

254. ПОЭТУ-МЕЩАНИНУ

Не тот поэт, кто гладко пишет
И рифмы звонкие плетет.
А тот, чей стих борьбою дышит
И к новым формам мир зовет.
Лишь тот поэт и бард вселенной,
Кто, позабыв давно Парнас,
Движенью жизни современной
Слагает гимны каждый час.
Но ты ль достоин называться
Поэтом, бардом и певцом,
Когда удел твой — преклоняться
Перед заезженным словцом.

(24 января 1917)

255. ТРИО

«БИРЖЁВКА»

Обладание Царьградом глубо-
чайшим образом пересоздаст нашу
внутреннюю и внешнюю жизнь.

*(«Биржевые ведомости»,
1 января 1917 года)*

Кто это там кричит «ура»
Так лихо, молодецки?
Из «Биржевых» профессора
Берут Стамбул турецкий.

•РУССКОЕ СЛОВО•

Мы будем ждать спокойно и уверенно слова Государственной думы.

(«Русское слово»,
4 января 1917 года)

Сама судьба ему дала
Долготерпение вола.
Его стегают чем попало,
А он мычит, что очень мало.

•РЕЧЬ•

Политическим центром страны
остается Государственная дума.

А за волом
Идет шажком
Свой тост изречь —
Газета «Речь».

Между 1 и 23 января 1917

С. Ганьшин

256

Ив. Ерошину

Не грусти, как осенняя ночь,
Скоро снова весна и цветы...
Алой зорькой гори и живи,
Песней смелой буди и зови
В поднебесную высь красоты!

Не обрезаны крылья твои,
Будет много и ветров и бурь...
Не твоей многогранной душе
Тосковать одиноко в глуши —
Ей лететь в голубую лазурь.

Будь орлом, дерзновенный полет
Так красив... Не рыдать и скорбеть,

Проклиная злодейку-судьбу,
Как поэт призван ты на борьбу —
О свободе, о равенстве петь!

(19 февраля 1917)

И. Логинов

257. 400...

В Чите. Забайкальская тюремная инспекция получила предложение из Петрограда спешно выстроить новые каторжные тюрьмы для четырехсот заключенных. Постройка тюрем уже начата.

(«День», 1917, № 28)

Не для певцов с зеленых веток
Четыре сотни новых клеток.

Не для зверей
И не для птиц,
А для людей —
Крамольных лиц.

Между 30 января и 18 февраля 1917

258. ПЕВЦУ-ПРОЛЕТАРИЮ

Тебе, товарищ и собрат,
За песни стройные твои
Весь пролетарский Петроград
Слова привета шлет свои.

Пусть разлучили нас с тобой,
Но разлучили не навек. . .
Повеет в воздухе весной,
И зазвенят потоки рек. . .

Под звон потоков навсегда
Вернешься к нам, поэт, и ты
И песни вольные труда
Опять споешь для бедноты.

Январь 1917

Д. Бедный

259

Твердыня власти роковой.
(А. С. Пушкин
о Петропавловской крепости)

«Власть» тосковала по «твердыне»,
«Твердыня» плакала по «власти».
К довольству общему, — отныне
В одно слились обе части.
Всяк справедливостью утешен:
«Власть» в подходящей обстановке.
Какое зрелище: повешен
Палач на собственной веревке!

Между 1 и 4 марта 1917

260. КНЯЗЬЯ

(Львов и Николай — царский дядя)

Как не подумать нам, друзья,
Что «столковались» князья:
Один предательски лукавит,
Другой вовсю «верховно правит»,
Меж тем, народный «бунт» кляня,

Ликует царская родня:
«Всё дело дяденька поправит!»

*Как тут мозгами ни верти,
А место дяде — взаперти!*

Между 4 и 8 марта 1917

Я. Бердников

261. ПРОКЛЯТЬЕ

За пролитые слезы голодных детей,
За убийство отцов, матерей,
За борцов, что погибли за правду, за мир, —
Будь ты проклят, кровавый вампир...
Будь ты проклят, презренный кровавый вампир,
И за тех, что погибли под гулы мортир...
Будь ты проклят повсюду в сиянии дней
За страданья отчизны моей...

(18 марта 1917)

Евграф Дольский

262. В ДЕНЬ ПОХОРОН

Красная ленточка в траурном флере,
Красная в черном, как луч в облаках,
Радость свободы и слезы во взоре...
Красная ленточка в траурном флере...
Вечная память погибшим за волю.
Слава последним, кто пал на постах!
Ленточка красная в траурном флере...
Красное... Черное... Луч в облаках...

Март 1917

И. Логинов

263. СУД

Еще вчера орел двуглавый
За слово истины святой
Суд беспощадный и неправый
Творил над массой трудовой.
Еще вчера здесь распинали,
Казнили... вешали... ссылали...
Сегодня ж здание суда
Постигла праведная кара:
По воле Армии Труда
Над ним бушует вихрь пожара.
Горят законов переплеты,
Позор России — эшафоты
И, как ненужная труха,
Бумаг судебных вороха.
Горит судебная палата,
И для нее пришла расплата.
Огонь свершает участь трона.
 Из-за реки
Идут восставшие полки,
Поднявши красные знамена.
А пламя ширится, растет,
Гимн революции поет
 И тоже
На знамя красное похоже.

Март 1917

И. Ионов

264. КРАСНОЕ ЗНАМЯ

Знамя красное, знамя свободное,
Символ равенства, братства, любви,
Вейся выше за дело народное
В алых каплях рабочей крови.

За тобою пойдут изнуренные
В рудниках, за сохой, за станком,
И на лица, трудом изможденные,
Цвет твой брызнет победным огнем.

Засияют глаза, просиявшие
Верой в силу великих идей,
И порвут и размечут восставшие
Звенья ржавых, позорных цепей.

Знамя красное, знамя свободное,
Символ равенства, братства, любви,
Вейся выше за дело народное
В алых каплях рабочей крови.

⟨5 апреля 1917⟩

Д. Бедный

265. «МАСКИ»

Ребятюшки в «Вечернем времени»
Из черносотенного племени —
«Республиканцы» нынче ярые,
Да их повадочки все старые:
То тут, то там потянут носиком,
Глядь — через час уже с доносиком!

⟨5 апреля 1917⟩

И. Ионов

266. РЯДОВОЙ

От нив родных его отняли,
Где он трудился словно вол.
«Возьми ружье, — ему сказали, —
Пойди убей!» — и он пошел.
И там на бранном поле встретил
Таких же пахнущих землей.

Спросил: зачем? но не ответил
Ему угрюмый рядовой.
Все быстро двинулись толпою,
Взводя послушные курки.
Окоп. . . и брызнувшей струею
Уже окрашены штыки.
А он, земли покорный данник,
С глубокой раной в груди,
Он, пули мстительной избранник,
Лежит далеко позади.
И взор его полуоткрытый
Так неподвижен, жутко нем,
И в нем всё тот же незабываемый
Вопрос таинственный: зачем?

(8 апреля 1917)

И. Логинов

267. МАРСЕЛЬЕЗА «ОБОРОНЦЕВ»

Отречемся, друзья, от марксизма,
От программы своей навсегда!
Нам дороже кумир шовинизма,
Чем идея о братстве труда.

Вставай, подымайся, эсдек-патриот,
Вставай на врага-иноземца
И бей пролетария-немца.
Вперед, вперед, вперед!

Так кричат сам Георгий Плеханов,
Гендерсон, Биссолати и Гед,
В Государственной думе Бурьянов
Подпеваает им дружно в ответ:

Вставай. . .

и т. д.

Мы пойдем к буржуазным собратьям,
К Милюкову пойдем в комитет,

Капиталу откроем объятья,
Возглашая наш новый завет:

Вставай...

и т. д.

Не беда, что трудящимся мира
На словах мы приветствия шлем:
Не в словах ведь, а в действиях сила!
Голосуй за гучковский заем.

Вставай...

и т. д.

1916, 1917

А. Крайский

268. НАГРАДА ЗА ВОЙНУ

На Невском у дворца кирпичного
Молодой безногий инвалид,
Краснея от занятия непривычного,
Одинокó стоит.
Герой! У него «георгий» в петличке,
И приходится милостыню просить...
Казна дает на табак да на спички,
А хочется и есть и пить.
Но вот еще жена заболела,
А ребята... им только бы есть!
И вот принимайся за дело,
Протягивай руку здесь,
Хорошо, что прохожие не отказывают...
А если и им изменит труд?
Ведь те, которые мимо в автомобилях
проскальзывают,
Всё равно ничего не дадут.

(25 апреля 1917)

269. В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ

Если мы видели знамена красные,
Если видели море победителей,
Если слышали речи страстные:
«Долой войну и поработителей!»
Если мы слышали пение
«Марсельезы», красной, как кровь, —
Неужели прельстит нас шипение
Змеиное вновь?
Нет! Кто видел и слышал, тот знает,
Что сила и правда у нас!
Что змея наше сердце смущает
В последний раз!

(26 апреля 1917)

И. Логинов

270. БЕЗРАБОТНЫЙ

Г. А. Алксинский, состоявший до последних дней в составе сотрудников «Русской воли», обратился в Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов с предложением своих услуг.

«День», № 36

В декабре
При царе,
«Бывшем» Коленьке,
Я писал,
Напевал
«Русской воленьке»,
Чтоб помог
«Воле» бог
Быть заступницей
Богачей,
Палачей —

Челобитницей.
Но прошли,
Утекли
Те заботушки,
Я хожу
И тужу:
Нет работушки.

Между 17 и 27 апреля 1917

Е. Андреев

271. СИЛЫ

Я люблю, когда волнуются
Беспокойные моря,
Гребни белые красуются,
Бриллиантами горя.
Не волна с волною ссорится
В вихре бури роковой,
Чьи-то силы грозно борются,
Спор решая вековой,
Непокорная и гордая,
Жизнь могучая кипит,
В ней пылает вера твердая
И огонь живой горит.
С шумом в брызги разбиваются
Исполинские валы,
Кровью белой заливаются
Стены каменной скалы.
Не волна с волною ссорится
В вихре бури роковой,
Чьи-то силы грозно борются,
Спор решая вековой.

(4 мая 1917)

Д. Бедный

272. «ЕДИНСТВО»

Временное правительство, имеющее, как все мы знаем, не чисто пролетарский состав. . .

Г. В. Плеханов.
Газета «Единство», 13 мая

1. НЕ ЧИСТОЕ

Прилизано, примазано,
Куда как *чисто* сказано.
Живут министры, маются:
У двух — у трех считаются
Мильонами динарии, —
Все, в общем, пролетарии.
Рассажены на полочки
Министры — божьи пчелочки.
Уж так-то удивительно,
Уж так-то умилительно
Про них в «Единстве» пишется:
Прочтешь — и легче дышится,
Ну словно сладко-пряную
Сосешь росу медвяную.

2. ЧИСТОЕ

К правительству — «единственна»,
К большевикам — воинственна,
Газетка симпатичная,
Зело патриотичная,
На крайности не резвая,
Практичная и трезвая,
С прегибкой эрудицией,
С плехановской «позицией»,
С стремлением «аннексинским»,
С «товарищем» Алексинским,
С моралью сверхмещанскою,
С водицей. . . иорданскою.

Между 13 и 15 мая 1917

Я. Бердников

273. ЖЕРТВАМ РЕВОЛЮЦИИ

Борцы-печальники, служившие народу,
О мести вопиет на камнях ваша кровь. . .
Мир праху вашему. . . Вы пали за свободу,
За светлый мир, за правду, за любовь.
Неся свой стяг — стяг вольной колыбели,
Вы шли, могучие, врагам на страх. . .
Из тюрем сырых вы шли к заветной цели
С горящим факелом и светочем в сердцах.
Томились вы в цепях лихой невзгоды,
Под гнетом зла, расстрела и мечей,
Но час пробил — час мести и свободы,
И. . . пали вы от зверства палачей. . .
Мир праху вашему, сыны родной отчизны,
Безвременно погибшие в бою. . .
И этот день святой великой тризны
Пусть будет памятен во всем краю. . .

(17 мая 1917)

А. Соловьев-Нелюдим

274. КРОВАВЫЙ УРОЖАЙ

Мы недаром три года трудились,
Надрывались общими силами:
Миллионы крестов уродились
На кровавых полях, над могилами.

Царь с купцами работу затеяли.
Мы вспахали землю снарядами
И свонми телами засеяли,
А купцы нажились над подрядами.

Наши семьи вконец обеспечены,
Горемычных сирот не оставили. . .

Миллионы солдат искалечены,
Миллионы в могилы отправили.

Кровь и жертвы за счастье властителей,
За царя, за дворян, за купечество, —
Мы дрались во славу спасителя,
За свободу, за благо отечества. . .

Бьем таких же, как мы, одурченных,
Дисциплиной железною скованных,
Произволом, насильем захваченных,
Бьем за благо воров коронованных.

«Слава христолюбивому воинству!» —
В божьих храмах попы надрываются,
Нам награды сулят по достоинству,
Пред царем и пред богом стараются.

«И победу нам над супостатами»,
«Покорить их под ножи». Молитесь,
Божье слово гремит над солдатами,
Рай вам будет, чего ж вы боитесь?

Кровь невинных рекой разливалась,
Были скованы мысли народные,
Богатырские силы терялись,
Гнили в тюрьмах умы благородные.

Мать-земля, ты в крови захлебнулась,
Ты от трупов людей задыхалась. . .
Вот и сила народа проснулась, —
Знать, недаром ты, кровь, проливалась!

Колыхнулось знамя народное,
Развернулось зарей над полянами,
Прокатилась песня свободная
Над полями, от крови румяными.

Знать, недаром мы, братцы, старались,
Надрывались общими силами!

Вот теперь урожая дождался:
Миллионы крестов над могилами.

Над крестами заря развернулася,
Не заря, а свобода желанная,
Богатырская сила проснулася, —
Пробудилося полюшко бранное.

Но посев не закончен. Стараемся.
Урожай нам богатый предвидится,
Урожай мы собрать постараемся,
Пусть попы да купцы не обидятся.

(8 июня 1917)

А. М а ш и р о в

275. МУЖИЦКИЙ РАЗГОВОР

«Распрощались мы с невзгодой, —
Свата встретил сват Микита, —
Но под нынешней Свободой
Не собака ли зарыта?
В городах-то, погляди-ко,
Тюрьмы те же, что и были, —
Для свободы это дико,
Что бы там ни говорили.
Предположим, дружной силой
Мы возьмем от папа степи,
То кого, скажи-ка, милый,
Закуют немедля в цепи?»

— «Сват Микита, успокойся,
Не видать тебе острога,
И за барина не бойся:
Поумнел, вишь, барин много.
Господа пушают толки,
Предъявив свои мандаты,
Что живыми будут волки
И целехоньки теляты.

Ведь министры-демократы
Где-то плавают у неба,
А помещики-де рады
И земель нам дать и хлеба.
Все живут теперь свободно
Среди тьмы и среди света;
Бедняку, коли угодно,
Удавиться — нет запрета.
Вон торговцы на базаре
Хорошо заторговали:
Дуют цены на товаре,
Словно мыло на мочале.
Лишь на хлеб большая скидка;
Говорят, что хлеб не в моде.
А министры, сват Микитка,
Помешались на Свободе.
Обновленному купчине
Дана полная свобода —
По наследственной причине
Шкуру драть с всего народа.
Правду-матку фабрикантам
Не поет народный крик;
Наживаться коммерсантам
Сам Керенский не перечит».

— «Вот поэтому случáю, —
Молвил свату сват Микита, —
Я вторично замечаю:
Не собака ль тут зарыта?»

(10 июня 1917)

П. Арский

276. СОЛДАТСКАЯ БАЛЛАДА

За честь России-матушки
На бой идут солдатушки!
Идут без всякой жалобы,
Идут во что ни стало бы,

Идут они удалые. . .
А дома — дети малые
И жены их сиротные
Остались безработные.

Солдатушки-сударики
Грызут порой сухарики
С улыбкой беззаботною,
С водицею болотною. . .
Грызут без всякой жалобы,
Стрельба лишь не мешала бы, —
Привыкши дома смолоду
И к холоду, и к голоду.

В сраженьи, дело ясное,
Судьба солдат опасная,
Их губят пули меткие,
Кусают блохи едкие!
Порой под пулеметами
Они валятся ротами
И целыми отрядами
Под крупными снарядами,
За честь России-матушки,
Как мухи, мрут солдатушки.

За честь России-матушки
«Ура!» — кричат солдатушки,
Бегут на битву страшную
С врагами — врукопашную!
И порют, очумелые,
Друг другу груди белые,
Ложатся рядом группами,
Исколотыми трупами
За честь России-матушки
Несчастные солдатушки.

За честь России-матушки
Молельны служат батюшки,
Забыв Христа учение,
Зовут на ополчение!
Дают благословение

На дело избиения
И на меча подъятие,
Держа в руках распятие,
И верят слову батюшки
Наивные солдатушки.

Настанет время мирное,
И вся земля жирная
Минует вас, ребятушки,
Работнички-солдатушки!
Ее возьмут помещики,
А вы возьмете крестики.
Останетесь голы вы
За то, что клали головы
За честь России-матушки,
Отважные солдатушки!

1916

И. Садофьев

277. НА ПАШНЕ

У леса, за селом, седой старик Лука,
Без шапки, босиком, в дырявой рубашонке,
Качаясь за сохой, запахивал овес
На тощей, маленькой, лохматой лошаденке.

«Бог помощь, дед Лука!»

— «Спасибо, мил чалэк».

— «Овес посеял тут?»

— «Чай, видишь сам, родимый».

— «А плох уж стал ты, дед, — согнулся, поседел,

А помню, был здоров, как дуб несокрушимый».

— «Не диво! Будешь плох... Остался вот один:

Детей, Микешку с Власом, на войне убили...

А я вот тут живи да казись на сирот...

Э-эх! душа, сгубили нас, совсем сгубили...

Ну... как тут жить теперь? .. бяда... Бел свет

не мил! ..

Хоть в петлю лезь, в удав... Аль с камнем в воду,

што ли...»

— «Опомнись, дед! Грешно... Смотри на божий мир:
Тут — солнце, птицы, глубь небес, простор,
раздолье...»
— «Ты во-он про что!.. А я-т тебе про нашу жисть,
Про бедствие людское, про народ побитый...
Гляди-ка в поле кто? Старик Сафон да я,
Да мальцы, всё лишь мальцы... Ишь как красовито!
Не это ль пахари? Э-эх, кормилец мой,
Голодный будет год... Земля-т и та страдает...
Послухай, стонет как об пахарях своих, —
Монашкой черною остаться обещает...
Не смейся, мил! Она как молодуха ведь:
Родит для тех лишь, кто ее как след уходит.
А мы-то что? безлюдье. Ну... каки мы? стар да мал.
А тут примета... птица... Грач тоску наводит:
Грачей, вишь, в поле нет — не будет и снопов.
Э-эх! не знаешь ты мужицкой горькой доли,
Не знаешь... Э, да што! —
Лука взмахнул кнутом. —
Ну-ну, каянна, эк уперлась...
Да ну же, што ли».

1916

И. Логинов

278. ТОЖЕ «СВОБОДА»

Закреты газеты «Правда»
и «Окопная правда».

(Из газет)

Свобода слова и печати
Не для эс-де (большевиков),
А для бульварно-грязной рати:
Для «Трепачей», «Без лишних слов»
И вообще для всех газет,
От коих бедным пользы нет.

Между 8 и 15 июля 1917

279. БРАТАНИЕ

В Швейцарии на днях происходил тайный съезд австрийских, французских, германских и английских финансистов для обсуждения условий мира.

(Из газет)

Чтоб за позорную войну
Рабочим в плен не сдаться,
Тайком в нейтральную страну
Явились мы брататься.

Для нас отечество — овца,
А родина — коровка.
От первой — шерстка для купца,
Второй — сырку головка.

Пускай дерутся бедняки
И все социалисты,
Но не такие дураки
Акулы-финансисты.

Чтоб за позорную войну
Рабочим в плен не сдаться,
Тайком в нейтральную страну
Явились мы брататься.

(8 августа 1917)

280. ЛЕВОЙ! ПРАВОЙ!

Бывшему министру юстиции Щегловитову разрешено читать журналы «Право», «Юридический вестник» и другие юридические издания.

(«Русская воля», № 136)

Дай-ка выпишу я «Право»
И начну читать с рассветом,
Чтоб заделаться кадетом. . .
Щегловитов: левой! правой!

Курс кадетский хоть и трудный,
Но зато увенчан славой.
Проходил его Зарудный. . .
Щегловитов: левой! правой!

Сдам экзамен чрез неделку, —
Закричат кадеты «браво».
В милюковскую купельку
Щегловитов: левой! правой!

Между 7 и 15 августа 1917

И. Садофьев

281. В ТЮРЬМЕ

Захлопнул дверь за мной республиканец новый,
Вот щелкнул он замком. И смолкло всё кругом.
Свободный гражданин — в тюрьме и под замком. . .
Союзный дипломат взял в плен Свободу Слова.

Но не страшна тюрьма — насилия основа —
Тому, кто непрерывно вел борьбу с врагом,
Кто праздновал свою победу с торжеством,
Разбив кровавый трон и рабские оковы.

О новые враги! И ваш разрушим трон.
Тюремщик пусть, глумясь, звякает ключами,
Смеюсь я над вашей злобой и над вами!

Я слышу, за тюрьмой растет мятежный звон,
Проклятья вам, войне летят со всех сторон.
Опять в борьбе победа, знаю я, за нами.

1916 — август 1917

Д. Бедный

282. МОЛОХ

Полюбуйтесь на банкира,
Почему он против мира.
У чудовища Молоха
Он устроился неплохо.
У Молоха пасть раскрыта —
Род бездонного корыта.
Всех сожрал бы он живьем.
— *Подпишитесь на заем!*

(22 сентября 1917)

Антоний Сычев

283. ВОЙНА

Который год языческая треба...
Зачем мой серп над житницей сверкал?
Зачем над коркой нищенского хлеба
Собачьим кашлем кашляет квартал?

Холодный дождь нам пробивает спины
И убивает сгорбленных старух.
Ведь целый мир от голода опух,
И мы дрожим, как чахлые осины.

Я видел кровь израненных голубок
И гибель тех!.. О брат, скажи,
Доколе зреть кровавые ножи,
За смертью смерть или живой обрубок?

Все площади усеяли калеки...
Глаза слепит свинцовых вихрей пыль,
И с каждым часом тяжелее веки,
И нестерпимо шаркает костыль... .

А гибнуть нам *приказано* спокойней.
Изранен ум, душа возмущена...

Поймите же — измучена страна,
Оскорблена нечеловечьей бойней!

(24 сентября 1917)

В. Кириллов

284. ГРЯДУЩЕЕ

Эту песнь зари грядущей
Я дарю вам, люди-братья.
Много тьмы глухой, гнетущей
В наших душах. . . О, проклятье
Дням суровой, рабской доли,
Дням мертвящим! К солнцу, к воле,
К жизни яркой и достойной
Человека

Я зову вас песней стройной
Наступающего века.
О, довольно этих черных
И голодных, подлых дней.
Этих нор, углов холодных,
Этих жалких, несвободных,
Бледных, сумрачных теней.
Пышной радугой огней
Озарим дома, кварталы.
Пусть заплещут ярко-алы
Зори сказки небывалой
И погибнет злобный мрак.
Будет так.

Скажем твердо, скажем смело:
Слов довольно, больше дела!
Мы, работники, всё можем.
Недра мира потревожим,
Всё достанем силой властной,
Всё постигнем мыслью страстной.
Волей гордого труда
Мы воздвигнем города,
Грез пленительных прекрасней;
Нужно только, чтобы взоры
Пламенели и горели,

Чтобы песни-метеоры
В даль грядущего летели,
Чтобы жаждою упорной
Запылали все сердца:
Раздробить, разбить позорный
Гнет проклятый до конца. . .

Мир чудесный, мир безбрежный
Никогда не оскудеет,
Солнце-мать любовью нежной
Сердце каждое согреет.
Хватит всем и женской ласки,
И цветов душисто-алых,
Вспыхнет радость вечной сказки
На земле, залитой кровью,
И великою любовью
Загорится каждый взор.
Человечества позор —
Страшный гул войны кровавой
В вечность темную уйдет,
И в лучах великой славы
Солнце новое взойдет.
И когда, суров и строг,
С неба взглянет древний бог
И увидит мир иной,
Скажет с грустью и тоской:
«Люди сами стали боги»,
И уйдет в свои чертоги
На покой.

(31 октября 1917)

Неизвестные авторы

285. «МОНОЛОГ» КЕРЕНСКОГО

(У Петергофских фонтанов)

Тень Баденге меня усыновила,
«Диктатором» у гроба нарекла,
Вокруг меня *Советы* возмутила,
Большевиков на свет произвела.

Правитель я! Довольно! стыдно мне
Перед Советами позорно унижаться.
Разрыв навек: в игре войны кровавой,
Судьбы моей обширные заботы
Последний стыд, надеюсь, заглушат.
Теперь иду, — погибель иль венец
Мою главу в России ожидает.
Найду ли смерть «на подступах к столице»,
Иль в Петропавловке покой я обрету.
Ах, всё равно, я знал, на что иду,
Когда, назло большевикам охочим,
(Пускай кричат, что это был скандал!)
Я Церетели признавал рабочим,
Авксентьева ж — крестьянином признал.

Спущенный Военно-революционным комитетом занавес падает
и прихлопывает декламатора.
Остается мокрое место.

Конец октября 1917

286. СОЦИАЛИСТ-РЕВОЛЮЦИОНЕР

(Правый)

Был он красным, был эсером
Ярко-пламенным, как солнце...
Стал он бледным, желто-серым —
Шовинистом, оборонцем.

За трудящихся когда-то
Он с буржуями сражался...
Стал защитником богатых,
К ним в прислужники нанялся.

Обещал народу волю,
Обещал ему и землю,
А дает — живым неволю,
Жертвам Керенского — землю...

Был он красным, был эсером,
Стал он бледным, желто-серым.

(3 ноября 1917)

Неизвестный автор

287. СОЛДАТСКАЯ ЖИЗНЬ

Не в тюрьме и не на воле —
Эх, солдатское житье!
В горемычной нашей доле
Знаешь ругань да ружье.
Раным-рано на ученье,
День-деньской всё на ногах,
Ночью душною мученье,
Всё тоскуешь в тяжких снах.
На деревне только голод,
Да болезни, да нужда,
А в окопах смерть и холод —
Эх, солдатская беда!
Не в тюрьме и не на воле —
Эх, солдатское житье!
Покоримся ль нашей доле,
Коли есть у нас ружье?

1915 — 1916 (?)

Н. Тихомиров

288. РАНЕННЫЙ

Он лежит во рву и стонет,
Льется кровь из черных ран.
Лес во мгле вечерней тонет.

По земле ползет туман.
А вдали пальба рокошет,
Пышут взрывы, режут мглу,
Смерть над трупами хохочет,
От пожарищ вьет золу.
И солдат умчался думой
В край родимый, где семья,
Хаты, речка, лес угрюмый
И безбрежные поля.
Вот жена с тоской во взоре
Смотрит в тусклое окно,
Вечно чует сердце горе —
С милым жить не суждено.
За кого он гибнет в битве?
С кем он бьется? Вот вопрос...
Ищет он ответ в молитве,
Топчет боль в потоке слез.

(18 мая 1917)

Б. Ганцев

289. В ОКОПЫ, ДЕЗЕРТИРЫ!

Заводчики, купцы, помещики, банкиры
Укрылись от войны... «В окопы, дезертиры!»
Свободу здесь в тылу за деньги вы купили,
За счет народных сил миллионы сколотили.

Довольно грабить вам, в крови людской
купаться,
Петь гимны о войне, травить и наживаться.
Обманом на убой вы, как скотов, нас гнали, —
Миллионы лучших сил от вашей травли пали...

Веками в кабале мы вашей изнывали,
Веками во дворцах с царем вы пировали...
Довольно! Под ружье, помещики, банкиры,
Заводчики, купцы... «В окопы, дезертиры!»

(31 мая 1917)

И. Логинов

290. РЕСТАВРАЦИЯ

..5 июня 1917 года на Ивановской улице, у стен редакции «Русская воля» впервые в республиканском Петрограде была реставрирована казачья нагайка.

(«Новая жизнь», № 44)

Не время петь винты и гайки,
Не время гимн слагать машинам,
Когда казацкие нагайки
Гуляют по гражданским спинам;
Когда на Невском, как и прежде,
Для пролетария нет спуску,
Где за прямой ответ невежде,
Как при царе, ведут в кутузку.
Долой болты, лекалы, гайки.
Долой всё производство!
Да здравствует господство
Нагайки!

Между 9 и 23 июня 1917

291. ВОЯКИ

Керенский распорядился выдать
пятьсот штук ружей первому женскому полку.

(«Русская воля»)

Есть винтовки, есть и пушки,
Есть гранаты и штыки.
Есть и воины-старушки...
Только свистнуть — и полки.

(2 июля 1917)

Вместо радостной свободы
Кнут, нагайка и петля.
Разгружаются заводы.
Мужичкам — ау! — земля.

Учредителей собранье
Отложили, — не беда!
А кадетов совещанье
Соберем мы вмиг всегда.

Не хотим народовластья, —
Есть Корнилов-генерал.
Ведь под игом самовластья
Русский люд весь век живал! . .

(23 августа 1917)

В. Невский

293. ЗА РЕШЕТКОЙ

Тюрьма, решетка, часовой
Всё те же каждый день. . .
Ну, что ж, в душе огонь живой
Унынья гонит тень.

Пускай смеются богачи,
Пощады не прошу. . .
Пускай грозят нам палачи,
В душе я месть ношу.

Да будет жить в душе борьба!
Взовьется красный стяг!
Для робких душ пускай мольба,
Нас ожидает враг!

(19 сентября 1917)

И. Догин

294. ЧАСТУШКИ

Соглашательский азарт
Факт, а не утопия. . .
Был в Париже Бонапарт,
В Петрограде — копия.

Голосок я слышу женский,
То поет эсерочка:
«На окраинах — Керенский,
А на Невском — Керочка».

Средь рабочих разных стран
Ширится движенье,
Даже русский Либердан
Терпит поражение.

Несмотря на вой и крик
В уличных газетах,
Побеждает большевик
В Думах и Советах.

(30 сентября 1917)

295. ОПЕКА

Союзные шовинисты мечтают о
взятии России под опеку.

(Из газет)

Помоги нам, мать божия,
От опеки увильнуть,
И с мирского бездорожия
На шоссе Труда свернуть.

(5 октября 1917)

И. Ионов

296. ПО СЕНЬКЕ И ШАПКА

По сведениям из газет, Савинков
причисляется к казакам.

У врат Марийнки стоит одиноко
Корниловский козырь — эсер,
И дремлет, качаясь, и ложью покрыт он,
Как грязью запущенный сквер.

И снится ему, что на бедной кобыле
В том крае, где нежится Дон,
Он в чине хорунжего скачет ретиво,
Любуясь на свежий погон.

{24 октября 1917}

297. ДА БУДЕТ!

Пусть крик мятежный: «Мир!» — несется
Над гулом хмурых городов,
Пусть им, как пламенем, зажжется
Семья солдат и батраков.

Пусть над пустынными полями
И тихим мраком деревень
Пройдет с горящими глазами
Любви замученная тень,

Пусть загорятся верой новой
Сердца усталых, — и тогда
Порвет последние оковы
Стальная армия труда.

Взойдут алеющие зори
Над отдохнувшей землей,
И затрепещут на просторе
Знамена воли мировой.

{28 октября 1917}

Горят они порывами. . .
Заражены все манией,
Босфорскими проливами,
Разгромами Германии.
Их страсти разгораются, —
Погружены подсчетами. . .
Вот эти называются,
Примерно, «патриотами».
Вся ж наша демократия
И флот весь без изъятия,
Окопные страдатели,
Наоборот — предатели.
Вот смысл всей их политики,
Буржуйной прессы, критики,
Продажных всех писателей,
«Отечества спасателей».

(1 ноября 1917)

Г. Савчук

299. НАРОД ВОСКРЕС

«Христос воскрес» — поют в церквах.
«Народ воскрес» — поют в домах.
Поют на улицах, в садах.
И отвечает эхом лес:
Народ воистину воскрес!

(6 апреля 1917)

В. Потехин

300. МАТЬ И СЫН

Прощай, родная, не тоскуй!
Не плачь. . . не плачь. . . не надо. . .
Перекрести и поцелуй,
Иду на баррикады.

Я не могу остаться. . . Нет!
Там братья умирают. . .
Пусти меня. Уже рассвет.
Ты слышишь? Там стреляют.

Куда ж, родная, ты? Постой!
Простимся у ограды.
Мать, ты со мной. . . И ты со мной —
На смерть, на баррикады?!

И ночь прошла. . . Раздался гром
Последней канонады,
И положили их вдвоем. . .
Вдвоем у баррикады.

(13 апреля 1917)

И. Зверьков

301. ПРОХОЖИЙ И СОБАКА

(Басня)

*Посвящается памяти
покойной полиции.*

Прохожий у ворот одной богатой дачи
Увидел пса и, чуть не плача,
Сказал: «Ах, братец мой!
Зачем такой ты злой?»
И почему ты всех людей кусаешь без разбору?
Ведь это допустимо только к вору,
И то в ночную пору.
А зря людей кусать как будто неприлично. . .»
— «Мне безразлично, —
Ответил пес, —
И ваш вопрос,
Сказать по правде, неуместен:
Не наше дело разбирать, кто плут, кто честен.
Наш долг известен:
Облаять, не пустить
И, если нужно для порядка, — укусить.
Пусть честных от воров хозяин различает, —
Он это дело лучше знает,
А у меня и без того работы много».
Тут, ухватив прохожего за ногу,
Принялся пес рычать и лаять шумно.
«Вот это умно!

Сказал хозяин из окна, —
Здесь ясно преданность видна.
Гей, псу за это
Купить ошейник к лету!»

Что здесь еще сказать поэту?
Одно могу сказать,
Что трудно ожидать
Пощады от того,
Кто, не жалея никого,
Кусает без разбора:
И честного, и вора.

(16 апреля 1917)

Л. Краси н

302. БАСНЯ ПРО КАДЕТА

По газетным сведениям, в Мос-
кве кадеты для выборов объедини-
лись с октябристами, промышленни-
ками и московским купечеством.

Собрались как-то на совет
Солдат, рабочий и кадет.
Потом еще кой-кто пришел,
Купец московский подошел;
Ну, ясно, кто куда держал,
Что каждый к злобе дня сказал.
«Народу власть всю без изъятья!
И всем Романовым проклятье!» —
Вскричал рабочий громче всех.
Купец прошамкал: «Вот-те грех!»
Солдат, угрюмо брови сдвинув,
Сказал, глазами всех окинув:
«Довольно все мы уж страдали,
Довольно кровь мы проливали,
Пора кончать! Убийства брата
Мы не хотим во славу злата,
На пользу тучных богачей, —
Остановите звон мечей!»

В ответ изысканно слащаво
Кадет держать стал слово справа:
«Вы, гражданин солдат, и вы, милейший друг рабочий!
Я не смогу никак вам высказать короче,
Во что я верую, где правду нахожу дипломатическим
умом,
Когда пытливым взором вас я обвожу кругом.
Скажу одно: по-своему вы правы каждый,
Но не забудьте же, что долг свой важный
Пред родиной свершает и купец,
Когда, собравшись с силою и на худой конец,
Он строит фабрику, чтоб труд вам дать.
Мои друзья! Его степенство — ведь не тать!» —
Сказал кадет.
Ему в ответ:
«Вот лисий хвост!»
— «Какой там хвост, — прохвост!»
Тогда купец, в наивности святой,
В защитный цвет кадета выкрасил такой:
«За что же лаять так бесславно!
Кадету я плачу исправно.
Свою он службу мне справляет
И в мой лабаз немало публики сзывает!»

А басни нашей смысл такой,
Совсем простой:
Куда кадет шаги ни направляет,
К купцу в объяття неизменно попадает.

(13 мая 1917)

Ф. Ш и ш к и н

303. НАБАТ

Выходи на площадь снова,
Созывай скорее сход,
Бей в набат — вся Русь готова
На борьбу идти вперед.
Весь народ!

Пусть на голос звонкий, медный
Соберутся к нам друзья,
Пусть затахнет гимн победный
Из привольного житья

Вся семья.

Пусть несется звон по полю
Над угрюмой, злою мглой.
Вырвем землю, вырвем волю,
Не смирится с кабалой.

Прочь, долой!

Бей в набат, друзья стекутся,
Звон услышав с каланчи,
В темном ужасе проснутся
Богачи и палачи.

Эй, кричи!

(13 июня 1917)

Леонтий Котомка

304. БУРЖУАЗНЫЙ СТУДЕНТ

Кошелек отцов спасая,
Речи страстные пою
И, эсдеков упрекая,
Клевету на них плету.
В дни реакции ужасной
За карьеру я дрожал,
А теперь с порывом страстным
За «свободу» гордо встал.
Ах, теперь ведь безопасно
Речи вольные твердить;
О «свободе» можно гласно,
Можно красно говорить.

Я не бедный, не богатый,
В сердце — только идеал;
Я — отважный, тороватый,
Разрешили — я и встал.
Я, конечно, за победу,
За победу до конца,
Хоть на фронт я не поеду,
Не отведаю свинца.
Ах, теперь ведь безопасно
Речи вольные твердить;
О «свободе» можно гласно,
Можно красно говорить.

(11 марта 1917)

В. Валуев

305. ГИМН КАДЕТОВ

Разве мы не демократы?
Разве мы не цвет страны?
Все наживой мы богаты
От «навязанной» войны.

Мы воюем за свободу
Всех униженных племен,
Мы не чтим пустую моду —
Этот красный цвет знамен.
Лозунг наш остался старым:
Биться с немцем без конца,
Охватить страну пожаром,
Мечь привить во все сердца.

Подвиг наш весьма красивый:
Увеличится страна, —
Даст нам земли и проливы.
Бесконечная война.
Если лягут миллионы
Жертвой наших барышей,
Если слышны будут стоны
Голодающих людей, —
Всё ведь это маловажно:
Эта бойня — наш кумир.
Мы несем с собой отважно
Меч народам, а не мир.

Смело к битве призываем
Всех рабочих и крестьян,
Их руками загребаем
Барыши себе в карман.
Всё для бойни! Эту повесть
Мы твердим из часа в час,
Мы свою продали совесть,
Чтоб пожар войны не гас.

Разве мы не демократы?
Разве мы не цвет страны?
Все наживой мы богаты
От «навязанной» войны.

(23 марта 1917)

Неизвестный автор

306. НАШИ ПАРТИИ

КА-ДЭ

Он в разную погоду — и честь ему и слава —
То молится налево, то молится направо.
О, хитрая лисица с хвостом красивых фраз,
Политики отменной ты ловкий ловелас.

МЕНЬШЕВИК

Мой лексикон лишь сон,
Лишь сказка прежних бурных дней,
Но нет теперь в душе моей
Тех светлых радостных идей.
И сила вся моя в словах,
Но не в стремленьях, не в делах.

СОЦ-РЕВОЛЮЦИОНЕР

Я — пестрый, пестрый арлекин,
Арены новой жалкий сын.
Я землю, равно и свободу,
Отдать хочу. . . кому? . . . народу,
Но надо. . . надо обождать,
А то взволнуется владельческая рать. . .

(6 июня 1917)

С. Лесной

307. СТАРАЯ ПЕСНЯ

Открывай мошну, крестьянин,
Подпишись-ка на заем.
Ты — мужик, а я твой барин, —
Мы по-братски заживем.
По привычке в поле с сошкой
Будешь плечи нагревать.
Я, твой барин, сяду с ложкой,
По привычке, пировать.
Занят думой ты дурною —
Землю барскую отнять,
Но министр дружит со мною,
Говорит вам: «Подождать!»
Прежде, мол, войну окончим
И Собрание созовем,
О земле, между прочим,
Разговоры поведем.
По оценке справедливой
Я готов вам уступить,
Проведем закон на диво, —
Будешь жить и не тужить.
А пока твои ребята
Пусть в окопах посидят,
Пусть голов своих солдаты,
Наступая, не щадят.

(18 июня 1917)

Леонтий Котомла

308. В ДНИ ТРЕВОГИ...

В дни тревоги, испытаний
Надо твердым быть,
Надо мощь своих желаний
В дело претворить.
Надо вольные мотивы
Радостью встречать.

Надо зову коллектива
Душу всю отдать.
Надо смелыми делами
Море душ зажечь,
Ярко-алыми мечтами
Всю украсить речь.
В дни тревоги, испытаний
Смелою толпой
От гнетущих мук, страданий —
К правде мировой!

27 июня 1917
Замоскворечье

А. Гмырев

309. АЛАЯ

Мы идем навстречу солнцу. Мы идем
И свободе песню алую поем.
Алым звоном над землей гудит она,
Пробуждая, ужасая, как война.
И сзывая гордых сердцем и душой,
Мощно льется наша песня над землей.
Мы идем навстречу солнцу, мы идем
И свободы знамя алое несем.
Кровью солнца мы окрасили наш стяг,
И горит он, побеждая вещей мрак.
Креп по павшим — стяга черное древко.
Хорошо нести нам знамя и легко.
Мы идем под алым стягом, мы идем
С алой песней, алым солнечным путем.
Труден путь наш, полный терний и смертей,
Но зато он самый алый из путей.
Длинен путь наш, непрерывный, вековой,
Но зато он самый чистый и прямой.
Нас немного, нас немного, но в пути
К нам примкнут борцов мильоны, чтоб нести
Наше бремя, наше знамя, волю, кровь.
Мы безумны, но бессмертны, как любовь.

Так долгой же плач и отдых у могил!
Дальше, дальше все, кто солнце полюбил.
Мы идем навстречу солнцу, мы идем,
Мы идем и знамя алое несем.

Конец 1906 — начало 1907 (?)

А. Соловьев-Нелюдим

310

Грустны песни твои, пролетарский баян,
Песни горя, надежд и свободы,
Но и гневны они, как седой океан,
Разгулявшийся в час непогоды.

Не вино, не любовь пресыщенных людей,
Не цветы в наших песнях цветут,
Нет, — в них слышится звон вековых цепей,
В них страданье и горе живут.

Еще много борьбы, еще много тревог,
Чтоб о счастье и радости петь,
Слишком много еще не пройденных дорог,
Еще много нам горя терпеть.

Но мы верим в людей, верим — солнце взойдет.
Верим мы, что не вечны туманы,
За кровавою мглой, верим, счастье нас ждет.
И... веселую грянут баяны!

(24 августа 1917)

А. Карсевич

311. КОНТРАСТЫ

Раскрылись двери тюрьмы, и седой
Выходит сановник под ручку с женой.
Опора царизма, казвивший народ,
От кары свободный, он гордо идет.

Навстречу счастливым — рабочих вожди,
Идут под конвоем. . . войска впереди.
Тюремные стены во мраке теней
Глядят с изумленьем на новых гостей.

(17 сентября 1917)

Неизвестный автор

312. СКАЗКА ПРО СТАРОГО ВОРОБЬЯ

Старый вор-воробей,
Птичий кум Берендей,
На заборе
В страшном горе,
Весь нахохлившись, сидел,
Чик-чирикал и смотрел,
Как у маленькой лавчонки
Бабы, мальчики, девчонки
Друг на друга опирались
И в лавчонку пробирались.
А прохожий весь народ
Называл это «черед».

Никогда-то воробей,
Птичий кум — наш Берендей,
Не видал среди людей
Никаких очередей.
Прежде всюду у окошек
Были кучи разных крошек,
А теперь поди-ка, клюнь!
Жизнь выходит — прямо плюнь!

Стосковавшись,
Сголодавшись,
Полетел наш воробей
Мимо сел и деревней;
Но — везде одно и то же:
Люди стонут: «Дай нам, боже,
Хлеба, сахару, махорки,
Ситцу, спичек и опорки!»

Бог на это им в ответ:
«У меня товару нет.
Если дождичка вам нужно,
То служи молебны дружно,
Ну, а прочий весь товар
Он в руках у всяких бар».

(12 октября 1917)

С. Кошкар

313. ПЕСНЯ КОЛОСЬЕВ

Нас много, нас много поднялось на ниве!
Под радостным солнца лучом
Колышутся волны, горят в переливе
Колосья веселым огнем!

Нас много, нас много, ряды за рядами. . .
Куда бы ни кинули взор,
Мы всюду сплотились, смеясь над врагами,
И заняли поля простор!

Нас много, нас много. . . На пашне мы встали
И дружно мы песню поем:
Не страшны нам бури и нет нам печали,
Что срежут нас завтра серпом!

Нас много, нас много! Пусть вяжут жгутами,
Погибнем, нам смерть не страшна!
Мы снова поднимемся дружно рядами,
Лишь только вернется весна!

Нас много, нас много! Колышутся нивы. . .
Повсюду простерлись ковром. . .
И дружно в ответ нам кричат переливы:
Нас много, нас много кругом!

(26 октября 1917)

А. Богданов

314. ПЕСНЯ О КРАСНОМ ЗНАМЕНИ

Матери и жены, девушки-работницы,
Юные, прекрасные!..
Из шелков багряных,
Из полотен рдяных
Сшейте знамя тонкое, сшейте знамя красное!

Не слезой бездольною, не рабы безгласные —
Смелые и вольные
Светлым чистым бисером
Уберем то знамя, знамя правды красное!..

Честь отдай, товарищ, как борцу и брату, —
Честному солдату!..
Сильными руками
Поднимайте знамя, —
Знамя правды красное!..

Пойте славу знамени! Выше взвейся, красное!..
Пусть тебя осветит солнце утра ясное,
Ветер заколышет,
Розами запышет...
Здравствуй, утро ясное!.. Здравствуй, знамя
красное!

(23 марта 1917)

С. Лесной

315

Прорезали воздух гнетущий
Призыва палящие звуки,
И к жизни свободной, грядущей
Простерлись могучие руки.

И лопнула цепь вековая,
И с шумом посыпались звенья,
И всюду, от края до края,
Зажглася заря обновленья.

(25 марта 1917)

316. ПЕРВОЕ МАЯ

Горопись, блузник бледный,
Гей, работница, спеши!
Вешним ласкам гимн победный
Пропоем от всей души!

Поднимайте выше знамя
Братства, Равенства людей!
Раздувайте дружно пламя
Светлых, радостных идей!

(18 апреля 1917)

317

Туманные дали
Манили и звали
Вперед и вперед!

И песни их дивной
Напев переливный
Сулил новый год!

Сулил упоенье
В лучах обновленья
Грядущей весны!

Сулил колыханье
И говор признанья
Любимой волны! . .

(21 мая 1917)

318. РАССПРОСИ ЕГО

Огонек в избушке светел,
Под окном светло;
Что стучится странник-ветер?
Что ему взбрело?
Может быть, водицы кружку
Просит дать испить?
Что стучится он в избушку —
Надо расспросить.
Может быть, он детям сказку
Хочет рассказать?
Иль вестей неожиданных связку
Людям передать?
Может быть, с правдивым словом
Ходит по избам?
Может быть, о жизни новой
Весть принес он нам?

(21 мая 1917)

А. Богданов (?)

319. ТОЛКИ И КРИВОТОЛКИ

К е р е н с к и й
Долой братание на фронте!

П л е х а н о в
Да здравствует братание в тылу!

М и л ю к о в
(себе на уме)

Того гляди, до Геллеспонта
Дойдут «товарищи» в пылу.

Р о д з я н к о
(про себя)

А Думе — быть на горизонте,
Чтоб светить правому крылу...

(24 июня 1917)

Николай Комиссаров

320. ИЗ ДУМСКОЙ ЖИЗНИ

За отказом г-на Голубева от звания головы, на заседании 22 июня выбран крупный землевладелец И. П. Бурков. Это по счету уже третий голова. Согласиться последний мог лишь с тем условием, что за все время полевых работ на заседаниях Думы присутствовать он не будет. Состав Думы явно буржуазный, более чем наполовину из крупных капиталистов и их прихвостней.

Безвре́мье... безголове...
С головой без головы!..
Думе нашей как бы вдове
Суждено житье... увы!..

Прослужил один лишь с месяц,
Отказался и второй, —
Наш злосчастный мелекессец
Ходит сам теперь не свой...

Даст же бог ведь вот заботу,
Бейся хоть до Покрова:
Третий уж теперь по счету
Избран нами голова!..

Уж просили мы, просили,
Уж и этак мы и так,
Наконец уговорили,
Уломали кое-как.

Да и этот лишь условно,
За оказанную честь
Одолженье сделал словно;
Согласился в кресло сесть.

Вечно та же оговорка,
Что страдная, мол, пора,
Скоро, мол, хлебов уборка,
У меня, мол, хутора. . .

Хоть и мог он согласиться,
Да надолго ль? — Вот вопрос!
Кто нам может поручиться,
Что наш Бурков не. . . того-с? . .

Правда, есть и заместитель,
Место будет занято, —
Бывший то письмоводитель,
Да ведь это ж всё не то! . .

Много чести, как хотите,
Черт ли так и ублажать? . .
«Сколько волка ни кормите,
Всё же в лес ему сбежать!»

Безвре́мье. . . безголове. . .
С головой без головы!
Думе нашей как бы вдове
Суждено житье. . . Увы!

(5 июля 1917)

М. Герасимов

321. СКОВАННЫЙ

Меня веригою железной
Сковал Обуховский завод,
А белой ночи свод беззвездный
В таинственную даль зовет.

В неугасающем пространстве
Пожар полярный отражен,
На новый путь тернистых странствий
К миражам млечным манит он.

Я бился, скованный, бескрылый,
Весь черный, в угольной пыли,
Моих порывов тают силы
В дыму, где горны расцвели.

Хотел бы любящим предтечей
В благословенный мир глядеть;
На труб потушенные свечи
Любимым голубем взлететь.

В столице, над своей темницей,
Кружусь в изменчивой игре,
То был приколотою птицей
На Петропавловской игле.

А там, у недоступной грани,
Восходит красная заря,
И к пристаням иных скитаний
Душа бросает якоря.

(13 августа 1917)

322. ВЕСНА

Весна, а в заводском поселке
Клубится дым, угар и чад,
Затравленные, словно волки,
Машины воют и рычат.

Среди испуганных домишек,
Как троны мрачных королей,
Вздымаются громады вышек —
Они царят среди полей.

И в неумытые оконца
Ползет туманом черным пыль,
В них ясное не взглянет солнце,
Приветно не кивнет ковыль.

Когда же выглянет неожиданно
Лазурь в междымное окно,
Косматый дым взметнется странно,
И тухнет светлое пятно.

В кустах растрепанной сирени
Дрожит зачахнувший цветок,
А вместо соловьиных пений
Кричит надрывисто свисток.

И лишь усталые шахтеры,
Из черных вылезая нор,
Бросают радостные взоры
На дымно-блещущий простор.

(17 августа 1917)

323. НА ЗАВОДЕ

Мы смотрим в сварочные печи,
Где в урагане плачет сталь,
Бросая пламенную шаль
На грудь, на голову и плечи.

И тает мозг, сгорает сила,
Как воск затепленных свечей,
И плещет золотой ручей.
Потоком огненного ила.

В стропилах пляшут дым и тени,
И чей-то злобный слышен хохот.
Под неустанный лязг и грохот,
Дрожа, сгибаются колени.

Но будет час, мы вырвем пламя
Из раскаленного горна.
Взбурлит рабочая волна,
Восстав под заревое знамя.

(18 августа 1917)

324. МЕЧТЫ В ДЫМУ

Кругом — сады, леса и Волга,
И Волга милая зовет.
Дома мещанского поселка,
Самарский трубочный завод.

Зовет рабочие лачуги,
Зовет сердца в степную ширь,
Туда, где в огневой кольчуге
Шагал по взгорьям богатырь.

Где Разин да степные птицы
Кружили вольно над рекой,
Теперь — чугунные темницы
Воздвигли собственной рукой,

И труб заводских частоколом
Мои мечты обнесены.
Фонарь глумливым ореолом
Играет в кирпичках стены.

Вверху два кулака цистерны
Насмешливо грозили мне,
Змеился дым чугунно-серный,
И мысли таяли в огне.

Мы — скованные длинной цепью,
Мы каждый — ржавое звено,
А там над озаренной степью,
Как знамя, солнце взнесено.

Моя душа стремилась долго
К скрижалям пламенных свобод.
Я вижу: как весной Волга,
Плывет торжественно народ,

Освобожденный и великий.
Я вижу пролетарский лик,
Я слышу: радостные клики
Слились в молниеносный крик.

Весь огневой, бегу с кургана,
Вновь чую негу волжских струй,
И нас, как прежде великана,
Былинный ветер, очаруй. . .

. . .Кругом леса, цветы и Волга.
Мечта в миражевом дыму.
И от мещанского поселка
Вскрылить бы к солнцу твоему.

(20 августа 1917)

325. ЧАЙКИ

Ночное небо сине-ало,
Собор Казанский хмуρο спал. . .
Как много жгучих звезд упало
В Екатерининский канал.

Там в тине золотые стайки
Неугасимые горят,
Здесь — обескрыленные чайки,
Ночные девушки стоят.

Хотелось бы душою слиться
Там, в искрометной глубине.
Здесь нарумяненные лица
Дробятся в неживой волне.

Я слышу шепот: «Милый, милый!»
Охрипший голос жалко звал,
И грузно чайкою бескрылой
Упал в проржавленный канал.

Вы мне — безгрешные мадонны. . .
Я обездоленных любил,
У Александровской колонны
Вас также город пригвоздил.

Печальны страстные призывы
И взмах разбитого крыла,
Когда в полях вселенской нивы
Звезда свободы расцвела.

Ночное небо ярко-синие,
Душа в объятьях красоты.
А вы на петроградской тине —
Отравно-желтые цветы.

(25 августа 1917)

В. К у й б ы ш е в

326. ГРЕЗЫ

Не прими за усталость, не сочти за измену
Ты, вместилище силы, мощный город-магнит.
Завтра снова с тобою, завтра снова надену,
С бодрым криком надену все доспехи для битв.

Но сейчас я вне боя, но сейчас я мечтаю,
Я мечтаю вдали от друзей и врагов.
Предо мною равнина без предела, без краю.
Нет предела для солнцем залитых снегов.

По тропинке из блесток, по жемчужной тропинке
Мы идем встречу солнцу, полны радостных грез,
И кристаллики снега, искровые снежинки,
У нее на ресницах и на кудрях волос.

Улыбается солнце, светят смехом снежинки,
Улыбаются солнцу искры сердца и глаз.
Всё молчит. Кругом солнце. Мы идем по тропинке,
По тропинке из блесток, где рубин и алмаз.

1915

327. МОРЕ ЖИЗНИ

(Настроения прошлого)

Гей, друзья! Вновь жизнь вскипает.
Слышны всплески здесь и там.
Буря, буря наступает,
С нею радость мчится к нам.

Радость жизни, радость битвы
Пусть умчит унынья след.
Прочь же робкие молитвы,
Им уж в сердце места нет!

В сердце дерзость! Жизни море
Вскинет нас в своих волнах,
И любовь, и жизнь, и горе
Скроем мы в его цветах.

Будем жить. Любовь? Чудесно!
В бурю любитесь сильней.
Ярче чувство... Сердцу тесно
Биться лишь в груди своей.

Горе выпадет на долю,
Бури шум поможет нам
Закалить страданьем волю,
Но не пасть к его ногам.

Смело ж в волны! Жизни море
Вскинет нас в своих волнах,
И любовь, и жизнь, и горе
Скроем мы в его цветах.

Наслажденье мыслью смелой
Понесем с собою в бой
И удар рукой умелой
Мы направим в строй гнилой.

Будем жить! Страдать, смеяться!
Будем мыслить, петь, любить.
Буря вторит, ветры злятся, —
Славно, братцы, в бурю жить!

Нуте ж в волны! Жизни море
Вскинет нас в своих волнах,
И любовь, и жизнь, и горе
Скроем мы в его цветах.

1910

М. Герасимов

328. В ГАЛИЦИИ

Полк за полком, словно серая сталь,
Катится, льется в багровую даль...
Вороны носятся с длительным криком,
В зареве пьяном пылающих сел.
Тянется к тучам горящий костел...
Словно архангел с блистающим ликом,
Вперил безумный от пламени взор
В хищные спины краснеющих гор
В отблесках мутных багряных сияний.
Реют летящих машин изваянья,
С воем пропеллеры чертят простор,
Город горит, как гигантский костер,
Тысячи огненных рук распростер
В дымное небо, где страшные птицы...
Отсветы беглые бьющих орудий.
В лужи кровавые валяются люди,
Жутко на лицах играют зарницы.
Ржание медное яростных пушек,
Пушки, как кони, встают на дыбы.
Кровью солдаты пожарище тушат,
Вольны веленьям безумной судьбы.
Полк за полком, словно ржавая сталь,
Катится, льется в кровавую даль.

1916 (?)

Ф. Филимонов

329. ПАМЯТИ БОРЦОВ ЗА СВОБОДУ

(10 марта 1917 г.)

Осуществились ваши сны,
К вам сердце тянется с приветом,
Сегодня светлый луч весны
Россию залил ярким светом.

И там, от родины вдали,
Где вы погибли — жить не в силах,
Сегодня розы расцвели
На ваших сумрачных могилах.

(10 марта 1917)

В. Кичуйский

330. ЧЕЙ ГОЛОС?

(Посвящаю «Нашему голосу»)

На гроб «Енисейского края»
Он с некоей помпой воссел;
Развязно ногами болтая,
Туманно и длинно запел.

И сладко поет, как сирена,
И миру вещает о том,
Что лошади кушают сено,
Не брезгая также овсом.

Что русская реченька Волга
В Каспийское море течет, —
Так скучно, и грустно, и долго
«Наш голос» с апломбом поет.

Поет и на новые темы —
Как немца успешней побить,
Как все без различия, все мы
Должны «патриотами» быть. . .

Ученый и мудрый «Наш голос»
С большим настроением поет.
Беда только — чей это голос —
Из песни не всякий поймет.

(7 апреля 1917)

331. КАК ЭТО ПРОИЗОШЛО?

(К психологии «творчества»)

Гражданин Евгений Колосов,
«Патриот» и храбрый росс,
В прогрессивном «Нашем голосе»
Клевету нам преподнес.

На лету поймав сенсацию,
Не распутав мысли нить,
Поспешил инсинуацию
На эсдеков сочинить. . .

Так в безликом «Нашем голосе»
Разрешил большой вопрос
«Патриот» Евгений Колосов,
Немецед и храбрый росс.

(13 апреля 1917)

А. Эльперин

332. НАБОРЩИКАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Верстайте, верстайте! . .
Постройте в шеренги немые марзаны,
В свинцовые рати сплотите столбцы!
Пусть мир покорит их налет ураганный,
Пусть блеск их свинцовый рассеет туман,
Проникнет в лачуги, ворвется в дворцы. . .
Свинцовые яды в страницы вливайте, —
Верстайте, верстайте! . .

Верстайте, верстайте! . .
Тяжелые думы, свинцовые думы
В свинцовые строки слагайте, друзья!
Не бойтесь запретов бессильного шума.
Мы демоны слова: в свинцовом аду мы
Сожжем все запреты, все «можно», «нельзя». . .
Героев печати в отряды сбивайте, —
Верстайте, верстайте! . .

Верстайте, верстайте!
Вы первые вняли свободному зову,
Вы первые сбросили иго рабов. . .
Так встаньте ж, на битву готовые снова,
Нижите ряды путеводных столбцов
И новой дорогой к свободе ступайте, —
Верстайте, верстайте! . .

(22 сентября 1917)

Неизвестный автор

333. ДЕНЬ МИНИСТРА-ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

Утром — восстание в Луге,
В десять — стрельба на Неве,
В полдень — волнения на Юге,
В два — забастовка в Москве.

Финны и Выборг — в четыре,
В пять — большевистский наскок
И отделение Сибири.
В шесть выступает Восток,
В семь — заявление Рады,
В девять — Управы осада
И ультиматум каде.
В десять — конфликты, отставки
И полемический жар,
В полночь известья из ставки,
Взрыв и заводов пожар. . .
Так в сочетании быстром
Миги горят, как огни. . .
Да, хорошо быть «министром»
В эти великие дни!
(28 сентября 1917)

И. Мукосеев

334. МОИ СЕРДЕЧНЫЕ ПОЖЕЛАНИЯ

Я желал бы, чтобы даром
В жизни труд мой не пропал,
Чтоб слепой судьбы ударом
Я, сраженный, не упал.

Я желал бы (без сомненья,
Всем законам вопреки),
Чтоб столпы «благотворенья»
Не втирали нам очки.

Всем, кто давит люд рабочий,
Помыкает мужиком,
Я желал бы доброй ночи
За решетчатым окном.

Я желал бы, чтоб с амвона
Блеском золотых церквей
Толстый поп перед иконой
Не морочил бы людей,

Чтоб заведомым обманом
Мужиков он не мучил,
Чтоб голодным прихожанам
Он всю правду говорил.

Трудовому же народу
Я желал бы поскорей
Вырвать светлую свободу
Из заржавленных цепей.

Я желал бы черной сотне
Вместе с батюшкой-царем
Заложить все подворотни
И заснуть могильным сном.

(7 октября 1917)

Г. Галина

335. ШЛИССЕЛЬБУРГ

Проклятый дом, дом скорби и цепей,
Героев и борцов холодная могила,
Где ум ослабевал, где угасала сила, —
Кровавых ужасов бездушный мавзолей!..

За муки тех, кого в живых уж нет,
Кого ты задушил в своем немом объятьи —
Тебе горячее проклятье!
Настал твой час... Взгляни — уже встает рассвет...

Исчезнуть должен ты, кошмар былых ночей.
Разрушит жизнь твоей твердыни своды,
Чтоб светлый день, прекрасный день свободы
Не мог ты осквернить, создание палачей!..

(14 мая 1917)

Михаил Агапов

336. Г-М МИЛЮКОВЫМ

Когда грохочут громко батареи,
Удушливый туман сжимает больно грудь,
И пули-пчелы жалят всё сильнее,
И стон измученный несется: «Отдохнуть!», —
Тогда во фраке, стройный, словно тополь,
С улыбкой сахарной на сахарных устах

Поет кадет: «Хочу Константинополь!
Он грезится мне в жизни и в мечтах».

Когда шрапнели в синеве безбрежной
И птиц стальных зловещий слышен гул,
Тогда твердит кадет умильный, нежный:
«Поймите ж, нашим должен быть Стамбул».

Когда несется вошь: «Проклятие начавшим!»,
Охрипый стон в груди измученных солдат,
Тогда он шепчет голосом уставшим:
«Конечно, но для нас необходим Царьград».

Конечно, что для вас пустующие нивы,
Кровь, трупы, стон израненных людей.
Зато ведь перейдут турецкие проливы
На пользу сотен русских богачей!
От фронта слишком, слишком далеко вы,
Нетрудно речь произнести с плеча.
Но близок час. Дрожите, Милюковы,
Поднявший меч — погибнет от меча!

(21 мая 1917)

Неизвестный автор

337

Моим словам, царь мира, внемли:
Я тоже бог, я тоже царь.
Принадлежат мне воды, земли.
Я бог теперь, а ты был встарь.

Я создал сам тебя, когда ты
Был нужен мне. Теперь могуч
И силен я. Зачем мне латы,
Я не боюсь зловещих туч.

Я гордо мощною рукою
Сорвал с тебя златой венец.
На бой я выступил с тобою
И победил тебя, творец.

(21 мая 1917)

А. Моисеев

338

Я мартовский эсер. Рожден толпою я
В ее слиянии с великим князем тьмы,
Отверсты предо мной все книги бытия,
И слову моему покорны все умы.

Я мартовский эсер. Течением веков
Оставлена земле сокровищница зла.
Но я несу земле, велением богов,
Пенящийся бокал познания и добра.

Я мартовский эсер. Но разум мой впитал
Отвагу воина и мудрость Соломона,
И вечно целостный познания бокал
Пробил мне путь от хижины до трона.

Я мартовский эсер. Я был ничем... я всё...
Из праха созданный безвестною судьбой,
Благословляю я отныне бытие,
Предначертавшее мне жребий боевой.

(3 августа 1917)

В. Князев

339. КОШМАРНАЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ

Плеханов доказал, что крупным
землевладельцам следует уплатить
за землю, иначе они станут нищими.

(Из газет)

У Аггея Бетрищева,
Кандидата на нищего,
Тысяч сто десятин
И отряд осетин

Для защиты от врага —
Хлеба, клюквы и творога.
Но запасов — не водится,
Так как всё, что ни родится
На его десятинах,
Гибнет всё в осетинах,
Обладающих жуткими
Аппетито-желудками.

Гибнет клюква с пшеницею,
Скот с домашнею птицею,
Кожи, пух и леса,
Шерсть и (правда, неважное)
Предприятие бумажное!
Сам владелец же смолоду
Чуть не гибнет от голоду
И сидит без гроша
Посреди шалаша,
Окруженного тощими
Бездоходными рощами.
И у этого нищего,
У бедняги Бетрищева,
Вы хотите, как тать,
Беспощадно отнять
Разом всё: и навар, и щи? . .
Постыдитесь, товарищи!!!

(4 июня 1917)

Эмиль Кроткий

340. ДОРОЖНОЕ

Сквозь болотные туманы
Пробирается страна.
Ждет-пождет, как оной манны,
«Блиzkих» выборов она.

Труден путь. Не слишком бойко
Поспешает тройка-Русь.

Ах, куда ты мчишься, тройка, —
Догадаться не берусь!

То кружишь, пути не зная,
То пред Думой ров глубок,
То, на горе, пристяжная
По-кадетски тянет вбок. . .

Что-то слышится родное
В новых песнях ямщика, —
Точно «тпру» очередное
Из кадетского ЦК.

Ни езды, ни «твердой власти» . . .
И, почуяв поворот,
Сотни мосек черной масти
Голосят из-под ворот!

(2 августа 1917)

341. ПЕСЕНКА О ГЕНДЕРСОНЕ

Друг влиятельных персон,
Принят в высшем свете,
Был министром Гендерсон
В дружном кабинете.

Враг беспочвенных химер,
Орган строгих правил,
Прочим нациям в пример
«Таймс» министра ставил:

Мол, примерно поступай. . .
В чайньи идиллий,
«Это, дети, мальчик-пай», —
Взрослые твердили.

Что ж нежданно гнев персон
Вспыхнул, словно Этна?
Тихий мальчик, Гендерсон
Вырос незаметно!

Стал на нянюшек роптать,
Брать без спроса книжки. . .
«Мне, — буянит, — не под статью
Детские штанишки!»

Идиллических картин
Не приемлет мода:
Он, отвергнув фосфатин,
Просит. . . виски-сода!

Словом, мальчик входит в роль.
Даже жаль бедняжку. . .
Мальчик, вреден алкоголь!
Мальчик, кушай кашку!

Но недавний фаворит,
Нянюшкам в отместку,
«Затеваю, — говорит, —
Дальнюю поездку».

Полно, мальчик! Не таю,
Выехать не штука,
Но. . . тебя в чужом краю
Съест сердитый бука.

Мальчик скверен — вон из рук,
Мальчик не сконфужен:
«На границе много бук;
Значит, паспорт нужен».

. . .

Всё проходит, аки сон,
Наша песня спета:
Был когда-то Гендерсон
Членом кабинета!

(5 августа 1917)

В. Маяковский

342. СКАЗОЧКА

Цвету интеллигенции посвящаю

Жил да был на свете кадет.
В красную шапочку кадет был одет.

Кроме этой шапочки, пришедшейся кадету,
ничего в нем красного не было и нету.

Прослышит кадет — революция где-то,
шапочка сейчас же на голове кадета.

Жили припеваючи за кадетом кадет,
и внук кадетов и кадетов дед.

Поднялся однажды пребольшуший ветер —
в ключья шапчонку изорвал на кадете.

И стал он черный. Видевшие это
волки революции сцапали кадета.

Известно, какая у волков диета.
Вместе с манжетами сожрали кадета.

Когда будете делать политику, дети,
не забудьте сказочку об этом кадете.

(30 июля 1917)

Эмиль Кроткий

343. «РУЧНАЯ» РАБОТА

У врат старинного Кремля,
Где резолюции летели,
Об единении моля,
Стоял товарищ Церетели.

Он только к общности взывал,
И взор являл живую муку.
И с чувством Бубликов пожал
Его протянутую руку.

Но с тайным холодом в крови,
Сарказм скрывая сатанинский,
О платонической любви
С усмешкой думал Рябушинский.

Забыв кадетскую науку,
Смутив порывом бурный зал,
«Прими, мой друг, на счастье руку!» —
Как в песне, Бубликов сказал.

Но в «шаге» рук не видя шанса
На шаг к сближенью бурных сил,
«Слова немодного ромansa!» —
Кадетский лидер возгласил.

(19 августа 1917)

Н. Дубровский

34. КВАРТЕТ

Товарищ меньшевик,
Эсер, кадет да трудовик
Затеяли сыграть квинтетом,
Поспорив для приличия с кадетом.
Достали контрабас, виолончель, две скрипки
И сели на лужок под липки
Пленять своим искусством свет.
Ударили в смычки, дерут, а толку нет.
«Стой, братцы, стой! — кричит кадет. —
Не увлекайтесь!
Как музыке идти? Мне подражать старайтесь!
И я социалист, как вы — социалисты, —
Ну, правда, не теперь, а лет так через триста.
Теперь война, и, значит, для войны
Мы разногласием пожертвовать должны».
— «Товарищ, чепуха! — эсдек ему в ответ. —

Ну, так и видно, что кадет.
На этот счет мы рассуждаем разное:
 Война была и будет буржуазна.
Мир без аннексии готов я заключить,
 Но прежде нужно фронт нам укрепить». —
 «Товарищи, всё это уж не ново! —
 Кричит эсер. — И мне позвольте слово.
Войною закрепить свободу мы должны.
 В борьбе права народов рождены!»
Тут начались у них аплодисменты, свисты.
С кадетом спорили опять социалисты,
 Потом кадет эсером был поддержан,
Чем в высшей степени был меньшевик рассержен.
 Вновь начали кричать, свистать, визжать...
Случилось мужику на шум их прибежать.
Тут с просьбой все к нему, чтоб их решил сомненье:
«Пожалуй! — говорят, — возьми на час терпенья!
 Программы все при нас, —
 Угодно ли прочесть?
 Скажи лишь: как нам сесть?»
 — «Как сесть? — отвечивал мужик. —
 Я к вашим спорам не привык.
 Одно скажу: вам спорить непригоже:
В словах различие, на деле же — похоже».

(25 августа 1917)

В а с. Ш а й д у р о в

345. БЕЙ В НАБАТ

Бей в набат! Пожар войны
 Целый мир схватил в объятья,
 Слышны стоны и проклятья
 Каждой страждущей страны!

Бей в набат! Туши пожар!
 Мир зови открыто к миру.
 Долго жадному кумиру
 Мы давали жизни в дар.

(29 августа 1917)

В. Князев (?)

346. СЕРАЯ ШИНЕЛЬКА

Серая шинелька,
На обед сухарь,
На земле постелька,
Голодно, как встарь.

Ты, солдат, — скотинка,
Мясо для боев,
Над тобой дубинка
Вместо братских слов.

В звуке барабана,
В смехе палачей
Слышим крик тирана,
Злобу богачей.

Говорят: земелька
Будет у тебя,
Серая шинелька,
Коль умрешь ты зря.

Да, земельки много —
Целая сажень,
А потом у бога
Авраама сень.

Ведь теперь свобода:
Право умирать —
Бедного народа,
А за что, не знать.

Серая шинелька,
На обед сухарь,
На земле постелька,
Голодно, как встарь.

(8 сентября 1917)

317. НОВОЧЕРКАССКИЙ МЕССИЯ

Малонеосветайский хуторской
сбор выборных казаков станицы Но-
вочеркасской постановил зачислить
председателя Государственной думы
М. В. Родзянко казаком станицы Но-
вочеркасской.

(Из газет)

Скорей коня, нагайку, шашку. . .
Душой я был казак всегда.
Мою казацкую замашку
Ценили в Думе иногда.

Я не давал холопам воли
И трон исправно защищал,
Но не избегнув горькой доли,
Я безработным ныне стал.

Я поставлял в казну болванки —
Враги мне ставят это в грех,
Открыли кое-что с изнанки
И оболванили — на смех. . .

Но кто спасет сейчас Россию,
Былую мощь ее вернет? . .
Кто на казацкого мессию
Сейчас со злобой посягнет?

Сотру с лица земли Советы,
Оставлю только лишь один,
Где октябристские заветы
Хранит исправно Каледин.

(10 сентября 1917)

И. Мухомеев

348. РОМАНОВСКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи! опальный мой царевич,
Баюшки-баю,
Кротко смотрит Пуришкевич
В колыбель твою.

Скоро выйдем на свободу,
И в родном краю
Скрутим руки мы народу,
Баюшки-баю!

Революции опасной
Плещет грозный вал,
Но Плеханов не напрасно
Точит свой кинжал.

И Родзянко ради драки
В тепленьком углу
Записал себя в казаки —
Воевать в тылу.

И отец твой, храбрый воин,
Не снесет обид.
Спи, младенец. Будь спокоен, —
Вся Россия спит.

Поведет Корнилов войско,
Юнкеров лихих,
Из Сибири, из Тобольска, —
Выручит своих.

Стану я молиться богу,
Чтоб господь помог,
Дам тебе я на дорогу
Гришкин образок.

Чтобы нас народ несчастный
Помнил на Руси, —
Ты, пускаясь в путь опасный,
Розог припаси.

А наденешь эполеты,
Помни мать свою, —
Да помогут нам кадеты,
Баюшки-баю.

(2 сентября 1917)

349. О КОРНИЛОВЕ

Пусть в деле Корнилова нелицеприятный суд найдет грань между большевизмом и государственностью.

(«Речь»)

Наш Корнилов-генерал
И смышлен и хитер,
На германца наступал,
А попал на Питер.

Объявил старик войну
Всей демократии.
Отдал Ригу и Двину,
Продал пол-России.

Эй, казаки, не мешай!
Сторонись, пехота!
Разгорелась душа,
Знайте «патриота».

Возле Питера коней
Горцы придержали...
А в Тобольске калачей
С нетерпеньем ждали.

Зажурился наш капрал, —
Плохо быть «героем»,
И в столицу генерал
Едет под конвоем.

А за ним его «орлы»
Нехотя плетутся...
«За решетку!», «В кандалы!» →
Крики раздаются.

Поумерим нашу прыть!
(Барин-то ведь знатный)
Будет суд его судить
Нелицеприятный!

(10 сентября 1917)

Неизвестный автор

350

Так где же враг, когда с врагами
Вас к соглашению зовут?
Хотят, чтоб вы надели сами
Себе намордник и хомут!

Затем ли вы одним ударом
Свели расшатанный престол,
Чтоб вновь служить купцам и барам,
Терпеть нужду и произвол?

Ведь скоро час борьбы настанет,
Последней страшной битвы час;
Тогда, как лев, народ воспрянет
Везде в Европе... А у нас?

Ну, что ж, идите, киньтесь в ноги,
Просите милости купцов!
Пусть зарастут быльем дороги,
Что славных видели бойцов...

Опомнитесь, идите смело,
Боритесь храбро вы за власть.
Ведь если рухнет ваше дело,
Так лучше, краше в битве пасть,

Чем от друзей в измене черной
Упрек тяжелый заслужить
И соглашательством позорным
Себя навеки заклеить!

⟨1 октября 1917⟩

Е. Ефимов

351. СОЛДАТСКИЕ ЧАСТУШКИ

Как Корнилов-генерал
Много армии собрал:
Петроград хотел он взять,
Революцию отнять!

Гнев вскипел тут у солдата
На лихого супостата.
Большевистские полки —
Гренадеры и стрелки, —
Взяв винтовки, пулеметы,
Без остатка шли все роты.

И спасен был Петроград
Красной верностью солдат.

⟨8 октября 1917⟩

Неизвестный автор

352. СКАЗКА О МУЖИКЕ ФИЛАТЕ, ХРАБРОМ СОЛДАТЕ

Когда в Галицию пешком,
И с сухарями и с мешком,
Мужик Филат,
Лихой солдат,
С дубинкой на австрийца лез,
Его хвалили до небес:
«О, чудо-богатырь Филат,
Голубчик, миленький солдат!»

Сам царь к Филату приезжал
И поздравлял,
И крестик дал.
Но ведь с дубинкою одной
Не одолеешь пушек строй!
Стал немец жару поддавать;
А с тылу русский царь, как тать,
Решил всю армию продать.
Тут взбудоражился Филат, —
Он был смекалистый солдат
И знал, что царь ему не брат, —
Он сверг царя.
Взошла заря
Земли и воли наконец.
Но вдруг кричат:
«Мужик Филат —
Дрянной, трусливенький солдат,
Изменник, хам, злодей, подлец!»
И кто ж кричит так, — мой творец! —
Войной нажившийся купец!
Смекнул Филат,
Лихой солдат:
Купец мне тоже ведь не сват,
И будь ты хоть какой купчина,
Но и тебе придет кончина!
И с этих пор мужик Филат
С рабочим стал как с братом брат.

(19 октября 1917)

А. Крайский

353. ЕЩЕ НЕМНОГО

Такой весны я не запомню;
Среди грозы, среди огня
Весна в полях, залитых кровью,
Весна как смерть. . .

Но у меня
Дрожит в груди знакомый голос:
Еще немного — всё пройдет,
На пашнях снова мирный колос
Труда святого расцветет.

(1917)

В. Кириллов

354

Вечер весенний, ласкающий, алый
В улицы шумные бросил улыбки.
Сумрак дрожит золотистый и зыбкий,
Веет дыханьем весны небывалой.

Сердце взволновано вестию новой.
Видю веселые, гордые лица.

Вот с ярко-алою лентой в петлице
Девушка нежная, воин суровый.

Светлые мысли, весенние грезы
Гонят предчувствия черные тучи.
Радость несется волною певучей,
Ярко пылают закатные розы.

Ветер лепечет весенние саги.
Сердце забыло обиды и раны.
Ветер баюкает сказкой багряной.
Реют победные алые флаги.

(1917)

355

Мы разрушили мрака темницы,
Распахнули на волю оконца.
Гордой радостью вспыхнули лица,
Озарило нас яркое солнце.

Из подвалов, где сумрак и плесень,
Где томились мы долгие годы,
Мы пойдем в ликование песен
На пленительный праздник свободы.

Нам не страшны слепые угрозы,
Позади нас лишь голод и муки.
Нас волнуют мятежные грезы.
Нас чаруют победные звуки.

Загорайтесь же, красные зори,
Пусть дрожат перед вами тираны.
Мы, как волны в бушующем море,
Коллективную силою пьяны.

(1917)

356. НОЯБРЬ

Свинцовой мглой седая хмара
Одела небо, как дым пожара.
Порывы ветра в смятении диком
И рвут и мечут с тревожным криком.

И хлопья снега в безумной пляске
Кружатся в вихре морозной пыли —
Как духи ночи в волшебной сказке,
Беснуясь, небо собой закрыли.

Я помню также, в безумьи гнева
Метель гасила тоску покоя.
В мятежных звуках ее напева
Терялись стоны и клики боя.

И вьюга злилась и, пламенея,
Кидала небу свои проклятья.
Но нам привольней дышалось с нею,
Мы с нею были — родные братья!

Мы были смелы, мы горды были,
Мы были вольны, как ветер моря,
И ярость бури мы полюбили
И с ней братались в ее просторе!

Пора минула — опали крылья,
И не видать нам уж вольной воли,
А буря, гневно собрав усилья,
Всё спорит с небом в широком поле!

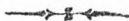
(1917)

Россійская Соціалъ-Демократическая Рабочая Партія

*Пролетаріи всѣхъ странъ,
соединяйтесь!*

Подъ знамя Правды.

(Первый сборникъ общества пролетарскихъ искусствъ).

ПЕТЕРБУРГЪ
1916 г.

357. ГИЕРОГЛИФЫ

(Сонет)

Люблю отыскивать в углах под слоем грязи
Гиероглифы наших темных нор.
Безумный вопль и яростный укор
Мне слышны в этой угловатой вязи.

Открыть жестокий смысл в полупонятной фразе,
Расшифровать таинственный узор. . .
Кто был он, сам себя возведший на костер
Во имя дерзновенных и святых фантазий?

Люблю найти в углу под грязным слоем
На старой каторжной стене гиероглиф,
Трагический и полустертый миф,

О том, кто здесь был истомлен покоем,
Кто здесь погиб, себе не изменив, —
Погиб мечтателем, упрямым и героем!

(1917)

Е. Богданьева

358

Не для нас весна лазурная,
Дым кадильный не для нас,
Мы тебе, отвага бурная,
Юный свой отдали час!

Мчись быстрее, конь подкованный,
Мчись, волшебная ладья,
Властным словом не окованный,
Сам владыка и судья.

Мчись быстрее. Горы синие
Мощным вырастут кольцом,
Вижу сказочные лилии
Дальше чудищ за хребтом.

394

Полон юною отвагою,
Я лечу из дальних стран.
Пьян свободой, а не брагою,
Хмелем молодости пьян.

1917

И. Ионов

859—361. ИЗ ПЕСЕН ССЫЛЬНОГО

1

Синеет надо мной мерцающая Вега —
Лампада вечная измученной земли...
Еще мне далеко до первого ночлега,
Но слабо огоньки горят уже вдали.

Вдоль Лены морочно... Фатою поредевшей
Покрыт соседний бор — столетний великан...
Иду, и грезится простор зазеленевший
Под солнечным теплом далеких, чуждых стран.

Чернеет вдалеке угрюмая сторожка...
Еще одна верста, и буду я в тепле
Сидеть у огонька и, отдохнув немножко,
Опять брести в морозной жуткой мгле.

2

Я стою у покрытой морозным туманом задумчивой
Чанки,
Сосны редкие стонут и гнутся под ветром
на склонах...
И хочу и не в силах я верить, что здесь трепетали
саранки
И блестела роса на стыдливо-нагих анемонах.
Но я знаю: законы природы сомненьям моим
не подвластны,
Буйно с первым теплом оживут обнаженные скаты,
И, как волны, над влажной землей разольются и пьяно
и властно
Только чуть уловимые первых цветов ароматы.

Ни решеток, ни стражей угрюмых,
 Не чернеет ружье за стеной.
 Отчего же тюремные думы
 Неотступно со мной?

Дали сини за Леной холодной,
 Весел ельник на склонах горы,
 Из-под снега травой прошлогодней
 Зеленеют бугры.

Осторожно по влажной елани
 Прохожу змеевидной тропой,
 Птичий гомон, вершины в тумане,
 Пахнет скорой весной.

Но как больно взгрустнулось. . . Свобода!
 Вот она предо мною теперь.
 Отчего же, как в прежние годы,
 Та же крепкая дверь?

Видишь, заперта ржавым засовом
 И, как в небе заката огни,
 Догорают под гнетом суровым
 Одинокие дни.

Ни решеток, ни стражей угрюмых,
 Не чернеет ружье за стеной.
 Отчего же тюремные думы
 Неотступно со мной?

1908—1916

ПРИЛОЖЕНИЕ

**СТИХОТВОРЕНИЯ ПОЭТОВ-БОЛЬШЕВИ-
КОВ, НЕ ПУБЛИКОВАВШИЕСЯ
В ДООКТЯБРЬСКОЙ ПЕЧАТИ**

И. Арский

362. КРАСНОЕ ЗНАМЯ

Царь-самодержец на троне сидел,
Он на Россию в окошко глядел.
 Плачет Россия!
 Все люди простые
Стонут от горя, — тюрьма да расстрел.

Эх ты, Россия, Россия моя!
Где же свобода и воля твоя?
 Надо подняться,
 С царем рассчитаться,
Надо скорее по шапке царя!

Красное знамя взвилось над землей,
Вышли на Пресне дружинники в бой:
 Встанем все люди,
 Рабами не будем,
Встань на борьбу, весь народ трудовой!

Царь испугался, издал манифест:
«Мертвым свобода! Живых под арест!»
 Тюрьмы и пули
 Народу вернули. . .
Так над свободой поставили крест!

1905

363. ЗАКОН ДРУЖИНЫ

Патронов нет. Уходим!
Я слушаю приказ:
«Три бомбы-македонки
Остались про запас.

Одну — оставь драгунам,
Что нам грозят огнем,
Другую — черной сотне,
Что стала за углом.

А третью — офицеру,
Что скачет на коне».
Святой закон дружины
Нельзя нарушить мне!

Три бомбы-македонки
Остались про запас,
Морозной снежной ночью
Был выполнен приказ.

1905

364. НОЧЬ

Нас девятнадцать гвардейцев-солдат.
Глух и безмолвен сырой каземат.
Полночь куранты печально поют,
Павловцев скоро на казнь поведут.

Нас девятнадцать мятежных солдат.
Невские волны сурово шумят.
Звезды погасли, не светит луна,
Ночь безысходна, темна и длинна!

Нас девятнадцать бывалых солдат,
Видевших солнце Мазур и Карпат,
Черная смерть стерегла нас не раз,
Ждет она, ждет — стережет и сейчас!

Нас девятнадцать бесстрашных солдат,
Помним вчера догоравший закат,
Каждому хочется жить и любить,
Царского плена оковы разбить.

Нас девятнадцать! Родная семья...
Где избавленье? Спасут ли друзья?
Невские волны сурово шумят,
Глух и безмолвен сырой каземат.

1917

И. Ионов

365

О, пустите меня,
Дайте лесом дышать,
Дайте яркости дня
Мою грудь обласкать.
Дайте в травы лугов
Опуститься, уснуть,
У зеленых стогов
Отдохнуть, отдохнуть.

Заедает тоска,
Точно ржавый налет,
И слабеет рука,
Мысль не рвется вперед,
И туманится ум,
И печаль, как река,
От несбыточных дум
Глубока, глубока.

Стены давят. Хочу
Я к родимой прильнуть...
О, пустите, кричу,
Дайте глубже вдохнуть.

Мрак глотает мой крик,
Тени пляшут в углах,
Я безмолвно поник
В кандалах, в кандалах.

1908 (?)
Шлиссельбург

366. ГОЛОД

Всё выжжено солнцем. Коробится зноем
Спаленная твердь
И бродит над душным, застывшим покоем
Жестокая Смерть.
Ой, много работы засуха приносит,
Управиться ли...
И Смерть, ухмыляясь, шагает и косит
Кормильцев земли.
И, плотно прижаты невидимым гнетом,
Деревни молчат,
И тени лопатой, облившись потом,
О землю стучат.
«Не родишь, не кормишь, прими же скорее
Уснувших детей,
И в люльках-могилах корми ты сытнее
Голодных червей».
Растут на погостах кресты за крестами,
Колышется звон...
И, всё разрастаясь, бежит за гробами
Неслыханный стон.
«Уж сколько тебя мы с молитвой кропили
Святою водой...
Хоть дождика нет, но мы слезы ведь лили
И кровь над тобой.
Услышь нас, родная, и нивы пустые
Пшеницей покрой,
Порадуй глаза, от рыданий слепые,
Живой полосой».
Но, скована зноем, голодные стоны
Не слышит земля,
Печально, как раньше, напев похоронный
Ласкает поля,

И Смерть, отдохнувши на свежих могилах,
Сжигает посев,
И косит, и косит, а в селах унылых
Рождается гнев.

1908—1916

367. ПОЭТ

В красном горне вдохновенья,
В вихре огненном круженья
Буду мысли накалять
И из них на наковальне
Буду я стране печальной
Песни звонкие ковать.
Песни — острые стилеты,
Гневом пламенным напеты,
Песни — звон колоколов.
Песни — яркие призывы,
Разливные, как приливы
У раздольных берегов.
И сковавши, звездным роем
Размечу их над покоем
Застоявшихся болот,
И наполнит звон набатный
Сумрак ночи необъятный,
Царство рабства и невзгод.
И взлетят клинки, сверкая,
Острие свое вонзая
В огрубевшие сердца.
Напитав их буйным гневом,
Дальше огненным напевом
Будут рваться без конца.

Ярким горном озаренный,
Вдохновеньем осененный,
Буду молотом стучать,
Для грядущей юной силы
С песней буду до могилы
Песни звонкие ковать.

(1917)

В. К у й б ы ш е в

368

Замолчи, мое сердце, не думай о воле,
О задумчивом лесе, о солнечном поле.
Слышишь — в камеру входят, грохочут ключи.
Скрой же слабость мечтаний, будь гордо в неволе.
Замолчи!

Предо мною твой образ, любимый и милый,
Не дожидаться меня из застенка-могилы.
Позабудь, позабуду и я как-нибудь,
Ведь на многие годы мне надобно силы.
Позабудь!

О свободе, о жизни замолкли рыдания,
Ни оковы, ни стены, ни годы страданья
Не заставят позорной пощады просить.
Не сломить мою гордую стену молчанья.
Не сломить!

1909 или 1910

369

Тянулась нить дней сумрачных, пустых,
Но мысль о вас, о милых и родных,
Тоску гнала, улыбка расцветала,
И радость бодрая по камере витала.
Мы светло грезили о счастье дней былых.

Но в путь пошли под звуки кандалов,
Но мысль бодра, и дух наш вне оков,
Когда увидели мы лица дорогие,
Заботы милые, улыбки молодые,
Веселый смех и ласку милых слов.

И там, вдали, в снегах страны чужой
Ваш образ милый, бодрый, дорогой
Растаит лед суровой, злой неволи
И воскресит мечту о светлой, гордой доле,
О днях грядущего, наполненных борьбой.

Конец января 1917

II. Делешинский

370

Будь подвластна мне природа,
Я велел бы с небосвода
Солнышко убрать
И запрятать в предварилку
Иль отправить его в ссылку
Лет на двадцать пять.

Все мы паиньки зимою,
А запахло чуть весною,
Зеленеть стал лес
И листочками покрылся, —
Словно вдруг во всех вселился
Греховодник-бес. . .

Самый нервный, беспокойный,
Самый, можно сказать, знойный, —
Это месяц май. . .
Наяву все счастьем грезят,
Каждый с рылом своим лезет —
Шутка ль сказать — в рай. . .

Ну, а в рай, где пол паркетный,
Вход бесштанной, безбилетной
Публике закрыт.
И с чего ж ей вдруг приснилось,
Что пред ней дверь в рай раскрылась:
Всяк, мол, пусть валит. . .

И цилиндр — и картузишко,
Рядом с блузой — фрак, манишка. . .
Ха-ха! Вот так смесь! . .
Ну, конечно, кто столь пылок,
У того трещит затылок,
Потому — не лезь.

Где же он, тот враг подпольный,
Что всех учит своевольной
Дерзости такой? . .

Не ищите супостата:
Солнце, солнце виновато,
Будь морозом всё объято, —
 Был бы и покой. . .

Апрель 1903

Неизвестные авторы

371

Подите прочь, пророки всепрощенья,
Оставьте нас, апостолы любви!
 Здесь жертвы вопиют о мщеньи,
 Здесь задыхаются в крови.
 Здесь, что ни день, всё гибнут силы
 И что ни час, грознее бой.
 Здесь сходят в ранние могилы
 За рядом ряд, за строем строй.
А вы пришли с евангельским смиреньем,
Со словом кротости и мира на устах.
 Довольно уж учились мы терпенью,
 Довольно сковывал нас страх.
 Довольно были мы покорными рабами,
 Идущими смиренно под ярмом.
Пришла пора померяться с врагами
Не проповедью рабской, а мечом.
Не вам учить любви нас к меньшей братьи:
Любовь ваша мертва и холодна как лед.
 Лишь тот, с чьих уст срываются проклятья,
 В чьем сердце ненависть живет,
Кто меч на палачей народа подымает,
Кто за него готов пролить по капле кровь
И на кровавый бой товарищей сзывает, —
Лишь тот таит в груди великую любовь.
Нет, вашу проповедь и кроткие молитвы
Храните для рабов, для трусов и глупцов.
 Нам не до вас! На поле грозной битвы
 Сошлась уж рать бестрепетных бойцов.

Не словом, а свинцом и сталью
Развеем мы царящую вокруг ночь.
А вы с своей холопскою моралью
Подите прочь, подите прочь!

1902

372. ЭПИГРАММА

Чем хочешь будь себе свободно:
Буржуем, барином, купцом,
Новоременцем, подлецом,
Ну, всем, чем, душенька, угодно —
Семеновцем, прохвостом, вором,
Жандармом будь, будь прокурором,
Будь палачом, будь октябристом,
По мне, хоть будь себе шпиком,
Но... если стал социалистом,
Мой друг, не будь меньшевиком.

1905

Н. Ривкин

373

Море в ярости стонало,
Волны бешено рвались...
Волны знали, море знало,
Что спускалось тихо вниз.

Там в мешках лежат защиты
Трупы юных моряков:
Были пред зарей убиты
Девятнадцать удальцов.

Море видело — косою
Шли спокойно моряки
С песней звучной, боевою...
Вкруг солдатские штыки.

Братья братьев привязали
Крепко-накрепко к столбам...
Братья братьев расстреляли...
Ужас веял по волнам.

Небо сразу побледнело,
Люди торопились скрыть
Ими сделанное дело —
Трупы в море опустить.

Чтобы жертвы их не всплыли
На трепещущих волнах,
Люди с трупами зашили
Камни тяжкие в мешках...

День безоблачный сияет
В гавань дальних берегов,
Море бережно вздымает
Трупы славных моряков.

Вихрь промчался возмущенья,
Все народы гнев объял...
Смерть — царю, злодеям — мщенье,
Час суда для них настал...

1906

Д. Одицов

374. БУТЫРСКАЯ ТЮРЬМА

В Москве благочестивой,
Коленопреклоненной,
Увешанной иконами,
Украшенной колоннами
Церквей,
Монастырей
С высокими амвонами,
С молитвами и звонами,
С мерцанием огней,

Где исстари возносится
К высоким небесам
Смирение
И просится
Душа
В надзвездный храм, —
Есть дом в тиши окраинной
С кирпичною стеной;
Стоит он, словно спаянный
Столетней тишиной.
Там мать любвеобильная,
Москва, издревле сильная,
В стенах его спасительных
Воздвигла божий храм.
В нем в службах многодлительных
Курится фимиам.
Там кроткий лик Спасителя,
Смирения ревнителя,
Сияет с вышины.
Угодники, святители
У ног его видны.
Там хрип, там стон, там лязгают
Ножные кандалы.
Там звякают наручники.
Там, матерны и злы,
Служители глазастые
Шныряют у дверей.
Зубастые,
Горластые,
Отцов и матерей
И предков прародителей
Жаргонят невдомек,
Во имя всех святителей,
И вдоль и поперек.
В ответ на крики бранные
В массивных корпусах
Послышится проклятие
И веет жуткий страх.
Там узники безликие
Терзаются в тиши.
Казнят их вопли дикие
И подступают вши...

А на дворе под липами
Смиренно церковь бдит.
Звучит протяжно пение,
И колокол гудит.
И кроткий лик Спасителя,
Высоких дум гасителя,
Взирает с вышины
На всё, чем стены крепкие
Божественно полны.

1914

М. Фрунзе

375

Свобода, свобода! Одно только слово,
Но как оно тело и душу живит!
Ведь там человеком стану я снова,
Снова мой челн по волнам побежит.

Станет реять и гордо и смело,
Птицей носиться по бурным волнам.
Быть может, погибнет? Какое нам дело —
Смерти ль бояться отважным пловцам!

1914 или 1915

ПРИМЕЧАНИЯ

Стихотворения, печатавшиеся в большевистских изданиях дооктябрьских лет, собраны в этой книге впервые.

В прошлом исследователями была проделана большая работа по разысканию и публикации материалов русской революционной поэзии конца XIX — начала XX в. Итоги этой работы представлены в сборниках: «Пролетарские поэты», тт. 1—3 (составители: т. 1 — А. Л. Дымшиц, т. 2 — Г. Д. Владимирский, т. 3 — В. М. Абрамкин), «Б-ка поэта», Б. с., Л., 1935—1939; «Революционная поэзия» (1890—1917), составитель А. Л. Дымшиц, «Б-ка поэта», Б. с., Л., 1954; «Русская революционная поэзия 1895—1917». Антология (составитель И. С. Эвентов), Л., 1957; «У истоков русской пролетарской поэзии» (составители Р. А. Шацева и О. Е. Афонина), «Б-ка поэта», Б. с., М.—Л., 1965. Книги эти, составленные на основе разнообразных источников (печатных изданий партийных и общих, рукописных и фольклорных материалов, публикаций советского времени), ввели в научный обиход обширный поэтический материал, но они лишь частично познакомили читателя с произведениями поэзии, которые пропагандировала на своих страницах коммунистическая печать. Объяснялось это, во-первых, профилем указанных сборников — стремлением представить в них с наибольшей широтой наследие революционной поэзии дооктябрьских лет и, во-вторых, тем обстоятельством, что далеко не все большевистские издания этих лет были выявлены и не все комплекты партийных изданий, уже имевшихся в архивохранилищах, были изучены.

Из многих сотен произведений, напечатанных в большевистских изданиях дооктябрьских лет (учитывая и ленинско-искровские издания раннего периода деятельности партии), нами для публикации в настоящем сборнике отобрано 375 стихотворений, наиболее ценных в идейно-художественном отношении. Лишь небольшая часть приводимых нами текстов входила в сборники революционной поэзии, перечисленные выше. Сто двадцать шесть стихотворений, помещенных в книге, не воспроизводились в печати с дореволюционных времен. Что же касается поэтов, с творчеством которых читатели имели возможность познакомиться в недавних выпусках «Библиотеки поэта» (Д. Бедный, П. Якубович, Ф. Шкулев, Е. Нечаев, А. Гмырев), то их произведения даны в минимальном количестве.

Источниками текстов являются листовки, брошюры, газеты (легальные и нелегальные), литературно-художественные сборники и журналы, выпускавшиеся большевистской партией в разных городах

России и за границей (на русском языке). Все периодические издания, из которых заимствованы тексты, зарегистрированы в справочнике, выпущенном Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС: *Большевицкая периодическая печать* (декабрь 1890 — октябрь 1917). Библиографический указатель. Изд. политической литературы. М., 1964. В справочнике обозначены и основные места хранения этих изданий.

Стихотворный материал приводится нами в порядке его появления в большевицких изданиях, причем издания эти расположены в хронологической последовательности. Учитывая, что часть произведений, написанных в канун Октября, не успела пройти через печать в дни Октябрьского переворота, нами в последних разделах сборника использовано несколько номеров газет, датированных ноябрем 1917 г.

При составлении сборника учтено также, что многие произведения революционной поэзии не публиковались в дооктябрьские годы. Это произведения, созданные в период столыпинской реакции или в годы первой мировой войны, когда легальной большевицкой прессы не существовало, а подпольные органы были уничтожены охранкой; это также стихотворения, написанные в условиях тюремного заключения, на каторге или в ссылке. Дабы дать читателю более полное представление о творчестве поэтов-большевицков (среди которых были видные деятели партии: В. Куйбышев, Б. Лелешинский, М. Фрунзе и др.), эти произведения приведены в отделе «Приложения».

Значительную трудность представляет установление авторов текстов. В подпольных изданиях стихи появлялись либо под псевдонимами, либо без всяких подписей. Не всегда раскрывались фамилии авторов и в легальных изданиях. Большинство текстов, составляющих настоящий сборник, дано под фамилиями авторов (или под псевдонимами, если последние более известны, чем подлинные фамилии, например Д. Бедный, Н. Рыбацкий, А. Крайский, Л. Котомка), причем в комментариях указаны подписи, под которыми печатался текст. В тех случаях, когда авторство осталось нераскрытым (хотя известны инициалы или псевдонимы), текст приводится за подписью «Неизвестный автор».

Рукописи подавляющего большинства произведений, представленных в сборнике, не сохранились, и установление точной даты их написания возможно лишь в отдельных случаях. Поэтому о времени создания произведений можно судить, главным образом, по датам первых публикаций (эти даты заключены в угловые скобки).

Среди публикуемых произведений есть такие, которые неоднократно появлялись в большевицких изданиях, причем в разных редакциях. Распространение стихов и песен изустным путем или в списках, а также условия подпольной печати не всегда обеспечивали сохранение авторского текста: порою в нем допускались искажения и ошибки. Поэтому при публикации текстов, имеющих варианты, нами принят следующий порядок: из числа авторизованных текстов, появлявшихся в большевицких изданиях, берется позднейший; из неавторизованных — наиболее исправный, а также наиболее устоявшийся в печатной или устной традиции. Что же касается последних авторских редакций, зафиксированных в изданиях советских лет

(иногда — и в дореволюционных авторских сборниках), то они отмечаются или приводятся в комментариях. В основном корпусе эти редакции используются лишь тогда, когда текст, опубликованный в большевистской печати, оказывается неполноценным вследствие цензурных изъятий, допущенных в нем неточностей или искажений.

В примечаниях, после номера текста, названы большевистские издания дореволюционных лет, где текст этот воспроизводился. В единичных случаях первая публикация текста имела место до его появления в большевистской печати. Эти случаи оговорены в скобках: («ранее — в таком-то издании»). Указывается также источник, по которому печатается текст. Отсутствие этого указания означает, что текст приводится по первой его публикации в большевистской печати.

Краткие сведения о поэтах, представленных в сборнике, а также о повременных изданиях, использованных в нем, читатель найдет в специальных справочниках, которые следуют за разделом «Примечания». Биографический справочник содержит также перечень основных поэтических сборников каждого автора. Фамилии поэтов, сведения о которых отсутствуют, в справочник не включены.

Даты во всех частях книги указаны по старому стилю.

Условные сокращения

ВП — журнал «Вестник приказчика».

ВС — журнал «Вопросы страхования».

Д—н — Д—н (А. Я. Коц). Песни пролетариев, кн-во «Наш голос»,

Серия «На разные темы», № 4, П., 1906 (книга конфискована).

Изд. 1906 — Песни борьбы, изд. Самарского комитета РСДРП, 1906.

Изд. 1916 — Ал. Богданов. Под ласковым солнцем. Рассказы и стихотворения, т. I, кн-во «Жизнь и знание», П., 1916 (дата 1916 на титульном листе; на обложке ошибочно — 1917).

Изд. 1917 — Илья Ионов. Алое поле. Стихотворения. Солдатская и крестьянская библиотека, изд. «Прибой», П., 1917.

Изд. 1919 — Самобытник. Под красным знаменем, Библиотека Пролеткульта, П., 1919.

Изд. 1927 — А. Богданов. Песни подпольщика. Избранные стихотворения. 1892—1926, изд. «Работник просвещения», М., 1927.

Изд. 1934 — А. Богданов. Избранные стихи (1891—1933), ГИХЛ, М., 1934.

Изд. 1936 — А. Богданов. Стихи, ГИХЛ, М., 1936.

КР — газета «Красноярский рабочий».

НЖ — газета «Новая жизнь», 1905.

НЗ — газета «Невская звезда».

ПБ — Песни борьбы. Poésies Révolutionnaires. Сборник революционных стихотворений и песен, изд. Союза русских социал-демократов, Женева, 1902.

1-й сб. — I Сборник пролетарских писателей. С предисловием М. Горького, изд. «Прибой», П., 1914.

ПЗП — Под знамя Правды (Первый сборник Общества пролетарских искусств), изд. «Прибой», П., 1917. Дата 1917 — на титульном листе; на обложке ошибочно — 1918.

ПР — Перед рассветом. Сборник революционных песен и стихотворений. Составила В. Перова, изд. «Искры», Женева, типография Партии, 1905.

Прив. — газета «Приволжская правда».

Сб. 1902 — Песни революции, изд. «Искры», Женева, 1902.

Сб. 1906 — Первый сборник революционных песен. 10 песен, гармонизованных А. Д. Ч., издание «Вещего баяна», П., 1906.

Сб. 1916 — Песни революции. Дешевая библиотека, кн-во «Жизнь и знание», П., 1916.

Сб. 1956 — Из искры — пламя. Сборник стихов. «Московский рабочий», 1956.

Сб. 1957 — «Русская революционная поэзия». 1895—1917. Антология, «Советский писатель», Л., 1957.

Сд — газета «Социал-демократ», Москва, 1917.

СЛ — газета «Самарская лука».

СТИХОТВОРЕНИЯ

ГАЗЕТЫ, 1901—1902

1. «Искра», 1901, 10 сентября (Приложение). Подписи к карикатурам, изображающим поездку русского царя Николая II во Францию (см. рис. на с. 47). Поездка была совершена летом 1901 г. с целью получения денежного займа у французского правительства. *Порядок водворен...* Имеются в виду расправы с революционной молодежью (в частности, избивание студенческой демонстрации 4 марта 1901 г. в Петербурге) и с рабочими — участниками первомайских выступлений 1901 г. в ряде городов России. *Т. Делькассе* (1852—1923) — министр иностранных дел Франции, сторонник сближения с царским самодержавием; *Вальдек* — имеется в виду П.-М. Вальдек-Руссо (1846—1904), глава французского правительства. *А.-Э. Мильеран* (1859—1943) — министр в правительстве Вальдека-Руссо, «социалист», позднее (в 1920—1924 гг.) президент Французской республики. *С. Ю. Витте* (1849—1915) — министр финансов царского правительства, сторонник франко-русского союза, проводил политику привлечения иностранного капитала для укрепления самодержавия и развития капитализма в России. О нем см. также примеч. 76.

2. «Нижегородская рабочая газета», 1901, ноябрь, в конце текста прокламации Нижегородского комитета РСДРП «Всем нижегородским рабочим»; Сб. 1902; ПР; «Известия Московского Совета рабочих депутатов», 1905, 9 декабря; Сб. 1906 — под загл. «Боевой марш»; Изд. 1906; «Путь правды», 1914, 1 мая; Сб. 1916; «Правда», 1917, 12 марта; «Голос правды», 1917, 28 марта и др. газеты 1917. Печ. по «Известиям Московского Совета рабочих депутатов» — редакция, повторенная в большинстве последующих изданий и установившаяся в устной традиции. В «Нижегородской рабочей газете», сб. 1902 и «Правде» — ст. 1: «Дружно, товарищи, в ногу». Всюду — без подписи. Текст сложен во время пребывания автора в Таганской тюрьме (Москва) по делу московского «Рабочего союза». В конце

февраля 1898 г., перед отправкой в Сибирь, партия заключенных разучила эту песню со слов автора на мотив старой студенческой песни «Медленно движется время» (текст И. С. Никитина); мотив этот был изменен Л. Радиным в ритме марша. В марте 1898 г. песню Л. Радица с тем же мотивом запели узники Бутырской пересыльной тюрьмы (Москва). Летом того же года она зазвучала в минусинской ссылке (Сибирь), куда ее привезли из Бутырской тюрьмы Ф. В. Ленгник и А. С. Шаповалов. В Минусинске с нею познакомились В. И. Ленин и другие политические ссылки (см.: П. Н. Лепешинский, Старые песни революции. — «Огонек», 1927, № 32. См. также примеч. 4). Дальнейшему распространению песни способствовали ее многочисленные публикации. Появление текста этой песни, а также стихотворений Л. Радица «Смелей, друзья, идем вперед!» и «Снова я слышу родную „Лучину“» (см. №№ 39, 40) в газ. «Путь правды» вызвало донесение цензора: «Основным мотивом приведенных песен и стихов Л. П. Радица является призыв к революционным выступлениям: автор не только возбуждает в читателях революционное настроение, не только призывает товарищей «духом окрепнуть в борьбе», не только «будит в сердце спасительный гнев», «живое пламя», но и призывает к определенным бунтовщическим действиям...» («Советский фольклор», 1941, № 7, с. 176). Номер газеты был конфискован, тираж (за исключением части номеров, спасенных рабочими — распространителями «Правды») захвачен и уничтожен полицией. Песня завоевала широчайшую популярность в годы революции и гражданской войны.

3. «Летучий листок», 1902, № 7, сентябрь; листовка Петербургского комитета РСДРП, 1904, под заглавием «Молодая Русь». Печ. по ПР, с. 90.

СБ. «ПЕСНИ РЕВОЛЮЦИИ», 1902

4. Сб. 1902, с. 3; ПБ; ПР; «Известия Московского Совета рабочих депутатов», 1905, 9 декабря; Сб. 1906; Сб. 1916; «Вперед!», 1917, 23 марта; «Голос правды», 1917, 28 марта; «Правда», 1917, 7 апреля. Печ. по газ. «Правда». В Сб. 1902 ст. 27: «Кровью народной облитые троны»; ПБ, ПР и «Известия Московского Совета рабочих депутатов» — с подзаголовком «Польская революционная песня». Всюду — без подписи.

Вольный перевод польской революционной песни того же названия, написанной членом польской революционной партии «Пролетариат» Вацлавом Свенцицким (1848—1900) и впервые опубликованной в польском нелегальном журнале «Proletariat», 1883, № 1. Песню эту Г. Кржижановский услышал от заключенных польских революционеров в Часовой башне Бутырской тюрьмы (Москва), где он сидел по делу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». «Подстрочный перевод с польского языка сделали для меня польские товарищи. Мне пришлось в своих стихах довольно существенно переработать текст В. Свенцицкого. Все образы, чуждые сознанию пролетариата, я отбросил, стараясь наполнить песню пролетарским революционным содержанием. Вскоре я закончил текст «Варшавянки», и мы все выучили его наизусть. Настал день отправки в Сибирь. Мы поставили к двери камеры Абрамовича, обладавшего необычай-

ной физической силой, стали в круг и запели...» (Г. Кржижановский, Песни борьбы. — «Советская музыка», 1955, № 12, с. 3—4). В основу мелодии «Варшавянки» (как и ее польской предшественницы) лег мотив «Марша жуавов» на слова Владимира Вольского (1824—1882) — боевой песни польских повстанцев 1863 г. Из Бутырской тюрьмы песня была занесена в минусинскую ссылку, где ее часто распевали политические ссыльные, и в их числе В. И. Ленин. «Ильича хлебом не корми, а только подавай ему «Смело, товарищи, в ногу...» или «Вихри враждебные». При этом он сам главный участник хора и очень темпераментный дирижер» (П. Лепешинский, Владимир Ильич в тюрьме и в ссылке, М., 1934, с. 12). О пении «Варшавянки», а также песен «Красное знамя» и др. во время восстания политзаключенных в Петербурге (1905) см.: М. Эссен, Песни революционного подполья. — «Советская музыка», 1955, № 12, с. 9—10. В апреле 1905 г. департаментом полиции было заведено «Дело... о печатании и распространении под заглавием «Варшавянка» — противоправительственного содержания». Песня широко распевалась в России вплоть до 1917—1918 гг.

5. Сб. 1902, с. 5 (ранее — приложение к газ. «Рабочая мысль», 1900, № 8); ПБ; ПР; Изд. 1906; Сб. 1906; Сб. 1916; «Правда», 1917, 8 марта; «Кавказский рабочий», 1917, 25 марта; «Воронежский рабочий», 1917, 16 апреля и др. Печ. по ПБ, с. 59. В первой публикации —

- ст. 10: То наша кровь горит на нем
- ст. 12—15: Не страшна нам тиранов злоба,
Крепка работы нашей нить.
Что зло, то не минует гроба,
Добро же вечно будет жить!
- ст. 17: Бездушный мир, тупой, холодный.

Строфы 4 и 5 основного текста (не считая припева) переставлены местами. Всюду — без подписи. Перевод песни польского поэта-социалиста Болеслава Червенского (1851—1888) «Czerwony Szlandar», являющейся, в свою очередь, вольным переводом французской революционной песни «Le drapeau rouge», созданной участником Парижской коммуны Ашиль Ле Руа (1841—1929) на основе текста и мелодии одноименной песни участника Коммуны Поль-Мари Брусс (1844—1912) (в мелодии использован припев популярного «Марша фрибургских стрелков»). Текст Б. Червенского был впервые опубликован в нелегальном сборнике революционных стихотворений «Чего ж хотят», выпущенном издательством польской социалистической эмиграции «Рассвет» (Женева, 1882). С этого времени он стал широко распространяться в Польше и за ее пределами. В конце 90-х годов почти одновременно было создано два русских перевода этого текста — Г. М. Кржижановским в Бутырской тюрьме (см. примеч. 4) и В. Акимовым — в эмиграции. Приводимый текст принадлежит В. Акимову, но в ряде изданий советского времени (в том числе и в выпусках «Б-ки поэта») ошибочно приписан Г. Кржижановскому. Текст же Кржижановского в свое время рас-

пространения не получил и затерялся. Подробно об атрибуции текста см.: Е. Гиппиус, П. Ширяева, Красное знамя. В кн.: Биографии песен, М., 1965, с. 111—114.

СБ. «ПЕСНИ БОРЬБЫ», 1902

6. ПБ, с. 10, без подписи (ранее — «Новый сборник революционных песен и стихотворений», Париж, 1898). *Ваал* — у древних сирийцев и финикийцев бог плодородия, в современном языке — символ погони за материальными благами.

7. ПБ, с. 14, без подписи; Изд. 1927, 1934 и 1936 — под заглавием «Песня пролетариев», другие редакции. Приводим полностью текст Изд. 1927:

Кто добыл во тьме рудников миллионы?
Кто сталь для солдатских штыков отточил?
Воздвиг из гранита и мрамора троны,
В ненастье и холод за плугом ходил?
Кто дал богачам и вино и пшеницу
И горько томится в нужде безысходной?
 Не ты ль, пролетарий, рабочий голодный?

Кто с ранней зари и до поздней полночи
Стонал, надрывался под грохот машин,
Тяжелым трудом ослеплял себе очи,
Чтоб в роскоши жил фабрикант-господин?
Кто мощно вертит колесо мировое
И гибнет бесправным, как червь непригодный?
 Не ты ль, пролетарий, рабочий голодный?

Кто гнету насилия века обрекался,
В оковах неволи боролся и жил,
Под знаменем красным геройски сражался
И кровь неповинную жертвенно лил?
О вестник победы!.. Титан непреклонный!
Ты молнии бросил из сумраков ночи...
 Вперед — на борьбу, пролетарий, рабочий!..

Пусть пламя борьбы разрастется пожаром
И бурей пройдет среди братьев всех стран!..
Твердыни насилия мы рушим не даром...
Могуч и един наш воинственный стан...
Победно мы строим мир новый, свободный,
Пусть враг нас встречает предательством черным, —
 Победа близка, пролетарий голодный!..

В Изд. 1934 и 1936 — вышеприведенный текст с иной концовкой:

Пусть враг нас встречает предательством черным, —
Победа за нами, за силой народной!
Победа близка, пролетарий голодный!

По свидетельству автора (см.: А. Богданов, Стихи и революция. — «Литературная газета», 1934, 5 мая), в работе над текстом он пользовался подстрочным переводом польской революционной народной песни «Кто под землей и на земле...» (см. в кн.: «Пролетарские поэты», «Б-ка поэта», Б. с., т. 1, 1935, с. 41), однако созданное им произведение настолько далеко от оригинала, что может считаться самостоятельным.

8. ПБ, с. 20 с подзаголовком «Из Бланчарда», подпись: П. Я. (ранее — в кн.: П. Я., Стихотворения, изд. 2, П., 1898, с подзаголовком «Из Бланчарда, с англ.»). Печ. по ПР, с. 66. Ниже приводим последнюю авторскую редакцию — в кн.: П. Я., Стихотворения, т. 2, изд. 4, П., 1910, с. 42:

ПЕСНЯ ТРУДА

(Из Бланчарда)

Братья, нет силы терпеть! Мы устали
Биться за жизнь, эту жизнь нищеты и печали!
Красного солнца хотим мы, душистых цветов, —
Да, это богу угодно, — мы требуем: «Восемь часов!»

Всюду на фабриках, в доках, в собраниях взывайте народных:
«Восемь часов для труда! Восемь для сна! Восемь — свободных!»
Наши волы, что пасутся, покончивши труд,
Птицы небесные, звери — счастливей живут.

О, если так... для чего же душа в нас живая?
Сдвинемся, братья, сомкнемся! Всюду, от края до края!
Если молчать будет голос нужды и труда,
Камни немые начнут вопиять от стыда!

Верьте: не темная сила — дух правды и света
Нас призывает стоять, не страшась перед богом ответа.
Тот, кому образ свой вечный с любовью он мог даровать, —
В прахе, как червь бессловесный, не должен лежать!

Пусть же звучит и в полях, и в собраниях народных:
«Восемь часов для труда! Восемь для сна! Восемь — свободных!..»

Датируется по беловому автографу (Институт русской литературы АН СССР), имеющему заглавие «Восемь часов (стих. Бланчарда)». Самуэль *Бланчард* (1804—1845) — английский поэт; оригинал приводимого текста в его сочинениях не найден; возможно, что ссылка на Бланчарда сделана автором из цензурных соображений. Тем не менее цензор, мотивируя арест книги, из которой приведен текст, зачислил «Песню труда» в разряд стихотворений, где автор касается «явлений социально-политической жизни современной России, освещающая эти явления с точки зрения самых крайних политических и социальных идей» (Центр. гос. исторический архив в Ленинграде. Дело Гл. управления по делам печати, 1914, № 1579). Стих. многократно перепечатывалось в сборниках, цитировалось в листовках, декламировалось на революционных митингах и вечерах. «Искра» 1 декабря 1902 г. в сообщении из Керчи указывала, что рабочий

Афанасов был в октябре 1902 г. признан неблагонадежным и арестован за найденное у него стихотворение П. Я. «Восемь часов». Рефрен «Восемь часов для труда...» и т. д. стал популярным лозунгом и послужил названием одного из сборников революционной поэзии (М., 1906).

9. ПБ, с. 21 (ранее — «Рабочая мысль», 1899, № 6); ПР — без стрóf 3, 4, 7—12; «Северный рабочий», 1907, 28 апреля. Всюду — без подписи. *Уж прошел и год десятый*. Имеется в виду десятая годовщина со дня принятия Международным социалистическим конгрессом в Париже (1889) решения о праздновании 1-го Мая. Стих пользовалось широкой популярностью, распевалось на рабочих маевках.

10. ПБ, с. 23, подпись: Тан (ранее — «Начало», 1899, № 3, под заглавием «Из Уолта Уитмена» и с подзаголовком «Перевод с английского»); ПР — то же, что ПБ; Сб. 1916 — без заглавия и без подписи; «Правда», 1917, 18 апреля и «Вперед!», 1917, 5 мая — под заглавием «Песня», с подзаголовком «Из Уолта Уитмена», без подписи. В кн.: В. Тан, Стихотворения, изд. 4, П., 1910 — без стрóf 4, 5, 12. Уолт Уитмен (1819—1892) — американский поэт. В приводимом стихотворении использованы мотивы лирики Уитмена, но оно не является переводом какого-либо текста, принадлежащего поэту. Ссылка на него понадобилась автору для обхода цензуры. Песня положена на музыку Д. Шостаковичем (вокальный цикл «Десять поэм на слова революционных поэтов конца XIX и начала XX столетия для смешанного хора без сопровождения»).

11. ПБ, с. 45, без подписи. С. С. Костромин — революционер; будучи в 1898 г. арестован и посажен в Дом предварительного заключения, покончил жизнь самоубийством.

12. ПБ, с. 51, подпись: П. Я. (ранее — с разночтениями — «Мир божий», 1896, № 4). В кн.: П. Я., Стихотворения, 3-е доп. изд., П., 1899 — ст. 19: «Духи мрака, кровь сосите». Написано в ссылке после известия о маевках петербургских рабочих в 1891 г. Текст положен на музыку Р. Глиэром.

13. ПБ, с. 69, под заглавием «Песня рубильщиков» (ранее — в кн.: Л. Мельшин, В мире отверженных, т. 2, П., 1899, без заглавия, без последней строфы). Вошло в кн.: П. Я., Стихотворения, т. 2, изд. 3, П., 1906, по которой нами исправлено заглавие и помечены дата и место написания.

14. ПБ, с. 73, без подписи. Печ. по ПР, с. 83; «Скорпион», 1906, № 1 — под заглавием «Фабричная камаринская», подпись: «Сообщил Ч.», с сокращениями и искажениями. В ПБ ст. 51—52 переставлены местами, ст. 42, 60, 80 отсутствуют, вместо двух последних ст. — след. текст:

Подымайся, как единый человек,
Давай клятву, нерушимую вовек:
Дружно, крепко за товарищей стоять,
Ни на шаг один назад не отступать.

Сложена по типу народных песен о камаринском мужике. Савва Тимофеевич *Морозов* (1862—1905) — текстильный фабрикант.

15. ПБ, с. 76 (ранее — «Рабочая мысль», 1899, № 7). Стихотворная обработка народной сатирической сказки, распространенной среди рабочих в конце XIX в. Приводимый текст распевался на мотив «Песни о Степане Разине» («Из-за острова на стрежень...»).

16. ПБ, с. 80, без подписи. Авторство установлено по кн.: «Сборник революционных песен и стихотворений», Берлин, 1906.

17. ПБ, с. 84, без подписи. *Депутатам от сословий* — имеется в виду депутация земств, принятая царем Николаем II вскоре после его вступления на престол, 17 января 1895 г. Речь царя, обращенная к депутатам, предостерегала от «бессмысленных мечтаний» русских либералов о смягчении самодержавной власти и провозглашении «свобод». *Как папаша управлял*. — Папаша — царь Александр III. Стихотворение пользовалось большой популярностью. По воспоминаниям Д. Петренко (см.: «Каторга и ссылка», 1928, № 3, с. 37), оно еще в 90-е годы распространялось гектографированным изданием, выпущенным в Киеве. «Искра», сообщая в декабре 1901 г. о массовых проводах М. Горького в Нижнем Новгороде в связи с его высылкой за революционную деятельность, в числе песен, исполнявшихся демонстрантами, называет «Депутатам от сословий».

18. ПБ, с. 105, без подписи. Печ. по ПР, с. 20. Последняя авторская редакция — по кн.: «Избранные произведения русской поэзии», сост. В. Бонч-Бруевич, изд. «Знание», П., 1909, с. 224:

Лес рубят — молодой, нежно-зеленый лес...
А сосны старые понурились угрюмо
И, полны тягостной, неразрешимой думы,
Безмолвные глядят в немую даль небес.

Лес рубят... Потому ль, что рано он шумел?
Что на заре будил уснувшую природу?
Что молодой листвой он слишком смело пел
Про солнце, счастье и свободу?

Лес рубят... Но земля укроет семена:
Пройдут года, и мощной жизни силой
Поднимется борцов зеленая стена —
И снова зашумит над братскою могилдой!

Написано в связи с преследованиями царскими властями передового студенчества (отдачей в солдаты в январе 1901 г. 183 киевских студентов за участие в «крамольных действиях»; изъятием у студентов «недозволенной литературы» и т. д.). По свидетельству Скитальца, стихотворение было прочитано автором в петербургском «Союзе писателей» весной 1901 г. в присутствии М. Горького, В. Короленко, Д. Мамина-Сибиряка, К. Станиславского, В. Немировича-Данченко

и др. (см.: сб. «Горький на родине», Горький, 1937, с. 150). Дата этого чтения — 19 февраля 1901 г. — отмечена в донесении полицейского агента (см.: «Русская литература», 1963, № 3, с. 163). После событий 4 марта 1901 г. (см. примеч. 20) стих. получило в России широкое распространение. Его перепечатывали во многих изданиях, декламировали на вечерах, например в Нижнем Новгороде 29 декабря 1904 г.: «Начинается первое отделение. Читают «Буревестника», «Пробуждение потока», «Лес рубят, молодой зеленый лес...». Полиция переговаривается с распорядителями — и вечер объявляется оконченным» («Северо-западное слово», 1905, 6 января).

19. ПБ, с. 112, без подписи. До публикации распространялось в списках, один из которых, за подписью В. В., обнаружен в Тамбовском областном архиве, с донесением орловскому губернатору от елецкого уездного исправника Кононова, датированным 21 марта 1901 г.: «В г. Ельце у некоторых, а может быть и у многих интеллигентных лиц имеется басня в рукописях под заглавием «Ослы и Лев». Кто автор этой басни — мне неизвестно. . . В конце означенной басни сказано: „Просят переписывать и распространять“» («Новый мир», 1956, № 9, с. 279). Печ. с незначительными исправлениями, сделанными по списку. Написано в связи с определением Святейшего синода (высшего учреждения православной церкви в России) от 22 февраля 1901 г. об отлучении от церкви Л. Н. Толстого за его антицерковные и антиправительственные выступления.

20. ПБ, с. 113, без подписи. Список находился в типографии «Искры» в мае 1901 г. Он был известен В. И. Ленину, предполагавшему напечатать его в газете. Посылая типографии два стихотворения (в том числе и данное), Ленин в сопроводительной записке отметил, что это «ходящие по рукам стихотворения, характеризующие общественное настроение» («Исторический архив», 1955, № 6, с. 9). Список хранится в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Первые строки появлялись в виде эпиграфов в революционных прокламах (ст. 1—4: Листовка Киевского комитета РСДРП, 1903; ст. 2—4: Листовка Екатеринославского комитета РСДРП, 1904). Об атрибуции текста см.: В. А. Поссе, Мой жизненный путь, М.—Л., 1929, с. 226 и «М. Горький, Материалы и исследования», т. 1, Л., 1939, с. 193—194. Написано в связи с событиями 4 марта 1901 г. в Петербурге: разгоном полицией и войсками студенческой демонстрации у Казанского собора. Избиение демонстрантов казаками и убийство нескольких студентов вызвало в России широкую волну общественного протеста. В справке департамента полиции, датированной июнем 1901 г., указано: «Бальмонт Константин Дмитриевич. . . 14 марта 1901 г. на благотворительном вечере прочел с эстрады не дозволенное к исполнению цензурой сочиненное им крайне дерзкое и возмутительное стихотворение, за что по постановлению Особого совещания от 7 мая 1901 г. ему воспрещено жительство в столицах, столичных губерниях и университетских городах сроком на 3 года» («Русская литература», 1963, № 3, с. 162). *То было в Турции. . .* — подразумевается царская Россия. . . *глупый маленький султан* — Николай II. *Башибузуки* — вооруженные турецкие конники, здесь: разбойники.

21. ПБ, с. 116; «Южный рабочий», 1902, № 8, февраль, под заглавием «Солдатская песня», без стрóf 15, 18—22, 24, 25, с иным расположением стрóf 16, 17 (между стрóфами 11 и 12, в обратном порядке) и с разночтениями в тексте. Перепев сатирической песни Л. Н. Толстого «Как четвертого числа...» (получившей распространение в качестве «солдатской севастопольской песни»), написанной по поводу сражения 4 августа 1855 г. с войсками союзников на реке Черной, закончившегося неблагоприятно для русских войск. 4 марта 1901 г. — см. примеч. 20. *Фараон* — здесь: полицейский (презрительная кличка). Н. В. *Клейгельс* (1850—1911) — петербургский градоначальник, руководил «усмирением» демонстрантов. Л. Д. *Вяземский* — член Государственного совета, был свидетелем кровавой расправы и пытался «усоветить» карателей, за что впоследствии получил выговор от царя и был выслан из Петербурга.

22. ПБ, с. 119, без подписи (ранее — «Рабочее дело», 1901, № 9). В Изд. 1934 и 1936 — под заглавием «Опричники», ст. 5—7:

Опричники не умерли! Трубят они поход.
Расправы дикой, вражеской с тревогой ждет народ.
И гибнут, гибнут честные, что ринулися в бой.

ст. 10—12:

Настанет день возмездия, свершится правый суд.
На плитах окровавленных в грозе иных времен
Растут полки народные, — их будет легион...

Написано в связи с разгоном и избитием демонстрации 4 марта 1901 г. в Петербурге (см. примеч. 20). ...*Врываются в собор*. Часть демонстрантов пыталась скрыться в Казанском соборе от преследования полиции.

23. ПБ, с. 120 (ранее — «Жизнь», 1901, № 4), ПР. «Вряд ли в нашей литературе можно найти произведение, которое выдержало бы столько изданий, как «Буревестник» Горького. Его перепечатавали в каждом городе, он распространялся в экземплярах, отпечатанных на гектографе и на пишущей машинке, его переписывали от руки, его читали и перечитывали в рабочих кружках и в кружках учащихся. Вероятно, тираж «Буревестника» в те годы равнялся нескольким миллионам» (Е. Ярославский. См.: «Революционный путь Горького», М.—Л., 1933, с. 8—9). «В обществе чувствовалась энергия к борьбе, — вспоминает М. Калинин. — «Буревестник» Горького как бы обобщил настроение, желание бороться с самодержавием, с его порядками» (сб. «М. И. Калинин о литературе», Л., 1949, с. 158).

ЛИСТОВКИ, 1901—1904

24. Листовка Николаевского комитета РСДРП, гектографированная, без даты, предположительно 1901 (ранее — «Южный рабочий», 1900, № 1); ПБ — без последней стрóфы. Вскóду — без подписи. Вольный перевод польской революционной песни, написанной в 1889 г. студентом Львовского университета, позднее — литературоведом Александром Колесса (1867—1945) и распевавшейся на му-

зыку львовского композитора А. Вахнянина к исторической песне К. Устияновича «Ярополк». Текст ее стал известен Г. Кржижановскому во время встречи с польскими революционерами в Бутырской тюрьме (Москва). Заключительное четверостишие в польском тексте отсутствовало, оно приписано переводчиком. Песня была занесена Кржижановским в минуинскую ссылку (Сибирь). Она принадлежала к числу любимых песен В. И. Ленина (см.: Г. Кржижановский, Вместо вступления. В кн.: «Первые песни вождю», М., 1926, с. 7—8).

25. Листовка Одесского комитета РСДРП, 1902, февраль. Текст положен на музыку Д. Шостаковичем (вокальный цикл «Десять поэм...» — см. примеч. 10).

26. Листовка Елисаветградского комитета РСДРП, 1903, без подписи.

27. Листовка Киевского комитета РСДРП, гектографированная, без даты; ПР; «Известия Московского Совета рабочих депутатов», 1905, 9 декабря; «Забайкальский рабочий», 1906, 9 января, без ст. 16—19, с изм. Печ. по газ. «Правда», 1917, 11 марта. В ПР перед текстом — две строфы песни «Дубинушка» («Много песен слышал я в родной стороне...»). В «Известиях Московского Совета рабочих депутатов» ст. 5: «Эх, машинушка, ухнем!»; ст. 8: «Старый строй изменил капитал-властелин»; ст. 14: «Правит Русью купец золотою сумой», последние 2 строфы:

Мы разрушим вконец твой роскошный дворец
И оставим лишь пепел от трона.
И порфиру твою мы отыдем в бою
И разрежем ее на знамена.

Фабрикантов, купцов, твоих верных сынов,
Мы, как ветер, развеем по полю
И на место нужды и несчастья рабов
Установим великую волю.

Предпоследняя строфа приведена в тексте листовки Московского окружного комитета РСДРП, декабрь, 1905. Всюду — без подписи. Переделка популярной песни «Дубинушка», созданной А. А. Ольхиным (1839—1897), впервые опубликованной в 1885 г. и являющейся, в свою очередь, переработкой «Дубинушки» В. И. Богданова (1837—1886), впервые опубликованной в 1865 г. Широко распространенная в разных вариантах среди русских рабочих «Дубинушка» начиная с 1905 г. вытеснялась «Машинушкой», которая распевалась на тот же (народный) мотив.

28. Листовка Киевского комитета РСДРП, 1904, июль, подпись: З—ин. *Пишут с Дальнего Востока...* — т. е. из районов боевых действий в период русско-японской войны. Х. Того (1847—1912) — японский адмирал; командовал флотом, блокировавшим Порт-Артур. Т. Куроки — японский генерал, командовал 1-й армией, высадившейся в Корею. *Взял в аренду Порт-Артур.* По конвенции с Китаем

Россия в 1898 г. приобрела в аренду на 25 лет Квантунский полуостров вместе с Порт-Артуром. *Иван Сусанин* (ум. 1613) — крестьянин села Домнино Костромской губ.; будучи взят в проводники отрядом польских интервентов, завел их в непроходимые леса, за что поплатился жизнью; согласно легенде, пущенной монархистами, Сусанин совершил свой подвиг якобы для спасения царя. *Романов род* — царская династия Романовых.

Сб. «ПЕРЕД РАССВЕТОМ», 1905

29. ПР, с. 1 (ранее — «Курьер», 1902, 13 декабря). Песня часто исполнялась автором под аккомпанемент гуслей на литературных вечерах в 1902—1905 гг. (см.: Н. Телешов, Записки писателя, М., 1948, с. 46—48; П. Бейсов, Заметки о Скитальце. — «Ученые записки Ульяновского гос. педагогического института», вып. 7, 1955, с. 218—220). Незадолго до смерти, в 1941 г. Скиталец создал новый вариант произведения (см.: П. Бейсов, с. 228—230).

30. ПР, с. 6, без заглавия, с посвящением, подпись: Данин (ранее — «Жизнь», 1902, № 5). Печ. по Д—н, с. 21. *Зовет на путь непротивленья*. Имеется в виду толстовская проповедь «непротивления злу насилием». Вспоминная свою встречу с Л. Толстым летом 1894 г., вторую по счету (первая состоялась годом раньше), А. Коц пишет: «На этот раз я думал не о Толстом-художнике, творце «Войны и мира», а о Толстом-учителе, проповеднике непротивления злу. Одно время, в дни ранней юности, я увлекался этим учением, но вскоре освободился от его влияния. Почему-то сегодня, сейчас я почувствовал особенно остро противоречие между философией непротивления и диким произволом самодержавия, которое давило меня так же, как миллионы других» («Две встречи с Л. Н. Толстым» — в кн.: А. Коц, Стихотворения, М., 1957, с. 129).

31. ПР, с. 13 (ранее — «Жизнь», 1902, № 5, под заглавием «Пролетарская»); Прив., 1917, 18 апреля; «Вперед!», 1917, 27 апреля, сокращенный текст (ст. 1—12). Всюду — без подписи. Печ. по Д—н, с. 8. *Марсельеза* — французская революционная песня, зародившаяся в период буржуазной революции (1792), автор текста и музыки — Руже де Лиль (1760—1836); была популярна в России, среди участников революционного движения, до появления русского текста «Интернационала» (см. примеч. 32). А. Коц, по его признанию, сочинил «Песню пролетариев» для того, чтобы заменить устаревший текст «Марсельезы»; в припеве, по его же словам, он хотел выразить основную идею «Коммунистического манифеста» (письмо В. Д. Бонч-Бруевичу 28 июня 1930 г. — см.: А. Коц, Стихотворения, М., 1957, с. 136).

32. ПР, с. 14 — с подзаголовком «На мотив «L'Internationales» (ранее — «Жизнь», 1902, № 5); «Северо-западный край», 1905, 2 ноября — без заглавия; «Известия Московского Совета рабочих депутатов», 1905, 9 декабря — под заглавием «Интернационал» (то же — Сб. 1906; Д—н; Изд. 1916; «Пролетарский голос», 1916, 1 мая; «Социальдемократ», 1917, 18 марта; «Вперед!», 1917, 21 марта; «Крас-

ное знамя», 1917, 18 апреля и др.; отдельные издания — нотные тетради, листовки, почтовые открытки); «Правда», 1917, 5 марта — под заглавием «Международный гимн (Интернационал)» (то же — «Голос правды», 1917, 16 марта; «Воронежский рабочий», 1917, 10 апреля; «Вперед!», 1917, 16 апреля; «Окопная правда», 1917, 18 июля); «Кавказский рабочий», 1917, 18 марта — под заглавием «Интернационал. Пролетарский гимн» (то же — Прив., 1917, 23 марта; «Сибирская правда», 1917, 2 апреля). Печ. по газ. «Известия Московского Совета рабочих депутатов», где дан наиболее распространенный, утвердившийся в устной традиции дооктябрьского периода текст. В газ. «Северо-западный край» ст. 13—14: «Никто не даст нам обновления, ни бог и ни герой!». В изд. 1906 — ст. 5: «Весь мир насилия мы разрушим». В Д—н — ст. 28: «Так разве солнце перестанет». В газ. «Кавказский рабочий» и Прив. — ст. 1: «Восстань, проклятем заклеченный». В газ. «Социалдемократ» — ст. 27: «Для своры наших палачей». В газ. «Вперед!» — без ст. 17—20, 26—29. В «Сибирской правде» — ст. 28: «Сильней и ярче солнце станет». В газ. «Красное знамя» — ст. 7: «На нем наш новый мир построим», ст. 27: «На свору псов и палачей». В изданиях советского времени, начиная с 1920 г. («Песни революции», Новороссийск, 1920; «Песни революции», Красноярск, 1920 и др.) — ст. 5: «Весь мир насилия мы разрушим»; ст. 1 припева: «Это есть наш последний». Вариант этих строк — народный, известен с 1918—1919 гг.

«Интернационал» А. Коца — вольный перевод 1-й, 2-й и 6-й строф одноименной песни французского поэта, участника Парижской коммуны Эжена Потье (1816—1887); песня Потье написана в июне 1871 г., после поражения Парижской коммуны, и впервые опубликована незадолго до смерти поэта в кн.: «Eugene Pottier. Chants Révolutionnaires». Paris, 1887. Музыку на этот текст сочинил в 1888 г. французский рабочий, любитель-музыкант Пьер Дегейтер (1848—1932), под руководством которого она была разучена рабочим хорovým кружком в Лилле, затем приобрела известность в других городах Франции и в течение некоторого времени была гимном французских социалистов. В 1899 г. она исполнялась на первом объединенном конгрессе французских социалистических организаций. На этом конгрессе, в числе гостей, русских эмигрантов, присутствовал А. Коц.

«. . Впечатление, которое произвело на меня тогда пение «Интернационала», осталось неизгладимым. К тому же оно сыграло свою роль: под влиянием именно этого впечатления во мне зародилось впервые смутное желание выразить на родном языке слова этого прекрасного гимна. Желание это постепенно во мне оформлялось и крепло, по мере того как нарастали впечатления моего пятилетнего пребывания в Париже в годы моей учебы в École des Mines (Горный институт) с 1897 по 1902 год. Сколько раз мне приходилось за это время слышать «Интернационал» не только на съездах и конгрессах, но и на улицах Парижа во время рабочих демонстраций, в день Первого мая, в день Коммуны, во время знаменитого дела Дрейфуса и т. д. Не только слышать, но и петь, сливаясь с голосами десятков тысяч рабочих и мечтая о том дне, когда эту песню будут распевать по улицам русских городов. В 1902 г., перед своим отъездом из Франции в Россию, я написал русский текст «Ин-

тернационала»...» (А. Коц, Наш гимн. В его кн.: Стихотворения, М., 1957, с. 109).

Текст этот исполнялся русскими эмигрантами на музыку Дейгейтера.

Благодаря этой песне русские социал-демократы, как вспоминает В. Д. Бонч-Бруевич, «сразу стали отличать даже своим пением на всех уличных демонстрациях и собраниях и от социал-революционеров, и от анархистов, и от всех других промежуточных политических групп эмиграции. Они продолжали во всех торжественных и боевых случаях петь свое старое «Отречемся от старого мира...», а наши ряды озарялись «Интернационалом». Он всюду проник в рабочие организации уже в царской России, и мощная боевая песня пролетариата оглашала и уличные демонстрации, и рабочие и студенческие вечеринки не только эмигрантских колоний, но и революционные выступления наших товарищей в России» (В. Бонч-Бруевич, Автор «Интернационала». — «На литературном посту», 1931, № 2, с. 10).

Русские издания «Интернационала» жестоко преследовались властями. В описи «литературы преступного содержания», обнаруженной в августе 1906 г. при аресте участников Виленской военно-революционной организации РСДРП, наряду с другими большевистскими изданиями, значились: «10 экземпляров гектографированного стихотворения, озаглавленного «Интернационал» и изданного от имени „Военно-революционного комитета“» и «27 бланков открытых писем с отпечатанными на оборотной стороне нотами и текстом песни революционного содержания „Варшавянка“ и „Интернационал“» («Революция 1905—1907 гг. в Литве», Вильнюс, 1961, с. 455). В июле 1908 г. в Канцелярии Главного управления по делам печати было заведено «Дело... о наложении ареста на нотную тетрадь „Интернационал“» (хранится в Центр. гос. историческом архиве СССР).

Эти репрессии не могли помешать распространению песни, которая стала гимном русской революции и международным гимном рабочих. «Интернационал» исполнялся на III и IV съездах РСДРП, на конгрессах и конференциях других марксистских партий. «Эта песня, — писал В. И. Ленин в 1913 г., — переведена на все европейские и не только европейские языки. В какую бы страну ни попал сознательный рабочий, куда бы ни забросила его судьба, каким бы чужаком ни чувствовал он себя, без языка, без знакомых, вдали от родины, — он может найти себе товарищей и друзей по знакомому напеву «Интернационала». Рабочие всех стран подхватили песню своего передового борца, пролетария-поэта, и сделали из этой песни всемирную пролетарскую песнь» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 22, с. 273).

На протяжении двадцати семи лет «Интернационал» был гимном Советского государства. 26 октября 1917 г. он исполнялся на Втором Всероссийском съезде Советов, провозгласившем Советскую власть (см.: «Второй Всероссийский съезд Советов. Протоколы», Кронштадт, 1917, с. 18. Подробное описание — в кн.: Джон Рид, Десять дней, которые потрясли мир, М., 1957, с. 120). В январе 1918 г. — на Третьем Всероссийском съезде Советов (см.: «Третий Всероссийский съезд Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов», П., 1918, с. 4—5). Далее — на всех форумах Со-

тов, митингах и собраниях трудящихся — до 1 января 1944 г., когда был введен «Гимн Советского Союза». Начиная с Лондонского съезда РСДРП (1905) и по настоящее время «Интернационал» является гимном Коммунистической партии.

33. ПР, с. 15, без подписи (ранее — «Народ», 1891, № 20—21, с редакционным примечанием: «Этим мы исполнили обещание, данное недавно в шутку одному чеху в Галиции, восхищавшемуся музыкой «Боже, царя храни», написать к ней новый текст, более соответствующий положению России и ее повелителя... Особенно это нужно теперь, когда *миллионы русских людей гибнут от голода...*»). В некоторых сборниках революционной поэзии («Пролетарские поэты», т. 1, Л., 1935; «Революционная поэзия», Л., 1954) текст ошибочно приписывался А. Богданову (см.: Л. Жак, Заметки об А. Богданове. — «Вопросы литературы», 1959, № 11, с. 197). *Боже, царя храни* — заглавие и первая строка официального гимна царской России. Стихотворение является пародией на этот гимн.

34. ПР, с. 28, без подписи. Печ. по кн.: В. Г. Тан, Стихотворения, изд. 4, П., 1910, с. 112, где исправлены неточности, допущенные при первой публикации. Написано к десятилетию со дня смерти Н. Г. Чернышевского. *Над русскою великою рекою могила есть...* Н. Г. Чернышевский умер и похоронен в Саратове. *Удел его опальный...* С 1864 по 1883 г. Чернышевский, приговоренный за революционную деятельность к семи годам каторги и вечному поселению, находился в Сибири.

35. ПР, с. 29, без подписи. Перепев «Казачьей колыбельной песни» М. Ю. Лермонтова. Написано не позднее 1902 г. (дата завершения подготовки сб. «Перед рассветом» — см. вступительную статью, с. 9—10). Авторство установлено по кн.: О. К. Умова, «С миру по нитке», П., 1907.

36. ПР, с. 31, без подписи. Перепев стихотворения М. Ю. Лермонтова «Сосна». Сатира на царя Александра III.

37. ПР, с. 32, без подписи (ранее — «Рабочая мысль», 1901, № 12). Печ. по Изд. 1916, с. 239. В ПР — ст. 1—2:

Что ты плачешь, ветер, стонешь, замирая,
Ты куда несешься? Из какого края?

ст. 7—10:

В дальней деревушке — бедной, неприглядной —
Слышал плач крестьянский, ропот безотрадный.
В городах цветущих слышал стон голодных,
Лязг станков рабочих, свист ремней приводных,
Проституток, нищих горестные лица
И от смрадных фабрик мчался я, как птица.

Вместо ст. 11—16:

На пути я встретил честную дружину.
Море братской крови залило равнину,

Трупы освещало солнце небосклона,
И как вестник смерти я влачил знамена.

Ст. 19—20 отсутствуют. В Изд. 1934 и 1936, в дополнение к редакции Изд. 1916, после ст. 16 дано цитированное выше четверостишие (ст. 11—16). Изменены также ст. 15—16:

Изб раскрыты крыши, стон рабов бездолжных,
Кровь и язг железа на межах попольных.

Датируется по Изд. 1936.

38. ПР, с. 46, подпись: Слесарь (ранее — «Жизнь», 1902, № 6).

39. ПР, с. 82, без заглавия. «Путь правды», 1914, 1 мая, под заглавием «Лучинушка» (номер конфискован, см. примеч. 2). Написано на пересыльном этапе по пути следования автора из Таганской тюрьмы (Москва) в вятскую ссылку. «*Лучина*» — припев «Догорай, моя лучина...» в народной песне «То не ветер ветку клонит...».

40. ПР, с. 82. «Путь правды», 1914, 1 мая (номер конфискован, см. примеч. 2). Написано в вятской ссылке, незадолго до смерти автора. Положено на музыку Д. Шостаковичем (вокальный цикл «Десять поэм...» — см. примеч. 10).

41. ПР, с. 100, без подписи. О датировке см. примеч. 35.

«ВПЕРЕД», 1905

42. «Вперед», 1905, 2 марта, под заглавием «Знамя свободы», без подписи. Печ. по НЖ, 1905, 28 октября. Вошло в кн.: Н. Тэффи, *Семь огней*, П., 1910 — с посвящением К. Платонову и незначительными разночтениями в тексте.

43. «Вперед», 1905, 26 апреля, без заглавия, подпись: «Рабочий»; листовка Московского комитета РСДРП, 1905, без подписи; «Голос правды», 1917, 23 марта, подпись: Матрос. Печ. по тексту листовки. В газ. «Вперед» — с предисловием редакции: «Нам пишут, что приводимое здесь стихотворение очень популярно среди рабочих: многие товарищи-рабочие знают его наизусть и просят напечатать его во „Вперед“». Стих. было прислано в редакцию В. Д. Бонч-Бруевичем, записавшим текст в России со слов рабочего. В газ. «Голос правды» — сокращенный и видоизмененный вариант, в котором использованы строфы 1, 8, 10, 21. Фольклорный вариант — см.: М. Друскин, *Революционные песни 1905 года*. — «Советское искусство», 1937, 17 февраля. *9-е января* 1905 г. — день расстрела в Петербурге мирной манифестации рабочих, шедших к царскому дворцу с петицией об удовлетворении насущных нужд трудящихся. *Привел нас священник...*, Имеется в виду Георгий Аполлонович Гапон

(1870—1906), который, будучи тайным агентом полиции, организовал в 1904 г. «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга», имевшее целью отвлечь рабочих от революционной борьбы. Шествие к Зимнему дворцу было проведено по его инициативе. Приписываемые ему в строфе 13 слова, обращенные к Николаю II («Палач и убийца, проклятье тебе...»), отражают распространенное в ту пору среди рабочих представление, что Гапон противостоял царю в борьбе за интересы рабочих.

«ПРОЛЕТАРИЙ», 1905

44. «Пролетарий», 1905, 9 августа. *К юбилею 9 января* — 9 июля 1905 г. исполнилось полгода со дня расстрела рабочих в Петербурге — см. примеч. 43.

45. «Пролетарий», 1905, 1 сентября; «Забайкальский рабочий», 1906, 3 января, без подписи. Перепев стихотворения Г. Гейне «Два гренадера», известного в русском переводе М. Л. Михайлова. Написано по поводу состоявшегося 6 июня 1905 г. посещения царя Николая II земскими деятелями; визит явился попыткой сговора либеральной буржуазии с царским самодержавием. Комментируя это событие, В. И. Ленин в одном из предыдущих номеров «Пролетария» писал: «Доволен царь, довольны либеральные буржуа. Они готовы заключить прочный мир друг с другом. Довольно самодержавие и полиция (истинно русские народные начала). Доволен денежный мешок (с ним будут отныне постоянно и правильно советовать ся). Довольны ли будут рабочие и крестьяне, интересы которых проторговывают буржуазные предатели?» (Полн. собр. соч., т. 10, с. 297). *И. И. Петрункевич* (1844—1928) — земский деятель, один из основателей и лидеров партии кадетов. *С. Н. Трубецкой* (1862—1905) — князь, либерал, профессор философии; на встрече с Николаем II произнес программную речь. *П. Б. Струве* (1870—1944) — буржуазный экономист и философ, в прошлом — «легальный марксист»; по словам В. И. Ленина, он «начал с оппортунизма, с «критики Маркса», а докатился в несколько лет до контрреволюционного буржуазного национал-либерализма» (Полн. собр. соч., т. 24, с. 330). В 1905 г. находился в эмиграции. См. также примеч. 96. *В бумажке печатной царь всё переврал...* В ответной речи царь заявил: «Моя царская воля созвать народных представителей непоколебима», что было оценено депутацией как обещание парламентского строя; однако в официальном тексте речи, отосланном позднее депутатам, эти слова были приведены так: «Моя царская воля непоколебима». *Недаром лакей из дворцовой людской...* Имеется в виду следующий эпизод, произошедший во время посещения царского дворца: по выходом Николая II дворцовые слуги заметили, что у Петрункевича нет белых перчаток. Тогда представитель царской свиты полковник лейб-гвардии Путятин снял свои перчатки и передал их Петрункевичу. *Конфуций* (Кун-цзы, ок. 551—479 до н. э.) — древнекитайский ученый (философ, историк, собиратель народного творчества). *В «Искре» на днях прочитал...* В 1905 г. газ. «Искра» издавалась меньшевиками.

46. НЖ, 1905, 27 октября.

47. НЖ, 1905, 1 ноября. Дмитрий Федорович *Трепов* (1855—1906) — генерал-губернатор Петербурга, начальник столичного гарнизона и товарищ министра внутренних дел; осуществлял подавление революционных действий в столице. В конце октября 1905 г. был снят с этих постов и назначен комендантом царского дворца. *Мессия* — здесь: спаситель. *Патронов не жалеть!* — приказ Трепова войскам и полиции в дни октябрьской стачки 1905 г.

48. НЖ, 1905, 13 ноября. В кн.: Н. Минский, Полн. собр. стихотворений, изд. 4, т. 1, П., 1907 — строфа 2:

Станем стражей вокруг всего земного шара
И по знаку, в час урочный все — вперед!
Враг смутится, враг не выдержит удара,
Враг падет — и возвеличится народ.

После первой публикации 15 ноября в НЖ была напечатана статья Галерки (М. Ольминского) «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». «В этих четырех словах, — говорится в статье, — заключен глубочайший смысл, которого не исчерпаешь ни в газетной статье, ни в книге, ни в многотомном сочинении... И вся деятельность социал-демократической партии должна находиться в неослабном, строгом, безусловном соответствии с ее лозунгом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

49. НЖ, 1905, 17 ноября.

50. НЖ, 1905, 18 ноября.

51. НЖ, 1905, 25 ноября. 9 января — см. примеч. 43. *Невысокий насыпан курган* — братская могила жертв 9 января в районе Преображенского кладбища (Петербург).

ЛИСТОВКИ, 1905—1906

52. Листовка Московского комитета РСДРП, без даты (конец октября 1905 г.). Николай Эрнестович *Бауман* (1873—1905) — революционер-большевик, один из ближайших помощников В. И. Ленина в создании «Искры», с 1903 г. руководил Московским комитетом партии. 18 октября 1905 г. был убит в Москве черносотенцем. Похороны Баумана (20 октября) превратились в мощную революционную демонстрацию.

53. Листовка Красноярского комитета РСДРП, 1906, 17 июня, без подписи; «Солдатская жизнь», 1906, № 2—3, февраль, подпись: Вас. Чужой; «Казарма», 1906, № 8 июля, подпись: Рабочий; «Штык», 1907, № 5, июнь. В «Казарме» вместо ст. 13—32:

Но верю я, скоро поймешь ты, что это
Враги обманули тебя;

И к новому счастью, свободе и свету,
Как братья, пойдем мы, любя.

В газ. «Штык» — то же, с незначительными отличиями.

54. Листовка военной организации РСДРП Финляндии, без даты, под заглавием «Песня солдат», подпись: Артиллерист. Печ. по газ. «Казарма», 1906, 12 августа, где помещен более исправный текст. *Кронштадт и Свеаборг* — имеются в виду революционные восстания солдат и матросов Балтийского флота в Кронштадте (19—20 июля 1906 г.) и в крепости Свеаборг близ Гельсингфорса (17—20 июля 1906 г.), жестоко подавленные царизмом.

55. Листовка Петербургской военной организации РСДРП, без даты, без подписи; «Голос солдата», 1906, 14 ноября, под заглавием «Перед смертью», подпись: Тан, с незначительными разночтениями; «Голос правды», 1917, 28 мая, под заглавием «Минерам (из песен 1906 г.)», в сопровождении статьи Г. Силина «Восстание минеров». Написано в связи с казнью семи матросов-минеров, участников Кронштадтского восстания (см. примеч. 54). А. А. *Адлерберг* — генерал-майор, командовал 24-й пехотной дивизией. *Генерал подошел к ним...* Имеется в виду генерал Ракинт, приводивший в исполнение приговор.

«ГОЛОС СОЛДАТА», 1905—1906

56. «Голос солдата», 1905, 23 декабря; «Солдат», Либава, 1906, 8 марта. Всюду — без подписи. Переделка (с сокращениями) солдатской революционной песни «Братцы! Дружно песню грянем...», впервые опубликованной в кн.: «Солдатские песни», Лондон, 1862.

57. «Голос солдата», 1906, 6 марта (ранее — «Пробуждение», 1906, № 1, с. 10).

58. «Голос солдата», 1906, 17 апреля, без подписи.

59. «Голос солдата», 1906, 27 июля, подпись: Иван Крамольный. *Гончий пес* — подразумевается Г. А. Мин (1855—1906) — командир лейб-гвардии Семеновского полка, известный своими карательными действиями против революционеров. *Осел* — подразумевается А. Н. Куропаткин (1848—1925) — генерал, военный министр. *Тр-пов* — см. примеч. 47. *Когда война пошла...* — русско-японская война 1904—1905 гг., в которой Куропаткин был главнокомандующим сухопутными, а затем всеми вооруженными силами русских в Манчжурии. *Вора-пса отправил крамолу усмирять*. Речь идет о подавлении вооруженного восстания московских рабочих в декабре 1905 г. *Дивизионным генералом* — 1906 г. Мин был произведен из полковников в генералы.

60. «Голос солдата», 1906, 25 августа, подпись: Всеволод. Георгий Александрович *Мин* — см. примеч. 59. Написано в связи с террористическим актом революционерки З. Конопляниковой, совершенным 13 августа 1906 г. в Новом Петергофе против генерала

Мина. «Казарма» 5 сентября 1906 г. опубликовала редакционную статью «Надгробное слово Мину», в которой перечисляла «заслуги» убитого перед царским самодержавием. *Ты знал одно лишь слово: «Бить!»*. Имеется в виду приказ Мина Семеновскому полку перед подавлением Московского восстания (15 декабря 1905 г.): «Арестованных не иметь и действовать беспощадно». *Свеаборг, Ревель и Кронштадт* — гарнизоны и крепости, где в 1905—1906 гг. происходили революционные восстания солдат и матросов (см. примеч. 54).

ГАЗЕТЫ, 1905—1906

61. «Вперед (Книжный рынок)», 1905, 2 декабря, подпись: Сергей П.; «Вперед!», 1917, 19 сентября, с той же подписью.

62. «Кавказский рабочий листок», 1905, 6 декабря, без подписи.

63. «Борьба», 1905, 7 декабря; «Молодая Россия», 1906, 4 января, подпись: Тарасов (номер конфискован); «Уфимский рабочий», 1906, 22 октября, без подписи; «Истина», 1907, № 3, без подписи. Вошло в кн.: Е. Тарасов, Стихи 1903—1905 (М.), 1906.

64. «Забайкальский рабочий», 1905, 7 декабря, без подписи.

65. «Молодая Россия», 1906, 4 января (номер конфискован). Вошло в кн.: Скиталец, Рассказы и песни, т. 2, П., 1907.

66. «Солдатская жизнь», 1906, 5 февраля, подпись: Гренадер; «Голос солдата», 1906, 9 апреля, без заглавия и без подписи. Перепев стихотворения Г. Гейне «Два гренадера» (см. примеч. 45). *От павших твердынь Порт-Артура* — имеется в виду осада крепости Порт-Артур японскими войсками, закончившаяся 20 декабря 1904 г. поражением русского гарнизона. *Толпа изнуренных рабочих...* Далее описывается день 9 января 1905 г. (см. примеч. 43). *Александровский парк* — перед зданием Адмиралтейства (неподалеку от Зимнего дворца) в Петербурге; дети, взобравшись на деревья этого парка, наблюдали за манифестацией рабочих и вместе с последними попали под пули солдат. *Цусимский бой* — см. примеч. 81. *Где их броненосец стоит...* Подразумевается броненосец «Князь Потемкин-Таврический», команда которого в июне 1905 г. подняла революционное восстание.

67. «Солдат», Либава, 1906, 15 апреля, без подписи. *«Выходи, о друг мой нежный...»* — из арии Мефистофеля в опере «Фауст»; *«Оглянуться не успели...»* — из басни И. А. Крылова «Стрекоза и Муравей» (точнее: «Оглянуться не успела»); *«Ноги босы, грязно тело...»* — из стих. Н. А. Некрасова «Школьник»; *«Что ты ржешь, мой конь ретивый...»* — из стих. А. С. Пушкина «Конь»; *«Страшно, страшно поневоле...»*, *«В поле бес нас водит, видно...»*, *«Посмотри: вон-вон играет...»* — из стих. А. С. Пушкина «Бесы»; *«Птичка божия не знает...»* — из поэмы А. С. Пушкина «Цыганы»; *«Гром победы, раздавайся...»* — из стих. Г. Р. Державина «Ода кадрили»; *«Спой мне песню, как синица...»* — из стих. А. С. Пушкина «Зимний

вечер». Цитаты в остальных строфах — из популярных народных песен и романсов. *Артур* — Порт-Артур, см. примеч. 66. *Того* — см. примеч. 28. *А. Ноги* (1849—1912) — японский генерал; командовал войсками, осаждавшими Порт-Артур. *Камимура* — японский генерал. «*Варяг*» — русский крейсер, «*Кореец*» — русская канонерская лодка; оба корабля героически сражались с превосходящими силами японского флота у Чемульпо (западный берег Кореи) 27 января 1904 г., нанеся им большие потери. *Куропаткин* — см. примеч. 59. *И. Ойяма* (1841—1916) — японский фельдмаршал; командовал войсками, нанесшими поражение русской армии Куропаткина. Распелось на мотив «Дело было под Полтавой...».

68. «Солдат», Либава, 1906, 31 декабря; «Казарма», 1907, 25 января. Всюду — без подписи.

69. «Волна», 1906, 30 апреля.

70. «Волна», 1906, 7 мая, подпись: Д. Ц.

71. «Вперед», 1906, 11 июня, подпись: К. Левый (номер конфискован). На мотивы одноименной поэмы американского поэта Эдгара По (1809—1849), известной в русском переводе К. Бальмонта.

72. «Голос труда», 1906, 1 июля (номер конфискован).

«САМАРСКАЯ ЛУКА», 1906

73. СЛ, 1906, 3 сентября, подпись: Ф. Г.

74. СЛ, 1906, 1 октября.

75. СЛ, 1906, 13 октября, подпись: Скорбный.

76. СЛ, 1906, 7 ноября, подпись: Зигзаг. В. Н. Коковцев, точнее — Коковцов (1853—1926) — граф, министр финансов; строил бюджет государства на винной монополии и внешних займах. *Витте* — см. примеч. 1; с 1903 г. Витте был председателем Комитета министров и Совета министров, в апреле 1906 г. получил отставку. *И. Мендельсон* — немецкий банкир. П. Н. *Дурново* (1844—1915) — министр внутренних дел в кабинете Витте, прославился жестоким усмирением революционного движения. П. А. *Столыпин* (1862—1911) — министр внутренних дел, сменивший Дурново и получивший также (в июле 1906 г.) пост председателя совета министров; осуществлял свирепую расправу с революционным движением, насаждал «хуторскую» систему в деревне.

77. СЛ, 1906, 12 ноября, подпись: Зигзаг. *Западный край* — черта оседлости для лиц еврейского происхождения. *На железной дороге в прошлом году в октябре*. Подразумевается железнодорожная забастовка в октябре 1905 г.

78. СЛ, 1906, 19 ноября, подпись: А-нов. В Изд. 1936: ст. 37—40:

С досады же (ой, грех какой!),
В отместку демократам,
Лука за службою святой
Крыл прихожан и матом. . .

ст. 45—48:

Везде проклятья, ропот, плач. . .
Один Лука сияет,
С крестом и в ризе, как палач,
Пасомых поучает:

ст. 57—60:

Презрите жизни сей тщету,
Не будьте в вере шатки!
Ну, подходите ж ко кресту,
Ложитесь в порядке!

Датируется по Изд. 1936.

79. СЛ, 1906, 26 ноября, с подзаголовком «Памяти погибших»,
подпись: Антонов. Печ. по Изд. 1916, с. 237.

«КАЗАРМА», 1906—1907

80. «Казарма», 1906, 5 октября, без подписи. Печ. по кн.: Д. Цензор, Стихотворения, Л., 1940, с. 25, где исправлены неточности, допущенные при первой публикации.

81. «Казарма», 1906, 26 октября, без подписи; «Уфимский рабочий», 1906, 17 декабря, без заглавия, без подписи, отрывок (последние 5 строф). В кн.: В. Г. Тан, Стихотворения, изд. 4, П., 1910 — строфа 16:

От Камы до желтого спрута,
Как буйного моря волна,
Растет беспощадная смута,
Кипит роковая война.

Цусима — острова в Корейском проливе, где 14—15 мая 1905 г. произошло морское сражение между 2-й Тихоокеанской эскадрой русского флота и японским флотом; во время сражения погибло 27 русских кораблей.

82. «Казарма», 1906, 26 ноября, без подписи (ранее — «Жупел», 1906, № 3, под заглавием «Песня солдатская», с тем же подзаголовком, подпись: Шпак). Написано в связи с участием солдат лейб-гвардии Семеновского полка в подавлении декабрьского вооруженного восстания 1905 г. в Москве. *Красные погоны* — отличительная форма семеновцев. *Мы заслужим, ай-люли, по кусочку мыла*. В поощрение за хорошую «службу» солдатам-семеновцам по возвращении из Москвы были выданы новые портянки и мыло.

83. «Казарма», 1907, 25 января; «Голос солдата», 1907, 21 марта. Всюду — без подписи. *Матросы кронштадтские...* — участники Кронштадтского восстания (см. примеч. 54). 21 сентября 1906 г. часть приговоренных к смерти матросов (19 человек) была расстреляна на батарее «Литке», трупы их уложены в мешки и брошены в Финский залив у Толбухина маяка.

ЖУРНАЛЫ, 1906—1907

84. «Наша мысль», 1906, № 1—2, с. 12.

85. «Наша мысль», 1906, № 3—4, с. 12.

86. «Булочник», 1906, № 1, с. 13, подпись: Дедушка с Протвы. *Союз* — профессиональный союз рабочих булочно-кондитерского производства.

87. «Булочник», 1906, № 2, с. 27, под заглавием «Тонкое чутье рабочих», с подзаголовком «Куплеты», подпись: Дедушка с Протвы. Печ. по журн. «Листок булочников и кондитеров», 1906, № 4—5, с. 5.

88. «Тюрьма», 1906, № 2, без подписи.

89. «Очередной», 1907, № 2, с. 5. Вошло в кн.: Е. Тарасов, Стихотворения, П., 1919, с изм.

90. «Вестник золотосеребряников и бронзовщиков», 1907, № 8, с. 3, подпись: Ш. Точками обозначены изъятия из текста, сделанные редакцией по цензурным условиям. «Кресты» — тюрьма для предварительных заключенных в Петербурге. Опубликование стихотворения послужило причиной конфискации номера.

91. «Радуга», 1907, № 3, с. 42, подпись: Констан-3.

ГАЗЕТЫ, 1907—1908

92. «Донецкий колокол», 1907, 11 января, подпись: Марк.

93. «Уральская газета», 1907, 13 января (номер конфискован).

94. «Вперед», 1907, 14 января; «Уральский рабочий», 1907, 11 февраля. Всюду — без подписи.

95. «Наше эхо», 1907, 1 апреля, подпись: Г. К-р.

96. «Наше эхо», 1907, 6 апреля. *Струве* Петр Бернгардович — см. примеч. 45. *Какие ярые программы...* Имеется в виду участие Струве в международном социалистическом конгрессе (1896) и составление «Манифеста РСДРП» (1898). *Для младенцев погремушку в Штутгарте начал мастерить.* В 1902—1904 гг. Струве издавал в Штутгарте журнал «Освобождение» — орган русской либеральной буржуазии. *Благонамеренный кадет.* С образованием в октябре 1905 г.

кадетской партии Струве стал одним из ее лидеров, а затем — главарем правого крыла этой партии, объединившего буржуазных националистов. «Союз русского народа» — монархическая черносотенная организация, созданная в октябре 1905 г. для борьбы с революционным движением.

97. «Борьба», 1907, 1 мая, подпись: Федот.

98. «Уральская неделя», 1907, 8 июля (ранее — сб. «Знание», кн. 17, П., 1907, с. 69; для этого сб. стих. было отобрано М. Горьким из рукописной тетради, присланной автором; в текст Горький внес ряд поправок). *За Лидзы и Пудзы сражаться* — намек на русско-японскую войну.

99. «Солдат», Севастополь, 1907, 10 ноября; «Правда», 1917, 10 марта, над передовой статьей «Красное знамя» (автор статьи — М. Ольминский); КР, 1917, 22 марта, под заглавием «Красное знамя»; «Кавказский рабочий», 1917, 29 марта. Всюду — без подписи. Печ. по газ. «Правда». Авторство установлено по кн.: Д. Цензор. «Вперед», Ростов-на-Дону, 1907.

100. «Штык», 1908, № 8, август, без подписи; «Вперед!», 1917, 3 мая, под заглавием «Царю от народа». Печ. с исправлением по газ. «Вперед!» ст. 11 и 14, искаженных в первопечатном тексте. Фольклорный вариант, под заглавием «Песня про царя-императора», с добавлением строфы:

За разбой, эшафоты,
За злодейства за свои,
Царь Николка, провокатор,
Ты погибнешь сам в крови —

см.: «Советское краеведение», 1935, № 9, с. 30. Распевалось на мотив «Было дело под Полтавой». *Всероссийский алкоголик*. Слова эти, кроме прямого смысла, содержали намек на водочную монополию, принадлежавшую царю. *Побежденный на Востоке...* Имеется в виду поражение царизма в русско-японской войне. *Победитель на Руси*. Имеется в виду подавление революции 1905—1907 гг.

101. «Рабочий», 1908, № 3 (без даты), без подписи.

«ЗВЕЗДА», 1910—1912

102. «Звезда», 1910, 30 декабря. Печ. по кн.: Василий Князев, Первая книга стихов, П., 1919, с. 10, где восстановлены ст. 9—12, которые в первой публикации — вероятно, по цензурным условиям — были заменены словами: «Я вспомнил дни». *Московское восстание* — вооруженное восстание рабочих в декабре 1905 г.

103. «Звезда», 1911, 22 января. «С итальянского» — подзаголовок, поставленный из цензурных соображений. *Илот* — раб. *Кошмары трехлетнего сна* — столыпинская реакция (1908—1910).

104. «Звезда», 1911, 29 января.

105. «Звезда», 1911, 26 февраля.

106. «Звезда», 1911, 30 апреля. Вошло в кн.: Сергей Ганьшин, *Песни гражданина*, М., 1916.

107. «Звезда», 1911, 26 ноября.

108. «Звезда», 1911, 22 декабря. За опубликование этого и следующего (№ 109) стихотворений редактор газеты был оштрафован.

109. «Звезда», 1911, 22 декабря, подпись: Е. Придворов. См. примеч. 108.

110. «Звезда», 1912, 15 января; Изд. 1927 — с указанием: «Петербургская пересыльная тюрьма, 1907». Последняя авторская редакция (по которой датируется текст) — в Изд. 1936. Здесь строфы 1—2:

Ручьи, как гусельки, звенят,
Дымится талью небосклон...
С ручьями в тон, с весною в лад —
Кандалыный звон, напевный звон...

За строим строй... за рядом ряд...
В бушлатах... шапки из сукна...
Ручьи, как гусельки, звенят...
Старуха смотрит из окна.

111. «Звезда», 1912, 26 января, подпись: К. Пинежский. Написано по случаю приезда в Петербург (январь 1912 г.) группы депутатов британского парламента, состоявшей, главным образом, из крупных английских промышленников. Делегация обсуждала вопрос о русском рынке и о размежевании сфер экономического влияния в Персии. *Меджилис* — персидский парламента.

112. «Звезда», 1912, 29 января. Датируется по кн.: Рюрик Ивнев, *Избранные стихи*, М., 1965.

113. «Звезда», 1912, 2 февраля. Написано в связи с революционными выступлениями студенчества в 1911—1912 гг. «*Мост через Фонтанку*», «*Вид Невы*», «*Улица Мильонная*» — виды Петербурга. *Высится колонна...* — Александровская колонна на Дворцовой площади в Петербурге.

114. «Звезда», 1912, 5 февраля, подпись: П. Рябовский. Номер был конфискован, в частности, за опубликование этого стих., отнесенного цензором к числу сочинений, «проникнутых ярким революционным возбуждением и призывающих к кровавой борьбе» (см.: «*Пролетарские поэты*», т. 2, Л., 1936, с. 270).

115. «Звезда», 1912, 9 февраля (ранее — «*Остряк*», 1909, № 4, с. 6, подпись: Ф. Шмель).

116. «Звезда», 1912, 12 февраля. Датируется по кн.: Рюрик Ивнев, *Избранные стихи*, М., 1965.

117. «Звезда», 1912, 12 февраля.

118. «Звезда», 1912, 1 марта, подпись: Антон Путиловец.

119. «Звезда», 1912, 4 марта, подпись: П. Рябовский.

120. «Звезда», 1912, 4 марта.

121. «Звезда», 1912, 8 марта, подпись: Е. Придворов. *Распутин* (Новых) Григорий Ефимович (1872—1916) — известный авантюрист, выдавал себя за «святого», проник в придворные круги, стал ближайшим фаворитом царя и царицы и влиял через них на государственные дела.

122. «Звезда», 1912, 11 марта, подпись: П. Салин. *Кресло в Таврическом зале*. . . В зале Таврического дворца заседала Государственная дума.

123. «Звезда», 1912, 20 марта, подпись: П. Рябовский.

124. «Звезда», 1912, 25 марта, подпись: Звонарь.

125. «Звезда», 1912, 25 марта, подпись: Е. Придворов.

126. «Звезда», 1912, 25 марта. Вошло в кн.: Сергей Ганьшин, *Песни гражданина*, М., 1916. За публикацию этого стих. (и др. материалов) номер газеты был конфискован.

127. «Звезда», 1912, 1 апреля.

128. «Звезда», 1912, 5 апреля, подпись: Б. В. *Дума* — Государственная дума, законодательное учреждение, возникшее в 1905 г. в виде «уступки» царского правительства революционному движению. Система выборов обеспечивала большинство мест в Думе представителям помещиков и буржуазии, но даже и при этом правительство опасалось постановки в Думе наиболее важных вопросов жизни страны, прежде всего — аграрного вопроса, и нередко прибегало к роспуску и разгону Думы. *Бабушка Ненила* — персонаж стих. Н. А. Некрасова «Забятая деревня», мотивы которого использует автор. *Наконец собралось наше упование*. 1-я Государственная дума была созвана 27 апреля 1906 г. *Место депутатов заняли солдаты*. 1-я Государственная дума была распущена 8 июля 1906 г. *И Вторую Думу разогнали тоже*. 2-я Государственная дума была разогнана 2 июня 1907 г. *Мужичок с котомкой да еще рабочий*. В состав 3-й Государственной думы, существовавшей до 9 июня 1912 г., входило 14 представителей социал-демократической партии.

129. «Звезда», 1912, 10 апреля; «Вперед!», 1917, 4 августа, подпись: А. Петербургский, без ст. 5—12.

130. «Звезда», 1912, 11 апреля. Написано в связи с расстрелом рабочих золотых приисков на реке Лене 4 апреля 1912 г. Весь материал первой полосы «Звезды», посвященный этому событию, в том числе и приводимое стих., заключен в траурную рамку. Стих.

это, по словам цензора, «заключает в себе явный призыв народа к революционным выступлениям против существующего порядка» (см.: «Пролетарские поэты», т. 2, Л., 1936, с. 272). За напечатание стих., а также других материалов номер был конфискован.

131. «Звезда», 1912, 31 мая (ранее — С. Е. Ганьшин, «Искра», вып. 1, М., 1911, с. 6, под заглавием «Море жизни»). Вошло в кн.: Сергей Ганьшин, Песни гражданина, М., 1916, под заглавием «Море».

«НЕВСКАЯ ЗВЕЗДА», 1912

132. НЗ, 1912, 3 мая. *Союзник верный ей Копейка...* — Имеется в виду «Газета-копейка», бульварный листок, выпускавшийся издательством «Копейка». Благодаря дешевизне этого листка издательство пыталось распространять его среди рабочих, мешая одновременно распространению «Правды».

133. НЗ, 1912, 22 мая.

134. НЗ, 1912, 27 мая, без заглавия, без строф 4—5. Печ. по кн.: Рабочая весна, № 2, М., 1923, с. 3, где восстановлен полный текст. Две строфы не приводились в дореволюционных изданиях по цензурным условиям (см.: А. Царицын, Добавление к песне «Мы кузнецы». — «Вечерние известия», 1923, 19 марта). Публикация в НЗ была одной из причин конфискации номера. «Стихотворение, — говорилось в донесении цензора, — написано в сильных выражениях, проникнутых революционным настроением и направленных к тому, чтобы возбудить народ к бунту...» («Красный архив», 1937, № 2, с. 51). Стихотворение пользовалось широкой популярностью как до Октябрьской революции, так и в советское время: много раз перепечатывалось, переводилось на другие языки (в СССР и за рубежом), распевалось в виде песни (автором мелодии считают Скворцова, руководившего в дореволюционные годы любительским оркестром в московских чайных; музыкальные обработки этой мелодии принадлежат К. Корчмареву, А. Александрову, Б. Шехтеру, Н. Фомину и др.).

135. НЗ, 1912, 31 мая. Вошло в кн.: Ф. С. Шкулев, Гимн труду, М., 1922, под заглавием «Светлеет мир». Автограф — в Институте русской литературы АН СССР (Ленинград).

136. НЗ, 1912, 10 июня, подпись: Велемир. В издании: «Звезда» 1910—1912, вып. 7, М., 1934, с. 272 — автором стих. указан В. Хлебников.

137. НЗ, 1912, 29 июля. Тема этого стих. была заново разработана автором в стих. «Человек-реклама». См.: А. Поморский, Стихотворения, М., 1963, с. 23.

138. НЗ, 1912, 29 июля.

139. НЗ, 1912, 5 августа, подпись: Дм. С—кий.

140. НЗ, 1912, 5 августа. Мотивы этого стих. использованы автором в другом стих. под тем же заглавием. См.: А. Поморский, Стихотворения, М., 1963, с. 31.

141. НЗ, 1912, 26 августа, подпись: Д. Б. «Запросы жизни» — буржуазный еженедельник, в котором сотрудничали кадеты и меньшевики. Е. Д. Кускова (1869—1958), Н. И. Коробка (1872—1920) — буржуазные публицисты, печатавшиеся в «Запросах жизни». *Выборы* — выборы в 4-ю Государственную думу. «Речь» — орган кадетов.

142. НЗ, 1912, 5 октября. В кн.: Сергей Ганьшин, Песни гражданина, М., 1916, под заглавием «Не бушуй, волна...», — с изм.

«ПРАВДА», 1912—1914

143. «Правда», 1912, 24 апреля, подпись: Александр Колючий. Напечатание стих. было одним из мотивов конфискации номера и возбуждения судебного дела против редактора. Цензор в своем донесении отметил, что в стих. проводится «мысль о необходимости для рабочих вести политическую борьбу за свободу» («Красный архив», 1937, № 2, с. 54).

144. «Правда», 1912, 26 апреля, подпись: Самобытник. В Изд. 1919 ст. 6—7:

Много в детстве дум пропели.
Мы — тревожных сил ручьи.

145. «Правда», 1912, 28 апреля; НЗ, 1912, 3 мая; «Правда», 1912, 30 мая, без ст. 3—4. Вариант — в кн.: А. Гмырев, За решеткой, М., 1926. Датируется по этой книге.

146. «Правда», 1912, 28 апреля, подпись: Самобытник.

147. «Правда», 1912, 4 мая, подпись: Рабочий Я. Бердников.

148. «Правда», 1912, 8 мая. В Изд. 1927 — без подзаголовка, с посвящением З. П. Соловьеву (1876—1928) — старому большевику, одному из организаторов советского здравоохранения. Здесь ст. 6—12:

Чтоб погибнуть нежданно от стужи,
Еще холодно так по утрам,
По по полям метелица выжит...
Берегись! Завтра грянет мороз,
Миг предсмертного злого насилья,
И под сенью парчовою лоз
Ты опустишь бессильные крылья.

149. «Правда», 1912, 11 мая, подпись: Степан; «Правда», 1912, 13 июня, подпись: С—н.

150. «Правда», 1912, 11 мая, подпись: А. М.; «Правда», 1912, 18 августа, та же подпись, без ст. 9—12.

151. «Правда», 1912, 31 мая.

152. «Правда», 1912, 17 июня, подпись: Вл. Юс—кий.

153. «Правда», 1912, 30 июня. Публикуя в 1934 г. десять глав поэмы «Бездомные» (приводимый нами текст вошел в нее 8-й главой под заглавием «В городе», с разночтениями), автор сообщал: «Поэма была написана в 1907 году, в дни, когда часть интеллигенции впадала в анархизм, упадничество, ликвидаторство и т. д. Автор, рисуя эти настроения, просачивавшиеся и в рабочую среду, вместе с тем указывал выход в борьбе рабочего класса» (Изд. 1934, с. 133.) Другой отрывок из этой поэмы (1-я гл.) — КР, 1917, 25 октября.

154. «Правда», 1912, 20 июля, без ст. 5—8 (по сообщению автора, строки эти опущены редакцией по цензурным причинам). Печ. по Сб. 1957, с. 227 (здесь и далее по Сб. 1957 — ссылки на авторизованный текст).

155. «Правда», 1912, 5 августа. В кн.: Демьян Бедный, Собр. соч. в одном томе, М., 1937 — без подзаголовка. *Думский депутат* — см. примеч. 128.

156. «Правда», 1912, 10 августа.

157. «Правда», 1912, 26 августа, подпись: Самобытник. Ст. 10 исправлена по Изд. 1919. Вошло в 1-й сб.

158. «Правда», 1912, 13 сентября, вслед за некрологом «Памяти А. Гмырева», заканчивающимся словами: «Сегодня мы помещаем посмертное стихотворение, присланное его друзьями»; НЗ, 1912, 16 сентября — вслед за биографической справкой «Памяти поэта А. Гмырева». Текст положен на музыку М. Кусс.

159. «Правда», 1912, 25 сентября, подпись: А. М.

160. «Правда», 1912, 27 сентября. Написано в связи с выборами в 4-ю Государственную думу. См. примеч. 128.

161. «Правда», 1912, 31 октября. Вошло в 1-й сб.

162. «Правда», 1912, 4 ноября, подпись: Узник.

163. «Правда», 1912, 17 ноября, подпись: Тит Подкузьмихин. «С немецкого» — подзаголовок, поставленный из цензурных соображений. *Крупп* — представитель династии владельцев сталелитейных заводов в Эссене (Германия), снабжавших пушками и другим вооружением армии многих государств. *Пускай он турок, серб, болгарин...* — намек на Балканскую войну 1912 г., в которой Болгария и Сербия боролись против турецкого ига.

164. «Правда», 1913, 15 февраля.

165. «Правда», 1913, 6 июня. В рукописи (Гос. библиотека им. В. И. Ленина) приведенному тексту предшествуют строки:

Лев. . . нет, не лев. . . бог с ним!
Так далеко мы не заедем.
А вот что вышло раз с одним
Медведем.

166. «Рабочая правда», 1913, 17 июля, подпись: Самобытник. Ст. 18 исправлена по Изд. 1919. Под тем же названием в 1918 г. автором написано другое стих. («О солнечно-бурый Октябрьский набат. . .»), см.: «Пролетарские поэты первых лет советской эпохи», Л., 1959, с. 288.

167. «Рабочая правда», 1913, 31 июля.

168. «Северная правда», 1913, 20 августа, подпись: И. Дозоров. Вошло в кн.: А. Гастев, Поэзия рабочего удара, изд. 6, М., 1926. По этой кн. исправлена ст. 5.

169. «Правда труда», 1913, 19 сентября, подпись: Самобытник; 1-й сб. В Изд. 1919 — под заглавием «За станком».

170. «Правда труда», 1913, 22 сентября, подпись: С. К.

171. «Правда труда», 1913, 29 сентября, подпись: Самобытник. Вошло в Изд. 1919, с незначительными изменениями.

172. «За правду», 1913, 4 октября, подпись: И. К.

173. «За правду», 1913, 11 октября.

174. «За правду», 1913, 12 октября. В Сб. 1957 — с изм.

175. «За правду», 1913, 6 ноября. В кн.: И. Филипченко, Эра славы, М., 1920 — другая редакция:

С РАБОТЫ

Посторонитесь, рабочий идет,
Уступите асфальты, к фундаментам станьте,
Дайте дорогу ему, современному Данте,
Пробывшему день
В мытарствах мук, по Кругам Испытанья, как Тот.

Пусть идут,
Кого не растерли зубы стальных шестерен,
Не втащила крючками воронка адского бала,
Не растерла подошва шагов Капитала, —
Идут, чьи облики буры,
Чьи пыльны нагрудники, волосы и картузы,
Чья в извести обувь по мостовой оставляет мазы, —

Вот эти все каменщики, маляры, штукатуры,
Вот эти! Вот эта железная, сытая мощью толпа!

Пусть идут свободно, кому не изгрыз черепа
Скрежет завода, глаза не обжег пламень домен,
Рук, ног не сорвал вихрь фабрик немолчных
В дыме и копоти.
Видите блузы, — меж ними ни хмурых, ни желчных,
Слышите смех своевольный, уверенный гомон,
Буйство в бесчисленном топоте,
Неотвратимую боль?
Вот улицей скачет извозчик, веселый бобыль.
Лихач высекает подковами искры из плит мостовой.
Автомобиль в синем облаке пыли и дыма, —
Стой, стой!
Идут рабочие, не один из них погиб.

Идут с наростами пыли, как грима,
Из каменоломен — атланты труда,
Гладиаторы глыб,
Жилистые, огрубелые раз навсегда,
Мускулистые, рослые, с добрым оскалом улыб.

Бросив кирпичи, как кочерги в горн кочегары,
Дичась тротуара,
Толпами идут шахтеры,
Темней эфиопов, обугленной пней на поляне лесной,
Искатели черного золота, горные гномы —
Рады вечернему солнцу, с дневным незнакомы,
Синему небу, прозрачному воздуху рады.

Гуляющих дам, кавалеров каскады,
Свадебный поезд, кортеж погребальный,
Кортеж триумфальный, —
Стой!
И не движься, пока не пройдет толпа за толпой,
Близ вас, мимо вас в глухие концы.

Вы все, кто имеет дворцы,
Небоскребы, особняки,
Магазины, заводы и рудники,
У кого от безделья мигрень,

Посторонитесь, рабочий идет!
Уступите асфальты, к фундаментам станьте,
Дайте дорогу ему, современному Данте,
Пробывшему день
В мытарствах мук, по Кругам Испытанья, как Тот!

176. «За правду», 1913, 17 ноября. В кн.: А. Поморский, «Цес-
ты восстания», изд. 3, П., 1919. ст. 7—13:

Перед далью голубую
Развернется пеленою

Небо выше и лазурней,
Сердце радостно, как солнце,
Вспыхнет в пламенной груди,
Наше счастье впереди.
К далям трепетным — иди!

177. «За правду», 1913, 20 ноября. Печ. по 1-му сб., с. 163.
В газ. «За правду» после ст. 3:

За то, что я слышу в устах коллектива
Раскаты всех мест.
Что вижу вокруг выразительный жест
Бесчисленных рук, напряженных движеньем порыва,
Как вздыбленный гребень в размахе девятого вала.

Ст. 7:

Без посоха и даже без ранца

После ст. 8:

Любому судья и законник, не знающий сна,
Вот — шествие ваше в воротах встречает страна.
Ему направление дает указующей дланью.
Там села, а там города, —
Кому и куда.

Вместо ст. 21:

Привет вам,
Товарищам, за руки взявшим друг друга,
От фабрики, шахты, завода, от кузницы, плуга —
Привет!

178. «Пролетарская правда», 1913, 29 декабря, под заглавием
«Среди золотосеребряников». Печ. по ВС, 1915, № 1, с. 5. В Сб.
1957 — новая редакция, под заглавием «Золотосеребряники».

179. «Пролетарская правда», 1914, 1 января. Печ. по 1-му сб.,
с. 21. Вошло в Сб. 1957.

180—181. «Пролетарская правда», 1914, 1 января, под рубрикой
«Съезд народных учителей» (с 30 декабря 1913 г. по 5 января 1914 г.
в Петербурге происходил 2-й Всероссийский съезд народных учи-
телей). Изд. 1916 и Изд. 1927 — только первое стих. под заглавием
«Школьные силуэты». Датируется по Изд. 1936, где приведен пол-
ный текст, без подзаголовка.

182. «Пролетарская правда», 1914, 9 января. Печ. по сб. 1957,
с. 232, где исправлены неточности и восстановлена ст. 36, пропу-
щенная в первой публикации. Стих. направлено против могильщиков

живого слова — авторов законопроекта о печати, внесенного министерством внутренних дел в 4-ю Государственную думу. Законопроект предусматривал дальнейшие ограничения и стеснения для демократической прессы.

183. «Пролетарская правда», 1914, 17 января, подпись: Самобытник.

184. «Путь правды», 1914, 6 апреля.

185. «Путь правды», 1914, 16 апреля. Вошло в 1-й сб.

186. «Путь правды», 1914, 23 апреля.

187. «Путь правды», 1914, 27 апреля.

188. «Путь правды», 1914, 4 мая, подпись: Д. Б. В кн.: Демьян Бедный, Всякому свое, П., 1919 — под заглавием «Слепой и фонарь», ст. 9—12:

Я басню разъяснить не стану. Дело в том,
Что в восемь строк она вместилась вся удобно,
А ежели смысл ее растолковать подробно,
Напишешь целый том!

Ликвидаторы — меньшевики.

189. «Путь правды», 1914, 15 мая.

190. «Путь правды», 1914, 17 мая. В кн.: А. Н. Соловьев (Нелюдим), Стихи, Кострома, 1957 — с изм.

191. «Путь правды», 1914, 21 мая. Вольный перевод басни Эзопа «Ласточка и змея». Написано в связи с судом над рабочими Обуховского завода в Петербурге. Обуховцев судили 19 мая 1914 г. за участие в стачке.

192. «Трудовая правда», 1914, 4 июня. Написано во время посещения с группой рабочих водопада Иматра (Финляндия).

193. «Трудовая правда», 1914, 15 июня. *Патья* — угольная пыль. *Семик* — религиозный праздник, отмечающийся на седьмой неделе после Пасхи; сопровождался гаданиями, плетением венков. *Бочаг* — омут, яма с водой.

194. «Рабочий», 1914, 23 июня (номер конфискован), в составе поэмы, опубликованной полностью. Нами приводятся заключительные строфы поэмы, бытовавшие в виде отдельного стих. (см.: И. Шувалов, Из эпохи «Звезды» и «Правды», журнал «Комбайн», 1932, № 9—10, с. 31). Позднейший вариант этого стих. (16 строк, без заглавия) см.: Я. Бердников, Цветы сердца, П., 1919.

195. «Трудовая правда», 1914, 26 июня.

ГАЗЕТЫ, 1911—1913

196. «Рабочая газета», 1911, 15 апреля, подпись: А—ь.

197. «Поволжская быль», 1912, 12 апреля.

198. «Наш путь», 1913, 30 августа. (Номер конфискован.)

199. «Наш путь», 1913, 30 августа, подпись: А. Т. (номер конфискован). Об атрибуции текста см.: С. Стриевская, Не Есенин ли это? — «Литературная Россия», 1966, № 42, с. 11.

200. «Наш путь», 1913, 6 сентября. А. С. Салазкин — купец-миллионер, выступил 29 августа 1913 г. в Нижнем Новгороде с речью, в которой от имени всероссийского купечества требовал коренных политических реформ для привлечения буржуазии к государственному управлению (см.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 23, с. 394).

ЖУРНАЛЫ, 1911—1913

201. «Современная жизнь», 1911, № 3, с. 2, подпись: «ша». За опубликование стих. номер журнала был конфискован. С. Шаумян был редактором журнала и автором ряда опубликованных в нем (под разными псевдонимами) материалов.

202. «Вестник портных», 1912, № 3, с. 3.

203. «Металлист», 1913, № 1, с. 3, подпись: М. Борецкая.

204. «Металлист», 1913, № 13, с. 8, подпись: Рабочий Еф. Ан.

«ПРОСВЕЩЕНИЕ», 1913—1914

205. «Просвещение», 1913, № 2, с. 14.

206. «Просвещение», 1913, № 3, с. 12.

207. «Просвещение», 1913, № 3, с. 13.

208. «Просвещение», 1913, № 3, с. 13.

209. «Просвещение», 1913, № 4, с. 17.

210. «Просвещение», 1913, № 4, с. 48. В кн.: И. Бунин, Полн. собр. соч., т. 6, П., 1915 — ст. 2: «Измотало зыбью нашу барку». Датируется по этому изд. Патрас — порт в Греции. Мастика — здесь: напиток из смолы мастикового дерева.

211. «Просвещение», 1913, № 6, с. 20.

212. «Просвещение», 1913, № 6, с. 20.

213. «Просвещение», 1913, № 6, с. 48.

214. «Просвещение», 1913, № 7—8, с. 76. За опубликование басни номер журнала был конфискован. Приводя отрывки из второй части стих., цензор заключал, что оно «призывает к классовой борьбе рабочих и приказчиков с хозяевами и предпринимателями» (см.: «Русская литература», 1960, № 1, с. 198).

215. «Просвещение», 1913, № 10, с. 11. В кн.: Д. Семеновский, Избранные стихи. Иваново, 1946, первые 2 строфы:

Я тёплю жизнь свою во имя
Твоей печальной красоты...
Заря — над далями твоими,
Но тяжким сном почила ты...

Твоею опечален долей,
Я об одном тебе малюсь:
За тихий рай твоих раздолий,
О, дай и мне сражаться, Русь!

216. «Просвещение», 1913, № 11, с. 6.

217—219. «Просвещение», 1913, № 11, с. 11. За напечатание стих. редакция журнала была оштрафована.

220. «Просвещение», 1913, № 12, с. 13.

221. «Просвещение», 1913, № 12, с. 32.

222. «Просвещение», 1914, № 1, с. 16; Прив., 1917, 2 сентября.

223. «Просвещение», 1914, № 2, с. 21.

224. «Просвещение», 1914, № 2, с. 69. Иван Григорьевич *Щегловитов* (1861—1918) — министр юстиции, крайний реакционер; по его инициативе был инсценирован суд над Бейлисом, которого обвиняли в ритуальном убийстве. В. *Чеберяк* — участница воровской шайки, совершившей в Киеве весной 1912 г. убийство православного мальчика; это убийство было приписано еврею Бейлису.

225. «Просвещение», 1914, № 3, с. 33.

226. «Просвещение», 1914, № 4, с. 33. Написано в связи с возвращением из эмиграции.

227. «Просвещение», 1914, № 5, с. 82, подпись: Ал. Б—ов, без даты и места написания; то же — ВС, 1915, № 4. Печ. по ПЗП, с. 83.

228. «Просвещение», 1914, № 6, с. 14, без подписи.

229. ВП, 1913, № 7, с. 8. Положено на музыку М. Кусс.

230. ВП, 1913, № 8—9, с. 1 — без строфы 5. А. Поморский. «Цветы восстания», изд. 3, П., 1919. Печ. по кн.: А. Поморский, Рождение песни, М., 1952, с. 215, где восстановлен полный текст. Стих. положено на музыку Я. Озолиным.

231. ВП, 1913, № 11, с. 6. Печ. по 1-му сб., с. 65. Вошло в кн.: А. Поморский, Цветы восстания, изд. 3, П., 1919.

232. ВП, 1914, № 17, с. 7.

233. ВП, 1914, № 20, с. 15.

ЖУРНАЛЫ, 1914

234. «Рабочий труд», 1914, № 1, с. 15 (номер конфискован), подпись: Самобытник (ранее — в кн.: «Наши песни», вып. 1, М., 1913). В Изд. 1919 — под загл. «Урожай», с изм.

235. «Работница», 1914, № 5, с. 9, подпись: Адя. Перепев «Казачьей колыбельной песни» М. Ю. Лермонтова. Автор — крестьянка Екатеринославской губ.; текст выправлен редакцией (см.: А. И. Еливарова, Журнал «Работница», 1914. — В кн.: «Из эпохи „Звезды“ и „Правды“», вып. 3, М., 1923, с. 67).

236. «Работница», 1914, № 7, с. 8, подпись: Самобытник (номер конфискован).

I СБОРНИК ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ, 1914

237. 1-й сб., с. 13, подпись: Самобытник. В изд. 1919 строфа 3:

Еще неведомой дорогой
Полна восторженная грудь,
Еще вдали чертою строгой
Едва наметился наш путь.

238. 1-й сб., с. 20. Это и два последующих стих. (239, 240) датируются по кн.: М. Герасимов, Стихи, М., 1936; в ней все три стих. даны без заглавий и с незначительными разночтениями. М. Горький, беседа с Д. Семеновским, одобрительно отзывался о стих. «Весеннее» (см.: Дм. Семеновский, «А. М. Горький. Письма и встречи», М., 1938, с. 48).

239. 1-й сб., с. 26.

240. 1-й сб., с. 51.

241. 1-й сб., с. 132, подпись: Александр Колючий.

242. 1-й сб., с. 164.

243. 1-й сб., с. 165. Вошло в кн.: Н. Рыбацкий, Светлый путь, П., 1919.

«ВОПРОСЫ СТРАХОВАНИЯ», 1915—1916

244. ВС, 1915, № 2, с. 5. Другой вариант (1913) — в кн.: Д. Семеновский, Избранные стихи, Иваново, 1940.

245. ВС, 1915, № 5, с. 5.

246. ВС, 1916, № 3, с. 9, подпись: Самобытник. В Изд. 1919 — ст. 16: «В мощном сердце раскаленных сил».

247. ВС, 1916, № 6—7, с. 13, подпись: Самобытник. Датируется по Изд. 1919, где заглавие — «Завет», строфа 1:

Еще скажи: в годину бед
Я верен братьям был
И пролетарский свой обет
Преступно не забыл.

Эпиграф — из стих. М. Ю. Лермонтова «Завещание».

А. БОГДАНОВ. «ПОД ЛАСКОВЫМ СОЛНЦЕМ», 1916

248. Изд. 1916, с. 225.

249. Изд. 1916, с. 226. В сб. 1936 — под заглавием «Бог», строфы 5—8:

Нес бедняк кошницу хлеба,
Напоенного слезой. . .
Жил в обманах, верил в небо,
В правду, милость и покой! . .

Но недвижные ресницы
Закрывал кадильный дым,
И далекие зарницы
Зажигались над ним.

2

Из толпы людской, шумливой
Вверх поднялся я с долин
И пришел к нему — пытливый,
Непокорный, дерзкий сын.

И сказал я: — Ты — Мудрейший,
Ты законы дал для стран.
Почему ж твои ученья
Тьма и ложь и злой дурман?

250. Изд. 1916, с. 234. Датируется по Изд. 1936, где стих. дано с посвящением Е. Н. Богдановой.

251. Изд. 1916, с. 236. Датируется по Изд. 1936.

252. Изд. 1916, с. 241. Датируется по Изд. 1936.

253. Изд. 1916, с. 242. Датируется по Изд. 1936, здесь — под заглавием «Суходол (из цикла «Голод»)», с изм.

«НАШЕ СЛОВО», 1917

254. «Наше слово», 1917, № 1, с. 9. Вошло в кн.: Ив. Логинов. У станка, П., 1917.

255. «Наше слово», 1917, № 1, с. 13. «*Биржевые ведомости*» — орган биржевых кругов столицы. Эпиграф — из статьи «Мечты о Царьграде». «*Русское слово*» — газета, близкая к кадетам; в годы первой мировой войны поддерживала шовинистическую политику царизма. Эпиграф — из передовой статьи «Новогодние перспективы». «*Речь*» — центральный орган кадетской партии. Эпиграф — из статьи А. Изгоева «Наши общественные силы».

256. «Наше слово», 1917, № 4—5, с. 11. *Ерошин* — см. с. 471.

257. «Наше слово», 1917, № 4—5, с. 12.

258. «Наше слово», 1917, № 4—5, с. 26, с подзаголовком «Посвящается Самобытнику». Печ. по кн.: Ив. Логинов, У станка, П., 1917, с. 12. *Пусть разлучили нас с тобой...* А. Маширов-Самобытник был сослан за революционную деятельность в Восточную Сибирь.

«ПРАВДА», 1917

259. «Правда», 1917, 5 марта. Эпиграф — из стих. А. С. Пушкина «На картинке к „Евгению Онегину“ в „Невском альманахе“». Написано в связи с арестом царских министров, которые были заключены в Петропавловскую крепость.

260. «Правда», 1917, 9 марта. Георгий Евгеньевич *Львов* (1861—1925) — князь, министр-председатель Временного правительства до июля 1917 г. *Николай* — Николай Николаевич Романов (1856—1929), великий князь, дядя царя Николая II, в 1914—1915 гг. был верховным главнокомандующим, в 1917 г. (до февраля) командовал Кавказским фронтом. Написано в связи с распоряжением Николая Николаевича, адресованным Львову, о наведении порядка на заводах и в учреждениях, связанных с армией (см.: М. Ольминский, «Расстрелять?» — «Правда», 1917, 9 марта).

261. «Правда», 1917, 18 марта, подпись: Б.

262. «Правда», 1917, 23 марта. В этот день на Марсовом поле в Петрограде состоялись торжественные похороны жертв революции.

263. «Правда», 1917, 5 апреля. Печ. по кн.: Ив. Логинов, У станка, П., 1917, с. 14. Здание суда постигла праведная кара. Здание Окружного суда в Петрограде было сожжено восставшими в дни Февральской революции.

264. «Правда», 1917, 5 апреля. Вошло в Изд. 1917.

265. «Правда», 1917, 5 апреля. «Вечернее время» — реакционная газета. Маска, Республиканец — псевдонимы сотрудников «Вечернего времени» (их фамилии не установлены).

266. «Правда», 1917, 8 апреля; «Товарищ», Минусинск, 1917, 19 октября; «Прибой», 1917, 10 ноября; «Красное знамя», 1917, 12 ноября. Вошло в ПЗП и в Изд. 1917.

267. «Правда», 1917, 22 апреля, под заглавием «Марсельеза социал-шовинистов», подпись: Рабочий Ив. Логинов, в иной редакции (эта редакция впервые — в машинописной листовке, выпущенной в 1916 г. Больничной кассой петербургского завода Л. Нобеля); Сд, 1917, 25 апреля, без подписи, с примеч.: «От редакции. Эта «Марсельеза» пелась среди рабочих еще в 1916 г., последний же куплет, очевидно, позднейшего происхождения»; «Кавказский рабочий», 1917, 8 июля, без подписи, с подзаголовком «Посвящается министрам-социалистам и социал-патриотам»; «Донецкий пролетарий», 1917, 11 августа, — без подписи, с подзаголовком «Посвящается меньшевикам, эсерам-оборонцам и министрам-социалистам». Печ. по Сд. В газ. «Кавказский рабочий» и «Донецкий пролетарий» ст. 24: «Голосуй за военный заем». Пародия на «Марсельезу» (см. примеч. 31). Направлена против лидеров социалистических партий, голосовавших за военные кредиты во время мировой войны и поддержавших шовинистическую политику буржуазных правительств. Г. В. Плеханов (1856—1918) — теоретик и пропагандист марксизма, один из основателей РСДРП, после II съезда партии — меньшевик, в период первой мировой войны был социал-шовинистом, оборонцем; поддерживал Временное буржуазное правительство в 1917 г. А. Гендерсон (1863—1935) — один из правых лидеров лейбористской партии, в 1916—1917 гг. входил в состав правительства Великобритании. Л. Биссолати (1857—1920) — лидер правого крыла итальянской социалистической партии, в 1916—1918 гг. входил в правительство Италии. Ж. Гед (1845—1922) — основатель социалистической партии Франции, был министром французского правительства в 1914—1915 гг. А. Ф. Бурьянов (р. 1880) — меньшевик-оборонец, депутат 4-й Государственной думы. П. Н. Милуков (1859—1943) — лидер партии кадетов, идеолог империалистической буржуазии, был министром иностранных дел в первом составе Временного правительства (до 2 мая 1917 г.). *Пойдем в комитет.* Имеются в виду военно-промышленные комитеты — буржуазные организации, созданные в 1915 г. для мобилизации промышленности и получения прибылей от

военных заказов. *Гучковский заем* — «Заем свободы», выпущенный Временным правительством. А. И. *Гучков* (1862—1936) — основатель и лидер буржуазно-помещичьей партии «Союз 17 октября» (октябристов), был председателем Центрального Военно-промышленного комитета, военным и морским министром в первом составе Временного правительства. Произведение пользовалось широкой популярностью. И. Гронский вспоминает, что когда в начале мая 1917 г. он с другими участниками Всероссийского фронтового съезда вернулся из Петрограда к себе в полк, солдаты встретили их пением «Марсельезы социал-шовинистов» (И. Гронский, *Левое плечо вперед.* — «Новый мир», 1957, № 5, с. 196).

268. «Правда», 1917, 25 апреля, под заглавием «Инвалид». Печ. по газ. «Солдатская правда», 1917, 28 мая.

269. «Правда», 1917, 26 апреля. *Шипение змеиное...* Имеются в виду провокационные выступления буржуазной печати против В. И. Ленина и большевиков.

270. «Правда», 1917, 28 апреля; «Сибирская правда», 1917, 18 июня. Подпись: Рабочий Ив. Логинов. Г. А. *Алексинский* (р. 1879) — бывший социал-демократ, переметнувшийся в лагерь контрреволюции. «*Русская воля*» — погромно-черносотенная газета.

271. «Правда», 1917, 4 мая. Подпись: Солдат Е. Андреев. Вошло в ПЗП.

272. «Правда», 1917, 16 мая, подпись: Пров. Сд, 1917, 16 мая — 2-я часть стих. под заглавием «Единство», подпись: П—ров. «*Единство*» — газета шовинистического направления, издававшаяся Плехановым (см. примеч. 267). *С стремлением «аннексинским».* Группа «Единства» выступала в защиту аннексионистских договоров, заключенных царизмом. *Алексинский* (см. примеч. 270) был одним из редакторов газеты «Единство». *С водицей... иорданскою.* Подразумевается меньшевик Н. И. Иорданский (1876—1928), сотрудничавший в «Единстве».

273. «Правда», 1917, 17 мая; «Бакинский рабочий», 1917, 6 июня.

274. «Правда», 1917, 8 июня, подпись: Нелюдим; «Окопная правда», 1917, 18 июля, под заглавием «Война», подпись: Н. А.; «Кавказский рабочий», 1917, 18 ноября, подпись: Гервасий Нелюдим. В кн.: А. Н. Соловьев (Нелюдим), *Стихи*, Кострома, 1957 — без строфы 7, с изм.

275. «Правда», 1917, 10 июня; «Кавказский рабочий», 1917, 18 июня; «Сибирская правда», 1917, 26 июня. Всюду подпись: Георгий Отрепьев. Александр Федорович *Керенский* (р. 1881) — эсер, министр юстиции, затем — военный и морской министр, а с 8 июля 1917 г. — министр-председатель буржуазного Временного правительства.

276. «Правда», 1917, 16 июня, под заглавием «За честь России-матушки», подпись: Солдат-павловец Афанасьев-Арский. Печ. по Сб. 1956, с. 33 (восстановлена пропущенная ст. 10 и др. исправления). «Никогда не забуду своей первой встречи с Владимиром Ильичем Лениным в редакции газеты «Правда». Я принес свое стихотворение — солдатскую балладу «За честь России-матушки». В. И. Ленин лично принял меня, одобрил это стихотворение, оно было напечатано в „Правде“» (Павел Арский, В огне революции. — «Московский литератор», 1959, 17 сентября).

277. «Правда», 1917, 27 июня, подпись: Аксень-Ачкасов. Вторая часть стих. «Картины», которое автор посылал М. Горькому в начале 1916 г. (см. письмо И. Садофьева от 2 апреля 1916 г. в кн.: «М. Горький. Материалы и исследования», т. 1, Л., 1934, с. 427).

278. «Рабочий и солдат», 1917, 16 июля, подпись: Эль. «Трепач» — бульварный юмористический еженедельник. «Без лишних слов» — бульварный журнал меньшевистского направления.

279. «Рабочий и солдат», 1917, 8 августа; «Красное знамя», 1917, 10 сентября.

280. «Пролетарий», 1917, 16 августа. *Щегловитов* — см. примеч. 224. «Право» — юридическая газета кадетского направления. «Юридический вестник» — кадетский журнал. А. С. Зарудный (1863—1934) — либеральный адвокат; был министром юстиции Временного правительства с июля 1917 г. *Милюков* — см. примеч. 267.

281. «Рабочий», 1917, 31 августа, подпись: Аксень-Ачкасов. Написано в ноябре 1916 г., когда автор был арестован за революционную деятельность и заключен в «Кресты» (петербургскую тюрьму). В августе 1917 г. переработано для «Правды», в связи с арестами большевиков, производимыми по приказу Временного правительства. Первоначальный (рукописный) текст см.: «Пролетарские поэты», т. 1, Л., 1935, с. 336. *Союзный дипломат*. Имеется в виду связь временного правительства с дипломатическими представителями стран Антанты.

282. «Рабочий путь», 1917, 22 сентября, подпись: М. В., в сопровождении шаржа А. З(амирайло): в карман банкиру сыплется золото, которое выбрасывает чудовищный зверь — Война. *Молох* — символ губительной, всепожирающей силы (от наименования бога солнца у древних финикийцев, которому приносились человеческие жертвы). *Подпишитесь на заем* — см. примеч. 267.

283. «Рабочий путь», 1917, 24 сентября.

284. «Правда», 1917, 31 октября; КР, 1917, 14 ноября. В кн.: Владимир Кириллов, Стихотворения, П., 1918, под заглавием «Эту песнь зари грядущей», с изм.

285. «Правда», 1917, 2 ноября; «Кавказский рабочий», 1917, 14 ноября. Всюду подпись: Д. В. А. Перепев монолога Самозванца из трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов». *Керенский* — см. примеч. 275. *Баденге* — французский каменщик, в одежде которого принц Луи-Наполеон бежал в 1846 г. из Гамской цитадели; здесь — намек на бегство Керенского 25 октября 1917 г. из Петрограда. *Петропавловка* — Петропавловская крепость в Петрограде, куда 26 октября 1917 г. были заключены арестованные министры Временного правительства. И. *Церетели* (1882—1959) — меньшевик, был министром Временного правительства. Н. Д. *Авксентьев* (1878—1943) — эсер, был министром Временного правительства.

286. «Правда», 1917, 3 ноября; Сд, 1917, 5 ноября, под заглавием «Правый эсер»; «Вперед!», 1917, 10 ноября, под первоначальным заглавием. Всюду — без подписи.

«СОЛДАТСКАЯ ПРАВДА», 1917

287. «Солдатская правда», 1917, 27 апреля, подпись: Солдат Федот.

288. «Солдатская правда», 1917, 18 мая.

289. «Солдатская правда», 1917, 31 мая; «Донецкий пролетарий», 1917, 21 июня; «Рабочий», 1917, 22 июня. Всюду подпись: Солдат запасного воздухоплавательного батальона, музыкант Б. Ганцев. Лозунг «*В окопы, дезертиры!*», обращенный к буржуазии, был весьма популярен среди рабочих и солдат. «Правда» 28 апреля 1917 г. поместила статью А. Григорьева «Буржуа, в окопы!». В «Солдатской правде» 19 мая появилось воззвание одного из солдатских комитетов под заглавием «Буржуев в окопы!».

290. «Солдатская правда», 1917, 23 июня. «*Русская воля*» — см. примеч. 270.

291. «Солдатская правда», 1917, 2 июля. *Керенский* — см. примеч. 275.

292. «Солдат», 1917, 23 августа, без подписи, в тексте редакционного примеч. к стих. Александра Доможирова «27 февраля 1917 г.», восхваляющему февральские «свободы». В примеч. сказано: «Хорошее стихотворение прислал товарищ, но, к сожалению, того, о чем пишет наш стихотворец, на Руси уже нет. Вот что по этому поводу пишет другой поэт...» Далее следует приводимый текст. Лавр Георгиевич *Корнилов* (1870—1918) — царский генерал, с июля 1917 г. — верховный главнокомандующий. В конце августа, с целью подавления революции и установления военной диктатуры, поднял мятеж и двинул на Петроград казачьи войска. Благодаря мерам, принятым большевиками, поход Корнилова был приостановлен и заговор сорван. См. примеч. 349.

293. «Солдат», 1917, 19 сентября, подпись: В. Н. Из цикла «Песни рабочих предместий» (другие стих. этого цикла напечатаны в той же газете 19, 22, 24 сентября и 2 октября 1917 г.).

294. «Солдат», 1917, 30 сентября, без строфы 2. Печ. по кн.: И. Логинов, Стихи, Кострома, 1958, с. 37, где восстановлен полный текст. *Бонапарт* — Наполеон I (1769—1821), французский император. *В Петрограде копия* — имеется в виду Керенский, см. примеч. 275. *Либердан* — контаминация имен меньшевистских лидеров М. И. Либерта (1880—1937) и Ф. И. Дана (1871—1947).

295. «Солдат», 1917, 5 октября.

296. «Солдат», 1917, 24 октября. Борис Викторович *Савинков* (1879—1925) — эсер, помощник военного министра во Временном правительстве. *Маршинка* — Маринский дворец в Петрограде, где в начале октября 1917 г. заседал Предпарламент (совещательный орган при Временном правительстве). *Корниловский козырь* — сторонник генерала Корнилова, см. примеч. 292. Перепев стих. Лермонтова «Сосна».

297. «Солдатская правда», 1917, 28 октября. Печ. по газ. «Правда», 1917, 3 ноября. Вошло в Изд. 1917.

298. «Солдатская правда», 1917, 1 ноября; «Брянский рабочий», 1917, 11 ноября.

«ГОЛОС ПРАВДЫ», 1917

299. «Голос правды», 1917, 6 апреля, подпись: Матрос Григорий Савчук.

300. «Голос правды», 1917, 13 апреля, подпись: Матрос В. Потехин.

301. «Голос правды», 1917, 16 апреля, подпись: Солдат И Зверьков.

302. «Голос правды», 1917, 13 мая, под заглавием «Песня про кадета», исправленном нами наряду с опечатками, допущенными в тексте.

303. «Голос правды», 1917, 13 июня, подпись: Матрос Ф. Шишкин.

«СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТ», 1917

304. Сд, 1917, 11 марта.

305. Сд, 1917, 23 марта.

306. Сд, 1917, 6 июня, подпись: Зловредный большевик.

307. Сд, 1917, 18 июня; «Бакинский рабочий», 1917, 2 июля. Всюду подпись: С. Л. Заем — «Заем свободы», см. примеч. 267. *Собрание* — Учредительное собрание.

308. Сд, 1917, 5 июля; «Бакинский рабочий», 1917, 14 июля — без ст. 9—12; «Сибирская правда», 1917, 9 августа.

309. Сд, 1917, 6 июля. Вошло в кн.: А. Гмырев, За решеткой, М., 1926.

310. Сд, 1917, 24 августа; «Кавказский рабочий», 1917, 1 сентября; «Пролетарий», 1917, 6 сентября; «Товарищ», Минусинск, 1917, 14 сентября. Всюду подпись: Нелюдим.

311. Сд, 1917, 17 сентября; «Бакинский рабочий», 1917, 24 сентября.

312. Сд, 1917, 12 октября; «Кавказский рабочий», 1917, 19 октября. Всюду подпись: Бобыль.

313. Сд, вечерний выпуск, 1917, 26 октября.

•ПРИВОЛЖСКАЯ ПРАВДА•, 1917

314. Прив., 1917, 23 марта. В Изд. 1927, 1934 и 1936 (в обновленной редакции) как эпилог к поэме «Бездомные» (в Изд. 1934 и 1936 под заглавием «Красное знамя»).

315. Прив., 1917, 25 марта.

316. Прив., 1917, 18 апреля, подпись: С. Л.

317. Прив., 1917, 21 мая.

318. Прив., 1917, 21 мая.

319. Прив., 1917, 24 июня, подпись: Аз. Керенский — см. примеч. 275. *Плеханов, Миллюков* — см. примеч. 267. *Геллеспонт* — древнегреческое название Дарданелльского пролива. М. В. Родзянко (1859—1923) — бывший председатель Государственной думы, лидер «октябристов», монархист и реакционер.

320. Прив., 1917, 5 июля; «Пролетарий», 1917, 23 июля. *Из думской жизни*. Речь идет о Самарской городской думе. *Мелекессец* — из гор. Мелекес, Самарской губ.

321. Прив., 1917, 13 августа.

322. Прив., 1917, 17 августа. В кн.: «Сборник пролетарских писателей», 2. П., 1917 — строфы 1—2:

Весна, а в заводском поселке
Обычный дым, угар и чад,
И, как затравленные волки,
Машины воют и рычат.

Среди заплеванных домишек,
Как троны мрачных королей,
Насупились громады вышек —
Они царят среди полей.

323. Прив., 1917, 18 августа.

324. Прив., 1917, 20 августа.

325. Прив., 1917, 25 августа. *Казанский собор, Екатерининский канал* — в Петрограде. *Александровская колонна* — см. примеч. 113.

326. Прив., 1917, 7 сентября, подпись: В. Встречный. В книге «Валериан Владимирович Куйбышев. Материалы к биографии» (М., 1936) воспроизведен первоначальный авторский текст под заглавием «В городе». Здесь ст. 1: «Не прими за усталость, не прими за измену»; ст. 5: «Но теперь я вне воли, но теперь я мечтаю». Изменения в первоначальный текст внесены автором в 1917 г. Написано на пути в ссылку (в Иркутскую губ.).

327. Прив., 1917, 17 сентября, подпись: В. Встречный. В книге «Валериан Владимирович Куйбышев. Материалы к биографии», М., 1936, а также в «Правде», 1940, 25 января воспроизведен первоначальный авторский текст — без подзаголовка, строфы 4 и 5 переставлены местами, ст. 21: «Так полюбим! Жизни морс». Изменения в первоначальный текст внесены автором в 1917 г. «Арестованный в 1909 г. царской охранкой и заключенный в томскую тюрьму, Куйбышев пишет много стихотворений. Стихотворение «Море жизни» написано перед ссылкой в Нарым и стало популярной песней политических ссыльных, — ее читали и пели в кружках, на собраниях» (Е. Куйбышева, «Валериан Владимирович Куйбышев», г. Куйбышев, 1941, с. 71). «Это стихотворение брат часто декламировал на семейных и товарищеских вечерах» (Е. Куйбышева, «Валериан Владимирович Куйбышев», М., 1938, с. 29).

328. Прив., 1917, 23 сентября; КР, 1917, 8 октября.

«КРАСНОЯРСКИЙ РАБОЧИЙ», 1917

329. КР, 1917, 10 марта. В этот день в Красноярске отмечался день памяти жертв революции.

330. КР, 1917, 7 апреля, подпись: И. С. «Енисейский край» — монархическая газета. «*Наш голос*» — газета эсеров.

331. КР, 1917, 13 апреля, подпись: И. С. Е. Е. *Колосов* — публицист, член ЦК партии эсеров. *Храбрый росс* — слова из стих. Г. Р. Державина «Ода кадрили». Написано в связи с появлением

в газ. «*Наш голос*» (см. примеч. 330) статьи Е. Колосова, содержащей клеветнические измышления о большевиках, позаимствованные из кадетской печати.

332. КР, 1917, 22 сентября. *Марзан* — пробельный полиграфический материал.

333. КР, 1917, 28 сентября, без подписи. *Министр-председатель* — Керенский, см. примеч. 275. *Луга* — уездный город Петроградской губ. *Восстание в Луге* — Корниловский мятеж, см. примеч. 292. *Заявление Рады*. В июне — июле 1917 г. происходили переговоры между Временным правительством и Украинскою радой — буржуазно-националистической организацией, требовавшей «автономии» Украины.

334. КР, 1917, 7 октября; «Товарищ», Минусинск, 1917, 29 октября.

ГАЗЕТЫ, 1917

335. «Товарищ», Сызрань, 1917, 14 мая. *Шлиссельбург* — крепость на островке у выхода Невы из Ладожского озера; при царизме служила политической тюрьмой, в которой был установлен особо строгий режим.

336. «Голос социал-демократа», 1917, 21 мая; «Кавказский рабочий», 1917, 13 июня. *Милюков* — см. примеч. 267. *Царьград* — древнее название Стамбула (столицы Турции в годы первой мировой войны).

337. «Воронежский рабочий», 1917, 21 мая, подпись: Ф. С.

338. «Воронежский рабочий», 1917, 3 августа. *Мартовский вчер* — Керенский, см. примеч. 275. В марте 1917 г. Керенский перешел из группы «трудовиков» в партию эсеров. *Рожден толпою я...* Выступая на митингах, Керенский «зажигал» толпу истерическими выкриками, благодаря чему сделался кумиром буржуазно-мещанской публики. *Соломон* (X в. до н. э.) — царь древней Иудеи, которому приписывается легендарная мудрость.

339. «Утро правды», 1917, 10 июня (ранее — «Новая жизнь», 1917, 4 июня). *Плеханов* — см. примеч. 267.

340. «Вперед!», 1917, 10 августа (ранее — «Новая жизнь», 1917, 2 августа). Перепев стих. А. С. Пушкина «Зимняя дорога». «*Ближние выборы*» — речь идет о выборах в Учредительное собрание, срок которых неоднократно переносился Временным правительством.

341. «Вперед!», 1917, 10 августа (ранее — «Новая жизнь», 1917, 5 августа). Артур *Гендерсон* — см. примеч. 267. «*Таймс*» — английская газета, центральный орган консерваторов. *Этна* — вулкан в Сицилии. *Фосфатин* — лекарство для детей. *Затеваю...* *дальнюю по-*

ездку. Будучи министром в кабинете Ллойд-Джорджа, Гендерсон поддерживал военную политику правительства; однако в 1917 г. он высказался за «поездку в Стокгольм», т. е. за созыв международной конференции социалистических партий для обсуждения возможных условий соглашения между воюющими государствами. Этим он вызвал недовольство английской буржуазии, жаждавшей «полной победы» в войне, и вынужден был уйти в отставку.

342. «Донецкий пролетарий», 1917, 5 августа (ранее — «Новая жизнь», 1917, 30 июля); «Вперед!», 1917, 10 августа. В кн.: Владимир Маяковский, «13 лет работы», т. 1, М., 1922 — под заглавием «Сказка о красной шапочке», без посвящения, строфа 2:

Кроме этой шапочки, доставшейся кадету,
ни черта в нем красного не было и нету.

Строфа 4:

Жили припеваючи за кадетом кадет,
и отец кадетов, и кадетов дед.

Строфа 6:

И остался он черный. А видавшие это
волки революции сцапали кадета.

343. «Донецкий пролетарий», 1917, 24 августа (ранее — «Новая жизнь», 1917, 19 августа). *Церетели* — см. примеч. 285. А. А. Бубликов (р. 1875) — представитель торгово-промышленной буржуазии, член либерально-монархической партии «прогрессистов». Выступил на Государственном совещании в Москве (август 1917 г.) с призывом к единению буржуазии с меньшевиками и демонстративно пожал руку Церетели. П. П. Рябушинский (1871—?) — крупный московский банкир и промышленник, один из главарей контрреволюции, лидер партии «прогрессистов» (в тексте ошибочно назван лидером кадетов).

344. «Интернационал», 1917, 25 августа; «Кавказский рабочий», 1917, 22 сентября; «Астраханский рабочий», 1917, 11 октября; КР, 1917, 29 октября.

345. «Сибирская правда», 1917, 29 августа.

346. «Кавказский рабочий», 1917, 8 сентября, подпись: В. К.

347. «Красное знамя», 1917, 10 сентября. *Родзянко* — см. примеч. 319. *Я поставлял в казну болванки...* Родзянко торговал военными материалами, в частности металлическими болванками. 30 августа 1917 г. «Правда» сообщала: «...Родзянко поставлял на Сестрорецкий оружейный завод никуда не годные болванки и получал за них годный на всё чистоган». А. М. Каледин (1861—1918) — царский генерал, возглавлял казачью контрреволюцию на Дону; в июне 1917 г. был избран атаманом войска Донского.

348. «Звезда», 1917, 2 сентября. Перепев «Казачьей колыбельной песни» М. Ю. Лермонтова. *Опальный мой царевич* — Алексей Романов (1904—1918), наследник Николая II. В. М. Пуришкевич (1870—1920) — монархист и черносотенец; был арестован после Февральской революции; впоследствии — вдохновитель белогвардейщины. Плеханов — см. примеч. 267. Родзянко — см. примеч. 319. Корнилов — см. примеч. 292. *Из Сибири, из Тобольска...* В Тобольске содержался под стражей свергнутый царь Николай II, город стал прибежищем контрреволюционеров. Гришка — Распутин, см. примеч. 121.

349. «Звезда», 1917, 10 сентября. Корнилов — см. примеч. 292. *Отдал Ригу и Двину*. 19 августа 1917 г. Корнилов сдал немецким войскам Ригу и побережье Западной Двины. *И в столицу генерал едет под конвоем*. После провала контрреволюционного заговора Корнилов был арестован. Временное правительство объявило о предании его суду, но следствие по его делу намеренно затягивалось, и суд не состоялся.

350. «Бакинский рабочий», 1917, 1 октября, подпись: Ш. Г. Обращено к социал-соглашателям и дано в подверстку к редакционной статье, заканчивающейся словами: «Да, сомнений нет. Оборонческо-соглашательская политика терпит крах. Всё более и более широкие массы рабочих отворачиваются от эсеров и меньшевиков, и создается единая и великая пролетарская партия».

351. «Искорки», 1917, 8 октября. Ст. 1—2 — вариация стих. Д. Бедного «Корниловская (солдатская хоровая песнь)», популярного среди солдат в 1917 г. Корнилов — см. примеч. 292.

352. «Брянский рабочий», 1917, 19 октября; КР, 1917, 29 октября; «Красное знамя», 1917, 3 ноября. Всюду подпись: Затейник-граммостей.

СВ. «ПОД ЗНАМЯ ПРАВДЫ», 1917

353. ПЗП, с. 9, подпись: А. П. Кузьмин.

354. ПЗП, с. 17.

355. ПЗП, с. 18.

356. ПЗП, с. 25, подпись: Е. Трифонов.

357. ПЗП, с. 29, подпись: Е. Трифонов.

358. ПЗП, с. 51, подпись: Е. Б. Помещено в цикле стихов, не имеющем заглавия.

359—361. ПЗП, с. 65. Вошло в Изд. 1917 (с пометой: «село Тутура»).

ПРИЛОЖЕНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ ПОЭТОВ-БОЛЬШЕВИКОВ, НЕ ПУБЛИКОВАВШИЕСЯ В ДООКЛЯВРСКОЙ ПЕЧАТИ

362. Сб. 1956, с. 17. *Манифест* Николая II от 17 октября 1905 г. давал лживые обещания «основ гражданских свобод». Ст. 16—17 стали популярной частушкой.

363. Сб. 1956, с. 21. Написано в дни Декабрьского вооруженного восстания в Москве.

364. Сб. 1956, с. 36. *Девятнадцать гвардейцев-солдат* — солдаты Павловского полка, арестованные Временным правительством за агитационную работу в войсках. *Мазуры, Карпаты* — Мазурские озера и Карпатские горы, где происходили ожесточенные сражения в период первой мировой войны.

365. Изд. 1917, с. 17.

• 366. Изд. 1917, с. 23.

367. Изд. 1917, с. 25.

368. Е. Куйбышева, «Валериан Владимирович Куйбышев», М., 1938, с. 28. Написано в томской тюрьме. Посвящено матери, в письме к которой был прислан текст.

369. «Валериан Владимирович Куйбышев». Материалы к биографии, М., 1936, с. 155; «Правда», 1940, 25 января. Написано в самарской тюрьме, перед отправкой автора в Туруханский край, обращено к самарским рабочим, подготовившим торжественные проводы ссыльных. Стих. прочитано вслух друзьям по камере. Под автографом подписались все узники, отправляемые в этап: «Двенадцать в путь идущих» (см.: Е. Куйбышева, «В. В. Куйбышев», М., 1941, с. 116).

370. П. Н. Лепешинский, На повороте, Л., 1925, с. 141. Написано в петербургской предварительной тюрьме незадолго до 1 мая 1903 г. и послано в письме к жене со следующим объяснением: «Сегодня я поутру схватил карандаш и набросал сезонное стихотворение, смахивающее, к сожалению, на донос... Впрочем, это донос на... солнце, и для оногo несколько не опасный, ибо, как известно, до солнца рукой не достать, как бы ни были руки длинны».

371. Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Фонд «Искры». Стих. находилось в редакции «Искры», но не было напечатано. ...*пророки всепрощенья*. Имеются в виду проповедники «христианского смирения» и сторонники толстовской теории «непротивления злу насиллем». См. примеч. 30.

372. «Литературная газета», 1934, 5 мая, без подписи, в статье А. Богданова «Стихи и революция». Написано в петербургской пере-

сыльной тюрьме; «рукопись, — сообщается в статье, — была спрятана за подкладку ботинок и таким образом спасена от жандармских ищеек при обысках и на этапах». *Нововременец* — сотрудник черносотенной газеты «Новое время». *Семеновец* — солдат Семеновского полка, см. примеч. 60, 82.

373. «Песни каторги и ссылки», М., 1930, с. 111, без подписи. Написано в кронштадтской морской следственной тюрьме по случаю казни участников Кронштадтского восстания 1906 г. *Там в мешках лежат зашиты...* — см. примеч. 83.

374. Изд. 1957, с. 233. «Стихотворения «Утро кузнеца», «Город» и «Бутырская тюрьма» не могли быть напечатаны вследствие полицейского разгрома газеты «Правда»... Сам я оказался арестованным, а следуя этапом в ссылку, прошел через Бутырскую тюрьму в Москве...» (Из неопубликованного письма автора составителю Изд. 1957, 6 июля 1956 г.)

375. «Огонек», 1957, № 8, с. 27. Написано в иркутской ссылке. Исполнялось хором ссылных с участием автора.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК

Акимов В. — псевдоним Махновца В. П. (1872—1921). Участник революционного движения в 90-е годы, член «группы народovolьцев», был арестован и сослан в Сибирь, откуда бежал за границу. Проповедовал «экономизм» и сотрудничал в заграничном органе «экономистов» «Рабочая мысль». После II съезда РСДРП — меньшевик. В 1905 г. вернулся в Россию, но вскоре от политической деятельности отошел. В первые годы эмиграции перевел на русский язык польскую революционную песню «Красное знамя». Другие его произведения неизвестны.

Андреев Е. — солдат, участник первой мировой войны. В 1917 г. печатался в газетах «Правда», «Утро правды», «Деревенская беднота».

Арский П. — псевдоним Афанасьева Павла Александровича (1886—1967). Сын каменщика, родился в Смоленской губ., с пятнадцати лет работал каменщиком, матросом, шахтером. В 1905 г. вел революционную работу, тогда же начал писать, но доступ в печать получил лишь в 1917 г. Будучи солдатом Павловского запасного полка (Петроград), участвовал в Февральской революции и в демонстрации 3 июля 1917 г. За революционную деятельность был арестован органами Временного правительства и заключен в Петропавловскую крепость. Выйдя на свободу, вошел в группу агитаторов, направленную большевиками из Петрограда в «Дикую дивизию», подготовленную генералом Корниловым для контрреволюционного мятежа. Благодаря деятельности агитаторов, казаки «Дикой дивизии» отказались наступать на революционный Петроград. 25 октября 1917 г. Арский был в числе солдат-павловцев, штурмовавших Зимний дворец. В 1918 г. вступил в Коммунистическую партию. До 1922 г. работал в Петроградском Пролеткульте. В последующие годы, кроме стихов, писал рассказы, пьесы и произведения для эстрады.

Сб. стихов: «Песни борьбы», П., 1919 (несколько изданий); «Серп и молот» (совместно с Я. Бердниковым), Л., 1925; «Песни и баллады», М., 1934; «Годы грозовые», М., 1958; несколько стихотворений — в коллективном сб. «Из искры — пламя», М., 1956.

Артамонов Михаил Дмитриевич (1888—1958) — сын безземельного крестьянина Костромской губ., служившего лесным сторожем. С девяти лет жил «в людях», затем окончил сельскохозяйственную школу и работал садовником. Писать начал в 1908 г., печататься — в 1913. Сотрудничал в «Правде», в журналах «Металлист», «Работница», «Вопросы страхования». В годы первой мировой войны служил в армии, был ранен и контужен. После революции вернулся к литературной работе, с 1918 по 1922 годы был секретарем Иваново-Вознесенской газеты «Рабочий край», вокруг которой объединил кружок рабочих-писателей.

Основные сб. стихов: «Когда звонят колокола», Иваново-Вознесенск, 1913; «Улица фабричная», Иваново-Вознесенск, 1913; «Земля родная», П., 1919; «Деревенская улица», М., 1924; «Маков цвет», М., 1928. Ряд стихотворений — в сб. «Из искры — пламя», М., 1956.

Астров Семен (1877—?) — рабочий. В 1912—1913 гг. переписывался с М. Горьким, при содействии которого стихи Астрова печатались в журнале «Просвещение» и сб. «Знание» за 1913 г. «В них, — писал Горький Е. Ляцкому в январе 1913 г., — ценно именно бодрое настроение, нам оно должно быть дорого» (Архив А. М. Горького). Сб. стихов: «Светлый путь» (Париж, 1915 г.).

Бальмонт Константин Дмитриевич (1867—1942). Родился в дер. Гумнищи Владимирской губ. в семье помещика. В 1886 г. поступил на юридический факультет Московского университета, откуда вскоре был исключен за участие в студенческих «беспорядках» и по той же причине выслан из Москвы. Стихи начал печатать в 1885 г. Познакомившись в 1894 г. с В. Брюсовым, стал одним из зачинателей символистского движения в России. Бальмонт много путешествовал по странам Европы, а вернувшись на родину, снова подпал под репрессии: в июне 1904 г. был выслан из Петербурга. Первая русская революция оказала большое влияние на поэта, — он писал стихи на революционные темы и, будучи связан с М. Горьким, печатал их в большевистской газете «Новая жизнь». Опасаясь повторных репрессий, в конце 1905 г. покинул Россию и жил в эмиграции до весны 1913 г. В последующие годы много писал и переводил. Бальмонт восторженно встретил свержение царизма, а после Октября 1917 г. неоднократно напоминал о своем юношеском увлечении революцией и снова писал стихи, приветствующие рабочий класс. Однако в 1920 г., выехав за границу в командировку, не вернулся. На склоне лет Бальмонт заболел душевной болезнью и умер в нищете.

Сб. стихов: «Под северным небом», П., 1894; «Будем, как солнце», М., 1903; «Стихотворения», П., 1906; «Хоровод времен», М., 1909; «Зарево зорь», М., 1912; «Песни рабочего молота», М., 1922 и др.

Батрак Иван — псевдоним Козловского Ивана Андреевича (1892—1943). Родился в с. Малое Гольцево Оршанского уезда (Белоруссия) в семье крестьянина. После двух классов сельской школы поступил в оршанское городское училище; осенью 1911 г. уехал в Петербург и стал чернорабочим на Николаевской железной дороге. Литературную работу начал в 1913 г., сотрудничая в «Правде» как рабкор и поэт. В 1914 г. вступил в большевистскую партию. Весной 1915 г. был арестован, у него была найдена подпольная типография, и военный суд приговорил его к восьми годам каторги,

которую он отбывал в Шлиссельбургской крепости до марта 1917 г. После Октябрьской революции активно сотрудничал в «Известиях», «Бедноте» и др. газетах как фельетонист и баснописец. В 1924 г. окончил отделение общественных наук Московского университета. Был одним из руководителей Всероссийского общества крестьянских писателей. Поэт трагически погиб.

Основные сб. стихов: «Обручи и клепки», М.—Л., 1926; «Басни», М.—Л., (1928); «Пауки и мухи», М., 1931; «По следам жизни», М., 1935; «Избранное», М., 1958.

Бедный Демьян — псевдоним Придворова Ефима Алексеевича (1883—1945), другие псевдонимы: Мужик Вредный, Яким Нагой, Солдат Яшка-Медная пряжка, Друг сердечный, Иван Заводской. Родился в семье крестьянина-бедняка с. Губовка Херсонской губ. После зачисления в Киевскую военно-фельдшерскую школу и отбывания военной службы учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета. Литературную деятельность начал в 1909 г. в журнале «Русское богатство». Весной 1911 г. стал печататься в «Звезде» и в 1912 г. вступил в большевистскую партию. Был сотрудником «Правды» со дня выхода первого номера и участником всех основных большевистских изданий 1912—1917 гг. В предоктябрьской «Правде», кроме фельетонов, эпиграмм, басен и т. п., опубликовал самое крупное свое произведение — стихотворную повесть «Про землю, про волю, про рабочую долю». Наиболее широкую популярность Д. Бедный приобрел в годы гражданской войны и социалистического строительства, выступая как поэт «Правды», «Бедноты» и других массовых изданий.

Стихи дооктябрьских лет собраны в книгах: «Басни», П., 1913; «Диво дивное и другие сказки», П., 1916; «Куй железо, пока горячо», П., 1917; «Сказки», П., 1917; «Про землю, про волю, про рабочую долю», П., 1917; «Стихи и басни 1912—1914», М., 1932; «Сто басен», М., 1935; Собр. соч., тт. 1, 2, М., 1963.

Белозеров Александр Андреевич (1883—1954) — активный участник революционного движения. Писать начал в 1901—1902 гг., в период первой революции подвергался аресту, сидел в тюрьме. Сотрудничал в «Правде» и в журнале «Просвещение». На протяжении ряда лет переписывался с М. Горьким. В советские годы, наряду с поэтическими произведениями, опубликовал ряд статей и очерков, воспоминания о М. Горьком.

Основные сб. стихов: «Песни борьбы и свободы», Нижний Новгород, 1906; «Стихотворения (лирические)», Нижний Новгород, 1910; «Воскресшие песни», М., 1918; «Мятежные вихри», Нижний Новгород, 1928.

Бердников Яков Павлович (1889—1940) — сын крестьянина с. Вановье Тамбовской губ. По окончании церковноприходской школы работал «мальчиком» в сельской пекарне. Отправившись затем в Петербург, долго скитался по заводам и фабрикам, пока не приобрел профессию токаря. Принимал участие в первой русской революции. За «вывоз на тачке» заводских мастеров и распространение большевистских прокламаций в 1908 г. был выслан на родину. По возвращении из ссылки, продолжая работать на заводе, начал писать стихи. Печатался с 1912 г. в «Звезде», «Правде» и других большевистских изданиях. В годы гражданской войны — сотрудник

ряда петроградских газет и журналов, в начале 20-х годов — член пролеткультовской группы «Космист». Автор ряда поэм, написанных в последующие годы («В неволе», «Ерсема», «Пути-дороги»).

Основные сб. стихов: «Сонет рабочего», П., 1917; «Цветы сердца», П., 1919; «Пришествие», П., 1921; «Серп и молот» (совместно с П. Арским), Л., 1925.

Богданов Александр Алексеевич (1874—1939), псевдонимы: Волжский, Волгин, Антонов, А—нов, Альфа и др. Сын адвоката, работал сельским учителем, много ездил по деревням Пензенской и Саратовской губ., жил на постоянных дворах, общался с крестьянами. С семнадцати лет начал писать и принимал участие в революционном движении. Уволенный из учителей в 1896 году за антирелигиозную пропаганду, он перебрался в Саратов, где встретился с известным революционером Н. Э. Бауманом, под влиянием которого занялся изучением марксизма и стал социал-демократом, примкнув в 1903 г. к большевикам. Активно участвовал в партийной печати, был одним из основных сотрудников газеты «Самарская лука» (1906), где его перу — помимо стихотворений — принадлежит ряд публицистических статей. За революционную деятельность шесть раз сидел в тюрьмах, более десяти лет прожил на нелегальном положении. В годы реакции, больной, преследуемый царскими властями, проживал по чужому паспорту в Финляндии и получил ободряющее письмо Горького (письмо это не сохранилось; текст его частично известен по письму адресата к жене, датированному 1910 годом). В предвоенные годы А. Богданов печатался в «Звезде» и «Правде», в 1917 г. — в газетах приволжских большевиков (Самара, Саратов). Кроме стихов писал рассказы, повести, фельетоны. Литературную деятельность продолжал и в советские годы.

Основные сб.: «Под ласковым солнцем», П., 1916 (Стихи и рассказы); «Волжская кипень», 1919; «Песни подпольщика», М., 1927; «Избранные стихи», М., 1934; «Стихи», М., 1936; «Избранное», Саратов, 1951.

Богораз Владимир Германович (1865—1936), псевдонимы: Тан, Вас. Чужой. Родился в семье учителя. С 1881 г. входил в народно-вольческие кружки, неоднократно подвергался арестам, в 1889 г. был сослан на десять лет в Сибирь. Литературную деятельность начал в 1896 г., публиковал стихи, очерки и статьи. С 1902 г. его произведения появились в стихотворных сборниках, выпускавшихся социал-демократами ленинцами. В годы первой революции Богораз сотрудничал в «Казарме» и других газетах военной организации большевиков. Стихи и песни его, печатавшиеся в этих газетах, пользовались большим успехом у революционно настроенных солдат и матросов. После поражения революции Богораз встал на либерально-народнические позиции, от которых впоследствии отошел. В годы советской власти вел обширную исследовательскую, литературную и педагогическую работу как этнограф, член-корреспондент Академии наук СССР.

Основной сб.: «Стихотворения», П., 1900 (неоднократно переиздавался).

Борецкая М. — псевдоним Журавлевой Марии Васильевны. Участвовала в революционном движении, со стихами выступала в «Звезде» и «Правде» (1912—1913). В советские годы перешла на

прозу (романы «Гнев народный», «Пир народный» и «В железном круге»). Стихи не собраны.

Бражнев Е. — псевдоним Трифонова Евгения Андреевича (1885—?). Родился в Донской области в семье казака. Получив низшее техническое образование, работал слесарем, техником. С девятнадцати лет занимался политическим самообразованием и революционной работой. За участие в первой русской революции был приговорен к длительному сроку каторжных работ. В этот период, находясь в Сибири, начал писать стихи, которые получили доступ в печать лишь в 1917 г. После революции принимал активное участие в общественно-политической жизни, а в годы гражданской войны был политработником Красной Армии. До 1922 г. продолжал писать стихи, после чего выступал преимущественно как прозаик.

Сб. стихов: «Буйный хмель», Козлов, 1918 (изд. 3 — М., 1931).

Бунин Иван Алексеевич (1870—1953). Родился в Воронеже в обедневшей дворянской семье. Детство провел в имении на хуторе Бутырки Орловской губ. В 1881 г. поступил в елецкую гимназию, не окончив которую, начал работать корректором, потом статистиком, библиотекарем, газетным репортером. Первое стихотворение опубликовал в 1887 г. В дальнейшем, продолжая заниматься поэзией и стихотворными переводами, выдвинулся как мастер прозы. В 1895 г. сблизился с Чеховым, а в 1899 — с Горьким, который привлек его к сотрудничеству в издательстве «Знание». В 1909 г. был избран почетным академиком. В девятисотые годы путешествовал по странам Европы и Азии, отразив свои путевые впечатления во многих стихах. Одно из этих стихотворений напечатал в большевистском журнале «Просвещение». Не поняв и не приняв Октябрьской революции, Бунин в 1920 г. эмигрировал во Францию. После окончания второй мировой войны принял советское гражданство, но на родину не вернулся.

Основные сб. стихов: «Стихотворения», Орел, 1891; «Под открытым небом», М., 1898; «Листопад», М., 1901; «Стихотворения», П., 1906; «Стихотворения», Л., 1936.

Василевский Лев Маркович (1876—1936) — поэт, журналист и критик, автор рецензий на книги стихов И. Бунина, Д. Цензора, Г. Галиной и др. (1906—1909), а также ряда театральных рецензий (1907—1909). Как поэт печатался в большевистском журнале «Наша мысль» (1906) и в др. изданиях.

Сб.: «Стихи», П., 1912.

Верхоустицкий Борис Алексеевич (1889—1919) — поэт и прозаик. В 1906—1908 гг. отбывал заключение в петербургской тюрьме «Кресты» за революционную деятельность. В 1909—1910 гг. переписывался с М. Горьким. Печатался в ряде изданий, в том числе в большевистской «Звезде» (1912). В 1915—1916 гг. был близок к С. Есенину и входил вместе с ним в группу крестьянских поэтов «Краса».

Сб. стихов: «Матросская проповедь», М., 1921.

Воннов Иван Авксентьевич (1884—1917), псевдоним — Стрелочник. Сын крестьянина-бедняка Ярославской губ. В детстве служил «мальчиком» у купца; в 1905 г. призван на военную службу, по окончании которой был чернорабочим на петербургских заводах.

Затем два года служил железнодорожным стрелочником в Петербурге. В 1909 г. вступил в большевистскую партию. Активно сотрудничал как рабочий корреспондент и поэт в газетах «Звезда», «Правда», «Борьба». За революционную работу был сослан сперва на родину, потом — в Новгород, а затем — после бегства из ссылки — на Ангару. Вернувшись в Петербург после Февральской революции, помогал выпуску и распространению «Правды» и был зверски убит на улице юнкерами 6 июля 1917 г. Стихи не собраны.

Галина Г. — псевдоним Эйнерлинг Глафиры Адольфовны (1873—?). Стихи сочиняла с девяти лет. По окончании гимназии работала телеграфисткой; в 1895 г. начала печататься. «Писала и сказки и стихи, — сообщает она в автобиографии. — Но только когда я написала мое стихотворение «Лес рубят...», я почувствовала, что поэт не может не быть гражданином» («Первые литературные шаги». — «Автобиографии современных русских писателей», М., 1911; с. 143). За сочувствие студенческому движению, выраженное в этом стихотворении, Галина в 1901 г. была выслана из Петербурга.

Основные сб. стихов: «Стихотворения», П., 1902; «Предрасветные песни», П., 1906.

Ганцев Б. — участник первой мировой войны, солдат-музыкант запасного воздухоплавательного парка; с августа 1917 г. — рядовой 171-го пехотного полка. После Октябрьской революции — рабочий на Урале. Стихи его печатались в «Правде», «Солдатской правде», «Голосе правды»; в 1918 г. — в екатеринбургской газете «Уральский рабочий». Стихи не собраны.

Ганьшин Сергей Евсеевич (1878—1953) родился в семье крестьянина-бедняка Тульской губ. В детстве был пастухом, затем работал на ткацких фабриках Подмосковья, после этого скитался по югу России. Привлекался к суду по политическому делу, сидел в тюрьме. В 1908 г. начал писать. Участвовал в работе Суриковского литературно-музыкального кружка, объединявшего поэтов из народа. Печатался в большевистских газетах «Звезда» и «Наш путь». М. Горький в письмах к Ганьшину одобрил бодрый тон его стихотворений. За статьи и стихи Ганьшин неоднократно подвергался репрессиям и в 1916 г. был выслан в Вятскую губ., откуда возвратился после Февральской революции. В советские годы продолжал литературную деятельность.

Сб. стихов: «Искра», М., 1912; «Предрасветные песни», М., 1913 (конфискован); «Песни гражданина», М., 1916 (конфискован).

Гастев Алексей Капитонович (1882—1941), псевдоним — И. Дозоров, родился в семье суздальского учителя. Получив в Суздале общее и среднетехническое образование, поступил в Московский учительский институт, откуда в 1902 г. был исключен за организацию студенческих выступлений. Вскоре после этого был арестован и сослан в Вологодскую губ., откуда бежал за границу. В начале 1905 г. нелегально вернулся в Россию, вел революционную работу в Поволжье, был избран делегатом IV съезда РСДРП. По возвращении со съезда снова был арестован, сослан и снова эмигрировал. Литературную деятельность начал в 1904 г., но более широко занялся ею после второго приезда на родину (1907), когда жил нелегально в Петербурге, печатался в журнале «Металлист». В 1911 г. —

третья эмиграция: Париж, где совместно с А. Луначарским, П. Бессалько, М. Герасимовым и др. организовал «Лигу пролетарской культуры». Затем опять Петербург, работа на машиностроительном заводе, сотрудничество в «Правде» и других большевистских изданиях. В конце 1913 г. — последний арест и ссылка в Нарым. Вернувшись в Петроград после Февральской революции, Гастев участвовал в работе Пролеткульта, много писал. В 1919 г. он возглавил «Совет искусств» на Украине. Кроме стихов писал научные и публицистические статьи по вопросам развития современной культуры. В 1920 г. отошел от литературной деятельности и посвятил себя изучению проблем научной организации труда (в ЦИТе — Центральном институте труда).

Сб. стихов: «Поэзия рабочего удара», П., 1918 (ряд изданий, новейшее из них — М., 1964).

Герасимов Михаил Прокофьевич (1889—1939) — сын железнодорожного рабочего, жившего недалеко от Бугуруслана. Учился в самарском железнодорожном училище. В 1905 г. был членом боевой дружины железнодорожников, вступил в РСДРП. После ареста и тюремного заключения в 1907 г. уехал за границу, где долго скитался (Франция, Бельгия, Италия), работая забойщиком и откачником в рудниках, слесарем и электромонтером на автомобильном заводе, кочегаром и угольщиком на пароходах. В Париже вступил в «Лигу пролетарской культуры», организованную русскими эмигрантами (см. биографию А. Гастева), и значительную часть своего времени стал посвящать литературным занятиям. Стихи Герасимова появились в «Правде» и «Просвещении»; поэт вступил в переписку с М. Горьким, при содействии которого издал в России первый сборник своих стихов. Но раньше чем сборник этот вышел, началась война, в которой Герасимов участвовал как волонтер иностранного легиона французской армии. В боях был контужен. На родину попал в конце 1915 г., будучи выслан французскими властями за антивоенную пропаганду. В Самаре его арестовали и отдали под надзор военных властей. Освобожденный Февральской революцией, Герасимов стал председателем Самарского Совета солдатских депутатов, членом ВЦИК первого созыва. В этот период он активно печатался в газете «Приволжская правда». После Октябрьской революции был губернским военным комиссаром, командовал отрядами красногвардейцев в боях под Оренбургом. Возглавив затем Самарский пролеткульт, он целиком отдался литературной деятельности. Переехав в Москву, участвовал в организации группы «Кузница» (1920), был заместителем председателя ВАПП (Всесоюзной Ассоциации пролетарских писателей). В 1939 г. Герасимов трагически погиб.

Основные сб. стихов: «Вешние зовы», П., 1917; «Завод весенний», М., 1919; «Железные цветы». Самара, 1919; «Четыре поэмы», П., 1921; «Стихотворения», М., 1923; «На Волге», М., 1925; «Избранные стихи», М., 1928; «Заряд», М., 1933; «Стихи», М., 1936; «Стихотворения», М., 1959.

Гмырев Алексей Михайлович (1887—1911), псевдоним — Михайлов; родился в семье железнодорожника в Смоленске. Окончив городское шестиклассное училище, переехал в Николаев, где с пятнадцати лет работал на судостроительном заводе. В 1903 г. за уча-

стве в забастовке был арестован, неоднократно сидел в тюрьме. Летом 1906 г. бежал из архангельской ссылки, был схвачен и приговорен к 6 годам и 8 месяцам каторги. Погиб в херсонской каторжной тюрьме от туберкулеза. Стихи писал с начала 900-х годов. В 1912 г. они печатались в «Звезде» и «Правде».

Основные сб. стихов: «За решеткой», М., 1926; «Гори, мое сердце», Киев, 1957. Обширный раздел стихотворений Гмырева в кн.: «У истоков русской пролетарской поэзии», М.—Л., 1965.

Годин Яков Владимирович (1887—1954). Родился в Петербурге в семье военнослужащего. Писать начал с девяти лет, печатался — с шестнадцати. В 1905 г. сотрудничал в газете «Новая жизнь».

Сб. стихов: «Северные дни», П., 1912; «Старый мир», Тверь, 1921.

Горький Максим — псевдоним Пешкова Алексея Максимовича (1868—1936). Родился в Нижнем Новгороде в мещанской семье. В юношеские годы и позднее писал стихи. Печататься начал в 1892 г. Участник революционного движения, Горький поддерживал связь с редакцией «Искры» и в 1903 г., после раскола с.-д. партии, стал на сторону большевиков. Ряд его произведений, в том числе «Песня о Буревестнике», публиковался в большевистских изданиях. В 1905 г. при его содействии большевики получили возможность издавать газету «Новая жизнь», в которой Горький сотрудничал как публицист. В 1911 г. он печатался в «Звезде», в 1913—1914 гг. возглавлял литературно-художественный отдел журнала «Просвещение», в 1914 г. при его участии был подготовлен «I сборник пролетарских писателей», который вышел с его предисловием. Горький содействовал творческому развитию ряда поэтов, печатавшихся в большевистских изданиях (С. Ганьшин, Д. Бедный, И. Садофьев, Д. Семеновский, С. Астров, Л. Старк, А. Маширов, М. Герасимов, М. Артамонов и др.). Видный общественно-политический деятель, автор известных романов, повестей, рассказов, пьес, стихотворений, критических и публицистических работ; инициатор ряда серийных изданий, в том числе «Библиотеки поэта».

Горький-поэт представлен в сб.: «Стихотворения», Л., 1947; «Стихотворения», Л., 1951; «М. Горький и поэты „Знания“», Л., 1958; «Стихотворения», Л., 1963 (все изд. — в «Б-ке поэта»).

Ерошин Иван Евдокимович (1894—1965) родился в семье мало-земельного крестьянина. В отроческие годы познал горечь скитаний, которую перенесла семья, переселившаяся с потоком крестьян-бедняков в сибирские края. Был аптекарским служащим, принимал участие в революционном движении, занимался распространением «Правды». В 1913 г. печатался в «Правде», в 1917 — кроме «Правды», в газетах «Социал-демократ» и «Голос правды». С началом гражданской войны пошел добровольцем в Красную Армию, участвовал в боях против войск Колчака. После демобилизации работал в газете «Советская Сибирь», помогал налаживать деятельность местных Советов. Много лет проживал на Алтае. Наряду с писанием стихов занимался собиранием и обработкой народных песен и сказаний.

Основные сб. стихов: «Переключ», Новониколаевск, 1922; «Синяя юрта», М., 1929; «Утренний привет», М., 1956. Группа стихотворений — в сб. «Из искры — пламя», М., 1956.

Есенин Сергей Александрович (1895—1925) родился в с. Константиново Рязанской губ. в семье бедного крестьянина. Переехав в 1912 г. в Москву, стал работать в типографии, посещал Суриковский литературно-музыкальный кружок, участвовал в рабочих сходках. В этот период им написано стихотворение «Кузнец», напечатанное в «Правде». Будучи мобилизован весной 1916 г., Есенин до середины 1917 г. служил в армии, не прекращая своей литературной деятельности. «В годы революции, — сообщает он в автобиографии, — был всецело на стороне Октября, но принимал все по-своему, с крестьянским уклоном» (Собр. соч., т. 5, М., 1962, с. 22). В советские годы Есенин — сотрудник ряда периодических изданий, автор стихов о революции («Небесный барабанщик», «Кантата»), драматической поэмы «Пугачев», «Баллады о двадцати шести», цикла «Персидские мотивы», поэмы «Анна Снегина» и многих лирических стихотворений.

Стихи дореволюционных лет собраны в книгах: «Радунница», П., 1916 (изд. 2, М., 1918); «Избранное», М., 1922; Собр. соч., т. 1, М., 1961.

Ефимов Егор — участник первой мировой войны, унтер-офицер 127-го Петроградского разгрузочного батальона. В 1917 г. печатал стихи в большевистской газете «Искорки».

Звездин В. — псевдоним Вайнштейна Семена Лазаревича, сотрудника большевистских изданий 1904—1906 гг.

Ивнев Рюрик — псевдоним Ковалева Михаила Александровича (р. 1891). Сын военного юриста, окончил кадетский корпус в Тифлисе и юридический факультет Московского университета. Печатал стихи в большевистской «Звезде». В 1915 г. сблизился с Есениным, в поэтическом творчестве увлекся модернистскими мотивами. Приветствовал Октябрьскую революцию и был в числе немногих представителей художественной интеллигенции, участвовавших в беседах, созданном Советским правительством в Смольном тотчас после Октябрьских дней. В 1918 г. Ивнев стал секретарем А. В. Луначарского, выступал как публицист в «Известиях», в марте 1919 г. уехал с агитпоездом в южные районы страны. Поселившись затем в Москве, вошел в группу имажинистов. В последующие годы много ездил по Советскому Союзу (Камчатка, Карс, Архангельск), писал стихи, романы, занимался художественными переводами.

Основные сб. стихов: «Самосожжение», П., 1913; «Золото смерти», М., 1916; «Солнце во гробе», М., 1921; «Избранное», М., 1965.

Измайлов Александр Алексеевич (1873—1921), псевдоним — Смоленский. Родился в семье церковнослужителя, окончил Духовную академию. Печатался с 1895 г. — писал рассказы, стихи, критические этюды. Наибольшую популярность приобрел как автор пародий на современных писателей. Из литературно-критических работ его известна книга о Чехове (1916).

Сб.: «Стихотворения», П., 1905; «Кривое зеркало», П., 1908 (неск. переизданий); ряд текстов — в кн.: «Русская стихотворная пародия», Л., 1960.

Ионов Илья — псевдоним Бернштейна Ильи Ионовича (1887—1942) (другой псевдоним — Звонарь). Родился в Одессе в мещан-

ской семье, с двенадцати лет работал в типографии, затем поступил в художественное училище, откуда был исключен за революционную деятельность. Писать начал в 1905 г. Вскоре был приговорен к ссылке, откуда бежал, а в 1908 г. осужден на восемь лет каторжных работ. После Февральской революции приехал в Петроград, печатался в газетах «Правда», «Прибой», «Солдатская правда», «Окопный набат». В первые годы советской власти возглавлял издательство Петросовета, отделение Госиздата, редактировал журнал «Пламя», с 1924 по 1928 г. был заместителем директора ОГИЗ, с 1928 г. заведовал издательствами «Земля и фабрика», «Международная книга», «Academia». К 1918—1932 гг. относится переписка Иконова с М. Горьким, посвященная, главным образом, издательским вопросам.

Сб. стихов: «Алое поле», П., 1917 (изд. 2 — П., 1918); «Колос», П., 1921; «Октябрьские дни», Л., 1926.

Кириллов Владимир Тимофеевич (1890—1943) родился в дер. Харино Смоленской губ. в семье крестьянина, служившего приказчиком в городском книжном магазине. Детство провел в деревне, с девяти лет работал учеником сапожника в Орле, потом юнгой на судах Черноморского флота, плававших в Турцию, Грецию, Египет. В 1905—1906 гг. участвовал в революционных выступлениях черноморских матросов, за что был подвергнут ссылке на три года. В ссылке начал писать. Поселившись затем в Петербурге, зарабатывал игрой на мандолине и поступил в оркестр народных инструментов, в составе которого ездил в Америку (1911). Печататься начал в 1913 г. Был на фронте в первую мировую войну; как член полкового комитета в 1917 г. во главе восставшего полка прибыл в Петроград. После Октябрьской революции был избран секретарем Московско-Заставского комитета партии Петрограда, работал в Петроградском, а затем Тамбовском пролеткульте, с агитационно-художественными бригадами выезжал на фронт. С 1920 г. — в Москве: сотрудник литературного отдела Наркомпроса, потом — председатель ВАПП. В двадцатые и тридцатые годы много путешествовал по Советской стране (Дальний Восток, Средняя Азия, Донбасс, Урал, Баку, Сибирь). В. Кириллов трагически погиб.

Основные сб. стихов: «Стихотворения», П., 1918; «Зори грядущего», М., 1919 (неск. изданий); «Паруса», М., 1921; «Рабочие шаги», М., 1924; «Голубая страна», М.—Л., 1927; «Весенний свет», М., 1928; «Октябрь», М., 1933; «Стихотворения», М., 1958.

Кичуйский Валериан — псевдоним Самойлова Ивана Ивановича (1888—1964). Родился в семье крестьянина-бедняка Казанской губ. Во время пребывания в Казанской учительской семинарии вошел в среду революционно настроенной молодежи. Литературную деятельность начал в 1904 г., опубликовав в «Волжском вестнике» стихотворение памяти А. П. Чехова. Работал в Казани народным учителем, вступил в большевистскую партию; за участие в революционной партийной работе неоднократно подвергался арестам, а в 1909 г. приговорен на вечное поселение в Сибирь. Из ссылки бежал, был схвачен, осужден за лобг и снова отправлен в Сибирь. Оттуда посылал стихи Горькому; печатался в «I сборнике пролетарских писателей», в журнале «Вопросы страхования». Вернувшись из ссыл-

ки, сотрудничал в «Красноярском рабочем» (1917). В советские годы был на хозяйственной, издательской, педагогической работе, сотрудничал в ряде изданий. Стихи не собраны.

Князев Василий Васильевич (1887—1937), псевдонимы: Красный звонарь, Красный поэт, Дед Нефед и др. Родился в Тюмени в семье купца. Учился в 1904—1905 гг. в земской учительской семинарии, откуда был исключен за участие в юношеских с.-д. кружках. Печататься начал в 1905 г. в юмористических листках и журналах, затем выступал в ряде изданий как демократический поэт-сатирик. Занимался также сбором и изучением произведений народного творчества (составил сборник «Частушки-коротушки Петербургской губернии в 1913 году» и свод пословиц «Русь»). До войны печатался в «Звезде» и «Правде», в 1917 г. — в газете «Утро правды» и др. большевистских изданиях. После Октябрьской революции активно сотрудничал в советской периодике, редактировал журнал «Красная колокольня» (приложение к петроградской «Красной газете»). В дни обороны Петрограда (1919) выезжал с агитвагоном Пролеткульту на фронт, печатался в газете 7-й армии «Боевая правда». Широкую популярность приобрела написанная В. Князевым «Песня коммуны». Текст этой песни Н. К. Крупская читала В. И. Ленину незадолго до его смерти (см.: «Воспоминания родных о В. И. Ленине», М., 1955, с. 197).

Основные сб. стихов: «Сатирические песни», П., 1910; «Двуногие без перьев», П., 1914; «Красное евангелие», П., 1918 (неск. изданий); «Песни красного звонаря», П., 1919 (изд. 2 — М.—Л., 1931); «О чем пел колокол», П., 1920; «За четверть века», Л., 1935; «Избранное», Л., 1959.

Колючий А. — псевдоним Соколова Александра. Печатал стихи в сатирических журналах 1906 г., в «Правде» 1912 г., в газете «Голос правды» 1917 г.

Котомка Леонтий — псевдоним Зеленского Владимира Иосифовича (1890—1965). Шестнадцати лет вступил в большевистскую партию. Живя в Петрограде, печатался в «Правде» (1913), в журнале «Вопросы страхования» (1915). Принимал участие в Октябрьских событиях 1917 г. в Москве, печатался в газете «Социал-демократ» и выполнял поручения Военно-революционного комитета. По заданию последнего в конце октября 1917 г. ездил в Петроград, в Смольный с информацией о московских событиях. Участвовал в гражданской войне и советском строительстве. В последние годы отдал много сил воспитанию литературной молодежи.

Сб. стихов: «Радость труда», Саратов, 1920 (совместно с А. Дорогойченко). Группа стихотворений — в сб. «Из искры — пламя», М., 1956.

Кошкарёв Сергей Николаевич (1882—1919), псевдоним — Сергей Заревый. Родился в Саратове в семье волжских бурлаков-кошкарёв. Служил в судебных учреждениях Ярославля и др. городов, писать начал в 1900—1901 гг., печататься в 1902 г. Переехав в Москву, вступил в 1910 г. в Суриковский литературно-музыкальный кружок, став впоследствии его председателем. В 1912—1914 гг. печатался в «Звезде» и «Правде», в 1917 г. — в газете «Социал-демократ». После Октябрьской революции активно сотрудничал как поэт-баснописец в газетах «Беднота» и «Коммунар», в фронтовой и про-

винциальной печати. Будучи в Башкирии на хлебозаготовках, заболел сыпным тифом и умер.

Основные сб. стихов: «Басни и стихотворения», Романово-Борисоглебск, 1902 (три издания); «Стихотворения и басни», Углич, 1907 (четыре изд.); «Светлые песни», М., 1913; «Родная Русь», М., 1916; «Буревестник», М., 1918; «Великая новь», М., 1920.

Коц Абрам Яковлевич (1872—1943), псевдоним — Данин. Родился в Одессе в семье мелкого служащего. В 1893 г. окончил горное училище в Горловке и несколько лет работал в шахтах Подмосковья и Донбасса. С 1897 по 1902 гг. жил в Париже, где был связан с революционными эмигрантами. Вернувшись в 1903 г. на родину, участвовал в работе социал-демократических организаций. Литературную деятельность начал в 1902 г. переводом на русский язык текста «Интернационала». В дальнейшем написал ряд произведений, совмещая творческие занятия с работой горного инженера. В советские годы переводил на русский язык произведения Эжена Потье (автора «Интернационала») и других французских поэтов. Находясь в годы Великой Отечественной войны на Урале, писал стихи и песни на злободневные темы.

Сб. стихов: «Песни пролетариев», П., 1907 (конфискован); «Стихотворения», М., 1957.

Крайский А. — псевдоним Кузьмина Алексея Петровича (1892—1941). Родился в Новгороде, в семье отставного николаевского солдата. Подростком был ремонтным рабочим на железной дороге, потом приказчиком и конторщиком в торговом заведении (Петербург). Писать начал в 1914 г., печататься — в 1916; в том же году был мобилизован в армию, где прослужил до весны 1917 г. Летом 1917 г. сотрудничал в «Правде». После Октябрьской революции работал в Петроградском Пролеткульте, печатался в ряде изданий. В советские годы, наряду со стихами, писал литературно-критические работы и пособия для начинающих литераторов.

Основные сб. стихов: «Улыбки солнца», П., 1919 (неск. изданий); «У города-разбойника», П., 1922; «На панельных квадратах», Л., 1930; «Лирика», Л., 1939.

Красин Леонид Борисович (1870—1926) — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства. С конца 80-х годов участвовал в революционном движении, в 1891 г. и позднее подвергался арестам и ссылкам, был делегатом III и IV съездов РСДРП, после чего работал в Петербурге. В 1908 г. эмигрировал за границу. Вернувшись в Петроград, принимал участие в Октябрьской революции. Печатал стихи в газетах «Правда» и «Голос правды» (1917). В советские годы был на хозяйственной, а затем на дипломатической работе. Стихи не собраны.

Кржижановский Глеб Максимилианович (1872—1959) — один из старейших деятелей Коммунистической партии, видный советский ученый. Участвовал в организации Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса (1895). Будучи заключен в Бутырскую тюрьму, сблизился там с арестованными поляками и создал русский текст польских революционных песен, которые широко распространились в стране и печатались в ряде большевистских изданий. Кржижановский был делегатом II съезда партии, активным участником первой русской революции. В советские годы по пору-

чению В. И. Ленина возглавлял Государственную комиссию по электрификации (ГОЭЛРО), затем руководил Госпланом СССР, Энергоцентром, Главэнерго. Вел научную работу в области энергетики, был академиком. Писал сонеты, проникнутые тонким чувством природы (см. ж. «Юность», 1959, № 6).

Кроткий Эмиль — псевдоним Эммануила Яковлевича Германа (1892—1963). Начал печататься в 1911 г., сотрудничал в «Новом сатириконе», «Летописи». В 1917 г. писал злободневные стихотворные фельетоны, которые печатались в большевистских газетах. В первые годы революции выступал и как поэт-лирик. С 1930 г. сотрудничал в «Крокодиле», писал памфлеты, эпиграммы, пародии.

Сб. стихов: «Растопленный полюс», П., 1918 (изд. 2 — М., 1929); «Скифский берег», Харьков, 1920; «Стихи о Москве», Екатеринбург, 1922; «Портрет и зеркало», М., 1956.

Куйбышев Валериан Владимирович (1888—1935), псевдоним — В. Встречный, — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства. Вступил в партию в 1904 г., активно участвовал в первой русской революции. С 1906 по 1915 г. вел партийную работу в Сибири, в Петрограде и других местах. Неоднократно подвергался арестам, тюремному заключению, был в ссылке. Стихи писал с юношеских лет, присылая их в письмах к матери, читая среди друзей. Изустным путем они распространились в кругах политических ссыльных, распевались на арестантских этапах. По инициативе Куйбышева в конце 1915 и начале 1916 г. ссыльные села Туруты, Иркутской губ., издавали рукописный журнал, в котором он помещал свои стихотворения и статьи (журнал не сохранился). В 1916 и 1917 г. Куйбышев возглавлял большевистскую организацию Самары, где под его руководством была установлена Советская власть. В предоктябрьские дни активно сотрудничал — как публицист и поэт — в газете «Приволжская правда». В дальнейшем Куйбышев — один из организаторов и руководителей государственного и хозяйственного строительства в СССР.

Стихи вошли в книгу: «Избранные произведения», М., 1958.

Лепешинский Пантелеймон Николаевич (1868—1944) — один из старейших деятелей Коммунистической партии. С 80-х годов участвовал в революционном движении, в 1898 г. вступил в РСДРП, был корреспондентом ленинской «Искры», неоднократно подвергался арестам, сидел в тюрьме, находился в ссылке. Годы 1905—1907 провел на партийной работе в Екатеринославе и Петербурге. Был активным участником Великой Октябрьской социалистической революции. В годы советской власти — видный деятель Коммунистической партии, литератор, автор ряда работ по истории партии. Стихи не собраны.

Лесной С. — псевдоним Белова Степана. Участник сборника рабочих-поэтов «Наш путь» (1913). В 1917 г. печатался в газетах «Социал-демократ», «Приволжская правда». Стихи не собраны.

Логинов Иван Степанович (1891—1942) родился в дер. Паршуки недалеко от Костромы, в семье крестьянина-бедняка. Окончив сельскую школу, работал учеником в шапочной мастерской, а с 1905 г. в Петербурге — улчником точильщиком, затем слесарем на арматурном заводе, откуда был уволен за участие в забастовке. Печатался

с 1911 г. в «Звезде», потом в «Правде». В 1912 г. вступил в ленинскую партию, в 1917 г. сотрудничал в большевистских газетах, издававшихся в Петрограде, Ревеле, Красноярске, Луганске. После Октябрьской революции работал в редакции «Красной газеты», был библиографом Госиздата, работником партийного клуба, общества старых большевиков. Вступив добровольцем в народное ополчение летом 1941 г., Логинов погиб в дни ленинградской блокады.

Основные сб. стихов: «У станка», П., 1917; «На страже», П., 1919; «Под знаменем правды», Л., 1925; «Стихи», Кострома, 1958.

Лукиянов Александр Александрович (1871—?) родился в купеческой семье в Петербурге. Окончив школу для купеческих сирот, служил конторщиком. Печатался с 1890 г. В начале девятисотых годов сблизился с М. Горьким, который привлек его к участию в сборниках «Знание» и — как явствует из письма его к поэту от 14 марта 1905 г. (см.: «Архив Горького», т. 7, М., 1959, с. 53) — собирався издать книгу его стихов. В 1905 г. Лукьянов печатался в большевистских газетах «Новая жизнь» и «Волна», в 1911 г. — в «Звезде». В дальнейшем он отошел в своем творчестве от прогрессивных идей и писал незначительные, случайные вещи.

Сб.: «Стихи», П., 1908.

Луначарский Анатолий Васильевич (1875—1933) — советский государственный и общественный деятель, один из видных строителей социалистической культуры. Родился в Полтаве в семье чиновника-демократа. С четырнадцати лет участвовал в революционном движении, в 1892 г. вступил в социал-демократическую организацию. Неоднократно подвергался арестам, сидел в тюрьмах, был сослан на три года в Вологодскую губ. После ссылки, осенью 1904 г., по вызову Ленина уехал в Женеву, выдвинулся как талантливый партийный литератор, участник ряда большевистских изданий. В них же печатал свои стихи. В октябре 1905 г. по поручению ЦК партии Луначарский вел работу в России, затем бежал от царского суда за границу. В Россию вернулся после Февральской революции. На протяжении двенадцати лет, с ноября 1917 г., был Народным комиссаром просвещения. В 1930 г. избран академиком. Написал ряд драматических произведений, научных трудов и статей по вопросам искусства и литературы. К послеоктябрьским годам относятся также стихотворения Луначарского, посвященные А. Блоку (см.: «Вопросы литературы», 1961, № 1) и другие его поэтические произведения. Стихи не собраны.

Малышкин Александр Георгиевич (1892—1938) родился в крестьянской семье Пензенской губ. Учился в военно-морском училище; служил в Черноморском флоте. В 1912—1913 гг. Малышкин выступал со стихами в революционных изданиях, с 1914 г. печатал рассказы. В 1916 г. окончил филологический факультет Петроградского университета. Активный участник гражданской войны, А. Малышкин выдвинулся в советские годы как талантливый прозаик, автор повестей «Падение Даира», «Севастополь» и романа «Люди из захолустья». Стихи не собраны.

Маширов Алексей Иванович (1884—1943), псевдоним — Самобытник, родился в семье бедного петербургского ремесленника. Окончив городское училище, в двенадцать лет начал трудовой путь

на фабрике металлических изделий, где проработал шесть лет. В дальнейшем, преследуемый за революционную деятельность, неоднократно менял место работы. В 1905 г. вступил в большевистскую партию. Писать начал в 1911—1912 гг. Был сотрудником «Правды», организатором рабочего литературного кружка при Лиговском народном доме, инициатором нескольких сборников рабочих-писателей («Наши песни», «I сборник пролетарских писателей»). С начала первой мировой войны находился на нелегальном положении, в 1916 г. арестован и выслан в Сибирь. Освобожденный Февральской революцией, возобновил сотрудничество в «Правде». После Октябрьской революции работал в Петроградском Пролеткульте, печатался в ряде изданий, потом возглавил Ленинградскую ассоциацию пролетарских писателей (ЛАПП). В конце 20-х годов был редактором журнала «Рабочий и театр», затем директором Ленинградской консерватории, руководителем Института театра и музыки. Умер во время блокады Ленинграда.

Сб. стихов: «Под красным знаменем», П., 1918 (неск. изданий); «На перевале», П., 1921.

Маяковский Владимир Владимирович (1893—1930) родился в семье лесничего в с. Багдади Кутаисской губ. С юношеских лет участвовал в революционном движении; в 1906 г., живя в Москве, вступил в большевистскую партию, работал в подполье, подвергался арестам и около шести месяцев просидел в одиночке Бутырской тюрьмы. Учился в Московском училище живописи и ваяния, где сошелся с поэтами и художниками-футуристами. Тогда же, в 1912 г., началась его литературная деятельность. Благоприятное влияние оказали на Маяковского встречи с Горьким в 1914—1915 гг., способствовавшие отходу молодого поэта от футуризма и усилению революционных мотивов его творчества. Маяковский участвовал в Февральской революции, после Октября 1917 г. работал в Наркомпросе, в 1919—1921 гг. выпускал «Окна сатиры» Роста. В последующее время создал поэмы «150 000 000», «Про это», «Владимир Ильич Ленин», «Хорошо!», пьесы «Клоп» и «Баня» и ряд известных стихотворений.

Стихи дооктябрьских лет собраны в книгах: «Простое как мычание», П., 1916; «Все сочиненное Владимиром Маяковским», П., 1919; «Двенадцать лет работы», М., 1921; Полн. собр. соч., т. 1, М., 1955.

Минский Н. — псевдоним Виленкина Николая Максимовича (1855—1937). Родился в с. Глубоком Виленской губ. в небогатой еврейской семье. Окончив гимназию, поступил на юридический факультет Петербургского университета, где получил степень кандидата прав, однако юридической практикой не занимался, посвятив себя литературе. Печататься начал в 1876 г. Спустя три года в нелегальном революционном издании «Народная воля» опубликовал «Последнюю исповедь» — монолог революционера, осужденного на казнь. Революционные идеи снова захватили Минского в 1905 г., когда он написал «Гимн рабочих» и «Гимн Интернационала», а получив разрешение на выпуск легальной газеты «Новая жизнь», вошел в соглашение с М. Горьким о совместном с большевиками издании этой газеты. Избегая полицейских преследований, вызванных его участием в «Новой жизни», Минский эмигрировал за гра-

нищу. В дальнейшем участия в демократическом движении не принимал, в Россию не вернулся, а в 20-е годы сотрудничал в советском полпредстве в Лондоне. В 1927 г., после разрыва дипломатических отношений между Англией и СССР, переехал в Париж, где и прожил последние годы.

Основное изд.: Полн. собр. стихотворений, тт. 1—4, П., 1907.

Мукосеев Иван Иванович (псевдоним — Крайний) в 1917 г. печатался в газете екатеринославских большевиков «Звезда», после Октябрьской революции активно сотрудничал в «Известиях Бежичского Совета» как поэт, публицист и критик. В конце 20-х годов выпустил несколько книг для детей.

Сб. стихов: «Прямое зеркало», 1917; «У свергнутых кумиров», Бежица, 1918; «Поэзия революции», Бежица, 1920.

Нахимсон Семен Михайлович (1885—1918), псевдоним — Павел Салин, — профессиональный революционер-большевик. На путь революционной борьбы вступил в юношеском возрасте. Был в 1905 г. заочно приговорен царским судом к смертной казни и скрылся за границу. Участвовал в V съезде партии, после которого работал в Брест-Литовске, но вскоре снова был вынужден эмигрировать. Вернувшись в Россию, вел до 1915 г. партийную работу в Петербурге, Либаве, Кременчуге. Неоднократно подвергался арестам. С 1916 г. — в армии; в 1917 г. редактировал большевистскую газету «Окопный набат», сотрудничал в «Правде». В 1918 г. возглавлял Губернский исполнительный комитет в Ярославле, где погиб во время контрреволюционного мятежа.

Невский В. — псевдоним Кривобокова Владимира Ивановича (1876—1937). Партийный и государственный деятель, ученый-историк. В конце 90-х годов участвовал в организации Донского комитета РСДРП. В ноябре 1904 г. встретился в Женеве с В. И. Лениным, выполнял ряд партийных поручений, был членом русского бюро ЦК. Со стихами впервые выступил в «Звезде». В 1917 г. напечатал несколько циклов стихотворений («Голоса мертвых и живых», «Из песен рабочих предместий», «Из песен деревенской бедноты») в «Солдатской правде». Будучи членом Военно-революционного комитета, активно участвовал в подготовке Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. После революции был наркомом путей сообщения, затем ректором Коммунистического университета им. Свердлова, одним из руководителей Истпарта (Комиссии по истории партии и Октябрьской революции), выпустил ряд ценных трудов по истории Коммунистической партии. На протяжении десяти лет — с 1925 г. — был директором Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина. В 1937 г. трагически погиб.

Стихи не собраны. Отдельным изд. вышла «Поэма рабочих предместий. Голоса мертвых и живых», П., 1917.

Одинцов Дмитрий Яковлевич (р. 1887) — сын крестьянина, четырнадцати лет поступил учеником на фабрику золотых изделий в Петербурге, спустя год начал писать стихи. Первая их публикация — в профсоюзном журнале «Вестник золотосеребрянников», 1907 г. Тогда Одинцов был уже подмастерьем, числился в серебря-

но-позументном цехе Петербургской ремесленной управы и пополнял свое образование в культурно-просветительном обществе «Просвещение». На собраниях общества и на товарищеских сходках читал свои стихи. В 1910 г. закончил вечерне-воскресную школу, затем слушал лекции в Народном университете. Сотрудничал в «Звезде» и «Правде», в 1912 г. вступил в Коммунистическую партию. Подвергался полицейским преследованиям и в 1914 г. был сослан в Зауралье. В советские годы — на хозяйственной работе получил квалификацию инженера-металлурга и в 1950 г. — ученую степень кандидата технических наук. Стихи не собраны.

Поморский Александр Николаевич (р. 1891) — сын литератора Н. О. Пружанского. Родился в Петербурге. Семнадцати лет, работая на фабрике, вступил в большевистскую партию. Писать начал в 1908 г. Печатался в «Звезде» и «Правде». Неоднократно подвергался арестам, тюремному заключению, ссылке. После Февральской революции был секретарем Московско-Заставского райкома партии в Петрограде, 25 октября 1917 г. участвовал в штурме Зимнего дворца. В 1919 г. был послан партией на подпольную работу в бело-гвардейский тыл. После гражданской войны занимался общественной и литературной работой.

Основные сб. стихов: «Пролетарские песни борьбы и печали», П., 1917; «Цветы восстания», П., 1918; «Революция на ладони», Л., 1924; «Стихи и поэмы», М., 1938; «Рождение песни», М., 1952; «Стихотворения», М., 1963.

Радин Леонид Петрович (1860—1900), псевдонимы: Яков Пасынков, А. Северов. Родился в Раненбурге в семье купца. Учился в московской гимназии, в 1884 г. поступил в Петербургский университет, был учеником и сотрудником Д. И. Менделеева. По окончании университетского курса работал сельским учителем, потом стал профессиональным революционером и занимался пропагандой политических и естественнонаучных знаний. Радин сыграл неоценимую роль в организации техники печатания социал-демократических изданий: мимеограф (множительный аппарат) его конструкции действовал в партийных организациях многих русских городов. В ноябре 1896 г. по доносу провокатора Радина арестовали и приговорили к пяти годам ссылки в Вятскую губ. В тюрьме и ссылке Радин писал стихи, которые получили широкое распространение в кругах ссыльных революционеров, а затем печатались в ряде большевистских изданий. Его перу принадлежит статья «Объективизм в искусстве и критике», опубликованная в 1901 г. Заболев тяжелой формой туберкулеза, поэт по дороге из ссылки скончался. Стихи не собраны.

Ривкин Николай Иванович (1877—1922). В юношеском возрасте вступил в революционный кружок. Преследуемый властями, эмигрировал за границу, в 1902 г. вернулся и работал в подполье, был одним из организаторов восстания кронштадтских матросов (1906). В этот период писал стихи. После Октябрьской революции работал в советских учреждениях. Стихи не собраны.

Рыбацкий Н. — псевдоним Чиркова Николая Ивановича (1880—1920). Родился в с. Рыбацком (предместье Петербурга) в семье

рабочего. С 1895 г. трудился на Обуховском заводе, сошелся с передовыми рабочими и принимал участие в «Обуховской обороне» (1901). В числе других обуховцев был приговорен к каторжным работам, которые отбывал до осени 1905 г. Неоднократно подвергался полицейским репрессиям. В печати выступал с 1904 г. Перед первой мировой войной сотрудничал в «Правде», в сборниках пролетарских писателей. В 1919 г. вступил в Коммунистическую партию, участвовал в гражданской войне. Во время поездки с агитационной группой на Южный фронт заболел тифом и умер.

Сб. стихов: «На светлый путь», П., 1919 (два издания).

Савин Михаил Ксенофонович (1876—1947), псевдонимы: Дедушка с Протвы, Микула Селянинович, — родился в семье крестьянина Калужской губ. Двенадцати лет отправлен в Москву и определен в торговые служащие. Там же в 1891 г. начал писать. В 1906 г. редактировал профсоюзный журнал «Булочник», за что подвергался преследованиям. В 1913 г. издавал журнал «Балалайка». Был членом Суриковского литературно-музыкального кружка.

Сб. стихов: «Песни рабочего», М., 1902; «Новые песни», М., 1907.

Садофьев Илья Иванович (1889—1965), псевдоним — Аксень-Ачкасов, родился в дер. Серебряные пруды Тульской губ. В детстве был пастухом, батрачил; учился в сельской школе. Тринадцати лет приехал в Петербург, служил в чайной, работал на уксусном заводе, на фабрике жестяных изделий, а с 1905 г. — на Семянниковском заводе. Печататься начал в «Правде» в 1913 г. За революционную деятельность в конце 1916 г. был приговорен к ссылке в Якутию, но вскоре вернулся благодаря революции. После Октября был депутатом Петросовета, заседателем Революционного трибунала, членом «рабочей дирекции» Петроградского металлического завода. Во время гражданской войны работал в политотделе Западного фронта, в Украинском Росте. Вернувшись в Петроград, редактировал литературные отделы газет и журналов, работал с писательской молодежью. Годы Великой Отечественной войны провел на Урале, где участвовал в ряде сборников, писал стихотворные лозунги, тексты к плакатам и окнам ТАСС. Последние годы жил и работал в Ленинграде.

Основные сб. стихов: «Песни Митьки», П., 1917; «Динамо-стихи», П., 1918 (неск. изд.); «Простей простого», М., 1926; «Неугомонь», Л., 1930; «Избранное», М.—Л., 1960; «Песня о Родине», Л., 1963.

Семеновский Дмитрий Николаевич (1894—1960), родился в семье священника одного из сел Владимирской губ. В 1912 г. был исключен из духовной семинарии и начал литературную деятельность. Печатался в «Невской звезде», «Правде», «Просвещении». Большое влияние на него оказали встречи и переписка с М. Горьким. «Не многие из современных поэтов, — писал Горький, — могут похвастаться таким знанием русского языка, каким обладает Семеновский. . . Он — поэт настоящий, «от земли», — поэт, которого должен знать наш массовый читатель» (М. Горький, Собр. соч., в тридцати томах, т. 25, с. 266, 267). В советские годы, кроме стихов, писал очерки, рассказы, воспоминания.

Основные сб. стихов: «Под голубым покровом», Иваново-Вознесенск, 1922; «Земля в цветах», М., 1930; «Стихи», М., 1947.

Скиталец — псевдоним Степана Гавриловича Петрова (1869—1941) — родился в дер. Обшаровке Самарской губ. в семье крестьянина-мастерового. Шестнадцати лет поступил в учительскую семинарию, откуда спустя два года был исключен за пропаганду революционных идей среди крестьян. На протяжении четырех лет — с 1893 г. — скитался по югу России и Западному краю, работая писцом, хористом, церковным певчим, бродячим актером. Затем поселился в Самаре, печатал в местной газете стихотворные фельетоны, на которые обратил внимание Горький, способствовавший дальнейшему творческому росту поэта. 17 апреля 1901 г. вместе с Горьким был арестован за революционную деятельность среди сормовских рабочих и заключен в нижегородскую тюрьму. Административным репрессиям подвергался Скиталец и в годы первой революции, которые были годами наивысшего подъема его поэтического творчества. Скиталец участвовал в горьковских сборниках «Знание», его стихотворения появлялись в большевистских изданиях. В дальнейшем он отошел от поэтической деятельности. С 1921 г. находился в эмиграции (Манчжурия, Китай), в 1934 г. вернулся на родину. В последние годы жизни писал воспоминания.

Основные сб.: «Рассказы и песни», т. 1, П., 1902, т. 2, П., 1907; «Песни Скитальца», М., 1919; «Избранные стихи и песни», М., 1956.

Соловьев Алексей Николаевич (1888—1931), псевдоним — Нелюдим. Родился в дер. Шокша Костромской губ. в семье рабочего-кожевника. С двенадцати лет работал в Петербурге маляром. В 1905 г. за революционную деятельность был арестован и заключен в «Кресты» (петербургскую тюрьму), после чего скитался по северным губерниям России, работая грузчиком, землекопом, батраком, маляром. В 1910 г. вернулся в столицу и, продолжая заниматься малярным делом, начал писать. Печатался с 1914 г. в «Правде». В начале первой мировой войны был мобилизован и отправлен на фронт, в боях был контужен. В 1917 г. сотрудничал в газетах «Правда» и «Социал-демократ». После Октябрьской революции поселился в Галиче, где на протяжении трех с половиной лет редактировал местную газету «Известия». Последние годы жил в Ленинграде.

Сб. стихов: «Полеты», Галич, 1920; «Цветной ковер», Галич, 1922; «Зерна», Галич, 1926; «Стихи», Кострома, 1957.

Старк Леонид Николаевич (1889—1943), псевдоним — П. Рябовский, учился в Петербургском технологическом институте, в 1905 г. вступил в большевистскую партию, вел революционную работу. Неоднократно подвергался полицейским репрессиям и в 1912 г. выслан за границу. Некоторое время жил на острове Капри у М. Горького, который содействовал публикации его стихотворений в русской печати. В большевистских изданиях 1912—1914 гг. Старк выступал как публицист, критик и поэт. Вернувшись в Россию, летом 1914 г. помогал М. Горькому (находившемуся в Мустамяках) в его связях с Петербургским комитетом партии. После Октябрьской революции Старк работал в Петроградском телеграфном агентстве и в Роста. В 1919—1920 гг. был на военной, а с мая 1920 г. на

дипломатической работе. Старк трагически погиб. Стихи не собраны.

Сыромолотов Ф. Ф. (1877—1949), псевдонимы: Зигзаг, Тит Подкузьмичин. Сын рабочего, участник революционного движения, член Коммунистической партии с 1897 г. В январе 1907 г. по делу Екатеринбургского комитета РСДРП был осужден царским судом и отбывал тюремное заключение. С 1912 г. печатался в «Правде» и других большевистских изданиях. После Октябрьской революции был на руководящей хозяйственной работе. Стихи не собраны.

Тарасов Евгений Михайлович (1882—1943) родился в семье служащего. Будучи студентом, вел революционную пропаганду среди петербургских рабочих. Дважды подвергался арестам и высылался из Петербурга. В 1902 г. бежал из ссылки за границу. Вернувшись в 1905 г., принимал участие в Декабрьском вооруженном восстании московских рабочих. Печатался в большевистских изданиях 1905—1906 гг. («Борьба», «Молодая Россия»), в горьковских сборниках «Знание», после Октябрьской революции — в журнале «Творчество», газете «Беднота». В 20-е годы отошел от литературной деятельности и посвятил себя исследовательской работе в области экономических наук.

Сб. стихов: «Стихи 1903—1905», П., 1906 (конфискован); «Земные дали», П., 1908; «Стихотворения», П., 1919.

Тихомиров Никифор Семенович (1888—1945), псевдоним — Н. Несмелый. Сын крестьянина, родился в дер. Девяткино Ярославской губ. До девятнадцати лет прожил в деревне, потом работал на разных фабриках и в мастерских Петербурга; там же в 1914 г. стал машинистом первой электростанции, где и проработал до конца жизни. Писать начал в 1911 г. Печатался с 1912 г., главным образом в профсоюзных журналах. В 1917 г. сотрудничал в «Правде», «Солдатской правде», после Октября — в журналах Пролеткульта и в ряде петроградских изданий. В 1924 г. вступил в Коммунистическую партию. Большой популярностью пользовалось его стихотворение «Братья» («Мы с тобой — родные братья...»), выпущенное отдельным плакатом. В период героической обороны Ленинграда Тихомиров редактировал заводскую газету, выступал как поэт и агитатор. Был депутатом Ленинградского Совета.

Сб. стихов: «Красный мост», П., 1919; «Земля зовет», Л., 1927; «Избранные стихотворения», Л., 1948.

Тэффи Н. — псевдоним Надежды Александровны Лохвицкой (1876—1952). Дочь профессора-криминалиста, сестра поэтессы М. А. Лохвицкой. Окончила петербургскую гимназию. Стихи публиковала с 1901 г. Захваченная волной демократического движения в 1905 г., печаталась в большевистской газете «Новая жизнь». Кроме стихов писала фельетоны, юмористические рассказы, водевили, пьесы. В 1920 г. эмигрировала. Умерла в Париже, приняв незадолго до смерти советское гражданство.

Сб. стихов: «Семь огней», П., 1907; «Passiflora», Берлин, 1923.

Филипченко Иван Гурьевич (1887—1939) родился в станице Нижне-Хоперской Саратовской губ. в крестьянской семье. В детстве

был пастухом, батрачил, потом работал переплетчиком. Окончил сельскую школу, а переехав в Москву, поступил в Университет им. Шанявского. С 1908 г. участвовал в революционном движении, подвергался репрессиям. В 1913 г. вступил в Коммунистическую партию. В том же году стихи его начали появляться в большевистской печати. После Октябрьской революции Филипченко — активный деятель Пролеткульта, на протяжении десяти лет (1918—1928) работник редакции «Правды». Стихи его высоко ценил В. Я. Брюсов, написавший предисловие к книге «Эра славы».

Сб. стихов: «Эра славы», М., 1920; «Руки», М., 1923; «Избранное», М., 1962.

Фрунзе Михаил Васильевич (1885—1925) — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства. Родился в Пишпеке в семье фельдшера. Учился в Петербургском политехническом институте, где вступил в большевистскую организацию. Руководил стачкой иваново-вознесенских ткачей в 1905 г., участвовал в Декабрьском вооруженном восстании в Москве. Провел свыше семи лет в тюрьмах и ссылке, дважды приговаривался к смертной казни, которая была заменена каторжными работами. В конце 1914 г. вышел на поселение в Верхоленский уезд Иркутской губ. Там среди жителей и ссыльных Фрунзе организовал самодеятельный хор, исполнявший революционные песни, в том числе и песни на его стихи. В дальнейшем Фрунзе — активный участник Октябрьской социалистической революции в Москве, выдающийся полковник Красной Армии, один из основоположников советского военного искусства.

Хлебников Виктор Владимирович (1885—1922), псевдоним — Велемир Хлебников. Вышел из служилой дворянской семьи, жившей в Астраханской губ. Будучи студентом Казанского университета, участвовал в революционной демонстрации 1903 г., за что просидел несколько месяцев в тюрьме. Писать начал в 1907 г. С переездом в Петербург (осень 1908 г.) стал одним из организаторов группы футуристов, с которой была связана вся его дальнейшая литературная деятельность. С апреля 1916 г. служил в царской армии рядовым. В годы гражданской войны работал в Политпросвете (Харьков), в Роста (Баку, Пятигорск), написал ряд поэм.

Основные изд. — Собрание произведений, тт. 1—5, Л., 1928—1933; «Стихотворения», Л., 1940.

Цензор Дмитрий Михайлович (1877—1947) родился в Виленской губ. в семье ремесленника. Писать начал двенадцати лет. В печати первое стихотворение появилось в 1896 г. В 1898—1900 гг. вел занятия в марксистских кружках. В 1903 г. окончил художественное училище в Одессе, тогда же поступил в Петербургскую Академию художеств. В период первой русской революции сотрудничал в прогрессивных сатирических журналах, а также в большевистских газетах «Волна», «Казарма», «Вперед». В годы 1908—1916 поэтическое творчество Цензора не было связано с революционным движением. В советский период поэт вел активную общественную работу, вступил в Коммунистическую партию, написал ряд сатирических стихотворений, песен, стихов для детей.

Основные сб. стихов: «Красная быль», П., 1906 (конфискован); «Старое гетто», П., 1907; «Крылья Икара», П., 1909; «Стихотворения», Л., 1940.

Черемнов Александр Сергеевич (1881—1919). Писал с начала девятисотых годов. Стихи его печатались в изданиях 1905—1907 гг. (в том числе в большевистской газете «Уральская неделя») и в горьковских сборниках «Знание». Особое внимание привлекли его политические сатиры, направленные против царских сатрапов и буржуазных политиков. Дарование Черемнова высоко ценил Горький, который вел с ним оживленную переписку и сопроводил многими своими замечаниями рукописи его стихов. По поводу первой его книги Горький писал автору: «В ней есть содержание, есть хорошие стихи, а вы знаете, что за последнее время содержание не уживается с хорошими стихами в одной книге» («М. Горький и поэты „Знания“», Л., 1958, с. 251). Почти всю свою жизнь Черемнов прожил в условиях материальной нужды и жестокой болезни (туберкулеза), которые привели его к ранней и трагической смерти (он покончил с собой).

Сб.: «Стихотворения», т. 1, М. (1913).

Шапир Григорий Вениаминович (р. 1885). Печатал стихи в газете «Звезда» и журнале «Просвещение». Находясь в 1917 г. в Саратове, участвовал в установлении Советской власти. После Октябрьской революции работал там в Роста, а впоследствии — в редакциях московских газет.

Шаумян Степан Георгиевич (1878—1918), псевдонимы: Стивин, Степан и др. Видный деятель Коммунистической партии и Советского государства. Родился в Тифлисе в буржуазной семье. Учился в Рижском политехническом институте, затем в Берлинском университете. С двадцатилетнего возраста участник революционного движения, в 1900 г. вступил в РСДРП. В 1902—1904 гг. вел большую работу в заграничных организациях партии. Незадолго до первой русской революции вернулся на родину, стал одним из организаторов и руководителей большевистских газет «Кавказский рабочий листок», «Бакинский пролетарий» и др. В 1911 г. возглавил большевистский легальный журнал «Современная жизнь». Выступал как публицист и журналист, автор теоретических работ по вопросам философии, литературы и искусства (статьи о Л. Толстом, М. Горьком, об армянских писателях). Неоднократно подвергался арестам и ссылке. После Октябрьской революции — чрезвычайный комиссар по делам Кавказа, с апреля 1918 г. — председатель Бакинского совнаркома. Погиб в числе 26 бакинских комиссаров.

Шкулев Филипп Степанович (1868—1930) — сын крестьянина-бедняка. Родился в дер. Печатники Московской губ. Подростком поступил на одну из подмосковных фабрик, где ему машиной отрезало правую руку. После двухлетнего пребывания в больнице работал подручным у овощного торговца в Москве. Тогда же, в пятнадцатилетнем возрасте, начал писать стихи. В 90-е годы они появились во многих сборниках и журналах. Под влиянием первой русской революции творчество Шкулева прониклось революционным содержанием, и его песни завоевали популярность. Организовав совместно с М. Леоновым в Москве издательство «Искра», поэт вы-

пускал в нем революционные брошюры, песенники, прогрессивные периодические издания (сатирический журнал «Шрапнель»), за что был приговорен к шести месяцам тюремного заключения, которые отбыл в одиночке. В 1912 г. сотрудничал в большевистских газетах «Звезда» и «Невская звезда». Осенью 1912 г. снова был посажен в тюрьму за издание сатирического журнала «Народный рожок» (отсидел свыше пяти месяцев). После Октябрьской революции вступил в Коммунистическую партию, был военным комиссаром, народным судьей, председателем волостного Совета. Входил в объединение пролетарских писателей «Кузница» и продолжал литературную деятельность.

Основные сб.: «Думы пахаря», М., 1895; «Не всем счастье» и др. рассказы и стихотворения, М., 1902; «Кто виноват» и др. рассказы и песни, М., 1903; «Смелые песни», М., 1911; «Гимн труду», М., 1922; «Мы кузнецы...», М., 1962.

Щепкина-Куперник Татьяна Львовна (1874—1952), псевдоним — Гренадер. Дочь прогрессивного общественного деятеля, адвоката Куперника, правнучка великого русского актера Щепкина. С юных лет занималась литературной деятельностью: писала стихи, рассказы, пьесы, перевела в стихах ряд выдающихся произведений мировой драматургической классики. В 1906 г. в подпольных большевистских изданиях печаталось ее стихотворение «На родине», получившее широкую известность. В советские годы продолжала переводческую работу и писала воспоминания о русском театре.

Основные сб. стихов: «Мои стихи», М., 1901; «Отзвуки войны», М., 1915; «Избранное» (воспоминания, рассказы, стихи), М., 1954.

Эдиет Петр К. — участник революционных молодежных кружков 1905 г. Печатался в газете «Новая жизнь», участвовал в составлении сборника песен и стихотворений «Песни революции» (Киев, 1906). В период первой мировой войны служил в Балтийском флоте; в 1917 г. участвовал в работе Кронштадтского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Сб. стихов: «Полуночные ветры», П., 1913.

Юрнев К. — псевдоним Кротовского Константина Константиновича (1888—1938); другой псевдоним — К. Пинежский. Родился в Двинске в семье железнодорожного сторожа, образование получил в реальном училище. В 1904 г. вступил в нелегальный революционный кружок, в конце 1905 г. стал членом большевистской партии. Весной 1908 г. был арестован и сослан в Пинежский уезд Архангельской губ. В ссылке начал писать стихи; вернувшись в Петербург, печатался в «Звезде», затем — после второго ареста — в «Правде». В 1917 г. был членом Исполкома Петроградского Совета, участвовал в организации Красной гвардии. После Октябрьской революции — член коллегии Наркомвоенмора, входил в состав Реввоенсовета Восточного, а затем Западного фронта. С 1921 г. был на дипломатической работе. Стихи не собраны.

Якубович Петр Филиппович (1860—1911), псевдонимы: П. Я., Л. Мельшин, Рамшев, Гриневиц. Выходец из стародворянской семьи

Невгородской губ. Учился на филологическом факультете Петербургского университета, по окончании которого (1882) возглавил революционную народническую организацию «Молодая народная воля». В 1884 г. был заключен в Петропавловскую крепость, в 1887 г. приговорен к смертной казни, замененной ему каторгой, которую отбывал восемь лет, после чего был отправлен на поселение. Вследствие тяжелой болезни в 1899 г. ему было разрешено лечиться в Казани, а затем в Петербурге. Печататься начал в 1878 г. Кроме стихов написал большой очерк из жизни каторжан — «В мире отверженных» (два тома). Составил антологию отечественной поэзии XIX века «Русская муза». С 1904 г. возглавлял поэтический отдел журнала «Русское богатство», выходившего под редакцией В. Короленко. Стихи Якубовича неоднократно появлялись в большевистских изданиях. Смерть его была отмечена некрологом в «Звезде».

Основной сб.: «Стихотворения», т. 1, П., 1898 (семь изданий); т. 2, П., 1901 (пять изданий).

СПРАВОЧНИК ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

Астраханский рабочий — большевистская газета, орган комитета РСДРП (интернационалистов). Выходила с августа по декабрь 1917 г.

Бакинский рабочий — газета Бакинского комитета РСДРП. Издавалась большевиками в 1906 и 1908 гг. (18 номеров); закрыта правительством за «вредное направление». В апреле 1917 г. возобновлена под ред. С. Шаумяна, с участием М. Азизбекова, П. Джапаридзе, И. Фиолетова. Печатались стихи Д. Бедного, И. Ионова, И. Садофьева, Л. Котомки, Я. Бердникова, А. Бирюкова, С. Лесного и др.

Борьба — ежедневная большевистская газета Московского комитета РСДРП. Выходила в ноябре — декабре 1906 г. (9 номеров, из них 1 конфискован). В редакцию входили М. Покровский, И. Скворцов-Степанов. Сотрудничали М. Горький, Е. Тарасов и др. После опубликования призыва к вооруженному восстанию запрещена правительством.

Брянский рабочий — ежедневная газета Бсжицкого Совета рабочих депутатов. Начала издаваться в сентябре 1917 г. С 8 октября стала органом большевистской организации Брянского завода. Печатались стихи Д. Бедного, И. Логина и др.

Булочник — еженедельный профессионально-экономический и литературно-политический журнал. Выходил в Москве в 1906 г. (три номера). Освещал события с большевистских позиций. Издателем был поэт М. Савин.

Вестник золотосеребряников и бронзовщиков — двухнедельный профессиональный журнал большевистского направления. Выходил в Петербурге в 1906—1907 гг.

Вестник портных — двухнедельный социал-демократический журнал; с июня 1913 г. был близок большевикам. Выходил в Петербурге в 1911—1914 гг. (8 номеров).

Вестник приказчика — журнал торгово-промышленных служащих. Издавался большевиками в Петербурге в 1912—1914 гг. Принимали участие М. Ольминский, А. Бадаев, Г. Петровский, М. Муранов; поэты: М. Артамонов, А. Поморский, Д. Бедный и др.

Волна — ежедневная большевистская газета. Выходила в Петербурге в апреле — мае 1906 г. (25 номеров, из них 8 уничтожено властями). С 5 мая газету редактировал В. И. Ленин. Сотрудничали: В. Воровский, М. Горький, А. Луначарский, М. Ольминский, И. Степанов-Скворцов; поэты С. Лукьянов, Д. Цензор и др. 24 мая 1906 г. газета была закрыта правительством.

Вопросы страхования — еженедельный большевистский журнал. Выходил в Петербурге с октября 1913 г. по июль 1914 г. и с февраля 1915 г. по март 1918 (63 номера). Печатались статьи В. И. Ленина, В. Куйбышева, И. Сталина, Н. Шверника, А. Бадаева. Сотрудничали поэты А. Маширов, Д. Семеновский, И. Ерошин, Д. Бедный и др.

Воронежский рабочий — газета Воронежской организации РСДРП (большевиков). Выходила с апреля 1917 г. два раза в неделю. 6 августа 1917 г. закрыта Временным правительством.

Вперед — еженедельная нелегальная большевистская газета. Выходила в Женеве с декабря 1904 г. по май 1905 г. (18 номеров). Организатором и руководителем газеты был В. И. Ленин. Сотрудничали А. Елизарова, В. Воровский, С. Гусев, А. Луначарский, Р. Землячка, М. Ольминский, В. Бонч-Бруевич, В. Карпинский. Газета публиковала руководящие партийные документы. В каждом номере (кроме № 17) появлялись статьи В. И. Ленина. Газета располагала широкой корреспондентской сетью в России.

Вперед — ежедневная большевистская газета. Выходила в Петербурге в мае — июне 1906 г. (17 номеров, из них 10 конфисковано) вместо запрещенной петербургской газеты «Волна» (см.). Руководил газетой В. И. Ленин. Сотрудничали А. Луначарский, В. Воровский, М. Ольминский. 14 июня 1906 г. газета закрыта правительством.

Вперед — нелегальная большевистская массовая рабочая газета. Издавалась в Выборге с сентября 1906 г. по январь 1908 г. (20 номеров). Руководил газетой В. И. Ленин.

Вперед! — ежедневная газета Уфимской организации РСДРП. Выходила с марта 1917 г. как орган объединенного комитета партии (с участием большевиков) и с сентября 1917 г. по июнь 1918 г. — как самостоятельный орган большевиков.

Вперед (Книжный рынок) — ежедневная большевистская газета, орган Московского комитета РСДРП. Выходила в декабре 1905 г. (4 номера). Участвовали И. Дубровинский, Е. Ярославский и др.

Голос правды — ежедневная газета, орган Кронштадтского комитета РСДРП (большевиков). Выходила с марта по июль 1917 г. Публиковала документы ЦК партии, статьи из «Правды». В газете

сотрудничали поэты Б. Ганцев, А. Колючий, А. Пожарков, И. Ерошин, В. Сорокин и многие другие. В июльские дни закрыта Временным правительством.

Голос солдата — нелегальная большевистская газета для солдат. Выходила в Риге с декабря 1905 г. по март 1907 г. (28 номеров). Печатались стихи В. Богораза-Тана, И. Крамольного, Т. Щепкиной-Куперник и др.

Голос социал-демократа — газета Киевской организации РСДРП (большевиков). Выходила с марта 1917 г. нерегулярно, с июня по октябрь 1917 г. ежедневно. Печатались стихотворения А. Бирюкова, В. Сорокина и др.

Голос труда — еженедельная газета большевистского направления. Издавалась профсоюзными организациями в Воронеже с мая по июль 1906 г. (8 номеров, из них 4 конфисковано).

Донецкий колокол — большевистская газета. Выходила в Луганске с октября 1906 г. по январь 1907 г. (20 номеров). Активное участие принимал К. Ворошилов. Печатались стихи Е. Нечаева и др. поэтов. Газета закрыта властями.

Донецкий пролетарий — ежедневная газета Луганского комитета РСДРП (большевиков). Издавалась с июня 1917 г. по март 1918 г. Руководил газетой К. Ворошилов. Печатались стихи И. Логина, Д. Бедного, В. Маяковского, Э. Кроткого и др.

Жупел — еженедельный сатирический журнал демократического направления. Издавался в Петербурге в конце 1905 г. — начале 1906 г. (3 номера, все конфискованы). Печатались М. Горький, А. Куприн, И. Бунин, С. Гусев-Оренбургский и др. Журнал закрыт правительством.

Забайкальский рабочий — большевистская газета. Издавалась Читинским комитетом РСДРП с декабря 1905 г. по март 1906 г. (8 номеров). Редактировали И. Бабушкин, А. Костюшко-Валюжанич, В. Курнатовский.

Звезда — большевистская газета. Выходила в Петербурге с декабря 1910 г. (69 номеров, из них 30 конфисковано). Газетой руководил из-за границы В. И. Ленин. Сотрудничали Н. Батулин, Н. Полетаев, К. Еремеев, М. Ольминский, А. Елизарова, М. Горький, Ф. Раскольников, И. Сталин. Печатались поэты А. Богданов, Д. Бедный, Л. Старк, Ф. Шкулев, Г. Шапир, С. Ганьшин, И. Воинов, В. Невский, К. Юренев, Р. Ивнев и многие другие. Закрыта правительством 22 апреля 1912 г.

Звезда — газета Екатеринославского комитета РСДРП (большевиков). Выходила с апреля 1917 г. по апрель 1918 г. Печатала руководящие партийные документы, статьи В. И. Ленина из «Правды». В редакцию входили С. Гопнер, В. Быстрянский и др.

Известия Московского Совета рабочих депутатов — ежедневная газета большевистского направления. Издавалась в декабре 1905 г.

(6 номеров). Печатала материалы, посвященные вооруженному восстанию московских рабочих.

Интернационал — газета Нижегородского комитета РСДРП (большевиков). Выходила 2—3 раза в неделю с июня по 3 ноября 1917 г.

Искорки — еженедельная солдатская газета большевистского направления. Выпускалась просветительной комиссией 127-го разгрузочного батальона в Петрограде с июня по декабрь 1917 г. Редактировал газету поэт В. Сорокин.

Искра — общерусская нелегальная марксистская газета. Выходила в Лейпциге, затем в Мюнхене, Лондоне, Женеве с декабря 1900 г. Организатором и руководителем газеты был В. И. Ленин. Редакция разработала проект программы РСДРП и подготовила II съезд партии. На страницах газеты было опубликовано более 50 статей В. И. Ленина. Газета располагала широкой сетью агентов и сотрудников в России. В приложениях к «Искре» печатались литературно-художественные материалы, в том числе стихи. Осенью 1903 г. (с № 52) газета перешла к меньшевикам.

Истина — двухнедельный большевистский журнал. Выходил в Москве с января по март 1907 г. (5 номеров). Участвовали И. Скворцов-Степанов, В. Ногин, М. Покровский и др. Закрыт правительством за «вредное направление».

Кавказский рабочий — ежедневная газета Кавказского краевого и Тифлисского комитетов РСДРП (большевиков). Выходила с марта 1917 г. по февраль 1918 г. под редакцией П. Джапаридзе, С. Шаумяна, М. Цхакая и др. Публиковала руководящие партийные материалы, статьи В. И. Ленина из «Правды». В газете печатались стихи А. Маширова, Д. Бедного, А. Соловьева-Нелюдима, Л. Котомки, С. Кошкарлова и многих других.

Кавказский рабочий листок — ежедневная большевистская газета. Выходила в Тифлисе в ноябре — декабре 1905 г. (17 номеров, из них 10 конфисковано). Газета перепечатывала работы В. И. Ленина, в том числе статью «Партийная организация и партийная литература». Газета была запрещена правительством.

Казарма — нелегальная большевистская газета. Выпускалась в Петербурге военной организацией РСДРП с февраля 1906 по март 1907 г. (13 номеров). В редколлегию входили Е. Ярославский, В. Бонч-Бруевич, В. Менжинский, В. Воровский и др. Сотрудничали поэты В. Богораз-Тан и Д. Цензор.

Красное знамя — еженедельная газета, выходила во Владивостоке с мая по декабрь 1917 г. сперва как орган Объединенного комитета РСДРП (с участием большевиков), а с сентября 1917 г. — как самостоятельный орган большевиков. Печатались стихи И. Логинова, П. Орешина, В. Сорокина, И. Ионова, И. Ерошина и др.

Красноярский рабочий — большевистская газета, выходила с 10 по 24 декабря 1905 г. (5 номеров). Возобновилась в марте 1917 г. как орган Объединенного комитета РСДРП (с участием большевиков), а с июля 1917 г. — как самостоятельный орган большевиков. Печатала материалы из «Правды», в том числе статьи В. И. Ленина. В 1917 г. сотрудничали М. Ольминский, В. Фриче, Б. Шумяцкий. Постоянное участие в 1917 г. принимал поэт В. Кичуйский; печатались также стихи М. Герасимова, Л. Котомки, Д. Бедного, А. Богданова, В. Кириллова, И. Мукосеева, А. Худякова и многих других.

Курьер — ежедневная газета демократического направления. Выходила в Москве с ноября 1897 по 1904 г. В состав редакции входил большевик В. Потемкин. Печатались М. Горький, А. Чехов, А. Серафимович, Скиталец, В. Фриче, В. Вересаев и др. В канун первой русской революции газета была запрещена правительством.

Летучий листок — нелегальная газета ленинско-искровского направления. Выходила в Екатеринославе в 1902—1903 гг. (8 номеров). Печатала произведения революционной поэзии.

Листок булочников и кондитеров — профсоюзное издание революционного направления. Выходило в Петербурге в 1906—1907 гг. Печатался поэт М. Савин. В 1913 г. возродилось в виде большевистского журнала «Жизнь пекарей».

Металлист — еженедельный журнал профсоюза металлистов. Выходил в Петербурге с сентября 1911 г. по июнь 1914 г. (45 номеров, часть из них конфискована). С 1913 г. журналом руководили большевики. В нем сотрудничали М. Ольминский, А. Бадаев, Г. Петровский. Печатались поэты-рабочие.

Мир божий — ежемесячный журнал либерального направления. Выходил в Петербурге с 1891 по 1906 г. под редакцией педагога В. Острогорского. Печатались А. Куприн, В. Вересаев, П. Якубович, И. Бунин, Е. Чириков и др. Закрыт властями в августе 1906 г.

Молодая Россия — газета студентов-большевиков. Организована при содействии В. И. Ленина после закрытия властями газеты «Новая жизнь» (см.). Единственный номер вышел в Петербурге 4 января 1906 г. (номер конфискован). В нем напечатаны статья М. Горького («По поводу Московских событий»), стихотворения Е. Тарасова, Скитальца. Дальнейший выпуск газеты был запрещен.

Народ — украинский журнал прогрессивного направления. Выходил во Львове в 1890—1895 гг. Печатались И. Франко (один из редакторов журнала), П. Грабовский, Леся Украинка и др.

Начало — ежемесячный журнал, орган «легальных марксистов». Издавался в Петербурге в 1899 г. (4 номера, из них последний уничтожен властями). Возможность пропаганды марксизма на страницах журнала была использована В. И. Лениным, опубликовавшим в нем

ряд своих работ. Журнал закрыт правительством в июне 1899 г., все номера его были изъяты из библиотек.

Наш путь — ежедневная большевистская газета. Издавалась в Москве в августе — сентябре 1913 г. (16 номеров, из них 12 конфисковано). В ряде номеров помещены статьи В. И. Ленина. Печатались стихи Д. Бедного, П. Сергеева, П. Улагая и др. Газета была запрещена, помещение редакции разгромлено, сотрудники арестованы.

Наша мысль — еженедельный иллюстрированный большевистский журнал. Выходил в Петербурге в январе — феврале 1906 г. (5 номеров, из них 2 конфисковано). Сотрудничали А. Елизарова, В. Воровский, В. Бонч-Бруевич. Журнал был запрещен правительством.

Наше слово — еженедельный журнал Кинешемского союза кооперативов. Издавался группой большевиков в Кинешме, Костромской губ., в январе — феврале 1916 г. (5 номеров). Ближайшее участие принимали сотрудники редакции «Вопросов страхования» (см.). На страницах журнала выступали поэты И. Логинов, С. Ганьшин, Л. Котомка.

Наше эхо — ежедневная большевистская газета, издавалась в Петербурге в марте — апреле 1907 г. (14 номеров). В газете опубликовано 10 статей В. И. Ленина, печатались также В. Воровский, М. Ольминский.

Невская звезда — большевистская газета. Издавалась в Петербурге с февраля по октябрь 1912 г. (всего 27 номеров, из них 9 конфисковано); в конце апреля 1912 г. заменила закрытую правительством газету «Звезда» (см.). Работой газеты руководил из-за границы В. И. Ленин. В редакцию входили Н. Батулин, М. Ольминский и др. Печатались стихотворения А. Гмырева, М. Борецкой, Д. Бедного, С. Ганьшина, Д. Семеновского, И. Корובהа, В. Язвицкого, Ф. Шкулева, Л. Чермного, А. Маширова, В. Кичуйского, С. Кошарова и др.

Нижегородская рабочая газета — нелегальный орган Нижегородского комитета РСДРП. Выходил с ноября 1901 г. по апрель 1902 г. (5 номеров; № 1 печатался на mimeографе).

Новая жизнь — ежедневная большевистская газета. Издавалась в Петербурге в октябре — декабре 1905 г. (28 номеров, из них 15 конфисковано и уничтожено) на основе договора, заключенного большевиками с поэтом Н. Минским, имевшим разрешение на выпуск легальной газеты. Фактическим редактором «Новой жизни», начиная с № 9, был В. И. Ленин, издателем — М. Литвинов. В газете публиковались документы ЦК РСДРП и статьи В. И. Ленина, в том числе «Партийная организация и партийная литература». В руках большевистской редакции газета фактически стала центральным органом партии. В ней активно сотрудничали М. Горький, А. Луначарский, М. Покровский, М. Ольминский, В. Воровский, И. Сквор-

цов-Степанов. Со стихами выступали К. Бальмонт, Н. Минский, П. Эдиет, А. Лукьянов, Я. Годин, Н. Тэффи. 2 декабря 1905 г. газета была запрещена правительством. Последний номер вышел нелегально.

Новая жизнь — ежедневная газета полуменьшевистского направления, орган группы социал-демократов «интернационалистов». Выходила в Петрограде с апреля 1917 г. по июль 1918 г. В редакцию входили М. Горький, Н. Суханов, В. Десницкий, А. Тихонов. Печатались поэты В. Маяковский, В. Князев, Э. Кроткий и др.

Объединение — двухнедельный журнал Московского союза потребительских обществ. Выходил с 1911 г. по 1917 г. Печатал произведения рабочих-поэтов.

Окопная правда — большевистская газета для солдат. Издавалась в Риге с апреля по июль 1917 г. и в г. Вендене с октября 1917 г. по февраль 1918 г. Газета имела широкие связи с солдатами-фронтовиками. Печатала руководящие материалы из «Правды» и «Солдатской правды» (см.). В июльские дни была запрещена Временным правительством.

Остряк — еженедельный юмористический журнал. Выходил в Москве с 1909 г. по 1914 г. Сотрудничал поэт Ф. Шкулев.

Очередной — двухнедельный большевистский журнал. Выходил в Москве в феврале — марте 1907 г. (2 номера). Печатался поэт Е. Тарасов.

Поволжская быль — еженедельная большевистская газета. Выходила в Нижнем Новгороде с апреля по июнь 1912 г. (7 номеров).

Правда — ежедневная большевистская массовая рабочая газета. Издавалась в Петербурге с апреля 1912 г. по июль 1914 г. (646 номеров, из которых подверглись конфискации, штрафам и другим репрессиям 190). Восемь раз газета закрывалась правительством и возобновлялась под новыми названиями: «Рабочая правда», «Северная правда», «Правда труда», «За правду», «Пролетарская правда», «Путь правды», «Рабочий», «Трудовая правда». Газетой руководил Центральный комитет РСДРП во главе с В. И. Лениным, который, находясь в Кракове, направлял работу газеты и почти ежедневно писал в нее. Активное участие в ней принимали Я. Свердлов, М. Калинин, М. Ольминский, Н. Батурин, Н. Крыленко, А. Бубнов, А. Елизарова, К. Еремеев, Н. Полетаев, Н. Подвойский, И. Сталин, А. Енукидзе, Н. Скрипник, Г. Петровский, А. Бадаев и др. В «Правде» сотрудничали поэты Д. Бедный, А. Маширов, А. Поморский, Д. Одинцов, А. Богданов, М. Артамонов, И. Воинов, В. Торский, И. Логинов, В. Князев, Н. Додаев, И. Ерошин, Д. Вайсфельд и многие другие. 8 июля 1914 г., перед началом мировой войны, редакция была разгромлена, газета закрыта; часть сотрудников была арестована и сослана в Сибирь.

Правда — ежедневная газета, орган ЦК и Петроградского комитета РСДРП (большевиков). Возобновлена 5 марта 1917 г. по

решению Бюро ЦК партии. 5 апреля 1917 г., по возвращении из эмиграции, редакцию газеты возглавил В. И. Ленин. В «Правде» активно сотрудничали М. Ульянова, М. Калинин, К. Еремеев, А. Коллонтай, П. Стучка, М. Ольминский, В. Куйбышев, М. Фрунзе, К. Ворошилов, Я. Свердлов, И. Сталин, Б. Шумяцкий. Газета печатала руководящие партийные документы, в ней было помещено около 170 статей, заметок, речей В. И. Ленина. «Правда» поддерживала связь с другими изданиями партии, освещала деятельность периферийных большевистских газет. В ночь с 4 на 5 июля 1917 г. редакция была разгромлена юнкерами и казаками, подосланными Временным правительством. В. И. Ленин, перешедший на нелегальное положение, руководил газетой из подполья. С 6 июля 1917 г. газета выходила под названиями «Листок „Правды“», «Рабочий и солдат», «Пролетарий», «Рабочий», «Рабочий путь». С 27 октября 1917 г. выходит под первоначальным названием. В период с марта по октябрь 1917 г. в газете сотрудничали поэты Д. Бедный, И. Логинов, Н. Ратомский, И. Ионов, А. Хуторов, А. Крайский, Л. Котомка, В. Кириллов, И. Ерошин, А. Соловьев-Нелюдим, В. Сорокин, Я. Бердников, А. Маширов, И. Садофьев, Е. Андреев и многие другие.

Прибой — ежедневная большевистская газета военных моряков. Выходила в Гельсингфорсе с июля по декабрь 1917 г. вместо закрытой Временным правительством газеты «Волна». Печатались поэты Д. Бедный, И. Ионов, Э. Андринг и др.

Приволжская правда — ежедневная газета Самарского комитета РСДРП (большевиков). Выходила с мая по декабрь 1917 г. при участии В. Куйбышева. Печатались поэты А. Богданов, М. Герасимов, С. Лесной, Л. Котомка, В. Куйбышев, А. Бирюков, И. Ерошин, А. Поморский и др.

Пробуждение — двухнедельный литературно-художественный журнал либерального направления. Издавался в Петербурге с 1905 по 1916 г. Сотрудничали А. Куприн, Д. Мамин-Сибиряк, А. Ахматова, А. Измайлов, Т. Щепкина-Куперник и др.

Пролетарий — еженедельная нелегальная большевистская газета, центральный орган РСДРП. Выходила в Женеве с мая по ноябрь 1905 г. (26 номеров) под редакцией В. И. Ленина. Активное участие принимали В. Воровский, Н. Крупская, М. Фотиева, А. Луначарский, М. Ольминский, М. Литвинов, А. Елизарова, Р. Землячка, С. Шаумян, Е. Стасова. В газете печатались руководящие партийные документы, статьи и заметки В. И. Ленина. Газета поддерживала связь с партийными организациями и многочисленными корреспондентами в России.

Пролетарий — ежедневная газета Харьковского комитета РСДРП (большевиков). Выходила с 10 марта по 5 октября 1917 г. Печатала статьи В. И. Ленина и руководящие партийные материалы из «Правды», стихи Д. Бедного, И. Садофьева, А. Поморского, А. Соловьева-Нелюдима и др.

Пролетарский голос — нелегальная большевистская газета, орган Петроградского комитета РСДРП. Выходила с февраля по де-

кабрь 1916 г. (4 номера, последний из них конфискован). Освещала политику партии в период первой мировой войны.

Просвещение — ежемесячный большевистский общественно-политический и литературный журнал, теоретический орган партии. Выходил в Петербурге с декабря 1911 г. по июнь 1914 г. Руководил журналом из-за границы В. И. Ленин, публиковавший в нем свои работы. Сотрудничали М. Савельев, Н. Крыпник, Н. Крупская, В. Воровский, А. Елизарова, М. Ольминский. Отделом беллетристики руководил М. Горький. Публиковались стихи Л. Старка, Д. Семеновского, Д. Бедного, Г. Шапира, С. Астрова, М. Герасимова, В. Кириллова, И. Бунина, А. Белозерова и др. В канун первой мировой войны журнал был запрещен правительством. Осенью 1917 г. дополнительно выпущен один двоянный номер.

Работница — массовый популярный женский журнал. Издавался Центральным комитетом РСДРП (большевиков) в Петербурге с февраля по июнь 1914 г. (7 номеров, из них 3 конфисковано). Активное участие принимали Н. Крупская, Л. Менжинская, Е. Розмирович, П. Куделли, К. Самойлова, И. Арманд, Л. Сталь. Печатались поэты Д. Бедный, А. Маширов и др.

Рабочая газета — нелегальный орган большевиков, выходил в Париже с октября 1910 г. по июль 1912 г. (9 номеров). Инициатором и редактором газеты был В. И. Ленин. Сотрудничали Н. Семашко, С. Гопнер, Н. Крупская, С. Шаумян и др. Газета напечатала 15 статей В. И. Ленина.

Рабочая мысль — газета «экономистов». Издавалась сперва в Петербурге, затем в Берлине и Варшаве с октября 1897 г. по декабрь 1902 г. (16 номеров). Печатались произведения рабочей поэзии.

Рабочий — газета Казанского комитета РСДРП (большевиков). В 1905 г. вышло нелегально 3 номера, в 1908 г. — 2. Возобновлена 31 марта 1917 г. В этот период печатала статьи В. И. Ленина и руководящие партийные материалы из «Правды», стихи Д. Бедного, Б. Ганцева и др. Закрыта Временным правительством 22 августа 1917 г.

Рабочий труд — еженедельный большевистский журнал. Издавался в Москве в июне — июле 1914 г. (4 номера, все конфискованы).

Рабочее дело — журнал «Союза русских социал-демократов за границей», орган «экономистов». Выходил в Женеве с апреля 1899 г. по февраль 1902 г. (12 номеров).

Радуга — журнал большевистского направления. Издавался в Женеве с июня 1907 по февраль 1908 г. В числе редакторов были Н. Семашко, М. Цхакая и др.

Самарская лука — ежедневная большевистская газета. Выходила в Самаре с августа по декабрь 1906 г. (с перерывами). Активное

участие в работе редакции принимал поэт А. Богданов, печатавший в газете статьи, стихотворения, фельетоны.

Северное жало — еженедельный юмористический журнал. Издавался в Архангельске в 1916 г. Сотрудничал поэт Ф. Шкулев.

Северный рабочий — нелегальная газета Костромского комитета РСДРП, орган большевиков. Выходила с 14 января по 18 мая 1907 г. (14 номеров).

Северо-Западный край — ежедневная газета демократического направления. Издавалась в Минске с ноября 1902 г. (801 номер, многие — с цензурными изъятиями). В 1905 г. газетой руководили большевики (с 10 июня по 27 октября 1905 г. не выходила из-за запрета). Печатались М. Горький, Я. Купала и др. писатели. 8 декабря 1905 г. закрыта властями.

Сибирская правда — большевистская газета. Выходила в Красноярске два раза в неделю с апреля по август 1917 г. Печатала стихи Д. Бедного, И. Логина, Г. Харжинова, В. Шайдунова, Л. Котомки и др.

Скорпион — сатирический журнал революционного направления. Выходил в Петербурге в 1906 г. (2 номера).

Современная жизнь — еженедельный большевистский журнал. Выходил в Баку в марте — апреле 1911 г. (3 номера, последний из них конфискован). Журналом руководил С. Шаумян, явившийся автором ряда помещенных в нем материалов. Издание прекращено властями.

Солдат — нелегальная большевистская газета для солдат, орган военной с.-д. организации. Выходила в Либаве с февраля 1906 г. по февраль 1907 г. (28 номеров). Печатала произведения революционной поэзии.

Солдат — нелегальная большевистская газета для солдат и матросов, орган военной с.-д. организации. Издавалась в Севастополе с марта 1906 г. по декабрь 1907 г. (12 номеров). Печатала произведения революционной поэзии.

Солдатская жизнь — нелегальная большевистская газета для солдат, орган военной организации Московского комитета РСДРП. Издавалась в феврале — марте 1906 г. (6 номеров). Печатала произведения революционной поэзии.

Солдатская правда — ежедневная газета, орган военной организации Петроградского, затем — Центрального комитета РСДРП (большевиков). Выходила в Петрограде с апреля 1917 г. по февраль 1918 г. (158 номеров). 5 июля 1917 г. помещение редакции было разгромлено и газета закрыта Временным правительством. С 23 июля по 10 августа выходила под названием «Рабочий и солдат», выпол-

няя функции центрального органа партии (см. «Правда» 1917 г.), с 13 августа по 26 октября 1917 г. — под названием «Солдат», остальное время — под первоначальным названием. Газета напечатала более 50 статей, речей и заметок В. И. Ленина, который был идейным руководителем газеты. Сотрудничали М. Калинин, Н. Крупская, Н. Подвойский, В. Володарский, А. Бадаев; поэты В. Невский, И. Логинов, Д. Бедный, И. Садофьев, Б. Ганцев, Н. Тихомиров, И. Ионов и многие другие.

Социал-демократ — ежедневная газета Московского комитета РСДРП (большевиков). Выходила с марта 1917 по март 1918 г. под редакцией М. Ольминского. Активное участие принимал Е. Ярославский. В газете сотрудничали поэты И. Логинов, Н. Щербаков, В. Александровский, Ф. Шведов, Д. Бедный, С. Лесной, И. Ерошин, А. Бирюков, А. Соловьев-Нелюдим и др.

Социалдемократ — газета Якутского комитета РСДРП (большевиков). Выходила с 18 марта 1917 г. при участии Е. Ярославского (ред.), Г. Петровского, Г. Орджоникидзе и др.

Товарищ — газета Минусинского комитета РСДРП (большевиков). Выходила с апреля 1917 г. по апрель 1918 г. Печатала статьи В. И. Ленина и руководящие партийные материалы из «Правды»; стихи И. Ионова, И. Мукосеева, А. Соловьева-Нелюдима и др.

Товарищ — газета Сызранского уездного комитета РСДРП (большевиков). Выходила с 17 апреля по 7 июля 1917 г.

Тюрьма — нелегальный большевистский журнал. Выпускался группой заключенных томской тюрьмы в конце 1906 г. (два номера) под редакцией С. М. Кирова. Печатался на гектографе.

Уральская газета — большевистский орган, выпускался Екатеринбургским комитетом РСДРП в январе 1907 г. (4 номера, из них 1 конфискован). Газета закрыта властями.

Уральская неделя — еженедельная социал-демократическая газета, находилась под влиянием большевиков. Издавалась в Екатеринбурге в 1907 г.

Утро правды — газета Ревельского комитета РСДРП (большевиков). Выходила с мая по июль 1917 г. два-три раза в неделю (16 номеров). Печатала стихи Д. Бедного, И. Логинова, Е. Андреева, В. Князева. 11 июля 1917 г. газета закрыта Временным правительством. После Октябрьской революции выпуск газеты был возобновлен и продолжен в 1918 г.

Уфимский рабочий — нелегальная большевистская газета. Выходила с октября 1906 по октябрь 1908 г. (28 номеров). Печатала произведения революционной поэзии.

Штык — нелегальная большевистская газета для солдат, орган ЦК социал-демократии Латышского края. Издавалась в Риге с апреля 1907 по август 1908 г. (8 номеров). Печатала произведения революционной поэзии.

Южный рабочий — нелегальная социал-демократическая газета. Издавалась в Екатеринославе с 1900 по апрель 1903 г. (12 номеров). Газета заявляла о своей солидарности с ленинской «Искрой», но отклонялась от нее в организационных вопросах. Печатала произведения революционной поэзии.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Стр. 47.* Рисунок к стихотворению «В погоне за миллионами» (Приложение к «Искре», сентябрь 1901 г.). Коляску с треном, на котором восседает царь Николай II, волокут русские и французские министры; кортеж движется по трупам рабочих и студентов — жертв полицейского террора в России; позади коляски — разгон революционной демонстрации казаками; на заднем плане слева — голодная деревня, справа — мракобесы распинают Л. Н. Толстого.
2. *Между стр. 64 и 65.* М. Горький и Скиталец, 1901.
3. *На обороте.* Г. Кржижановский, 1899; А. Луначарский, 1905; П. Якубович, 1898; А. Коц, конец 1890-х годов.
4. *Стр. 87.* Обложка сборника «Перед рассветом», 1905.
5. *Стр. 91.* Цензурное дело об издании «Интернационала», 1908—1909.
6. *Между стр. 96 и 97.* Д. Бедный, 1913; А. Богданов, 1920-е годы; А. Гмырев, 1904—1906; С. Ганьшин, 1912—1916.
7. *На обороте.* Я. Бердников, И. Садофьев, И. Логинов, А. Маширов-Самобытник, 1912.
8. *Между стр. 192 и 193.* Д. Одинцов, 1917; И. Филипченко, 1920-е годы; В. Кириллов, 1920-е годы; В. Кичуйский, 1907—1908.
9. *На обороте.* В. Куйбышев, 1912; М. Фрунзе, 1907; П. Лепешинский, 1910—1912; М. Герасимов, 1920-е годы.
10. *Между стр. 224 и 225.* «Правда», 1917.
11. *На обороте.* И. Ерошин, А. Поморский, Л. Котомка, Б. Арский, 1962.
12. *Стр. 299.* «I сборник пролетарских писателей», 1914. Обложка.
13. *Стр. 309.* Обложка книги А. Богданова «Под ласковым солнцем», 1916 (на обложке ошибочно — 1917).
14. *Стр. 393.* Обложка сборника «Под знамя Правды», 1917 (на обложке ошибочно — 1918).

СОДЕРЖАНИЕ

Партия, поэзия, печать. *Вступительная статья И. Эвентова* . . . 5

СТИХОТВОРЕНИЯ

ГАЗЕТЫ, 1901—1902

1. **Неизвестный автор.** В погоне за миллионами 45
2. **Л. Радин.** Смело, товарищи, в ногу... 46
3. **Днепровский.** Прочь с дороги 48

СБ. «ПЕСНИ РЕВОЛЮЦИИ», 1902

4. **Г. Кржижановский.** Варшавянка 50
5. **В. Акимов.** Красное знамя (*Польская рабочая песня «Czerwony sztandar»*) 51

СБ. «ПЕСНИ БОРЬБЫ», 1902

6. **Неизвестный автор.** Два стана 53
7. **А. Богданов.** «Кто золото добыл для царской короны?» . . . 54
8. **П. Якубович.** Восемь часов 55
9. **Неизвестный автор.** Первое мая 56
10. **В. Богораз-Тан.** (*Из Уолта Уитмена*) «Не скорбным, бес-
сильным, остывшим бойцам...» 58
11. **Неизвестный автор.** На смерть С. С. Костромина 60
12. **П. Якубович.** Кузнецы 60
13. — » — Песня бурильщиков 61
14. **Неизвестный автор.** Камаринская 62
15. **Неизвестный автор.** Сказка о попе и черте 65
16. **Ф. В. Волховский.** Дуда 68
17. **Неизвестный автор.** Депутатам 68
18. **Г. Галина.** Лес рубят... 69
19. **Неизвестный автор.** Ослы и Лев (*На отлучение от церк-
ви Л. Толстого*) 70

20. К. Бальмонт. «То было в Турции, где совесть — вещь пу- стая...»	71
21. Неизвестный автор. Грех тяжкий (<i>Солдатская песня</i>). На 4-е марта 1901 г.	72
22. А. Богданов. «Опричники не умерли!.. Опричники живут...»	75
23. М. Горький. Песня о Буревестнике	75

ЛИСТОВКИ, 1901—1901

24. Г. Кржижановский. Беспуйтесь, тираны...	77
25. Неизвестный автор. На улицу!..	78
26. Неизвестный автор. «О сытые! Как вы благоразумны...»	79
27. Неизвестный автор. Машинушка	79
28. В. Звездин. Гром победы, раздавайся! (<i>Сказка-прибау- точка</i>)	81

СВ. «ПЕРЕД РАССВЕТОМ», 1905

29. Скиталец. Гусяр	85
30. А. Коц. Я слышу звук его речей (<i>Посвящается Л. Н. Тол- стому</i>)	88
31. — » — Песнь пролетариев (<i>На мотив «Марсельезы»</i>)	89
32. — » — Интернационал	92
33. Неизвестный автор. Боже, царя храни...	93
34. В. Богораз-Тан. Памяти Н. Чернышевского	94
35. О. К. Умова. Колыбельная песня	96
36. Неизвестный автор. «Реакции дикой свирепый поборник...»	97
37. А. Богданов. Ветер	98
38. Неизвестный автор. По выходе из тюрьмы	99
39. Л. Радин. «Снова я слышу родную «Лучину»...»	99
40. — » — «Смелей, друзья, идем вперед...»	100
41. Неизвестный автор. Первое мая (<i>Прочтено в тюрьме, в об- щей камере</i>)	100

«ВПЕРЕД», 1905

42. Н. Тэффи. Пчелки	102
43. Неизвестный автор. 9-е января	103

«ПРОЛЕТАРИЙ», 1905

44. А. Луначарский. К юбилею 9 января	107
45. — » — Два либерала (<i>Баллада</i>)	114

«НОВАЯ ЖИЗНЬ», 1905

46. К. Бальмонт. Русскому рабочему	116
47. Н. Тэффи. Патроны и патрон	117
48. М. Минский. Гимн рабочих	118
49. К. Бальмонт. Мещане	118
50. Я. Годин. Она ушла...	119
51. П. Эдиет. На десятой версте от столицы... (<i>Памяти жертв 9 января</i>)	120

ЛИСТОВКИ, 1905—1906

52. Неизвестный автор. На смерть Баумана	122
53. В. Богораз-Тан. Мы — братья	124
54. Неизвестный автор. Памяти солдат и матросов, павших в Свеаборге и Кронштадте	125
55. В. Богораз-Тан. Предсмертная песня	126

«ГОЛОС СОЛДАТА», 1905—1906

56. Неизвестный автор. Песня	128
57. А. Измайлов. Дождь	129
58. Неизвестный автор. «Солдаты! Полно изнывать...»	129
59. Неизвестный автор. Осел и собака. <i>Басня</i>	130
60. Неизвестный автор. К убийству генерала Мина	132

ГАЗЕТЫ, 1905—1906

61. Неизвестный автор. Вперед!	135
62. Неизвестный автор. Солдат («Стреляй, солдат, в кого велят...»)	136
63. Е. Тарасов. Дерзости слава!	137
64. Неизвестный автор. Клятва	137
65. Скиталец. «Долго я шел без дороги...»	140
66. Т. Щепкина-Куперник. На родине	141
67. Неизвестный автор. Солдатские песни	142
68. Неизвестный автор. Солдат («Промелькнули бессмыслен- ных ужасов дни...»)	144
69. А. Лукьянов. Красный смех	145
70. Д. Цензор. Пролетарий	146
71. Неизвестный автор. Ворон (<i>На мотив из Эдгара По</i>)	147
72. Д. Богданов. Конторщик	149

«САМАРСКАЯ ЛУКА», 1906

73. Неизвестный автор. Накануне	150
74. М. Най. Песня моря	151
75. Неизвестный автор. На рассвете	151
76. Неизвестный автор. Зачем же...	152
77. Неизвестный автор. Чем?	153
78. А. Богданов. Отец Лука	154
79. — » — Requiem	156

«КАЗАРМА», 1906—1907

80. Д. Цензор. Солдатская песня	158
81. В. Богораз-Тан. Цусима	159
82. Неизвестный автор. Солдатская песня (<i>«Унутренняя»</i>)	162
83. В. Богораз-Тан. Царские гости	163

ЖУРНАЛЫ, 1906—1907

84. Н. Воронцов. Рудники	165
85. Л. Василевский. «И снова, и снова колеблет прибой...»	166

86.	М. Савин. Современная песня булочников	166
87.	— » — Хозяева и рабочие	168
88.	Неизвестный автор. «Очнись, воспрянь! Смотри кругом...»	169
89.	Е. Тарасов. Очередному	169
90.	Неизвестный автор. «Не для цепей, а для мечей...»	170
91.	Неизвестный автор. Из песен борьбы	171

ГАЗЕТЫ, 1907—1908

92.	Неизвестный автор. «Если хочешь ты упиться...»	173
93.	Г. Виллиам. «На равнине при дороге...»	174
94.	Неизвестный автор. «Он думает, что победил...»	174
95.	Неизвестный автор. Во тьме	175
96.	Кириллов. Кто он?	176
97.	Неизвестный автор. Колыбельная песня	177
98.	А. Черемнов. Песня о бедном Макаре	178
99.	Д. Цензор. Уж красное знамя зардело	181
100.	Неизвестный автор. «Всероссийский алкоголик...»	182
101.	Неизвестный автор. «Где вы, могучие, пылкие, страстные...»	182

«ЗВЕЗДА», 1910—1913

102.	В. Князев. «Вчера не мог заснуть я до рассвета...»	184
103.	— » — В черные годы (<i>С итальянского</i>)	184
104.	А. Лукьянов. Волны	185
105.	Д. Одинцов. «Там, где все проблески жизни объяла...»	186
106.	С. Ганьшин. Девятый вал	186
107.	Н. Ратмиров. «Свинцовой мглой седая хмара...»	187
108.	М. А. Модзалевский. «Были дни, да пролетели...»	187
109.	Д. Бедный. Праздник	188
110.	А. Богданов. Ручьи	190
111.	К. Юрнев. «К нам из Англии туманной...»	191
112.	Рюрик Ивнев. «Веселитесь! Звените бокалом вина!...»	192
113.	Борис Богачев. Встречи случайные	192
114.	Л. Старк. «Слетались орлы на вершины синеющих гор...»	193
115.	Ф. Шкулев. Не пойму	194
116.	Рюрик Ивнев. «Надо мной светит солнце горящее...»	195
117.	С. Ганьшин. «Я прямою дорогой иду...»	196
118.	Неизвестный автор. «В холодном мраке рудников...»	196
119.	Л. Старк. «Будут дни роскошной, радостной весны...»	196
120.	Михаил Григорьев. «Люди с усталыми лицами...»	197
121.	Д. Бедный. «Всю-то ночь молилась богу...»	198
122.	С. Нахимсон. Кадет	198
123.	Л. Старк. «Мы воздвигнем дворцы не из крови и слез...»	199
124.	И. Ионов. Тени	200
125.	Д. Бедный. Голодная пасха (<i>Пасхальная идиллия</i>)	200
126.	С. Ганьшин. Товарищам	201
127.	Б. Верхоустинский. Война	202
128.	Неизвестный автор. Дума	202
129.	Павел Куприянов. «В мрачную, серую, грозную тьму...»	204
130.	И. Воинов. Буря народная	205
131.	С. Ганьшин. «Всколыхнулось, заплескалось...»	205

«НЕВСКАЯ ЗВЕЗДА», 1912

132. Д. Бедный. Правда, Кривда и Копейка	206
133. Леонид Чермный. «Милый! Завтра поутру...»	206
134. Ф. Шкулев. Кузнецы	207
135. — » — «Яснеет даль. Ярчею блики...»	208
136. В. Хлебников (?). Прометей	209
137. А. Поморский. Живая реклама	209
138. С. Кошкарлов. Мостовщик	211
139. Д. Семеновский. Микула	212
140. А. Поморский. Могильщик	214
141. Д. Бедный. Предвыборное положение	215
142. С. Ганьшин. «Не бушуй, волна морская...»	215

«ПРАВДА», 1912—1914

143. А. Соколов. «Сильная грудь и могучие руки...»	217
144. А. Маширов. Ручьи	218
145. А. Гмырев. Сокол	218
146. А. Маширов. «На рассвете весенней зари...»	219
147. Я. Бердников. «Снег пропал. Замолкла вьюга...»	219
148. А. Богданов. Первая ласточка (<i>Из северных мотивов</i>)	220
149. <i>Неизвестный автор</i> . Наши песни	220
150. А. Малышкин. «Ни свет зари, ни луч заката...»	221
151. А. Скорбин. Пальто рабочего	222
152. <i>Неизвестный автор</i> . Болото	222
153. А. Богданов. Бездомные (<i>Отрывок из поэмы</i>)	223
154. Д. Одинцов. «Верь, тот славный день настанет!...»	224
155. Д. Бедный. Гипнотизер. <i>Басня</i>	225
156. С. Кошкарлов. В дороге	226
157. А. Маширов. Гребцы	227
158. А. Гмырев. «Я погибну, но вместе со мной не умрут...»	228
159. <i>Неизвестный автор</i> . Формовщик	228
160. В. Светобор. Дума	229
161. Д. Одинцов. Вперед	230
162. <i>Неизвестный автор</i> . «И светел, и ясен рождается день...»	231
163. Ф. Сыромолотов. На аэроплане (<i>С немецкого</i>)	231
164. П. Горбачев. Ручей	233
165. Д. Бедный. Азбука	233
166. А. Маширов. Красный цветок	235
167. А. Сергеев. Задний двор	236
168. А. Гастев. Мысль	236
169. А. Маширов. Грезы	238
170. С. Кошкарлов. Старики	239
171. А. Маширов. Тучи	239
172. Иван Батрак. Крестьянин и комар (<i>Басня</i>)	241
173. В. Зиновьев. Извозчик	241
174. Д. Одинцов. Фонарщик	242
175. И. Филипченко. Рабочий	242
176. А. Поморский. «Ярки зори золотые...»	244
177. И. Филипченко. Привет вам...	244
178. Д. Одинцов. Ювелиры	245
179. — » — На пашне	246

180—181.	А. Богданов. Школьные силуэты. <i>Из цикла «Русь»</i>	
	1. Ночью	246
	2. К портрету Н. А. Некрасова	247
182.	Д. Одинцов. У «могилы»	247
183.	А. Маширов. Новому товарищу	249
184.	К. Кравцов. О сером зайке и лютым волке (<i>Сказочка</i>)	250
185.	Ф. Лобанов-Бельский. Утро на фабрике	253
186.	М. Артамонов. Утро	253
187.	Л. Котомка. Волны	254
188.	Д. Бедный. Темный фонарь (<i>Басня</i>)	255
189.	С. Есенин. Кузнец	255
190.	А. Соловьев-Нелюдим. Маляры	256
191.	Д. Бедный. Суд (<i>Перевод из Эзопа</i>)	257
192.	Д. Одинцов. Водопад (<i>Из впечатлений экскурсанта</i>)	258
193.	М. Артамонов. Выселки (<i>Посвящая Максиму Горькому</i>)	258
194.	Я. Бердников. Литейщик (<i>Из поэмы</i>)	263
195.	М. Артамонов. Разор	264

ГАЗЕТЫ, 1911—1918

196.	Неизвестный автор. «В час лихой пришли гаданья. Обманула доля злая.»	266
197.	Кологривский. Старые башни	267
198.	Петр Сергеев. Металл разбит	268
199.	С. Есенин (?). В эту ночь	268
200.	Д. Бедный. Прогрессивная мошна	269

ЖУРНАЛЫ, 1911—1918

201.	С. Шаумян (?). Вперед. <i>Песня</i>	270
202.	Н. Артельный. Песня портного	271
203.	М. Журавлева. Скалы и дубы	271
204.	Неизвестный автор. Я несу	272

«ПРОСВЕЩЕНИЕ», 1913—1914

205.	Л. Старк. Старик	273
206.	Г. Шапир. Фиалки	274
207.	Л. Старк. К весне	274
208.	С. Астров. Утро	275
209.	Л. Старк. На улице	275
210.	И. Бунин. Матрос	276
211.	Д. Семеновский. На ярмарке	277
212.	— » — Поэту	278
213.	Л. Старк. Север	278
214.	Д. Бедный. «Благодетель». <i>Басня</i>	279
215.	Д. Семеновский. Всё — тебе	280
216.	Л. Старк. Предчувствие	280
217—219.	Д. Семеновский. Безумцы	
	1. Поэт	281
	2. Обреченный	282
	3. Рыцарь	282

220. М. Герасимов. Рабочему	283
221. Кирилл Волгин. Утро в горах	284
222. М. Герасимов. У витрины	284
223. Л. Старк. Перед бурей	285
224. Д. Бедный. Портрет. <i>Сатира</i>	286
225. С. Астров. Солнце и сердце	287
226. Л. Старк. Родине	287
227. А. Белозеров. За стеной	288
228. Неизвестный автор. Ночь в телеграфной	289

«ВЕСТНИК ПРИКАЗЧЕКА», 1913— 1914

229. А. Гмырев. Не жди меня. <i>Стихотворение умершего на ка- торге поэта-рабочего</i>	290
230. Поморский. Рабочий дворец	290
231. — » — Осенью	292
232. М. Артамонов. «Не за тем я пришел, чтобы лавры стя- жать...»	292
233. — » — Огоньки	293

ЖУРНАЛЫ, 1914

234. А. Маширов. «Пришла пора... шумят колосья...»	295
235. Неизвестный автор. Над колыбелью	295
236. А. Маширов. Весенний привет	296

«I СБОРНИК ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ», 1914

237. А. Маширов. «Не говори в живом признании...»	297
238. М. Герасимов. Весеннее	298
239. — » — Степь	298
240. — » — В городе	300
241. А. Соколов. «Шумно промчался поток...»	301
242. М. Герасимов. Зимний вечер	301
243. Н. Рыбацкий. Иди!	302

«ВОПРОСЫ СТРАХОВАНИЯ», 1915—1916

244. Д. Семеновский. Кузнец	303
245. И. Ерошин. Тучки	303
246. А. Маширов. Весенний дождь	304
247. — » — «...Еще скажи: в минуту бед...»	305

А. БОГДАНОВ. «ПОД ЛАСКОВЫМ СОЛНЦЕМ», 1916

248. Сонет	306
249. Восточное видение	306
250. Прощание	308
251. В пути	310
252. По бездорожьям	310
253. Над суходолом	311

«НАШЕ СЛОВО», 1917

254.	И. Логинов.	Поэту-мещанину	312
255.	— » —	Трио	312
256.	С. Ганьшин.	«Не грусти, как осенняя почь...»	313
257.	И. Логинов.	400...	314
258.	— » —	Певцу-пролетарию	314

«ПРАВДА», 1917

259.	Д. Бедный.	«...«Власть» тосковала по «твердыне»...»	315
260.	— » —	Князя (<i>Львов и Николай — царский дядя</i>)	315
261.	Я. Бердников.	Проклятье	316
262.	Евграф Дольский.	В день похорон	316
263.	И. Логинов.	Суд	317
264.	И. Ионов.	Красное знамя	317
265.	Д. Бедный.	«Маски»	318
266.	И. Ионов.	Рядовой	318
267.	И. Логинов.	Марсельеза «оборонцев»	319
268.	А. Крайский.	Награда за войну	320
269.	— » —	В последний раз	321
270.	И. Логинов.	Безработный	321
271.	Е. Андреев.	Силы	322
272.	Д. Бедный.	«Единство»	323
273.	Я. Бердников.	Жертвам революции	324
274.	А. Соловьев-Нелюдим.	Кровавый урожай	324
275.	А. Маширов.	Мужникий разговор	326
276.	П. Арский.	Солдатская баллада	327
277.	И. Садофьев.	На пашне	329
278.	И. Логинов.	Тоже «свобода»	330
279.	— » —	Братание	331
280.	— » —	Левой! Правой!	331
281.	И. Садофьев.	В тюрьме	332
282.	Д. Бедный.	Молох	333
283.	Антоний Сычев.	Война	333
284.	В. Кириллов.	Грядущее	334
285.	Неизвестный автор.	«Монолог» Керенского (<i>У Петергофских фонтанов</i>)	335
286.	Неизвестный автор.	Социалист-революционер (<i>Правый</i>)	336

«СОЛДАТСКАЯ ПРАВДА», 1917

287.	Неизвестный автор.	Солдатская жизнь	337
288.	Н. Тихомиров.	Раненый	337
289.	Б. Ганцев.	«В окопы, дезертиры!..»	338
290.	И. Логинов.	Реставрация	339
291.	— » —	Вояки	339
292.	Неизвестный автор.	«Вместо радостной свободы...»	340
293.	В. Невский.	За решеткой	340
294.	И. Логинов.	Частушки	341
295.	— » —	Опека	341

296.	И. Ионов. По Сеньке и шапка	342
297.	— » — Да будет!	342
298.	Б. Ганцев. «Горят они порывами...»	343

«ГОЛОС ПРАВДЫ», 1917

299.	Г. Савчук. Народ воскрес	344
300.	В. Потехин. Мать и сын	344
301.	И. Зверьков. Прохожий и собака (<i>Басня</i>)	345
302.	Л. Красин. Басня про кадета	346
303.	Ф. Шишкин. Набат	347

«СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТ», 1917

304.	Леонтий Котомка. Буржуазный студент	349
305.	В. Валуев. Гимн кадетов	350
306.	Неизвестный автор. Наши партии	351
307.	С. Лесной. Старая песня	352
308.	Леонтий Котомка. В дни тревоги...	352
309.	А. Гмырев. Алая	353
310.	А. Соловьев-Нелюдим. «Грустны песни твои, пролетарский баян...»	354
311.	А. Карасевич. Контрасты	354
312.	Неизвестный автор. Сказка про старого воробья	355
313.	С. Кошкаров. Песня колосьев	356

«ПРИВОЛЖСКАЯ ПРАВДА», 1917

314.	А. Богданов. Песня о красном знамени	357
315.	С. Лесной. «Прорезали воздух гнетущий...»	358
316.	— » — Первое мая	358
317.	— » — «Туманные дали...»	358
318.	— » — Расспроси его	359
319.	А. Богданов (?) . Толки и кривотолки	359
320.	Николай Комиссаров. Из думской жизни	360
321.	М. Герасимов. Скванный	362
322.	— » — Весна	362
323.	— » — На заводе	363
324.	— » — Мечты в дыму	364
325.	— » — Чайки	365
326.	В. Куйбышев. Грезы	366
327.	— » — Море жизни (<i>Настроения прошлого</i>)	367
328.	М. Герасимов. В Галиции	368

«КРАСНОЯРСКИЙ РАБОЧИЙ», 1917

329.	Ф. Филимонов. Памяти борцов за свободу (<i>10 марта 1917 г.</i>)	369
330.	В. Кичуйский. Чей голос? (<i>Посвящаю «Нашему голосу»</i>)	369
331.	— » — Как это произошло? (<i>К психологии «творчества»</i>)	370
332.	А. Эльперин. Наборщикам периодической печати	371
333.	Неизвестный автор. День министра-председателя	371
334.	И. Мукосеев. Мои сердечные пожелания	372

ГАЗЕТЫ, 1917

335. Г. Галина. Шлиссельбург	374
336. Михаил Агатов. Г-м Милюковым	374
337. Неизвестный автор. «Моим словам, царь мира, внемли...»	375
338. А. Моисеев. «Я мартовский эсер. Рожден толпою я...»	376
339. В. Князев. Кошмарная несправедливость	376
340. Эмиль Кроткий. Дорожное	377
341. — » — Песенка о Гендерсоне	378
342. В. Маяковский. Сказочка	380
343. Эмиль Кроткий. «Ручная» работа	380
344. Н. Дубровский. Квартет	381
345. Вас. Шайдуров. Бей в набат	382
346. В. Князев (?). Серая шинелька	383
347. Грибко-Гольшовский. Новочеркасский мессия	384
348. И. Мукосеев. Романовская колыбельная песня	385
349. — » — О Корнилове	386
350. Неизвестный автор. «Так где же враг, когда с врагами...»	387
351. Е. Ефимов. Солдатские частушки	388
352. Неизвестный автор. Сказка о мужике Филате, храбром сол- дате	388

СБ. «ПОД ЗНАМЯ ПРАВДЫ», 1917

353. А. Крайский. Еще немного	390
354. В. Кириллов. «Вечер весенний, ласкающий, алый...»	390
355. — » — «Мы разрушили мрака темницы...»	391
356. Е. Бражнев. Ноябрь	392
357. — » — Гиероглифы (<i>Сонет</i>)	394
358. Е. Богдатыева. «Не для нас весна лазурная...»	394
359—361. И. Ионов. Из песен ссыльного	
1. «Синеет надо мной мерцающая Вега...»	395
2. «Я стою у покрытой морозным туманом задумчивой Чанки...»	395
3. «Ни решеток, ни стражей угрюмых...»	396

ПРИЛОЖЕНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ ПОЗТОВ-БОЛЬШЕВИКОВ, НЕ ПУБЛИКОВАВШИЕСЯ В ДОКТАБРЬСКОЙ ПЕЧАТИ

362. П. Арский. Красное знамя	399
363. — » — Закон дружины	400
364. — » — Ночь	400
365. И. Ионов. «О, пустите меня...»	401
366. — » — Голод	402
367. — » — Поэт	403
368. В. Куйбышев. «Замолчи, мое сердце, не думай о воле...»	404
369. — » — «Тянулась нить дней сумрачных, пустых...»	404
370. П. Лепешинский. «Будь подвластна мне природа...»	405

371. Неизвестный автор. «Подите прочь, пророки всепрощенья...»	406
372. Неизвестный автор. Эпиграмма	407
373. Н. Ривкин. «Море в ярости стонало...»	407
374. Д. Одинцов. Бутырская тюрьма	408
375. М. Фрунзе. «Свобода, свобода! Одно только слово...» . . .	410
Примечания	411
Биографический справочник	465
Справочник периодических изданий	489
Список иллюстраций	501

ПОЭЗИЯ В БОЛЬШЕВИСТСКИХ ИЗДАНИЯХ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1967, 512 стр. Тем. план вып. 1967, № 388

Редактор *Г. М. Цурикова*. Художник *И. С. Серов*.
 Супербложка художника *В. Н. Шульги*. Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*.
 Техн. редактор *В. Г. Комм*. Корректор *Э. Н. Петрова*

Сдано в набор 31/III 1967 г. Подписано в печать 16/VI 1967 г. М 16333. Бумага 84×108^{1/2}. № 1. Печ. л. 16 + 4 вкл. (27,41). Уч.-изд. л. 24,26. Тираж 40 000 экз. Зак. № 497. Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Советский писатель», Ленинградское отделение, Ленинград
 Невский пр., 28

Ленинградская типография № 5 Главполиграфпрома Комитета по печати
 при Совете Министров СССР, Красная ул., 1/3

©